

СЕРИЯ
REFERO

*Платон мне друг,
но истина дороже*
Аристотель

А. А. Сазанов

ПРЕОДОЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

ФИЛОСОФИЯ

Абсолют как синтез разума
и материи

Причастен ли разум
к возникновению
и эволюции
Вселенной?

Зачем Вселенной
нужен человек?

URSS

А. А. Сазанов

**ПРЕОДОЛЕНИЕ
КЛАССИЧЕСКОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

URSS
МОСКВА

Сазанов Анатолий Анатольевич

Преодоление классического мировоззрения: Философия. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 264 с. (Relata Refero.)

Предпосылкой излагаемых в данном издании представлений служит содержание первой части книги «Преодоление классического мировоззрения: Физика». Если теоретические обоснования и экспериментальные подтверждения классической механики были фундаментом для философских экстраполяций классического материализма, то воззрения современной физики и космологии побуждают идти к более глубоким и широким философским обобщениям. Все убедительней высвечивается несостоятельность попыток утвердить материю или разум (идею) в роли всеобъемлющей первоосновы бытия. Материя и разум в качестве наиболее общих категорий, найденных философией, обретают свою определенность в полярном противоположении друг другу и неразрывности, за которыми просматривается необходимость их синтеза во Всеобъемлющем Единстве, заслуживающем названия Абсолюта.

Все формы, обладающие общезначимой определенностью, являются результатом дифференциаций Абсолюта, обуславливающих логические взаимосвязи между фрагментами каждой цельности. Инициатором дифференциаций является в конечном счете разум. Чем глубже уровень материальных форм, тем более тонкими, ускользающими от нашего восприятия они нам представляются, служа областью деятельности и сферой обитания высших уровней разума. Проблема поиска разумной жизни во Вселенной должна быть шире и глубже, чем попытки уловить радиосигналы искусственного происхождения от существ, находящихся примерно на человеческом уровне развития. Осмысление возможных перспектив эволюции земной цивилизации чрезвычайно важно для ее выживания и прогресса. Освобождение от шор классического мировоззрения позволит увидеть в ряде духовных учений акции высокоразвитого разума, программирующие нравственное и интеллектуальное развитие человечества.

Книга адресуется научным сотрудникам, аспирантам и студентам, интересующимся проблемами мировоззрения.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 16,5. Зак. № 2742.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-00974-4

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
	Тел./факс: 7 (499) 135-42-46
URSS	

7458 ID 101983

9 785397 009744

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Посвящаю эту книгу моему отцу,
Анатолию Николаевичу Сазанову,
привившему мне любовь к позна-
нию законов природы и человече-
ского общества

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 5. Причина Космоса	7
§ 31. Неудовлетворительность гипотезы об ансамбле вселенных	7
§ 32. Материя, Разум, Абсолют	12
§ 33. Зачем Вселенной нужен человек?	30
Глава 6. Молчит ли Космос?	57
§ 34. Неоднозначность человеческих представлений о космическом разуме	57
§ 35. Христианское Евангелие как свидетельство проявления на Земле Космического Разума	63
§ 36. Краткие сведения об источнике Учения Живой Этики	79
§ 37. Позиция Учения Живой Этики по вопросам материальности мира	98
§ 38. Учение Живой Этики о космической ценности общины	109
§ 39. Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением её	125
Глава 7. Эволюция постижения русской идеи	140
§ 40. Всемирная отзывчивость русского народа	144
§ 41. Значение христианства в формировании русской нации и духовности народа	155
§ 42. Борьба за социальную справедливость с позиций атеизма ...	158
§ 43. Противоречит ли социализм христианству?	164
§ 44. Так в чём же заключается русская идея?	186
§ 45. Прошлое и будущее коммунистического движения	205
Литература	254
Оглавление книги 1	259
От издательства	261

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — о научном мировоззрении. На протяжении по меньшей мере последнего столетия вся система народного образования воспитывает людей в духе классического научного мировоззрения, которое начало формироваться с открытия Николая Коперника, получило мощный импульс развития в трудах Исаака Ньютона и безраздельно господствовало в науке вплоть до начала XX века. Во второй главе книги ¹ анализируются основные идеи классического мировоззрения, выясняется его большая ценность в качестве фундамента и путеводной нити научных исследований, прогресса техники и утверждения культуры в обществе.

Дух динамизма и самокритичности научного познания природы, внесённый в сознание человечества классической наукой, привёл в первой четверти XX века к таким открытиям в физике и математике, которые выявили недостаточность основополагающих принципов классической механики и необходимость замены их более глубокими и общими закономерностями теории относительности и квантовой теории. В связи с тем, что новые соотношения в этих теориях обнаруживались и выражались только с помощью математики, глубокий физический смысл математических формул оказался трудным для расшифровки, и эта работа не может считаться завершённой даже в наши дни. А так как математический аппарат физики XX века довольно сложен и ещё не включён в программы не только среднего, но и высшего образования для тех, кто не избрал соответствующие области своей научной специальностью, то представления, которые могут быть восприняты на уровне популяризации, оказываются довольно бедными и создают впечатление, будто новая физика вносит только уточнения в те результаты, которые могут быть получены и без неё, но более грубо. Как следствие, остаётся не осознанным, что за открытиями физики и астрономии XX века стоит совершенно другая картина мира, принципиально отличающаяся от классической.

Признанная наукой картина мира служит основой для ориентации в более широком круге представлений о действительности, которые не поддаются строгой проверке в научных экспериментах, но заслуживают доверия в качестве логических выводов из уже подтверждённых теорий. Так, классическая картина мира представляет собой более детальную и аргументированную разработку умозрительных построений древних атомистов, которые пришли к прогрессивному и освободительному для их времени выводу о невозможности жизни сознания после смерти тела, поскольку иного мира, чем образованный конструкциями из мельчайших неделимых телесных частиц — атомов, быть не может. Даже в наши дни признание возможности сохранения сознания после смерти тела расценивается

¹ См.: Сазанов А. А. Преодоление классического мировоззрения: Физика. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.

в научных кругах, и не только в них, как фантастический религиозный вымысел, в который не подобает верить образованному человеку.

Говоря о картине мира, соответствующей современной физике, следует различать теорию микромира, выраженную в законах квантовой механики, и теорию макромира, выраженную в законах теории относительности. Для выяснения главного, доступного образному (чтобы не сказать — наглядному) выражению отличия современной научной картины мира от классической картины, наиболее важна специальная теория относительности, вернее, её геометрическое объяснение, предложенное Германом Минковским. Уже из этого объяснения вытекает необходимость существования более тонкой и глубокой формы материи, чем доступная восприятиям наших органов чувств материя тел, и сами тела оказываются не глубочайшей основой материального мира, а формой восприятия нами более фундаментальных тонкоматериальных образований. Притом именно в тонкоматериальном мире коренятся основания закономерностей, управляющих наблюдаемым миром тел. Значит есть всё-таки мир иной? Квантовая механика по своему, с иных позиций также свидетельствует о существовании тонкой материи. Правда обнаружение тонкоматериального мира через законы физики само по себе ещё не доказывает возможность освоения его в качестве среды обитания разума, однако строгий запрет на существование мира иного, налагавшийся классическим научным мировоззрением, теперь оказывается снятым.

Для того чтобы делать по возможности надёжные философские мировоззренческие выводы из модели макромира, предложенной Минковским, необходимо дать себе труд разобраться в её математических подробностях, которые сейчас могут быть изложены доступно даже ученику выпускного класса средней школы, а тем более — заинтересованным студентам первого курса любого технического вуза. Не выполнив этой минимальной подготовительной работы, нельзя серьёзно заниматься далеко идущими обобщениями, относящимися к устройству мироздания, возможностям разумной жизни и признакам её наличия во Вселенной.

Чтобы избежать упреков в поверхностности и антинаучности рассуждений об этих проблемах и их социологических приложениях в свете новых концепций естествознания, автор предлагаемой книги поставлен перед необходимостью дать развёрнутое изложение модели мира Минковского и некоторых принципиальных приложений её к космологии, не привлёкших ещё к себе внимания специалистов. Это скорей всего покажется излишеством людям с гуманитарной направленностью мышления, склонным обсуждать эзотерические учения без углубления в математику и физику, и будет расценено ими как неоправданное утяжеление и растягивание книги. Но с другой стороны приходится иметь в виду тот контингент читателей, которые заинтересуются в первую очередь физико-математическими представлениями и лишь в преломлении через них согласятся уделить внимание философским, этическим, социологическим проблемам вступления человечества

в космическую эру. Наконец, сам автор книги заинтересован в том, чтобы предложить наиболее аргументированное, полное и разветвлённое изложение своих взглядов. Это тем более необходимо потому, что новое мировоззрение, соответствующее нынешнему и будущему уровню научных знаний, еще не выкристаллизовалось, находится в процессе формирования, и данная книга предлагается в качестве доступного автору вклада в этот процесс.

Содержание книги должно дать молодым читателям также представление о том, что формирование современного и будущего научного мировоззрения — работа весьма масштабная, сопряжённая с прослеживанием всё более длинных цепочек логических связей и охватом широчайшего круга явлений, не допускающая вульгаризаторских упрощений и требующая способности синтезировать несовместимые для поверхностного взгляда противоположности. Всё это указывает на глубочайшую многоплановость и богатейшую многогранность мироздания, открывающие перед нами, людьми, безграничные перспективы жизни и творчества.

На протяжении многих веков человечество жило в неведении, очертив свой кругозор близкими окрестностями доступных для посещения территорий и доступными непосредственному восприятию предметами. Эпоха великих географических открытий и следовавших за ними открытий физики и астрономии окрасила жизнь романтикой дальних странствий и энтузиазмом познания, раздвинув пределы мира, в котором может обитать человек. Облик этого мира, закономерности, которым подчинено его существование, его история, проблемы, которыми он отягощает или облегчает жизнь людей, вошли в сферу внимания человеческого сознания. Пришлось задумываться над вещами, которые обусловлены взаимосвязью Земли с окружающими небесными телами и прежде не беспокоили людей: какова опасность столкновения нашей планеты или нашего Солнца с другими космическими телами, как выжить, когда уменьшится поток солнечной энергии, обогревающей Землю, как противодействовать увеличению дыры в озоновом слое земной атмосферы и многое другое.

Классическая наука расширила до бесконечности пределы Вселенной и время её существования, породив убеждённость в том, что «с той же самой железной необходимостью, с какой <материя> когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время» (Ф. Энгельс). Но современная космология, обнаружив начальное (сингулярное) состояние Вселенной, уже не гарантирует бесконечность существования её в будущем. Зато в антропном космологическом принципе стала просматриваться возможность причастности невообразимо могущественного разума к возникновению наблюдаемой Вселенной, открывающая перед людьми бесконечные перспективы разумной жизни. Теперь настало время соизмерять встающие перед человечеством проблемы с проблемами существования Вселенной и их зависимостью от глубин материи.

Глава 5.

ПРИЧИНА КОСМОСА

§ 31. НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ГИПОТЕЗЫ ОБ АНСАМБЛЕ ВСЕЛЕННЫХ

Классическое научное мировоззрение освободилось от вопроса о причине Космоса, утверждая, что Вселенная (Космос) всегда была, есть и будет, пребывая неподверженной исчезновению и возникновению, в качестве прямого следствия таких же свойств атомов в мировоззрении древних атомистов и материи в классическом материализме. Но современная космология признаёт сингулярность как особенный начальный пункт процесса формирования Вселенной, и в этом смысле сингулярность, конечно, может быть названа причиной Вселенной. Но это не столько решает проблему, сколько ставит новые вопросы: 1) что такое сингулярность Вселенной? 2) почему из сингулярности возникла материя именно с теми фундаментальными параметрами, которые мы теперь наблюдаем? 3) что будет в дальней перспективе нынешнего процесса расширения Вселенной? 4) что предшествовало состоянию сингулярности, т. е. какова его причина?

В § 26 книги 1 было отмечено, что можно рассчитывать на применимость известных в настоящее время законов физики вплоть до столь ранних состояний Вселенной, которые ограничены снизу так называемым планковским временем $t_p \approx 3 \cdot 10^{-44}$ секунды после сингулярности, когда радиус Вселенной имел порядок планковской длины $r_p \approx 10^{-33}$ см. О самом же состоянии сингулярности можно высказать лишь гипотезу, предложенную в конце § 30 первой книги, основанную на модели Вселенной по Минковскому с учётом гипотезы об Антивселенной. Псевдоевклидова гиперсфера (формула 4.16 в книге 1)

$$w = -L + \sqrt{x^2 + y^2 + z^2 + (\gamma L)^2}$$

фронта абсолютной одновременности вырождается при стремлении к нулю коэффициента γ (возраста γT Вселенной) в верхнюю полость (4.19)

$$w = -L + \sqrt{x^2 + y^2 + z^2}$$

изотропного гиперконуса с вершиной в точке S сингулярности. Аналогичным образом фронт абсолютной одновременности в Антивселенной, имеющий уравнение (4.75), вырождается при $\gamma = 0$ в нижнюю полость (4.76) Первичного изотропного гиперконуса (4.18)

$$(w + L)^2 = x^2 + y^2 + z^2$$

с вершиной в точке S сингулярности Вселенной. И так как всякий изотропный гиперконус является областью существования фотонов, то можно предположить, что Первичный изотропный гиперконус представляет область существования первичных фотонов как первоисходного "материа-

ла” для формирования элементарных частиц на последующих стадиях эволюции Вселенной в обоих её экземплярах. Таким образом, весь Первичный изотропный гиперконус (4.18), а не только его вершина S , должен представлять собой начальное (сингулярное) состояние Вселенной, заполненное лишь фотонами.

О трёх возможных вариантах перспективы нынешнего процесса расширения Вселенной тоже было сказано в конце § 30. Гипотеза о смене фазы расширения (проявления) фазой сжатия (расформирования мировых линий) представляется наиболее содержательной. Эта гипотеза приводит нас к понятию цикла эволюции Вселенной, что открывает возможность предположения о цикле, предшествовавшем обнаруженному наукой состоянию сингулярности и всему нынешнему циклу, участниками которого мы являемся.

Наиболее трудной для осмысления и исследований, ведущей к крупному противоречию с системой взглядов, выработанной в науке на протяжении столетий, является проблема антропного принципа современной космологии. Весь опыт человеческой деятельности убеждает, что для создания сложных автоматически действующих механизмов и приборов, и тем более — так называемых “умных машин”, способных целесообразно реагировать на изменения внешних условий (например, играть в шахматы), необходимо приложить изобретательность ума и технологическое умение. Крайне нелепым будет, например, такое рассуждение: путём случайного сочетания атомов возник простейший детекторный радиоприёмник, который затем эволюционировал до цветного телевизора. Между тем, рассуждения подобного рода мы привычно применяем для объяснения возникновения белков и эволюции белковых организмов до биологического вида *Homo sapiens* (человека разумного). А ведь не то что человек, но даже зёрнышко растения является настолько сложным организмом, что всему могуществу современной науки и технологии не по силам синтезировать его из исходных химических элементов. Это мы с привычной легкостью объясняем тем, что природа в своих творческих возможностях несравненно могущественнее человека, ибо она бесконечна в пространстве и времени и по числу составляющих её предметов для экспериментирования. Но природа как таковая лишена разума, хотя и порождает разум. На чём же основана её творческая потенция? Классическое научное мировоззрение в стремлении объяснить природу исходя из неё самой вынуждено было относить изобретательность и плодотворность природного творчества только за счёт метода случайных проб и принципа, родственного биологическому принципу естественного отбора в борьбе за существование: те материальные формы, которые оказывались более плодотворными, сохранялись и умножались, а менее плодотворные сходили со сцены естественной эволюции. Такой вывод науки имеет несомненную ценность, но можно ли его абсолютизировать?

Метод случайных проб находится в убедительной логической связи с мировоззрением древних атомистов, воспринятым и конкретизированным классической наукой. Если всё необъятное множество тел и организмов образуется в конечном счёте в результате специфических сочетаний атомов, существующих вечно без исчезновения и возникновения, то в принципе любое сочетание, сколь бы маловероятным оно ни было, может реализоваться в течение бесконечного времени на бесконечном множестве атомов. А уж если природа так творит свои чудеса, то почему бы и человеку не следовать её примеру? Конечно, возможности человека не безграничны, в отличие от природы, но может быть всё-таки повезёт? И полчища алхимиков занимались поисками философского камня, не имея представления о том, из чего он должен состоять и каким может быть принцип его действия, уповая лишь на случайное совпадение неведомых нужных факторов в ходе многочисленных сочетаний различных веществ.

Когда научной мысли пришлось заинтересоваться проблемой внезапной разумной жизни в Солнечной системе и других звёздных системах, то в первую очередь было привлечено внимание к тому, что на некоторых планетах могут сложиться температурные и химические условия, благоприятные для жизни как формы существования белковых тел. При этом опять-таки важную роль играло существование в одной только нашей Галактике огромного числа звёзд (около 200 миллиардов). Пусть даже большинство звёзд не похоже на наше Солнце, однако и звёзд типа Солнца в Галактике имеется порядка нескольких процентов, т.е. от 2 до 20 миллиардов. Случайные испытания на таком статистическом массиве могли бы дать в качестве результата жизнь, подобную земной. Даже если мы единственные разумные существа в Галактике в настоящее время, то и тогда вероятность разумной жизни во Вселенной отлична от нуля.

К подобному способу рассуждений и предложил прибегнуть Б. Картер как крайнему средству для объяснения реализации того комплекса параметров материи, при котором возможно возникновение вселенной, порождающей человекоподобных или иных разумных наблюдателей и исследователей мироздания. Вернёмся к высказыванию, цитированному в конце § 26. «Всегда, конечно, можно как выход из положения — за неимением более строгого физического аргумента — придать предсказанию, основанному на сильном антропологическом принципе, статус объяснения с помощью рассуждения, использующего понятие “ансамбль миров”. Под этим я имею в виду ансамбль вселенных, характеризуемых всеми мыслимыми комбинациями начальных условий и фундаментальных констант (различие между двумя этими понятиями, не вполне чётко очерченное, состоит в том, что фундаментальные константы относятся главным образом к локальным, а начальные условия к глобальным характеристикам вселенных). Существование какого-либо организма, который можно назвать наблюдателем, будет возможно лишь для определённых огра-

ниченных комбинаций параметров, которые выделяют в ансамбле миров познаваемое подмножество» [61, с. 375-376]. Так сделана попытка применить заимствованный у классического мировоззрения привычный принцип случайных проб к объяснению явления, выходящего за рамки классического мировоззрения. Для того чтобы видеть в случайных пробах эффективный инструмент творчества, необходимо как минимум иметь бесконечно много или хотя бы очень много объектов, участвующих в пробах. Такими объектами, реально обнаруживаемыми в природе, являются атомы. Кроме того требуется представление о конструкциях, формируемых из множества объектов. Однако наука не располагает достоверными сведениями о существовании множества вселенных. Главное же, вселенные из предполагаемого их ансамбля не являются объектами, из которых строились бы путём случайного сочетания некоторые конструкции, а сами мыслятся как результат конструирования из тех или иных форм материи (атомов) без какого-либо указания на источник этих форм. Поэтому по сути никакого положительного вклада в понимание причины вселенной как причины возникновения образующей её материи концепция ансамбля вселенных не даёт. Эта концепция представляет лишь иной способ выражения антропного космологического принципа, объяснению которого должна бы послужить. Сам антропный принцип заключается в констатации того факта, что наблюдаемое нами сочетание значений известных фундаментальных параметров материи уникально плодотворно, поскольку при других комбинациях этих значений не получилась бы известная нам Вселенная. Исследование последствий иных сочетаний полезно как углублённое обоснование и конкретизация антропного принципа, но не отвечает на вопрос о причине реализации именно нашего плодотворного сочетания, равно как и на вопрос об источнике любых гипотетических форм материи. Это необходимо ясно сознавать, чтобы выдвинутая Картером концепция ансамбля вселенных не принималась за объяснение антропного принципа космологии, преграждающее поиски более убедительного объяснения.

Гипотеза ансамбля Вселенных представляет крайнее средство, последнюю зацепку, чтобы удержаться на позициях отрицания творческого разума, действующего в масштабах мироздания. Нам известно действие разума в земных масштабах, хотя бы и не всегда способствующее сохранению и прогрессу разумной жизни. Быстро ускоряющийся рост созидательного и разрушительного могущества человеческого ума за последние века убеждает в принципиальной возможности распространения его деятельности на всю Солнечную систему, поднимающего планетарную цивилизацию до уровня звёздной сверхцивилизации. Доказанная способность разума преодолевать физические ограничения, связанные с телесной природой человека, окрыляет фантазию дерзновением видеть в перспективе цивилизацию галактического масштаба. И даже такой не обделённый фантазией, но придерживающийся почвы научных фактов мыслитель, как кру-

пнейший астроном XX века И.С. Шкловский, считал нелогичным ограничиваться цивилизациями галактического масштаба и отказываться от возможности «дальнейшей, ещё более грандиозной экспансии разума. Например, почему бы не представить преобразованное волею Разума скопление галактик, насчитывающее сотни членов и имеющее размеры в десяток миллионов световых лет? И вообще может ли быть охвачена подобным “взрывным” процессом экспансии Разума если не вся (для этого у него времени не хватит), то, во всяком случае, значительная часть Вселенной, возможно даже та, в которой мы находимся? Отмахиваться от этой проблемы как несерьёзной мыслящему человеку, считающему себя философом, по-моему, нельзя» [67, с. 89].

Перед признанием деятельности разума в масштабах всей Вселенной Шкловский остановился. По-видимому, здесь сыграло роль следующее рассуждение. Если считать (как это принято) радиус космологического горизонта равным cT , где c — скорость света, T — возраст Вселенной, то разумным существам, зародившимся позже возникновения Вселенной и способным перемещаться лишь со скоростью меньшей, чем скорость света, не хватит времени, чтобы достигнуть космологического горизонта, поскольку за время их космического путешествия радиус горизонта будет увеличиваться быстрее, чем движутся путешественники. А иного разума, чем тот, который возник в расширяющейся Вселенной наподобие земного разума, только намного раньше, учёный не допускал, придерживаясь убеждения, что не мог возникнуть разум прежде чем возникла материя Вселенной.

Однако по сравнению с фантастичностью гипотезы об ансамбле вселенных, якобы существующих независимо от нашей Вселенной, отнюдь не фантастичным, а довольно обоснованным выглядит представление о цикличности эволюции Вселенной, допускающее существование хотя бы одного цикла, предшествующего нынешнему циклу, участниками фазы расширения которого мы являемся. Разум, развившийся в предшествующем цикле до уровня ноосферы вселенной, мог бы овладеть тайной происхождения материи того предшествующего цикла и приступить к конструированию и иницированию процесса реализации материи может быть даже более плодотворного типа, образующей нашу Вселенную. В таком случае несколько не хуже гипотезы об ансамбле вселенных будет гипотеза о ноосфере вселенной предшествующего цикла, выступившей в роли Творца нашего цикла, Творца Вселенной, в которой мы живём. Конечно, у этой гипотезы есть тот недостаток, что она не столько объясняет сотворение нашей Вселенной, сколько отодвигает объяснение в предшествующие циклы и требует обращения к старой философской проблеме о материальности или идеальности первопричины бытия. И это хорошо, потому что настала пора решать старую проблему с позиций новейших научных представлений, не довольствуясь привычной классической трактовкой.

§ 32. МАТЕРИЯ, РАЗУМ, АБСОЛЮТ

Мы видим множество примеров возникновения разумных существ на основе материи, но не можем привести ни одного примера порождения материи разумом, мыслью. Поэтому легче понять философскую позицию материализма, признающую материю глубочайшей основой всех явлений природы, включая разум, чем позицию идеалистической философии, для которой и материя есть продукт идеи.

Главный аргумент сторонников идеализма заключается в том, что разум способен обнаруживать чисто логическим путём соотношения, которым подчинён как закономерностям мир материальных объектов. Крупный физик—теоретик Евгений Вигнер выступил в 1959 году с лекцией «Непостижимая эффективность математики в естественных науках» [48]. Возможность основанных на математических вычислениях предсказаний физических явлений давно вызывала удивление. Сначала это было удивление непосвящённой публики перед могуществом науки. Сильнейшее впечатление в середине XIX века произвело открытие “на кончике пера” планеты Нептун, когда два астронома, Леверье и Адамс независимо друг от друга вычислили положение на небе не известной прежде планеты, а И. Галле обнаружил её с помощью телескопа в указанном месте на небосводе. В XIX веке достаточно убедительно выглядело то объяснение, что раз все науки, не исключая математики, имеют дело с закономерностями, извлечёнными из материального мира, то не удивительно, что эти закономерности адекватно отражают процессы, происходящие в материальном мире. Ф. Энгельс писал: «Вернувшись к материалистической точке зрения, мы снова увидели в человеческих понятиях отображения действительных вещей, вместо того чтобы в действительных вещах видеть отображения тех или иных ступеней абсолютного понятия. Диалектика сводилась этим к науке об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления: два ряда законов, которые по сути дела тождественны...» [4, с. 301, часть IV]. Возражая тем людям, которые «принимают “сознание”, “мышление” вполне натуралистически, просто как нечто данное, заранее противопоставляемое бытию и природе», Энгельс говорит, что им «должно казаться чрезвычайно удивительным то обстоятельство, что сознание и природа, мышление и бытие, законы мышления и законы природы до такой степени согласуются между собой. Но если... поставить вопрос, что же такое мышление и сознание, откуда они берутся, то мы увидим, что они — продукт человеческого мозга и что сам человек — продукт природы, развившийся в известной природной обстановке и вместе с ней. Само собой разумеется в силу этого, что продукты человеческого мозга, являющиеся в последнем счёте тоже продуктами природы, не

противоречат остальной связи природы, а соответствуют ей» [46, с. 34 – 35, отдел I, гл. III]. «... чистая математика применяется впоследствии к миру, хотя она заимствована из этого самого мира и только выражает часть присущих ему форм связей, — и собственно только поэтому может вообще применяться» [46, с. 38].

Но сам же Энгельс приводит пример и такого продукта человеческого мозга, который «противоречит остальной связи природы», вызывающе не соответствует ей. «Противоречием является также и то, что отрицательная величина должна быть квадратом какой-либо величины... Поэтому квадратный корень из минус единицы есть не просто противоречие, но даже прямо абсурдное противоречие, действительная бессмыслица. И всё же $\sqrt{-1}$ является во многих случаях необходимым результатом правильных математических операций; более того, что было бы с математикой, как низшей, так и высшей, если бы ей запрещено было оперировать с $\sqrt{-1}$?» [46, с. 125, отдел I, глава XII]. Мнимые величины Энгельс считал продуктом «свободного творчества и воображения самого разума» [46, с. 37] и вполне определённо отказывал им в объективном существовании вне нашего сознания. В конце статьи «Естествознание в мире духов» есть такое высказывание: «Однако если только мы привыкнем приписывать корню квадратному из минус единицы или четвёртому измерению какую-либо реальность вне нашей головы, то уже не имеет особенно большого значения, сделаем ли мы ещё один шаг дальше, признав также и спиритический мир медиумов» [27, с. 382]. Проблема реальности мнимых чисел и их роли в физических закономерностях подробно была рассмотрена в § 9 первой книги, а доказательству физической реальности четвёртого измерения посвящена вся третья глава книги 1.

Так где же обнаружены комплексные числа: в сфере логических соотношений или в природе, в материальном мире? Теперь задним числом можно было бы сказать, что комплексные числа потому и смогли стать основой логически непротиворечивой глубокой теории, применимой к природным процессам, что они вместе с вытекающими из них соотношениями реализованы в природе. Пусть так. Но их присутствие в природе долгое время оставалось незамеченным, а обнаружены они всё-таки анализирующим и обобщающим абстрагирующим мышлением. И мы опять возвращаемся к вопросу о непостижимой эффективности математики в естественных науках: чем объяснить, что соотношения, не найденные ещё в природе, могут быть детально исследованы логически и лишь впоследствии обнаруживаются в природе. Разве это не означает, что материальный мир навсёгда пронизан логичностью, подчинён логике? Почему такое имеет место?

С высоты современных теоретических знаний видно, что не все логически непротиворечивые соотношения реализованы в природе. Напри-

мер, математика знает бесконечно много моделей псевдоевклидовых пространств, различающихся значениями размерности и индекса, а в природе реализовано только четырёхмерное псевдоевклидово пространство индекса 1 — пространство Минковского. Не означает ли это, что природа беднее логически допустимых возможностей?

С другой стороны, некоторые логические соотношения оказываются настолько необходимыми, что в природе они реализуются неоднократно на различных уровнях материальных структур. Например, во второй половине XIX века были выявлены все логически возможные группы симметрии фигур в трёхмерном собственно евклидовом пространстве (наблюдаемом пространстве). И, как подтвердили дальнейшие экспериментальные исследования, только модели из этого набора групп симметрии реализованы в строении кристаллов, молекул, атомов. Здесь мы видим, что природа вынуждена следовать только логически допустимым моделям, т. е. логика диктует свои законы природе.

Хорошо известно, что всякое логическое построение со всем богатством присущих ему взаимосвязей и следствий развивается из некоторой основы, не имеющей логического объяснения в данной теории, но принимаемой за аксиому или постулат. Например, теория классической механики развита из постулированных Ньютоном трёх законов механики и закона всемирного тяготения. Специальная теория относительности была логически развита А. Эйнштейном из двух постулатов: постулата относительности, утверждающего равноправие всех инерциальных систем отсчёта (ИСО) пространства и времени, и постулата одинаковости (постоянства) скорости света во всех ИСО. Позже выяснилось, что оба эти постулата являются простыми логическими следствиями из модели мира Минковского, играющей роль более глубокого постулата.

Экстраполируя этот процесс или тенденцию развития познания, мы можем предположить, что всегда найдётся возможность вывести всякую исходную аксиому или постулат научно проверенной теории из некоего более общего соотношения. В противном случае пришлось бы считать, что мироздание основано на конгломерате взаимно независимых аксиом, не связанных общим логическим единством, в явном противоречии с ожиданиями науки (стремящейся, например, объединить четыре типа фундаментальных взаимодействий в единой теории поля). Последовательное раскрытие аксиом и постулатов как логических следствий более глубоких и общих соотношений расширяет сферу действия логических связей. Естественно поставить вопрос: существует ли предел таких обобщений, и если существует, то чем он может быть?

Чтобы подойти к ответу на этот вопрос, проанализируем способы определения понятий и объектов. Всякое определение принадлежит к одному из двух типов: дедукция или индукция. Дедуктивное определение нисходит от общего к частному. В предположении, что общее уже извест-

но (определено), из него выделяют частное с помощью специфических признаков этого частного, не существенных для общего. Например: жираф есть парнокопытное млекопитающее, у которого длина шеи больше (или равна) длины туловища. Индуктивное определение, напротив, восходит от известных частных понятий к их обобщению. Например, на основе множества рациональных чисел (представимых в виде отношения целых чисел) и множества иррациональных чисел (не представимых в виде отношения целых чисел) определяется индуктивно множество вещественных чисел, представляющее собой объединение всех рациональных и иррациональных чисел. Другой пример: определив мнимые числа как корни квадратные из отрицательных вещественных чисел, определяют индуктивно комплексные числа как произвольные линейные комбинации вещественных и мнимых чисел. *Определение 3.1* (в конце § 9 первой книги) комплексных чисел как упорядоченных пар (3.17) вещественных чисел тоже является индуктивным, поскольку восходит от понятия вещественного числа к более общему понятию через указание правил (3.18), (3.19) сложения и умножения упорядоченных пар. Если же исходить из понятия комплексного числа, данного *определением 3.1*, то из него понятие мнимого числа получится дедуктивным путём как упорядоченная пара вещественных чисел, в которой первая составляющая равна нулю.

Путь обобщения и углубления, по которому идёт развитие науки, заставляет её широко пользоваться индуктивными определениями. Для построения индуктивного определения нужны по меньшей мере два понятия или объекта в качестве составляющих частей более общего понятия или объекта. Вопрос о пределе обобщений есть вопрос о пределе индуктивных определений. Характерной чертой этого предела будет то, что вне его не останется ничего противостоящего ему, так что он выступит в роли **Всеобъемлющего Единства**. Всеобъемлющее Единство в принципе не может быть определено дедуктивно, поскольку нет ничего более общего, во что оно входило бы в качестве части. В связи с этим Всеобъемлющее единство не может обладать какими-либо специфическими свойствами, позволяющими противопоставить его чему-то находящемуся вне его. Но Всеобъемлющее Единство допускает предельный подход к его определению индуктивным путём, и содержательность этого определения зависит от богатства детализации объектов, участвующих в определении, и глубины их свойств. Чем беднее конкретика частных составляющих, тем скупее раскрывается содержательность Всеобъемлющего Единства. На максимально формализованном уровне о Всеобъемлющем единстве можно сказать, что оно есть **Всё**. Вместе с тем оно есть **Ничто**, поскольку не может быть отождествлено с чем-либо определённым. Эти две полярно противоположных характеристики: **Всё** и **Ничто** — представляют простейшую формальную дифференциацию Всеобъемлющего Единства на содержащиеся в нём качества. При этом мы не получаем никакой инфор-

мации о содержании Всеобъемлющего Единства как Всего, что и подчёркивается определением противоположного качества как Ничто.

Представление о Всеобъемлющем Единстве встречается в древних философских учениях. Вот что сказано в индийской Ригведе [15, с. 71-72].

«Незнающий, я спрашиваю мудрецов, которые знают...

Чем было то Единое, которое в нерождённом воображении создало и утвердило прочно шесть направлений мира?..

Бытие едино, мудрецы же называют его различно...

Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;

Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.

Что в движении было? Под чьм покровом?

Чем были воды, непроницаемые, глубокие?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было

Различия между ночью и днём.

Без дуновения само собой дышало Единое,

И ничего, кроме него, не было.

Вначале тьма была сокрыта тьмою,

Всё это [было] неразлично, текуче.

От великого *tapasa* зародилось Единое,

Покрытое пустотою.

И началось [тогда] с желания, — оно

Было первым семенем мысли.

Связку сущего и не-сущего

Отыскали, восприемля в сердце, прозорливые мудрецы...

Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,

Откуда возникло это мироздание?»

В философии древнего Китая словом Дао обозначается вечное, неизменное, бесформенное начало. «Дао бестелесно и лишено формы, а в применении неисчерпаемо. О, глубочайшее, оно кажется праотцем всего сущего... *Дао* — глубочайшие врата рождения — корень неба и земли. Оно и мельчайшее, и бесконечное, а его действие неисчерпаемо... Оно столь туманно и неопределённо! Однако в его туманности и неопределённости содержатся образы... скрыты вещи. Оно столь глубоко и темно, однако в его глубине и темноте скрыты тончайшие частицы. Эти тончайшие частицы обладают высшей действительностью и достоверностью... *Дао* вечно и безмянно. Хотя оно непритязательно и ничтожно, но ничто в мире не может его подчинить себе» [15, с. 182, 183].

Далее мы будем называть Всеобъемлющее Единство Абсолютом (от латинского *absolutus* — безусловный, совершенный, самостоятельный).

Очевидно, что всё, что мы можем воспринять, изготовить, помыслить, обладает некоторой определённой, и, следовательно отличим, отграниченностью от иных объектов и понятий, а потому не является Абсолютом. Также очевидно, что всякая определённая представляет

собой результат некоторых расчленений, или дифференциаций нерасчленённого Всеобъемлющего Единства. И хотя мы не можем составить себе наглядное представление об Абсолюте, можно выяснять важные свойства дифференциации, расчленения на примерах некоторых определённых целостей.

Если взять в качестве такой целой определённости множество R всех вещественных чисел, то число ноль расчленит R на три подмножества: 1) само число ноль, 2) подмножество всех положительных вещественных чисел, 3) подмножество всех отрицательных вещественных чисел. Можно выполнить иное расчленение (дифференциацию) множества R : на подмножество Z всех целых чисел и подмножество $R \setminus Z$ всех нецелых чисел, называемое дополнением подмножества Z до множества R . Выполнение обеих указанных дифференциаций позволит вычлени из множества R подмножество N натуральных чисел (целых положительных).

В этих примерах имеет место, но не очень наглядно проявляется важная особенность всякой дифференциации целого, даже определённого. На рис. 5.1 а) представлен выбранный в качестве нерасчленённого целого

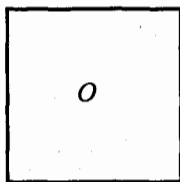

Рис. 5.1 а)

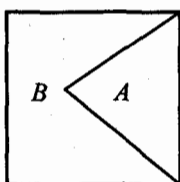

Рис. 5.1 б)

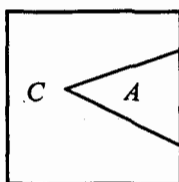

Рис. 5.1 в)

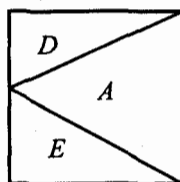

Рис. 5.1 д)

квадрат O . На рис. 5.1 б) из этого квадрата вычленен треугольник A , и дополнением к треугольнику служит пятиугольник B . На рис. 5.1 в) дополнением к треугольнику A служит семиугольник C , а на рис. 5.1 д) треугольник A дополняют до целого квадрата два треугольника D и E . Обобщая эти иллюстрации, можно угадать (но не доказать, как угадываются, но не доказываются аксиомы) универсальный принцип: образование какой-либо формы происходит в результате дифференциации чего-то более общего при неизбежном сопутствующем порождении другой формы или других форм, *дополняющих* данную форму до исходного целого в его недифференцированном состоянии. В этом проявляется общий диалектический закон единства противоположностей, признанный в частности в физике в виде принципа дополнителности Нильса Бора.

Взаимообусловленность частей, вычлененных из целого, лежит в основе логических связей, позволяющих в случае их познания предвидеть некоторые явления и соотношения как логически predetermined и отделять возможное от принципиально недопустимого. Нельзя, например, выделить из квадрата круг так, чтобы дополнением этого круга до квадрата был прямоугольник. Нельзя выделить из множества R всех веществен-

ных чисел подмножество Q всех рациональных чисел, не получив в качестве дополнения для Q подмножество всех иррациональных чисел. Таким образом, логические взаимосвязи по крайней мере между понятиями существуют независимо от того, есть ли разум, осмысливающий эти понятия, или от того, воплощены ли эти понятия в природе. Исследуя природу экспериментально и облекая результаты исследований в теоретические выводы, мы, в конечном счёте, получим информацию о содержании некоторых определённости и связях между ними как фрагментами более общего целого. Поскольку эта информация обнаруживается в явлениях природы, мы считаем её источником саму природу, однако корень содержания и связей находится глубже, а именно в соотношениях целого с вычленимыми из него фрагментами и между самими фрагментами. Например, квадраты, треугольники и многоугольники, изображённые на рисунках 5.1, стали явлениями природы, поскольку они напечатаны краской на бумаге. Но соотношения, выраженные в этих рисунках, могут быть определены без помощи рисунков посредством системы уравнений и неравенств, которым удовлетворяют отрезки, участвующие в рисунках, причём уравнения и неравенства не обязательно даже выписывать, а можно держать в уме. Этот акт разума представляет собой вычленение определённых геометрических фигур, и в нашей власти вычленивать ту или иную из фигур, изображённых на рисунках 5.1 б), 5.1 в), 5.1 д). Сама же возможность выполнить определённое расчленение (дифференциацию) квадрата на фрагменты имеется и в том случае, когда никто этой дифференциации не совершает.

Перенося подобные рассуждения на Абсолют, мы поймём, что возможности бесконечного множества способов дифференциации Абсолюта на фрагменты, служащие ограничительными определениями друг для друга, имеются в Абсолюте, но имеются в не выделенном состоянии, и потому не определены как существующие. Осуществить неведомым нам способом хотя бы одну из дифференциаций Абсолюта как минимум на два взаимно дополняющих и взаимно определяющих друг друга фрагмента — значит осуществить **Акт Творения** хотя бы в наиболее неразвитой форме. Такое выделение двух наиболее общих определённости открывает путь к дальнейшим членениям уже не Абсолюта, а этих определённых его фрагментов. Способность выбирать и осуществлять те или иные дифференциации Абсолюта и его фрагментов, по-видимому, родственна нашей способности мыслить. По крайней мере, наша способность к мышлению имитирует акты дифференциации если и не Абсолюта, то некоторых определённости, уже вычленивших из Абсолюта.

Людам, углубляющимся в абстракции современной математики, лучше других понятно, что выявление неисчерпаемой содержательности Абсолюта представляет вызывающую задачу даже для бесконечно могущественного разума, если бы можно было таковой представить себе. Сами

математики чем-то подобным и занимаются, но по существу они выявляют содержательность не Абсолюта, а некоторых хотя и весьма общих, широких и глубоких, однако всё-таки определённых форм. Конечно, и такая деятельность является вкладом в познание Абсолюта. К тому же она позволяет осознать, что всё, что не есть Абсолют, имеет некоторую определённую свойств как результат дифференциаций Абсолюта. Все возможности дифференциации Абсолюта присутствуют в нём в не выявленном состоянии, а акт дифференциации есть акт выявления качественно определённых форм, или, иначе говоря, акт сотворения форм, которые при этом не лишаются ни включённости в Абсолют, ни взаимосвязи со всеми остальными формами внутри него. Эта многоуровневая нерасторжимая взаимосвязь частей целого и есть источник того, что мы воспринимаем в виде законов логики, которым подчинён мир форм. Разум не выдумывает логические соотношения, а лишь обнаруживает их в содержательности Абсолюта независимо от того, проявились ли эти соотношения в мире материальных объектов, или остаются непроявленными.

Мощную попытку имитации сотворения мира предпринял Гегель в своей философской системе. Но гегелевская абсолютная идея, самопознание и саморазвитие которой творит мироздание, не тождественна всё-таки Абсолюту, поскольку она наделена определёнными чертами: активностью, деятельностью, разумностью. Абсолют же полностью лишён определённых свойств, его отличительным свойством не может быть активность, равным образом как и пассивность; не может быть отличительным свойством Абсолюта разумность, равным образом как и отсутствие разумности. Разумность предполагает видение или выделенность некоторой системы дифференциаций, а в Абсолюте как недифференцированном Всеобъемлющем Единстве все возможные дифференциации присутствуют в невыделенном состоянии. Представление об активности, разумности и их противоположностях применимо только к продуктам дифференциации Абсолюта. Те качества гегелевской абсолютной идеи, которые сообщают ей определённую Творца, представляется более уместным связать с термином Разум, понимая функцию Разума как способность и устремлённость к выявлению дифференциаций Абсолюта и его фрагментов вместе со связями между фрагментами любых уровней дифференцированности.

Нам очень трудно, если вообще возможно, понять акт первичного расчленения (дифференциации) Абсолюта, поскольку наш практический и теоретический опыт ограничен дифференциацией только уже выявленных форм, определённости которых осуществлена не нами и предстаёт перед нами как данная, существующая независимо от нас в неразрывной связи с другими определёнными формами. Но мы можем понять, что именно от первоначальной дифференциации Абсолюта существенно зависит содержание всех последующих дифференциаций и определённых форм различных уровней общности. Вместо умозрительного мудрствования на этот

счёт лучше идти более плодотворным путём последовательных обобщений и углублений от уже известного или знакомого нам, определённого, к ещё неизвестному, не раскрытому нашими восприятиями и разумом. Таким именно является путь восхождения научного познания. Но философское осмысление опережает поступь науки, добывающей проверяемые конкретные истины. В стремлении к наибольшим обобщениям философское мышление выработало два взаимоисключающих представления о глубочайшем источнике бытия. В многовековом философском споре между материалистами и идеалистами проявилось стремление утвердить в качестве первопричины и абсолютного источника мироздания либо материю, либо идею, как нечто обладающее определёнными, хотя и предельно общими свойствами. На современном уровне научного познания мы готовы подойти к пониманию того, к чему наши далёкие предки приходили умозраительным путём: Абсолют как Всеобъемлющее Единство не может обладать качественной определённой, хотя бы и самой общей. Различение же и взаимное противопоставление материи и разума (слово *разум* представляется более уместным, чем слово *идея*) есть уже дифференциация Абсолюта. Осталось незамеченным, что в нашу эпоху наиболее близко к такому пониманию подошёл материалист В.И. Ленин.

Первое десятилетие XX века ознаменовалось так называемым “кризисом физики”, который в действительности был кризисом классического научного мировоззрения. В связи с теорией относительности стали входить в моду философские концепции, отрицающие материю как фундаментальную реальность, обладающую объективными характеристиками. В этом проявилась и реакция против длительного господства той обстановки, когда достижения классической науки обильно подпитывали именно материалистическое мировоззрение в ущерб идеалистическому. Положение осложнялось тем, что сама физико-математическая теория нового для науки видения явлений природы находилась ещё в зачаточном состоянии и была далека от той степени развитости и совершенства, которая характеризуется надёжно выверенной связью между фундаментальными теоретическими предпосылками и всем обозримым множеством выводов из них, подтверждаемых экспериментально. В этих напряжённых и сложных условиях в естествознании и на философском фронте, когда старые устои рушились и многие понятия употреблялись в расплывчатом смысле, лишённом строгой научной определённости, Ленину пришлось решать на уровне общеполитических суждений две трудные задачи противоположной направленности, с которыми наука постепенно разбиралась на протяжении последующих десятилетий.

С одной стороны, нужно было вести полемику против авторов, переходящих на крайние позиции отрицания материи и объективных пространственно – временных характеристик мира. С другой стороны, необходимо было преодолеть в философском плане те черты классического ма-

териализма, которые сообщали ему налёт вульгарности в свете новейших достижений естествознания. И это Ленин сумел сделать так, что тенденция его философской позиции оказалась более глубокой и плодотворной, чем у ниспровергателей материализма. Научная критика старых представлений о материи побуждала Ленина идти *не к отказу от материи, а к расширению понимания материи*, находящему подтверждение в современной нам науке. Ленин писал: «“Материя исчезает” — это значит, исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше познание идёт глубже, исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. д.) и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [24, с. 275].

Вот здесь Ленин и подходит к более содержательному индуктивно-му определению Абсолюта, чем единства *Всего и Ничто*. Говоря о необходимости расширить понимание материи, Ленин обратился к той истине, что нет более широких понятий, «с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущения, физическое и психическое... Это — предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела... не пошла до сих пор гносеология. Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого “определения” этих двух “рядов” предельно широких понятий, которое не состояло бы в “простом повторении”: то или другое берётся за первичное» [24, с. 149]. Это уже принципиально новый взгляд для сторонников первичности материи. Ведь здесь материя не возводится в ранг абсолютно самодостаточной первоосновы, а имеет определённую (существование) через противоположение мышлению, разуму. Но и разум, в отличие от идеалистической позиции, не выступает в роли всеобъемлющего первоисточника, а определён через противоположение материи. Материя и разум как взаимосопряжённые диалектические противоположности определяют (ограничивают) друг друга, и одно без другого не существует (не имеет определённости). А если видеть в категориях материи и разума *предельно широкие противостоящие друг другу обобщения*, то синтез их и будет Всеобъемлющим Единством, или Абсолютом.

Как же согласуется этот взгляд с материализмом Ленина? Ленин сам ответил на этот вопрос: «противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» [24, с. 151]. И повторно уточнил эту мысль: «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* (курсив Ленина — А.С.) гносеологических исследований. За этими пределами опери-

ровать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» [24, с. 259]. Разве не ясно из сказанного, что первичность материи для Ленина заключается в том, что первоисточником наших знаний является материя? А с этим уже трудно не согласиться.

Взгляд на материю и разум как на предельно широкие взаимные противоположности, которые могут быть вычленены, различены в Абсолюте, сам по себе ещё не раскрывает богатства их содержания. Зато на основе чувственных восприятий материализованных форм и через развитие научных представлений о материи и разуме мы можем совершать восхождение ко всё более общим понятиям и формам одновременно с выявлением богатств материи и разума. В этом заключается подтверждение первичной роли материи с гносеологической точки зрения: именно восприятие и изучение уже определённых, материализованных без нашего участия форм ведёт нас к новым знаниям и обобщениям.

Если мы приходим к представлению о Всеобъемлющем Единстве как пределе индуктивного процесса последовательных обобщений и объединений определённых форм, то в обратном направлении этого процесса (дедуктивном) можно найти объяснение возникновения каждой определённой формы как результата цепочки дифференциаций, начинающейся с некоторой первичной дифференциации Всеобъемлющего Единства. Представления современной космологии рисуют именно подобную картину. Хотя и нет оснований отождествлять сингулярное состояние Вселенной с Абсолютом, но сингулярность есть то глубочайшее начало материи и Вселенной, к какому могут вплотную подойти современные физико-математические теории. Действительно, с точки зрения современной космологии неправомерно считать, что вовлечение в материальный мир определённых форм имеет, подобно человеческому познанию, индуктивную направленность от частного к общему. Напротив, в картине возникновения и эволюции Вселенной вполне чётко прослеживается *дедуктивное* направление от общего к частному. Начальное состояние сингулярности Вселенной не имеет в себе в реализованном виде таких определённых объектов, как стабильные элементарные частицы с отличной от нуля массой покоя, представляющие основу всех воспринимаемых нами материальных форм, не имеет галактик, звёзд, планет и всего, что есть на планетах. И если научно допустимо говорить о программе дальнейшего развития, заложенной с семени растения, зародышевой клетке животного, то может быть и в сингулярности заложены потенциально основные черты программы эволюции, развёртывания, возникновения форм путём дифференциаций более общих форм на менее общие. Если можно говорить о материи в состоянии сингулярности, то это должна быть некая весьма общая субкорпускулярная форма материи. Однако и по отношению к ней могут быть поставлены вопросы, откуда она взялась, как возникла, каковы её свойства. По мере

восхождения науки к познанию всё более общих свойств материи, мы будем получать о них всё более содержательные представления, но в качестве предела перед нами будет маячить некоторая исходная основа, заслуживающая названия **Материи** с большой буквы, представляющая собой продукт **самой первой дифференциации Абсолюта**. Наибольшее, на что мы способны при нынешнем уровне знаний — это обозначить первую дифференциацию Абсолюта как вычленение из Абсолюта **Материи** и **Разума** с больших букв в качестве первичного противоположения.

Но вот вопрос вопросов: как могло возникнуть это первичное противоположение, если осуществить его некому? Здесь нам остаётся прибегнуть только к умозрительным построениям. Невозможность приписать Абсолюту какие-либо определённые качества, при том, что он объемлет любые качества, позволяет сказать, подражая древним мудрецам, что Абсолют бездеятелен и деятелен, что в нём нет движения и есть движение, нет сознания и есть сознание, и т.п. Как это может быть? По-видимому, как состояние равновесия флуктуаций: зачаточное выявление какого-либо качества гасится, нейтрализуется противоположным качеством, а в целом единстве своём Абсолют остаётся неизменным. Так в виде флуктуации, “всплеска” может проявиться некое элементарное сознание “Я”, выделяющее себя как противоположение всему, что не есть “Я”, т.е. есть “не Я”. Сознание “Я” в качестве флуктуации угасает, растворяется в Абсолюте, нейтрализованное противостоящим “не Я”. Подобные флуктуации могут возникать и растворяться в хаосе соотношений через взаимную нейтрализацию сколь угодно многократно.

Но не исключается и возможность для флуктуационного “Я” устоять, задерживать и развивать обособленность своей определённости через выявление в “не Я” последовательности дальнейших его дифференциаций посредством концентрации на них сознания “Я”. Этот процесс в своём развитии превращает “Я” в активного Творца, а “не Я” — в объект, противостоящий Творцу, т.е. в Материю. Материя и Разум с большой буквы должны быть сначала весьма бедными определённоностями в смысле выявленности их содержания. Содержательность их богата потенциально неограниченными возможностями последующих дифференциаций, а дифференциации, уже осуществлённые, хотя и бедны проявленным содержанием, но являются фундаментом для проявления последующих дифференциаций. Чем глубже проводит Разум процесс дифференциации Материи, удерживая в своём сознании эти дифференциации путём концентрации на них, тем содержательней становится само творящее сознание и богаче проявленными свойствами противостоящая материя. Степень такого обогащения определяется устойчивостью проявленных дифференциаций, способность их противостоять стирающему (ликвидирующему) воздействию нейтрализаций, поглощению в невыявленности Абсолюта. Схематично это иллюстрируется на рис. 5.2. Вычлененные из Абсолюта определённые

формы никуда не уходят из Абсолюта, остаются его фрагментами, но в отличие от невычлененных фрагментов, определённости которых имеет чисто потенциальный характер, определённости вычлененных фрагментов выведена из состояния потенциальности актами дифференциаций Абсолюта, выполняемых Разумом как дифференциации Материи, обогащающие содержанием и сам Разум. Определённость вычлененных форм закрепляется их связями со всей совокупностью материальных форм и обретает устойчивость в силу того, что ни одна актуально выделенная форма уже не может быть погружена флуктуациями в состояние непроявленности без того, чтобы не лишились состояния проявленности те менее общие (более конкретизированные) в своей определённости формы, для которых данная форма послужила основой в качестве недифференцированной цельности. Упрощённая ради наглядности иллюстрация этого суждения представлена

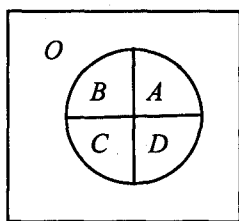

Рис. 5.2

на рис. 5.2. Здесь круг вместе с ограничивающей его окружностью вычленен из квадрата O и в этом круге как в целом объекте выполнены дифференциации, расчленяющие его на фрагменты A, B, C, D . Если лишить актуальной выделенности круг, то вместе с ним это лишение постигнет и основанные на нём фрагменты A, B, C, D . При этом соотношения между квадратом и кругом, кругом и секторами A, B, C, D останутся в Абсолюте как потенциальные расчленения. Но круг с выделенными в нём секторами как более “актуально содержательный”, чем круг без таких выделений, более устойчив против нейтрализующего стирания и “растворения” в Абсолюте, поскольку требует нейтрализации не только круга как такового, но и выделенных в нём дифференциаций.

Нам по опыту хорошо знакомо, как помогает работе мысли и чувства воплощение замысла в материальных формах. Великий шахматист Алёхин мог играть одновременно несколько десятков партий, не глядя на шахматные доски, держа в сознании развивающуюся ситуацию на каждой из них. Рядовой человек не способен на это, хотя может разумно распоряжаться материальными фигурами на материальной доске. Решать математические задачи мы можем гораздо успешней, фиксируя свои рассуждения в формулах на листе бумаги. Кроме того, у всякого учёного, писателя, художника, актёра есть потребность воплотить в материальных формах свой замысел, чтобы сделать его доступным восприятию других людей. Не так

ли и Разум, выявляющий содержательность Абсолюта, пользуется Материей для фиксации своих построений и наделения их общезначимостью для других сознаний?

Мы сами способны конструировать такие программируемые устройства, которые после акта включения, оформленного в виде нажатия кнопки, осуществляют определённые процессы в автоматическом режиме без нашего участия на основе целесообразно подобранных взаимодействий материальных составляющих. Поэтому нельзя исключить и того, что Творец находит такие фундаментальные дифференциации материи, сконцентрировав на которых своё сознание, может перевести в режим автоматического выполнения менее фундаментальные дифференциации, что мы воспринимаем как процесс самопроизвольной эволюции Вселенной на основе определённых свойств и закономерностей материи. Важно подчеркнуть, что Творец не создаёт Первичную Материю, а обнаруживает её в Абсолюте как одну из непроявленных, потенциальных определённостей, и превращает в **проявленную определённость**. Творец может по своему усмотрению организовывать процессы последующих дифференциаций Материи, но эти дифференциации будут осуществляться в качестве истинных, а не вымышленных, лишь при том условии, что они совпадают с допустимыми дифференциациями Абсолюта, не противоречащими вычлениению из него начального “Я” и осуществлённым этим “Я” дифференциациям противостоящего “не Я”. Только истинные в этом смысле дифференциации не лишены полноценной последовательности логических взаимосвязей и имеют общезначимость для всякого сознания, способного воспринять если и не самую первичную дифференциацию, то хотя бы плоды последующих дифференциаций более частного характера.

Наши человеческие сознания имеют возможность воспринимать те определённости, которые выявлены из Абсолюта не нами, а предстают перед нами в качестве уже данных объектов, не зависящих от нас. Вместе с тем, нам дано принимать посильное участие в дальнейшей дифференциации уже наличной материи. Человек может строить новые дома, и тогда он выступает в качестве соучастника мирового творческого процесса, а может, напротив, заняться злостным разрушением домов, оказывая противодействие процессам созидания. Человек может развивать свои способности познания и творчества, готовя себя к роли сознательного сотрудника Творца Мироздания, а может оставить предоставленный ему дар познания и творчества неразвитым, неприбыльным для мирового творческого процесса, либо, хуже того, разрушить свои способности погружением в наркоманию или иные пороки.

Соображения о начальной стадии формирования и укоренения Разума позволяют с особенной ясностью осознать важнейшие условия выживания, сохранения и развития разума на всех стадиях его функционирования и на всех уровнях проявлений. Выявление содержательности Абсо-

люта есть деятельность познания, сама по себе привлекательная для разума и необходимая как питание его. Эта деятельность может осуществляться разумом в некоторых пределах идеально, подобно тому как строит абстрактные логические конструкции и удерживает их в своём сознании математик или создаёт ткань вымышленных событий писатель. Результаты такой чисто умозрительной работы существенно зависят от границ уже познанного, от тех понятий и соотношений, которые положены в основу логического и художественного конструирования. Однако самые значительные новаторские прорывы в научном и художественном творчестве связаны с экспериментальным исследованием материальных форм и углублением в реальные события жизни народа и индивидуумов. Например, математика много столетий развивалась на той понятийной основе, которая исключала извлечение квадратных корней из отрицательных чисел, и лишь построение весьма детализированной теории функций комплексного переменного и обнаружение участия комплексных чисел в содержании фундаментальных закономерностей природы окончательно сняло представление о нереальности мнимых чисел. Особенная ценность мира материальной реальности обусловлена тем, что он представляет собой результат необозримой для нас цепи дифференциаций Абсолюта. Человеческий разум недостаточно могуществен, чтобы осуществлять дифференциации Абсолюта непосредственно, но ему дано участвовать деятельно в дифференциациях материальных определённостей, вычленённых уже из Абсолюта, и восходить к постижению Абсолюта через познание содержательности материальных форм, увеличивая посредством знания свою власть над материальными формами. Этот двуединый процесс — познание и творчество — и есть необходимое условие существования, сохранения и усиления разума, понятное нам на собственном опыте. Вряд ли будет неадекватной экстраполяцией распространение этого условия и на Разум с большой буквы. *Cogito, ergo sum* — я мыслю, следовательно я существую — сказал Рене Декарт. Для философа и учёного этого достаточно. Но это было бы односторонностью даже для человечества, а первичный Разум не ушёл бы от состояния породившей его и подверженной возможности поглощения флуктуации, если бы не закреплял и не развивал своё познавательное могущество творчеством углубления дифференциаций Абсолюта. Это ведёт нас к тому представлению, что **порождение и эволюция мироздания есть способ существования Разума**. При этом, по-видимому, эволюцию не следует понимать упрощённо как безостановочное развёртывание вычленений конкретных определённостей, исключающее рецидивы инволюций (свёртываний, стираний) форм различных уровней общности. Но существование и деятельность мироздающего Разума может допускать инволюционные отступления как результат исчерпания творческих возможностей каждой формы, на смену которой способна выдвигаться более плодотворная форма.

Слова о мирозозидающем Разуме не следует упрощённо истолковывать как повод для обвинения в идеализме, признающем материю порождением идеи. Источником материальных форм являются не идеи и не Разум как самодостаточная сущность, но Абсолют, дифференциации которого осуществляются при неразрывном единстве разума и материи, хотя способы осуществления этого единства могут быть весьма разнообразными и сложными. Не будем игнорировать тот хорошо известный убедительный факт, что именно в результате деятельности человеческого разума нынешний облик нашей планеты разительно изменился (и продолжает на наших глазах меняться) если и не по сравнению с первозданным её обликом (сведения о котором могут быть у нас недостаточно ясными), то, по крайней мере сравнительно с тем, что было несколько десятилетий и столетий назад. Идеи являются отражением в разуме различных уровней **коренящихся в Абсолюте взаимосвязей** между его фрагментами, выявленными или невыявленными в материальных формах. Такие дифференциации несут на себе печать истинности в том смысле, что они обладают всеобщей значимостью, не зависящей от субъективного выбора определённых предпосылок для умозрительных построений и от логических погрешностей самих построений. Только дифференциации Абсолюта представляют надёжную опору для существования Разума и безущербную ценность процесса познания. И чем дальше продвинуты дифференциации Абсолюта на пути вычленения конкретных определённостей, или, говоря образно, чем пышнее и богаче развита крона определения, вычленения мироздания из Абсолюта, тем устойчивей мироздание и тем меньше для него угроза быть поглощённым хаосом спонтанных флуктуаций.

Перехода от упрощённой схематической картинки 5.2 к картине Вселенной, описанной в §§ 27–30 книги 1, можно увидеть в общих чертах процессы вычленения определённых форм из Абсолюта на протяжении эволюции Вселенной. Первичные дифференциации, приводящие к появлению основы того «строительного материала», который известен нам в виде атомов химических элементов, элементарных частиц, кварков, находятся пока за гранью постижения научным мышлением человечества. Но последующие дифференциации осуществляются как конструирование из таких «простейших деталей» так называемых тел неживой природы, а затем и живых организмов. Кое-что в устройстве этих конструкций мы уже способны понимать и кое в чём можем уже сами принимать участие как конструкторы, планирующие и осуществляющие реализацию определённых форм. Наконец, всякое не только мыслящее, но и просто живое существо в ходе жизнедеятельности вмещивается своими поступками в процесс выявления из множества потенциальных возможностей определённых цепочек материализации событий, о чём подробно говорилось в конце § 4 в первой книге. Тем самым для всякого живого существа оказывается обыденным делом участие в выявлении тех или иных дифферен-

циаций Абсолюта. Этим конечно не исключается необходимость огромного напряжения мысли и творческих способностей для осуществления дифференциаций, имеющих решающее влияние на ход развёртывания событий крупного масштаба.

В представлении о материальных объектах как мировых линиях, формирующихся в пространстве Минковского или в искривлённом псевдоримановом пространстве, особенно наглядно отражается развёртывание и накопление вычленений разнообразных конструкций из атомов. Все эти конструкции сохраняются в проявленных мировых линиях, и для устранения их потребуется не менее чем обращение вспять хода времени, стирающее, расформировывающее всё, что проявлено в фазе расширения Вселенной. Если считать, что фаза расширения не закончится прежде чем будут исчерпаны в существенной степени возможности проявления миров, заключённые в галактиках, то можно ожидать по меньшей мере ещё удвоения нынешнего возраста Вселенной, поскольку ядра галактик не менее богаты веществом, чем периферийные области, к одной из которых принадлежит наша Солнечная система. Предполагаемый возврат Вселенной к состоянию непроявленности вряд ли правильно истолковывать как пульсацию наподобие колебаний маятника, воспроизводящих многократно один и тот же цикл. Антропный принцип космологии в качестве указания на причастность могущественного разума к целенаправленному выбору фундаментальных параметров материи побуждает заподозрить осуществление в циклах эволюции Вселенной последовательности восхождения усовершенствований, делающих каждый новый цикл более богатым выявлением содержательности Абсолюта, чем цикл предшествующий. Может быть такое обогащение выявлений в решающей степени обеспечивается за счёт повышения плодотворности материи, закладываемой в основание процесса эволюции нового цикла, а может быть главную роль играет усиление познавательного и творческого могущества разума, вбирающего в себя разум, выращенный в предшествующем цикле. И нам приходится только гадать, остаётся ли по завершении цикла фазой сжатия (стирания) некоторая материальная основа, на которую могут быть наложены актами дифференциаций более плодотворные фундаментальные параметры, или же стирание идёт глубже до полного снятия всех проявленных дифференциаций Абсолюта, после чего потребуется заново осуществлять начальную дифференциацию на первичный Разум и первичную Материю. В последнем случае можно предположить, что первая дифференциация способна возникнуть не как случайная хаотическая флуктуация, а как возрождение Разума, уже вкушавшего опыт сотворения мироздания и потому изначально более могущественного. В обоих случаях позволительно говорить о Творце Вселенной, или точнее, о Творце Цикла эволюции Вселенной.

Представление о Творце Вселенной противоречит сложившимся традициям науки. Но традиции науки складывались в условиях, когда не

был известен факт расширения Вселенной из первоначального состояния сингулярности, не вставал вопрос о возникновении элементарных частиц и формировании из них атомов химических элементов, не была известна и не требовала объяснения острая зависимость облика Вселенной от комплекса значений фундаментальных параметров материи. Все нерешённые и даже ещё не поставленные задачи, относящиеся к осмыслению плодотворности Вселенной, могли быть списаны на плодотворность материи, происхождение и свойства которой не нуждались в объяснении как некая изначальная данность, которую надлежит только принять, а по сути — поверить в неё. Такая вера выглядела как более предпочтительная, чем вера в Творца Вселенной, неведомо откуда взявшегося и неведомо из чего творящего. Веру в Творца и его всемогущество проповедовала религия, но можно ли доверять религиозному учению в таких глубоких вопросах, если бесспорно ошибочными оказались религиозные представления о Земле и окружающих её небесных телах?

То, что наука подходит сегодня к представлениям о существовании мира, отличного от чувственно воспринимаемого мира плотных тел, о возможности освоения тонких уровней материи как среды обитания сознания, о причастности высокоразвитого разума к планированию и иницированию нынешнего цикла эволюции Вселенной, не означает поражения науки в её противостоянии с религией. Наука права в своём отказе принимать слепо на веру утверждения хотя бы и правильные в своей основе, но отягощённые серьёзными искажениями вследствие крайней бедности знаний о природе, ограждаемых к тому же запретами на рациональное постижение истины. Как бы ни относились к религии отдельные, даже крупнейшие учёные, наука в целом может оперировать только такими фактами и понятиями, которые выдерживают её экспериментальную и теоретическую проверку. Обнаруживая закономерности, наука убеждается в их непререкаемости, а если столкнётся с нарушениями уже подтверждённых законов, то за ними открывает законы более общие и глубокие, не отменяющие найденных ранее, а лишь ограничивающие сферу их справедливости. Религия с её верой в сверхъестественные силы и явления, не подчинённые известным законам природы, не могла предложить науке приемлемых аргументов в пользу бытия Божия. А наука предала бы саму себя, если бы легко уступила в этом споре служителям религиозных культов. Но принятие представлений о Творце Вселенной не будет изменой принципам и методам науки, если сами научные исследования приводят к признанию возможности различных вариантов построения Вселенной и пониманию того, что варианты могут основываться лишь на вполне определённых противоположениях и соотношениях, играющих роль глубочайших логических законов в актах дифференциации Абсолюта.

Научное признание Творца Вселенной кардинально отличается от религиозного. Религия подавляет людей сознанием их ничтожества и бес-

силы постигнуть планы и способы действия Творца, требованием покорности служителям культа под видом смирения перед Богом. Наука же в своей истинной сути не требует покорности, основанной на страхе и неведении, не терпит насилия, особенно насилия над разумом, вселяет веру в безграничные возможности разума, оправданную опытом её достижений. С религиозной точки зрения тщетны и кощунственны попытки человеческого ума проникнуть в святая святых сотворения мироздания, а наука именно это ставит своей задачей и высшей целью. Поэтому одни лишь слова о признании Творца Вселенной значат для науки не много. Подлинно научное признание Творца может реализовываться лишь по мере того, как наука будет действительно овладевать представлением об Абсолюте, находя с его помощью решение трудных проблем и открывая новые плодотворные перспективы научного познания. Даже отрицая Бога как Вседержителя, Творца неба и земли, наука прокладывает надёжные пути к многостороннему и глубокому его познанию через выяснение грандиозной картины закономерного развёртывания содержания Космоса. Наука не может довольствоваться “гласом с небес”, удостоверяющим существование Творца, ибо это, само по себе, мало чем обогатит её. Да и Творец не удовлетворится слепой верой при недостатке глубины и разносторонности понимания. Ему ведь, чтобы выразить себя, потребовалось создать не меньше чем Вселенную. Именно наука раскрывает наиболее убедительно и общедоступно глубину и грандиозность Космоса и открывает перед каждым ищущим возможность творческого участия в космических созидательных процессах, неразрывно связанного с достижением победы над смертью. Только благодаря скрупулёзности и фундаментальности научных исследований мы способны теперь отличать процессы, происходящие спонтанно в соответствии с общими закономерностями материи, от процессов, требующих целенаправленного регулирующего вмешательства на основе осознанного использования тех же общих законов.

§ 33. ЗАЧЕМ ВСЕЛЕННОЙ НУЖЕН ЧЕЛОВЕК?

Если понимать Вселенную с позиций классического научного мировоззрения как замкнутую самодостаточную систему простейших телес, к которым применима обобщающая модель материальной точки, то в основе своей эта Вселенная не является ни живой, ни мыслящей, и не имея ни целей, ни желаний, не должна испытывать какой-либо надобности в человеке. Лишь случайным образом порождаются ею существа, способные сознавать себя и природу, но им отмеряно весьма скудно время жизни и место в пространстве и их удел — безжалостное уничтожение в процессах круговорота материи, что однако не мешало последователям классического материализма считать мыслящий дух высшим цветом материи. Фрид-

рих Энгельс в конце «Введения» к «Диалектике природы» писал: «у нас есть уверенность, что материя во всех своих превращениях остаётся вечно одной и той же, что ни один из её атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время».

Этот оптимистический вывод отравлен печалью бессилия разума перед слепым могуществом бессознательной материи в кардинальных вопросах бытия. А ведь уже люди XIX века могли ощутить огромную способность разума ставить на службу себе природу, преобразуя материальные условия жизни. Век XX принёс такие яркие и во многом неожиданные доказательства количественного и качественного роста этой способности, которые позволили И.С. Шкловскому исходить в размышлениях о жизни в Космосе из того, что «важнейшей особенностью развития разумной жизни является её тенденция к неограниченной экспансии» [3, с. 83]. И хотя высказывания Шкловского отделены столетием от высказываний Энгельса, крупнейший астроном второй половины XX века вполне в духе классического мировоззрения не допускал для экспансии жизни и деятельности разума иной материальной основы и среды кроме чувственно воспринимаемого мира плотных тел. В отсутствии научно достоверных сведений о проявлениях деятельности разума в космических просторах этого наблюдаемого мира Шкловский увидел настолько серьёзное противоречие с возможностями экспансии разума, что пришёл к выводу о нашем одиночестве «если не во всей Вселенной, то, во всяком случае, в нашей Галактике или даже в местной системе галактик» [3, с. 92]. Такое заключение налагается на классическое мировоззрение в качестве радикально усиленного подтверждения взгляда на разумную жизнь во Вселенной как на крайне маловероятный случайный продукт материи, практически чуждый её существованию. Однако в отличие от звучащего в цитированном высказывании Энгельса смирения перед «железной необходимостью, с какой материя когда-нибудь истребит на земле свой высший цвет», Шкловский призывает претворить сознание одиночества земного человечества в мощный стимул выживания в Космосе, а в контексте представлений о сверхцивилизациях, которые не обнаруживаются вопреки ожиданиям, мы сами должны устремиться на путь первопроходцев в экспансии разума, превращая разум в космический фактор творческого овладения богатством возможностей, таящихся в материи.

«Нам представляется, что вывод о нашем одиночестве во Вселенной (если не абсолютном, то практическом) имеет большое морально-этическое значение для человечества — пишет И.С. Шкловский. — Неизмеримо вырастает ценность наших технологических и особенно гуманистических достижений. Знание того, что мы есть как бы “авангард” материи ес-

ли не во всей, то в огромной части Вселенной, должно быть могучим стимулом для творческой деятельности каждого индивидуума и всего человечества. В огромной степени возрастает ответственность человечества перед исключительностью стоящих перед ним задач. Предельно ясной становится недопустимость атавистических социальных институтов, бессмысленных и варварских войн, самоубийственного разрушения окружающей среды. Твёрдое сознание того, что нам никто не будет давать “ценных указаний”, как овладевать Космосом и какой стратегии должна придерживаться наша уникальная цивилизация, должно воспитать чувство ответственности за поступки отдельных личностей и всего человечества. Выбор должны делать только мы сами. Не подлежит сомнению, что диалектический возврат к весьма своеобразному варианту геоцентрической (вернее антропоцентрической) концепции по-новому ставит старую проблему о месте человека во Вселенной» [3, с. 93].

Если антропный принцип современной космологии (см. § 26 в кн. 1) допускает хотя бы и не очень убедительное уклонение от признания решающей роли Разума в конструировании материи с плодотворной системой фундаментальных параметров (через случайную реализацию в ансамбле вселенных), то сам факт тесной связи между этими параметрами и возможностью появления разумных существ в ходе эволюции Вселенной может считаться надёжно установленным. Наше собственное существование бесспорно доказывает, что Вселенная пригодна для жизни человека, и в кратком афоризме «Вселенная для человека» нет оснований усматривать признаки антинаучности. На первый взгляд этот афоризм созвучен представлению религии о сотворении мироздания Богом для человека. Однако при более пристальном анализе привычного религиозного тезиса возникает сомнение в том, что человек нужен Богу. Сомнение связано именно с религиозным пониманием Бога как сущности самодостаточной, всемогущей и вседовольной, которой чуждо чувство какой бы то ни было неудовлетворённости, вынуждающей испытывать какую-либо потребность, в частности, потребность в людях. Если же Бог создал людей по бесконечному своему милосердию, чтобы даровать им счастье жизни, то почему он допустил в своих творениях такие несовершенства, которые превращают дар жизни в цепь бедствий и страданий? Подобные вопросы не новы для философской и религиозной мысли, разрабатывающей так называемую проблему теодицеи (от греческих слов *Theos* — Бог и *dikē* — право, справедливость) как оправдание противоречия между верой во всемогущего благого Бога и существованием в мире зла и несправедливости. Противоречие антропного принципа современной космологии как с широко признанным научным представлением о случайности возникновения и редкости распространения разумной жизни, так и с религиозным пониманием Бога, побуждает вносить серьёзные поправки в противостоящие друг другу мировоззрения классической науки и традиционной религии.

Антропный принцип космологии в качестве научного результата побуждает науку ставить ребром вопрос о Творце Вселенной. Будем ли мы понимать Творца Вселенной как интегральный разум (ноосферу) предшествовавшего цикла Вселенной или же глубже, как результат первой дифференциации Абсолюта на первичный Разум и первичную Материю, придётся признать главной потребностью Творца Вселенной познание богатой содержательности отношений между определёнными, которые могут быть вычленены из Абсолюта. Даже на нашем человеческом уровне такую потребность способен испытывать ум философского или математического склада. Выявление тех или иных отношений и концентрация на них составляют содержание всякого даже рядового сознания, наполненность его мыслями и образами. Но и среди людей ценится наполненность сознания не хаотическими и бесплодными мечтаниями, а только та, которая ведёт к воплощению в материальных формах (вычленениям из Абсолюта) отношений, поставленных в качестве целей жизнедеятельности. Человек, получивший жизнь в дар, имеет возможность пользоваться до поры до времени этим даром, не ощущая потребности мыслить и творить. Но именно в предостережение против такого неразумного пользования даром жизни как зарыванием таланта в землю сказано в Евангелии: «всякому имеющему даётся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф., 25, 29). И такие же слова сказаны применительно к тем, кому дано знать тайны Царства Небесного и кому не дано (Мф., 13, 10–15).

Первичный Разум не получает жизнь в дар, а сам вынужден творить её. Он существует в качестве самосознания, выделившегося из Абсолюта, лишь постольку, поскольку удерживает свою концентрацию на этой выделенности, а для сохранения концентрации от растворения в хаосе потенциальных дифференциаций Абсолюта необходимо расширять и углублять осуществлённую уже дифференциацию, раскрывая в чередующихся последовательно осуществляемых дифференциаций противостоящей Разуму Материи богатство содержащихся в ней невыявленных отношений. Осознание этого богатства наполняет Разум содержанием, укрепляя устойчивость его выделенности, и вместе с тем превращая саму материю в носителя выделенных дифференциаций. Ещё раз подчеркнём, что деятельность познания бесконечной потенциальной содержательности Абсолюта не только представляет большой интерес для разума, но и является необходимым условием его существования, а устойчивость существования разума и материи обеспечивается тем надёжней, чем больше разрастается вширь и вглубь процесс вычленения дифференциаций Абсолюта. Точно также содержательность и полнота жизни всякого частного сознания более низкого уровня, чем уровень Творца Вселенной, например, человеческого сознания, и возможность его сохранения на путях дальнейшего развития зависит от степени участия в космическом творческом процессе эволюции Вселенной.

Начиная с некоторого этапа этот процесс может осуществляться с опорой на дифференциации уже вычлененных определённых, что иллюстрируется рисунками 5.1 и 5.2. И коль скоро выстроена некоторая иерархия материализованных, вычлененных из Абсолюта уровней определённых, то ей может соответствовать иерархия в структуре Разума. Каждой ступени в иерархии разумности доступна творческая деятельность выделения дифференциаций на некоторой ступени в иерархии материальных форм, так что разум, осуществляющий дифференциацию определённой материальной формы, пользуется этой формой как готовой данностью, выделение которой из Абсолюта ему не приходится брать на себя. Иллюстративным аналогом таких отношений может служить конструирование и изготовление современного самолёта. Конструкция его настолько сложна и объёмна, что не может быть охвачена во всех подробностях одним конструктором. Поэтому приходится привлекать к работе разветвлённый коллектив конструкторов весьма разнообразных узлов, агрегатов и систем вплоть до малейших деталей. Генеральный конструктор ставит задачи и осуществляет общий контроль за их решением лишь по укрупнённым разделам всей конструкции, и без особой надобности может не вникать в подробности множества частных решений, за которые несут ответственность доверенные лица. В результате деятельности всего коллектива конструкторов вырабатывается проект, в котором предусмотрены все подробности изготовления самолёта. Процесс изготовления осуществляется системой цехов и заводов на множестве станков с помощью множества приспособлений большим коллективом рабочих и инженеров. И хотя генеральный конструктор не держит в своём сознании все подробности разработанной конструкции и деятельности по её изготовлению, он обогащается опытом воплощения своих замыслов настолько, что становится способным разработать и воплотить новую конструкцию, более совершенную, чем предыдущая. Для осуществления этого ему необходимо, чтобы возрос также уровень опытности, изобретательной разумности, ответственности и коллектива сотрудников. Не так ли и могущественный Творец Вселенной имеет надобность в сотрудничестве иерархии разумных помощников, заинтересован в увеличении их численности и росте сознательности, творческих способностей, ответственности за общее дело? Таким образом, если мы можем осмыслить процесс эволюции Вселенной как инструмент познания Абсолюта, используемый Творцом Вселенной, то к этому нужно добавить ещё более очевидную роль эволюции Вселенной как средства выращивания новых разумных существ, способных принять на себя часть творческой работы выявления содержательности Абсолюта и по мере роста своего сознания сливаться с разумом Творца Вселенной, усиливая тем его могущество, как основу его жизнеспособности, служащей оплотом существования всего живого во Вселенной. Так как представление о разумном Творце Вселенной ещё не вошло в арсенал об-

щепризнанных научных понятий, то в заглавии § 33 поставлен вопрос о потребности Вселенной в человеке, и в этом не будет принципиальной неточности, если от ограниченного классического понимания Вселенной как запаса бессознательного материала перейти к более ёмкому пониманию эволюции Вселенной как творческого процесса, протекающего при неотъемлемом активном участии разума.

Ценна своей плодотворностью возможность придать процессу вычленения дифференциаций бóльшую или меньшую автоматичность. Уж если что бесспорно удостоверено научным познанием природы, так это осуществление в ней автоматических процессов под действием общих закономерностей. Трёх законов механики Ньютона и закона всемирного тяготения в сочетании с геометрическими свойствами трёхмерного собственно евклидова пространства оказалось достаточно для построения теории небесной механики, выясняющей детерминированный автоматизм движений небесных тел. Но в классической механике осталась нераскрытой природа основного физического условия автоматических процессов, каким является течение времени. Модель мира Минковского позволяет понять ход времени как процесс формирования, роста мировых линий. Все кинематические закономерности наблюдаемых движений тел получают объяснение как соотношения между формами и взаимным расположением мировых линий (см. §§ 14 – 20 в первой книге). Все динамические характеристики наблюдаемого мира (энергия, импульс, масса, сила) оказались отражениями динамических характеристик мировых линий (см. § 21 и § 22, книга 1), наиболее общей из которых является инвариантный 4-вектор энергии \vec{E} (3.210), направленный по касательной к мировой линии в сторону её роста. С учётом равенства (3.215) производной вектора \vec{E} по длине мировой линии инвариантному 4-вектору силы, что служит наиболее общей формой выражения основного закона динамики, можно увидеть в векторе \vec{E} главную энергетическую характеристику процесса проявления мировой линии. А вся энергетика наблюдаемого мира тел и электромагнитного поля имеет своим ближайшим источником энергетiku мирового проявляющего процесса. Это не противоречит классической убеждённости в том, что движение есть форма существования материи, но открывает путь к более глубокому постижению происхождения движений.

Признавая творческую активность первичного Разума первоисточником процесса дифференциаций Абсолюта, надо будет осознать роль Разума и в инициировании динамики этого процесса, представляющего перед нами в виде процесса возникновения и эволюции Вселенной. Но это вовсе не означает, что Разум черпает энергетiku процесса проявления всецело из себя. Как отношения между материализованными формами не выдуманы Творцом Вселенной, а извлекаются им из Абсолюта, так и энергетика мирового проявляющего процесса обусловлена взаимодействиями между вычленяемыми из Абсолюта определённоостями. Если воспользоваться

грубо упрощённой иллюстрацией, то роль Разума в инициировании этой энергетики можно уподобить включению рубильника на электролинии для приведения в движение электровоза. Можно взять другой пример: камень, сдвинутый ногой альпиниста вызывает мощный обвал в горах. Принципиальная грубость этих иллюстраций в том, что инициирование энергетики процесса представлено в виде одномоментного акта, тогда как инициирование мирового проявляющего процесса (течения времени) и его поддержание возможно нуждаются в длительной (если не в постоянной непрерывной) концентрации Творца Вселенной на некоторой системе дифференциаций Абсолюта.

Вообще у Творца Вселенной есть обязанности, которые может выполнять только Он как высшая доступная нашему представлению ступень разума. Прежде всего, это осмысление связей между фундаментальными параметрами материи и основными чертами развивающейся на основе такой материи Вселенной. После выбора оптимального комплекса свойств материи нужно воплотить их в соответствующей системе дифференциаций Абсолюта. Познанные наукой свойства элементарных частиц убедительно указывают на происхождение их путём дифференциаций если и не Абсолюта, то некоторых уже вычлененных из Абсолюта определённых взаимно противоположные составляющие, способные нейтрализовать друг друга. Так электрону противостоит позитрон, являющийся как бы зеркальным отражением электрона. Электрон и позитрон вступают в реакцию аннигиляции, в которой они исчезают, нейтрализуя друг друга и порождая пару квантов электромагнитного излучения высокой частоты (γ -квантов). И наоборот, γ -квант с энергией не меньше удвоенной энергии покоя электрона способен породить пару электрон – позитрон. В ядерной физике известен *принцип зарядового сопряжения*, согласно которому каждой элементарной частице соответствует античастица, обладающая такой же массой, спином, временем жизни, но противоположным электрическим зарядом (если таковой имеется), магнитным моментом и некоторыми другими характеристиками. В реакциях аннигиляции элементарных частиц с большей, чем у электрона, массой покоя рождаются менее массивные элементарные частицы, т. е. не вся энергия покоя переходит в энергию электромагнитного излучения. Образно говоря, на основополагающих дифференциациях Абсолюта, обеспечивающих существование материи с выбранными свойствами, **держится мир**. И если Творцу Вселенной приходится концентрацией своего сознания на этих дифференциациях сохранять вычлененность их из Абсолюта, то Он выполняет работу Вседержителя мира. По-видимому обеспечение мирового проявляющего процесса, т. е. процесса течения времени, как основы всех происходящих во Вселенной процессов, также является прерогативой Творца Вселенной, требующей его постоянной концентрации на известных ему отношениях.

Отметим в этой связи, что для выработки способности человеческого сознания к концентрации на различных соотношениях используется **принудительная концентрация на чувственно воспринимаемых образах**. Мы воспринимаем и осознаём свой земной мир как множество тел, которые представляются нам настолько плотными образованиями, что ни одно из них не может занять место в наблюдаемом пространстве, занятое другим телом. Это утверждение не опровергается явлением диффузии, которое заключается в проникновении плотных частиц одного сорта в промежутки между плотными частицами другого сорта. Но вообще наука обнаруживает, что подавляющая часть объёма, занимаемого телом, пуста. Так, любой человек, знакомый с физикой и химией в рамках программы средней школы, может подсчитать, что в железном кубике с ребром в 1 см находятся $8,4 \cdot 10^{22}$ атомов, а это соответствует линейному размеру (диаметру) одного атома $2,3 \cdot 10^{-8}$ см. Но диаметр ядра атома имеет порядок 10^{-12} см, что в 23 тысячи раз меньше диаметра атома, хотя в ядре сосредоточено 99,975 % массы атома железа. Для сравнения заметим, что диаметр Солнца в четыре тысячи раз меньше диаметра орбиты Плутона, самой дальней из известных планет Солнечной системы, и в Солнце заключено более 99% массы Солнечной системы. Значит, в любом куске железа область пространства, не занятая частицами вещества (носителями массы покоя) относительно больше, чем часть пространства Солнечной системы, не занятая Солнцем и планетами! Пространство атома по степени его заполненности частицами сравнимо с пространством межпланетным! Таким предстает мир вещества перед пронизательным взором науки в отличие от нашего человеческого восприятия через посредство органов чувств. Конечно, абсолютные значения плотности вещества в *одинаковых объёмах межпланетного пространства и железного тела* различны, но взор науки видит “пустоту пространства” и там, и здесь, в отличие от взора чувственных восприятий. Чтобы увидеть мир глазами науки, надо сконцентрировать сознание на научных данных, но своеобразной концентрацией, “навязанной” нам строением мира и устройством нашего организма, объясняется и восприятие мира через наши органы чувств.

Совершенно ошибочны попытки человеческого ума возлагать на Бога как творца и вседержителя мироздания ответственность за все происходящие в мире события, крайним выражением чего является представление, будто без воли Бога и волос не упадёт с головы человека. Наверно источником такого представления являются некоторые фразы из Евангелия. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить... Не двели малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадёт на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц» (Мф., 10, 29-31). «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже мно-

гих малых птиц» (Лк., 12, 6-7). «Преданы также будете... и некоторых из вас умертвят... но и волос с головы вашей не пропадет; терпением вашим спасайте души ваши» (Лк., 21, 16-19). Автоматизм процессов, происходящих во Вселенной в соответствии с наиболее общими закономерностями материи, тем и ценен, что избавляет Творца Вселенной от необходимости концентрировать своё сознание на всех подробностях совершающихся вычленений определённости. Подобно тому, как в обиходе человеческой жизни ценны автоматические производственные линии, резко увеличивающие производительность и объём производства, но требующие от людей забот по обеспечению бесперебойного функционирования автоматов, так задача познания Абсолюта и осуществления его дифференциаций решается гораздо более продуктивно с помощью налаженного Творцом Вселенной автоматизма процессов эволюции, т. е. развёртывания проявлений событий. В этой деятельности весьма велика творческая роль случайностей, давно отмеченная наукой.

Что случайность не противоречит детерминизму законов природы, выяснено достаточно убедительно в теории квантовой механики. Некоторые величины, характеризующие квантовомеханическую систему, могут принимать те или иные значения с различными вероятностями, а понятие вероятности применимо к случайным событиям и величинам. Общеизвестен открытый Гейзенбергом принцип неопределённости, согласно которому значения некоторых пар величин (например, координаты и скорости частицы) не могут быть определены совместно со сколь угодно высокой точностью. В этом проявляется различие классического и квантовомеханического способов описания материальных объектов. «Полное описание состояния физической системы в классической механике осуществляется заданием в данный момент времени всех её координат и скоростей; по этим начальным данным уравнения движения полностью определяют поведение системы во все будущие моменты времени. В квантовой механике такое описание принципиально невозможно, поскольку координаты и соответствующие им скорости не существуют одновременно. Таким образом, описание состояния квантовой системы осуществляется меньшим числом величин, чем в классической механике» [68, с. 17, § 1]. Но это не означает отсутствия причинной связи последующих состояний квантовой системы с предшествующими (во времени) её состояниями. Дело в том, что состояние квантовомеханической системы полностью определяется так называемой волновой функцией Ψ , зависящей в общем случае от времени t . «... задание этой функции в некоторый момент времени не только описывает все свойства системы в этот момент, но определяет её поведение также и во все будущие моменты времени — конечно, лишь с той степенью полноты, которая вообще допускается квантовой механикой. Математически это обстоятельство выражается тем, что значение производной $\partial\Psi/\partial t$ от волновой функции по времени в каждый данный мо-

мент времени должно определяться значением самой функции Ψ в тот же момент, причём зависимость эта должна быть согласно принципу суперпозиции, линейной. В наиболее общем виде можно написать

$$i\hbar \cdot \frac{\partial \Psi}{\partial t} = \hat{H} \Psi,$$

где \hat{H} — некоторый линейный оператор» [68, с. 42, § 8]. Но нас сейчас больше будут интересовать те случайные повороты в ходе процессов, которые обусловлены действиями живых существ, пользующихся более или менее осознанно свободой воли (см. конец § 4, кн. 1). Огромное (если не бесконечное) количество материальных объектов во Вселенной и ещё более мощное множество вариантов поведения этих объектов под влиянием случайно складывающихся условий обеспечивает невообразимую широту охвата процесса выявлений событий, в котором испытываются сразу многие пути эволюции во всех подробностях. Всё, что материализовано, фиксируется в «летописи проявленных мировых линий» и сможет быть «считано» в фазе сжатия Вселенной к её первоначальному состоянию по мере расформирования (стирания) мировых линий. Именно через случайные реализации методом проб эффективно выясняются тупиковые и перспективные пути эволюции конкретных формообразований.

Множественность и случайность проб в развитии событий материального мира ценна не только той информацией, которую получает в результате Творец Вселенной. Эта множественность и случайность проб необходима также в качестве исходного «материала» и средства для выращивания и совершенствования разума людей и близких им на эволюционной шкале существ. Подобно тому, как из Абсолюта могут быть выделены различные противоположения и соотношения, так в материальном мире можно выбирать (целенаправленно или слепыми пробами) различные варианты развития, вмешиваясь в спонтанные (определённые общими закономерностями материи) процессы природы деятельной свободной волей человека в доступных ему пределах. Вообще человек в каждое мгновение своей жизни должен совершением поступков (воздержанием от поступков) выбирать тот или иной вариант развёртывания последующих событий. Это всем знакомо и понятно, но разве мы задумываемся над тем, что таким выбором мы осуществляем ту или иную дифференциацию Абсолюта, соучаствуя в сотворении определённых реализаций на основе (через посредство) тех материальных форм и тех обстоятельств материального мира, которые доступны восприятию, пониманию и воздействию человека?

Первичный Разум, осознавший себя в результате одной из случайных хаотических флуктуаций в Абсолюте, должен для закрепления и развития своей выделенности в качестве условия существования выбирать и осуществлять последующие дифференциации Абсолюта, устремляясь целенаправленно к сотворению плодотворного автоматизма выявлений определённости, образующих мироздание как стройную, упорядоченно ор-

ганизованную устойчивую систему отношений, в которой всё взаимосвязано и которую Пифагор назвал Космосом как синонимом порядка, гармонии, красоты. Аналогичным образом каждому человеку и всему человечеству приходится заботиться о своём выживании и напрягать способности мышления и творчества для упрочения и улучшения жизни, взаимодействуя с природными ресурсами и условиями, представляющими для него среду обитания. И подобно тому, как первичному Разуму не откуда почерпнуть подсказку, совет для успеха деятельности, кроме как из результатов своей деятельности, так и люди, пользуясь свободой воли вынуждены полагаться главным образом на самих себя в выборе жизненных путей. Аналогия здесь конечно не полная, поскольку человек может всё-таки получать советы и помощь от других людей и даже быть направлен насильственно на определённый путь, но в общем мыслящим, деятельным и ответственным людям приходится руководствоваться собственным выбором. И такой склад жизни глубоко оправдан как необходимое условие выращивания разумных существ, способных быть сознательными помощниками Творца Вселенной, проводниками его замыслов и акций, сливающимися с ним в качестве приращения его жизнетворного могущества.

Но дистанция в степени развитости, глубины и могущества между человеческим разумом и разумом Творца Вселенной слишком огромна, и для заполнения её требуется восходящая последовательность промежуточных ступеней, представляющих камень преткновения для науки. Обратившись к поискам внеземного разума, учёные готовы согласиться с возможностью существования во Вселенной космических сверхцивилизаций, несравненно более могущественных, чем земная. Для них даже разработана классификация. В 1964 году Н.С. Кардашёв (ныне академик РАН) предложил характеризовать уровень развитости космических цивилизаций величиной осваиваемых ими энергетических мощностей и масштабами доступных их деятельности областей во Вселенной [69]. И.С. Шкловский, горячо одобрявший классификацию Кардашёва, писал: «Всё же есть определённая вероятность, что некоторые (пусть даже малая часть) цивилизации смогут преодолеть кризисные ситуации и будут неограниченно (вернее “практически неограниченно”) развиваться, экспоненциально наращивая свой научно-технический потенциал, используя огромные материальные и энергетические ресурсы окружающей среды... Масштаб их деятельности должен быть воистину космическим. В принципе... возможны два типа цивилизаций. Это так называемая “цивилизация II типа”, овладевшая материальными и энергетическими ресурсами “своей” центральной звезды и планетной системы, и цивилизация III типа, овладевшая всеми ресурсами своей звёздной системы... цивилизации, более или менее сходные по своему уровню с нашей земной цивилизацией, относятся к I типу. Хорошей характеристикой уровня технологической цивилизации может служить уровень производства энергии. Для земной цивилиза-

ции этот уровень скоро достигнет величины $\approx 10^{10}$ кВт. Заметим, что мощность падающего на нашу планету потока солнечного излучения порядка 10^{14} кВт. Дальнейшее увеличение производства энергии на Земле в несколько сот раз может привести к нарушению её энергетического баланса как космического тела. Средняя температура нашей планеты повысится на несколько градусов, что повлечёт за собой самые серьёзные последствия (например, растают льды Антарктиды). Цивилизация II типа, коль скоро она преодолет разнообразные кризисные ситуации, сможет использовать до 10^{23} кВт... Что же можно сказать о цивилизациях III типа, овладевших энергией порядка 10^{32} кВт и преобразовавших свои галактики за сроки, не превышающие миллионов лет? При всей фантастичности допущений о возможности существования во Вселенной цивилизаций II и III типов ему нельзя отказать в логичности. Такое допущение с неизбежностью следует из наблюдаемой тенденции развития нашей технологической цивилизации и из «оптимистического» утверждения о возможности преодоления всех кризисных и противоречивых ситуаций, с которыми такое развитие встретится» [67, с. 88-89]. Знаменательно, что классификация цивилизаций по Кардашёву представляет собой космическое обобщение введённого В.И. Вернадским понятия ноосферы Земли. Если земное человечество приблизилось к уровню цивилизаций I типа, формирующих планетарную ноосферу, то сверхцивилизация II типа образует ноосферу звёздного масштаба, охватывающую всю планетную систему своей звезды, а сверхцивилизация III типа – это уже галактическая ноосфера. Высказывание Шкловского о возможности существования цивилизаций сверхгалактических масштабов [67, с. 89] уже цитировалось в конце § 31.

Однако смелые философские устремления Кардашёва и Шкловского наталкиваются на то препятствие, что наука не обнаруживает во Вселенной убедительных проявлений деятельности внеземного разума ни человеческого, ни сверхчеловеческого уровня. В духе классического научного мировоззрения до сих пор считается необходимым признаком активности высокоразвитого разума технологическая деятельность, которая в космических масштабах должна проявляться в создании астроинженерных сооружений и излучении огромных энергий.

В качестве примера в статье [3, с. 85-86] приводится Принстонский проект, первая очередь которого «предусматривает сооружение в области так называемой “либрационной точки” системы Земля – Луна... космической станции диаметром 1,5 километра... на ней можно будет разместить до 10 тысяч человек персонала... стоимость сооружения такой колонии оценивается в 100 миллиардов долларов, срок сооружения 15-20 лет». В дальнейшей перспективе «можно говорить о создании искусственной биосферы вокруг Солнца, поверхность которой будет в сотни миллионов раз превышать поверхность естественной земной биосферы, причём ресурсы энергии будут сравнимы с мощностью солнечного излучения... можно

считать, что для сооружения в Космосе колоний с населением 10 миллиардов человек потребуется около 250 лет. Подчеркнём ещё раз, что этот срок по крайней мере в два раза превосходит время, отделяющее нас от наступления кризисной ситуации, как его определяют некоторые авторы» [3, с. 87]. Таким видится И.С. Шкловскому путь от цивилизации земного (первого) типа к сверхцивилизации II типа за время, сопоставимое с временем нашей “писаной” истории. «... если такой процесс преобразования планетной системы начался и освоение ресурсов ближнего Космоса идёт довольно скромными темпами (скажем, удвоение материальных ресурсов и переработки энергии звезды за сотню лет), то для полного преобразования планетной системы потребуется срок по астрономическим понятиям ничтожный – всего лишь каких-нибудь несколько тысяч лет!» [67, с. 88].

Астроинженерия призвана обеспечивать разумным существам в космическом пространстве искусственно привычные физические условия жизни, что по земным меркам сопряжено с поглощением в технических целях и излучением всё возрастающих мощностей энергопотребления. По этому излучению и могли бы быть обнаружены сверхцивилизации. По оценкам Шкловского «неестественный характер объекта, являющегося носителем цивилизации III типа, может быть обнаружен существующими астрономическими средствами с любого расстояния в метagalактике» [67, с. 92]. «... сигналы от цивилизации II типа могут быть обнаружены современными земными средствами даже в том случае, если эта цивилизация, например, находится где-нибудь в туманности Андромеды – галактике, удалённой от нас на расстояние в два миллиона световых лет» [67, с. 89]. Тому, что ни те, ни другие сигналы до сих пор не обнаружены, по мнению Шкловского «могут быть два объяснения: а) наши критерии “искусственности” весьма несовершенны... б) сверхцивилизации во Вселенной отсутствуют. Увы, я склоняюсь ко второму объяснению» [67, с. 92-93].

Кроме неподтверждённости астрономическими наблюдениями, ещё один довод против существования сверхцивилизаций в обозримой нами области Вселенной является решающим по убеждению И.С. Шкловского. Распространение деятельности сверхцивилизаций во Вселенной он называет «ударной волной разума» и считает, что если бы такая волна прошла через нашу планету, то последняя «должна была бы быть радикально преобразованной. Если на первых порах инопланетяне ограничивались бы только спорадическими посещениями, то длительный процесс преобразования материи, которое производила бы за фронтом волны развивающаяся цивилизация, не мог бы не коснуться, и притом самым радикальным образом, нашей планеты» [3, с. 91]. Феномен преобразующей деятельности высокоразвитого космического разума Шкловский назвал «космическим чудом» и сформулировал «два основных эмпирических факта, имеющих решающее значение для обсуждаемой проблемы: 1) вся совокупность современных астрономических наблюдений, насколько можно сейчас су-

дить, по-видимому, исключает существование где бы то ни было во Вселенной “космического чуда”; 2) имеющиеся данные совокупности наук о Земле (включая биологические и гуманитарные) исключает возможность посещения или колонизации нашей планеты представителями каких бы то ни было внесемных цивилизаций» [3, с. 89]. «Если вывод об отсутствии во Вселенной сверхцивилизаций II и III типов верен, он может означать, что либо кризисы, с которыми встречается идущая по пути технологического развития цивилизация, настолько серьёзны, что исключают трансформацию таких цивилизаций в сверхцивилизации, либо – страшно даже сказать – жизнь во Вселенной, в частности разумная жизнь, – явление редчайшее, возможно, уникальное» [3, с. 93].

Такой ошеломивший современников вердикт И.С. Шкловского можно назвать **отрицательным научным результатом** по проблеме заметного присутствия в Космосе высокоразвитой разумной жизни. Однако, в науке и отрицательные результаты имеют очень большую ценность, поскольку они подводят черту под определёнными направлениями поисков и заставляют обратить внимание на новые направления, остававшиеся прежде в тени. Вспомним, например, отрицательный результат опытов Майкельсона и Морли по обнаружению эфирного ветра. Выполненный Шкловским анализ проблемы разумной жизни в Космосе представляется строгим и завершённым плодом прямолинейной экстраполяции классического научного мировоззрения. Хотя этот крупный астроном с широким диапазоном интересов был в курсе всех важнейших современных ему научных открытий, он не сделал решающего шага в философской трансформации мировоззрения, к которой вела совершающаяся в нашу эпоху смена научной парадигмы. Между тем, радикальной замене подверглись основные устои классического научного мировоззрения: о фундаментальной роли тел, о вечности простейших неразложимых телец и состоящей из них Вселенной, о самодостаточности корпускулярного мира, исключающей какую-либо причастность разума к обеспечению его существования.

Открытие антропного принципа космологии и осмысление представления об Абсолюте снимают блокирующие запреты на приемлемость апелляций к участию неизвестного разума в некоторых природных явлениях и процессах макроскопического и микроскопического уровней. Краткое описание одной из наиболее вызывающих загадок такого типа позаимствуем из статьи [64] Л.М. Гиндилиса. Действием лишь общих физических закономерностей не удаётся убедительно объяснить устойчивость средней температуры на поверхности и в атмосфере Земли на протяжении промежутков времени, охватывающих геологические эпохи существования живых организмов. «Термическое состояние атмосферы определяется сочетанием трёх основных факторов: потоком солнечного излучения, отражательной способностью (альбедо) Земли и пропусканием земной атмосферы. При определённом сочетании этих факторов достигается термиче-

ская стабильность (постоянство температуры). Однако это состояние крайне неустойчиво в виду наличия положительных обратных связей: малейшее понижение температуры ведёт к увеличению снежного покрова и, как следствие, к повышению альбедо, а это, в свою очередь, приводит к понижению температуры и т. д.; аналогично, повышение температуры приводит к увеличению содержания углекислого газа и водяного пара в атмосфере — возрастанию парникового эффекта и, следовательно, к дальнейшему повышению температуры. Проблема состоит в том, что все три фактора меняются с течением времени и притом различным образом. Тем не менее, на протяжении 4-х миллиардов лет на Земле сохраняется температурная стабильность с точностью до 10%. Это требует очень эффективно-го механизма регуляции [64, с. 89]. «Второй пример связан с содержанием кислорода в атмосфере. Концентрация кислорода составляет 21%. Если бы она была ниже 10%, то горение было бы невозможно даже при использовании в качестве топлива сухой древесины; с другой стороны, при 25% концентрации горели бы даже сырая трава и лес под дождём. Вновь проблема состоит не столько в том, как установить подобное равновесие, сколько в том, как оно поддерживается (учитывая мощную динамику кислорода в атмосфере). Кислород постоянно воспроизводится в атмосфере в процессе фотосинтеза и выводится из неё вследствие процессов дыхания, выветривания и др. В результате каждые 1000 лет атмосферный кислород полностью обновляется. Каким образом при этих условиях поддерживается его концентрация? Здесь требуется механизм регуляции» [64, с. 89-90]. Недоумение специалистов перед фактом действия подобных механизмов Л.М. Гиндилис иллюстрирует высказыванием современного исследователя Г. Маркса: «термическая и химическая стабильность земной атмосферы скорее похожа на чудо, чем на необходимость [70, с. 78]. Но деятели науки не могут удовлетвориться констатацией чуда, а должны искать ему объяснение хотя бы и на крайне непривычных путях, отвергаемых традиционно. Л.М. Гиндилис ссылается на Дж. Лавлока, приводящего «доводы в пользу того, что биосфера, атмосфера и гидросфера Земли образуют единую регулируемую систему, которую он назвал “Гез”». Она ведёт себя подобно сложному живому организму, но поскольку она существует в единственном экземпляре, она не может быть продуктом биологической эволюции, которая “имеет дело” с популяциями. “Поэтому, — заключает Г. Маркс, — если она существует на самом деле, она не может быть спонтанно возникшим творением, но вполне может быть разумным артефактом, перенесённым на Землю извне» [70, с. 80]. Немецкое слово «артефакт», образованное от латинских *arte* – искусственно и *factus* – сделанный, обозначает объект или процесс, являющийся продуктом разумной целенаправленной деятельности.

Анализ многочисленных обстоятельств, которые чудесным образом оказываются реализованными в нужное время в нужном месте (что и составляет суть процессов регулирования) для поддержания жизни на на-

шей планете, дан в книге [71] А. Д. Арманда «Эксперимент “Гея”». Проблема живой Земли». В физиологии давно подмечена способность живых организмов так реагировать на изменение условий окружающей среды в определённых пределах, чтобы сохранять на достаточно постоянном уровне жизненно важные значения параметров внутренней среды организма, например, содержание влаги в клетках, солей в крови, температуру тела, кровяное давление и проч. Эта способность получила название гомеостаз (от греческих слов *homoiós* — подобный и *stasis* — стояние, расстановка). «Мысль Лавлока сделала следующий шаг, — пишет А. Д. Арманд. — Если такая же тонкая регулировка осуществляется биосферой в целом, то что мешает нам считать её целиком чем-то подобным огромному организму... для которого атмосфера, и почвенный покров, и воды океана стали внутренней средой, целесообразно регулируемой для выживания земной биоты?» [71, с. 9]. Понятие гомеостаза проникло и в кибернетику как обозначение соответствующих свойств систем, моделирующих функции живых организмов. Это позволяет увидеть роль управляющих программ в обеспечении загадочной устойчивости состояний сложных систем.

Изучением процессов самопроизвольного и вынужденного возникновения упорядоченности из хаоса и хаоса из упорядоченности сложных систем занимается научная дисциплина синергетика. Но, как подчёркивает А. Д. Арманд, эффект саморазвития сложных систем может быть и созидательным и разрушительным. «У барьера сходятся две гипотезы. Согласно первой, общепринятой, безлюдная природа вслепую указывает пальцем, где следует появиться самоуправляемому процессу. В точках бифуркации (разветвления процесса) с равной вероятностью может выпасть шаг вверх по эволюционной лестнице или шаг вниз... Значит при первом предположении организация и хаотизация в среднем должны уравновесить друг друга, оставляя наследникам возможность много раз начинать игру с первого хода. Вторая гипотеза принимает целенаправленность опытов... Мы можем лишь по результату многих наблюдений сделать заключение, велика ли случайная составляющая в этом движении, к какому аттрактору (точке притяжения) стремится состояние системы и есть ли смысл предполагать за видимыми сменами цель» [71, с. 29, 30]. В пользу второй гипотезы склоняется Арманд даже анализ распределения минералов и химических элементов в земной коре. «Разными путями, с использованием механизмов саморегулирования и самоорганизации и без них, в земле и на поверхности идёт один процесс: наведение порядка в начальном хаосе. Обратные явления разупорядочивания, выравнивания геологических и географических сред, особенно в атмосфере и гидросфере, тоже не составляют исключения, но, судя по результатам, они явно проигрывают в мощности явлениям порядка» [71, с. 32].

Отсюда следует ещё более важный («более ответственный» по выражению А. Д.) вывод о ценности этих преобразований абиотической сре-

ды в качестве необходимой подготовки последующей эволюции живой природы и человеческого общества. «... ликвидация живого представляется возможной в любой момент, средств для этого достаточно. Воздействия на жизнь бывали различные, но значительная их часть как бы была направлена на её поддержание... И здесь в противоположность случайной картине развития мира на деле всё идет так, как будто природа со знанием дела готовит для будущей эволюции необходимые условия заранее... Законы природы при этом нисколько не нарушаются... Чтобы обеспечить себе беспредельное развитие, жизнь должна быть так устроена, чтобы сиюминутное её существование не закрывало дорогу последующим поколениям... Развитие биосферы идёт таким путём, что каждый предыдущий этап готовит последующему наилучшие условия его осуществления» [71, с. 33-36]. Но ведь уже в середине XIX века было подмечено, что эволюция биосферы идёт в направлении цефализации (см. приведённую в начале § 1 первой книги цитату из работы [7] В.И. Вернадского), а это есть направление усложнения организации. И загадка заключается именно в чрезвычайной длительности и поступательности такого процесса. «Бесспорный факт состоит в том, — пишет А. Д. Арманд, — что на протяжении почти 5 миллиардов лет эволюция Земли продолжалась неуклонно в одном направлении — усложнения и упорядочения материи — *без перерывов и возвратов*, без глобальных кризисов, разрушавших все предыдущие достижения... на первый взгляд победное шествие земных систем можно объяснить сменяющимися друг друга процессами самоорганизации. Они начинают действовать на уровне объединения атомов в молекулы и кристаллы и кончают грандиозными социальными структурами надгосударственного и наднационального ранга, но весь процесс в целом никак не укладывается в представление о случайном возникновении череды диссипативных структур. В этом случае, по крайней мере, половина из них должна была бы работать на разрушение ранее достигнутого порядка и единая направленность эволюции стала бы весьма проблематичной... В действительности нарастающие порядок преобладает, происходит накопление согласованности деталей в нашем земном доме» [71, с. 73-74].

В середине XIX века Рудольф Клаузиус (1822 – 1888) сформулировал второе начало термодинамики и нашёл его математические выражения для обратимых и необратимых процессов, введя важное понятие энтропии. Данная Клаузиусом формулировка второго начала термодинамики гласит: энтропия всякой изолированной системы стремится к максимуму (постоянна в обратимых процессах и возрастает в необратимых). Л. Больцман выяснил в 1972 г. статистический смысл энтропии как величины, зависящей от термодинамической вероятности состояния тела (для газа энтропия пропорциональна логарифму термодинамической вероятности). В формулировке Больцмана второе начало термодинамики гласит: природа стремится к переходу от состояний менее вероятных к состояниям более

вероятным. Это закономерность самопроизвольного течения процессов в природе без вмешательства целенаправленной деятельности упорядочивания. Простейший пример действия этой закономерности — беспорядочное случайное расположение шаров на бильярдном столе после начального удара по группе собранных в треугольник шаров. Собирать шары в исходное состояние перед началом новой партии должен человек, поставивший своей целью именно такое упорядочение их расположения. «Обратный же процесс перехода из беспорядочного (и тем самым наиболее равномерного) распределения элементов системы в упорядоченное состояние практически никогда сам по себе не происходит именно потому, что вероятность такого процесса совершенно ничтожна. Аналогичный результат мы получим при анализе явлений в любой системе, состоящей из большого числа однородных элементов» [56, с. 253-254]. Так почему же вопреки закону возрастания энтропии, из которого был сделан логический вывод о тепловой смерти Вселенной (см. начало § 26, кн. 1), на нашей планете идут мощные процессы нарастания порядка и усложнения форм? Подбор и реализация множества условий, необходимых для существования и развития жизни на протяжении миллиардов лет колоссально превосходят возможности нашего человеческого творчества, которыми мы так гордимся. «Если всё произошло случайно, без чьих-то усилий, то усилия требуются лишь со стороны нашего воображения, чтобы представить себе такое множество счастливых совпадений» — иронизирует А. Д. Арманд [71, с. 92]. «В каких-то звеньях логической цепи самоорганизация неизбежно предполагает счастливое стечение обстоятельств. Фантастическая сложность при фантастической слаженности процессов в живой клетке, в синтезе триллионов клеток — организме, в синтезе миллиардов организмов со средой — биосфере, в синтезе миллиардов человеческих сознаний, повисает на тонкой ниточке случайности. Это не может не поражать воображение... Больше всего поражает не сам факт организованности мира, а наше равнодушное невнимание к достижениям эволюции... Современная наука ведёт себя так, будто все секреты творения уже разгаданы и места разумному началу в нём не осталось» [71, с. 115].

Однако чем пристальнее, детальнее, глубже вникаем мы в исследование явлений природы, тем больше загадок возникает перед нами. После книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора» (1859) его идеи об эволюционном выделении человека из мира животных, изложенные в книге «Происхождение человека и половой подбор» (1871), представлялись хорошо обоснованными. Весьма убедительна логическая канва этой эволюции, изложенная в статье Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [27]. И первые редкие находки ископаемых гоминид можно было неплохо написать в эту канву. Но по мере того как число находок возрастало и уточнялись их датировки, картина постепенного развития мозга под влиянием трудовой деятельности

не только не подтверждалась, но вызывала всё большие сомнения. Из книги [72] почерпнуты следующие сведения. Самая древняя находка *Homo sapiens* в пещере Ниа близ Саравака (остров Калимантан) имеет абсолютный возраст $39\ 600 \pm 1000$ лет. Даты наиболее ранних европейских находок около 38 тысяч лет. Несравненно малочисленнее находки палеантропов (*Homo primigenius*) — неандертальцев и близких к ним форм, которые должны считаться предшественниками человека разумного на шкале эволюции. По приписываемому им геологическому возрасту они распределяются так:

вюрм (нижняя граница 70 тысяч лет) — около 70 местонахождений,
рисс-вюрм (нижняя граница 150 тысяч лет) — 13 местонахождений,
рисс-миндель-рисс (200 – 300 тысяч лет) — 4 местонахождения.

Остатки архантропов (питекантроп, синантроп, возраст которых оценивается в 700 – 300 тысяч лет, обнаружены всего в 8 местах. Характерно, что полные скелеты или значительные части их найдены только в вюрмских слоях. Во всех находках старше вюрмского возраста особи представлены несколькими костями, фрагментами костей или зубами.

Эта статистика не обрисовывает широкой дороги последовательной биологической эволюции. По мнению крупных антропологов различий между человеком разумным и людьми неандертальского типа больше, чем между последними и питекантропами. Но те немногочисленные находки, которые считаются переходным звеном от неандертальцев к современному человеку, удивляют совершенно фантастической комбинацией сапипентных (свойственных *Homo sapiens*) и звероподобных черт. Остатки десяти скелетов из палестинской пещеры Схул, по-видимому, близки между собой по возрасту (около 37,5 тысяч лет), но характеризуются исключительной пестротой антропологического состава. Некоторые основные неандертальские черты сочетаются с признаками людей современного типа, причём эти сочетания неустойчивы, резко меняются при переходе от одной особи к другой. Галерея типов Схул сильно напоминает мутации и совершенно не соответствует постепенному эволюционному формированию черт разумности в последовательности поколений под влиянием труда и общественного образа жизни. Не может не вызывать удивления, что в современной уже не бедной коллекции ископаемых гоминид не имеют убедительного представительства наши ближайшие предки.

С самого начала наиболее серьёзные научные возражения против стихийной эволюции человеческого мозга опирались на теорию естественного отбора самого Ч. Дарвина. Вопреки общим принципам эволюции внешние условия и образ жизни по-видимому не оказывали заметного влияния на биологическое развитие вида *Homo sapiens*. Мы без удивления пишем и читаем о том, что биологический вид современного человека возник несколько десятков тысяч лет назад (а до применения радиоуглеродного метода датировки считали, что сотни тысяч). Пусть изменениям при-

родных условий отводится в происхождении человека лишь роль первого толчка: вызвав однажды бурное развитие наших животных предков, они перестали впоследствии оказывать влияние на существо разумное, достигшее решающей степени независимости от природы. Но ведь производственная деятельность и общественный образ жизни — непреходящие стимулы развития. А в этом отношении от верхнего палеолита до современной цивилизации проделан величайший прогресс. Почему же это никак не отразилось на биологических характеристиках мозга, носителя прогресса? Что это так, подтверждается сравнением объёма и формы черепов людей, живущих в условиях современной цивилизации, с представителями отсталых племён и ископаемыми находками. Антропологи утверждают, что нет высших и низших человеческих рас, и низкий уровень производственно — общественных достижений народов нигде не сопровождается биологической отсталостью — менее совершенным мозгом. Мозг племён, находившихся на уровне первобытной жизни ко времени открытия их европейцами, оказался вполне подготовленным не только для восприятия всех достижений современной цивилизации, но и для полноценного участия в её дальнейшем развитии. Приходится признать, что все биологические особенности человеческого мозга, позволяющие осмысливать наиболее абстрактные общие закономерности мироздания, обрели сразу свою законченность и отточенность в процессе изготовления примитивных каменных орудий труда и формирования первобытного языка, после чего мозг утратил способность к дальнейшему биологическому развитию.

При всей серьёзности отмеченных здесь трудностей в объяснении происхождения человека они не получают в науке статуса решающего опровержения теории Ч. Дарвина. Во-первых, потому, что у науки нет оснований отказываться от общей концепции эволюции биологических форм, обрисовываемой иерархией всех известных видов растений и животных, причём не только существующих в настоящее время, но и ископаемых остатков. Во-вторых, наука не может, удовлетворяясь ссылкой на божественное сотворение, отказаться от стремления выяснить, как это сотворение происходило. В-третьих, до сих пор наука не обнаруживает присутствия во Вселенной разума, превосходящего человеческий, которому можно было бы приписать плодотворное вмешательство в происхождение человека, например, с помощью целенаправленного искусственного отбора или генной инженерии. При таких обстоятельствах не остаётся ничего иного, как признать спонтанное развитие биологического вида *Homo sapiens* под влиянием случайных благоприятных изменений и их последующего закрепления механизмом естественного отбора. И кто же возьмётся подсчитывать вероятность неведомых случайностей? Правда, в качестве приблизительной оценки можно подсчитать нечто более простое. А. Д. Арманд пишет: «Известны ссылки на то, что времени 4,5 миллиардов лет, которое было отведено на развитие жизни, совершенно недостаточно. Если путём

перебора попытаться собрать 2000 ферментов, действующих в теле бактерии, то вероятность найти единственный нужный вариант за 1 миллиард лет составит $10^{-39\ 950}$. Для организма человека с его 25 тысячами ферментов эта вероятность опускается до $10^{-599\ 950}$... Так что же, жизнь во Вселенной не только может быть, но и *обязана* быть событием с ничтожно малой вероятностью? Да, при выполнении одного небольшого допущения: независимости событий, вероятность которых оценивается. Если принять обратное: условия, способствующие жизни, *согласованы между собой*, то весь поражающий воображение антураж невероятно низких вероятностей немедленно осыпается как осенние листья. Для этого следует лишь допустить существование *программы по согласованию во вселенском масштабе* множества параметров, регулирующих ход эволюции. Программы космической самоорганизации» [71, с. 152-153].

Это весьма веское добавление к антропному принципу космологии. Оказывается, что недостаточно выбрать фундаментальные параметры материи и осуществить их реализацию с целью обеспечения высокой плодотворности материи и спонтанного течения процессов эволюции материальных форм. Для того чтобы эволюция вела к появлению живых организмов и развитию их в направлении цефализации (см. начало § 1 в кн. 1), требуется дополнительно специальная программа или система программ. С необходимостью управляющих программ мы сталкиваемся при создании автоматических действующих устройств, особенно — в робототехнике, и остро ощущаем свою неспособность воспроизвести такое широко распространённое в природе программирование, которое позволяет семенам растений «конструировать» из содержащихся в почве веществ различные виды фруктов, овощей, трав, деревьев. А что касается существования *«программы по согласованию во вселенском масштабе* множества параметров, регулирующих ход эволюции», то допущение её повлечёт за собой переход к представлению об иерархии разумных сущностей во Вселенной, заполняющих огромный диапазон от Творца Вселенной до человека.

Действительно, если бы Творцом Вселенной были обеспечены не только фундаментальные параметры материи, но и программа всей её последующей эволюции, то это по существу не отличалось бы от принципа предопределённости атеиста Лапласа. Ведь создателю теории небесной механики, позволяющей вычислять положения небесных тел для любых моментов времени в прошлом, настоящем и будущем, представлялось вполне естественным, что все события в мироздании могут быть лишь такими, какие предопределены непреложными законами материи. Вот эти законы и играли бы роль программы космической самоорганизации. Даже беспокоившая всегда мыслителей проблема свободы воли решалась наиболее последовательными атеистами и верующими в Бога жёстко детерминистически. Знаменитый физик Людвиг Больцман не отказывался от «идеала науки представить дух и волю как “сложные действия частиц материи”» (бы-

ло цитировано в первой книге в конце § 4 по книге [21, с. 305]). А люди религиозного настроения считают, что “от судьбы не уйдёшь” и даже волос с головы человека не упадёт без Воли Божьей. Крайности сходятся. Одни возлагают на сознательного Творца и Вседержителя неба и земли заботу о мельчайших событиях и ответственность за каждую слезу ребёнка, а другие, отрицая Творца, возлагают аналогичные функции на бессознательную материю с её закономерностями. В обоих случаях требуется признавать свободу воли человека иллюзорной, заставлять себя думать вопреки фактам и здравому смыслу, что это нам только кажется, будто мы способны делать выбор в определённых пределах, направляя ход событий по той или иной траектории. Но факты и здравый смысл подсказывают, что вернее будет признать иллюзорной жёсткую предопределённость как на религиозной, так и на атеистической почвах.

Признание жесткой предопределённости отделяло бы ничем не заполненной пропастью низшие ступени разума, включая человеческий, от разума божественного, и лишало бы людей не только стимула к познанию законов природы, но и к какой-либо творческой деятельности. Тем самым абсолютная предопределённость обедняла бы содержательность процесса проявления Вселенной как в части выращивания нового творческого разума, так и в части богатства выявлений отношений и форм на основе только первичной жёсткой программы Творца Вселенной. Однако нужно научиться отличать от предопределённости необходимость причинно – следственных связей. Например, если человек пристрастился к употреблению наркотиков, то он обрекает себя на разрушение своего психического и физического здоровья и преждевременную смерть. Судьба ли это? Конечно нет, ибо есть люди, которые осознав последствия вредной привычки, могут своевременно отказаться от неё усилием собственной воли или с помощью целителей и тем изменить ход будущих событий. Но если возможность благоприятного выбора не использована во время, то болезненные разрушения в организме могут стать необратимыми и ранняя смерть неизбежной. Аналогичным образом всё земное человечество должно опереться на свою разумность и силу, чтобы сознательно изменить образ мыслей и образ жизни прежде, чем порождаемые ими следствия сделают неизбежным отклонение биосферы планеты от действовавшего до сих пор аттрактора к опасному для нас новому аттрактору (см. конец § 1, кн. 1).

В понимании своей человеческой деятельности мы пользуемся более гибкими и точными представлениями о сочетании материи и разума как необходимых предпосылок творческого процесса выявления новых форм. Разумное вмешательство в спонтанные процессы не нарушает законов природы, а использует их действие. Например, на этом основывается сооружение дамб для защиты от затопления водой низменных участков суши. Не исключено, что в результате естественных процессов, происходящих без участия людей, могут возникнуть возвышения на берегах моря,

но сооружение целесообразно расположенных возвышений и поддержание их в состоянии, гарантирующем от затопления территорию Нидерландов, требует непрерывного творческого человеческого участия. У нас это не вызывает сомнений, поскольку мы знаем или можем узнать при желании, кто занимается поддержанием дамб в надлежащем порядке. Но если бы какие-нибудь инопланетяне, не знающие ничего о разумных обитателях Земли, вели на протяжении достаточно длительного времени наблюдения за береговой линией Балтийского моря и обнаружили, что некоторые прибрежные участки суши находятся ниже уровня моря, то пришлось бы предположить существование заградительного возвышения. Возникновение такого возвышения пришлось бы приписать некоторым случайностям формирования рельефа, чтобы воздержаться от более смелой и трудней доказуемой гипотезы об участии в их сооружении не обнаруженных ещё разумных существ. Не так ли и мы, обнаруживая в явлениях природы признаки целенаправленной деятельности, но не находя самих разумных деятелей, отказываемся признать существование последних? В борьбе с религией, не утруждавшей себя поиском причин явлений, в научных кругах выработалось неприязненное и ироническое отношение к «лёгкости объяснения нерешённых проблем сознательным вмешательством неземных разумных факторов» [3, с. 91]. Эта ирония оправдана в тех случаях, когда ссылками на божественную премудрость и вмешательство неведомых разумных сил прикрывается неспособность или нежелание выяснять механизм конкретного творческого процесса. Но ирония бьёт мимо цели, превращаясь в черту ретроградности, если речь идёт о научном выявлении самого фактора разумности с целью последующего воспроизведения людьми технологии разумного вмешательства. Как грамотный инженер способен с помощью познанных законов природы сконструировать и организовать производство радиотехнических устройств от простейших до весьма сложных, так земному человечеству предстоит в ходе научно-технического и нравственного возмужания принимать на свои плечи обеспечение тех космических условий жизни на планете, которые прежде были ему неподвластны. В числе первоочередных задач будут, по-видимому, меры по поддержанию и улучшению жизнедеятельности биосферы, по сохранению и восстановлению благоприятных свойств атмосферы (в частности озоносферы), защите от астероидной и метеоритной опасности.

В книге [71] не только описаны явления и процессы, требующие для своей реализации целенаправленного воздействия, но и рассматриваются некоторые механизмы, способные обеспечить целенаправленность. Это существенный шаг к познанию загадочных регуляторов, хотя и не снимающий полностью вопрос о причинах, включающих действие механизмов в нужный момент и в нужном направлении. А. Д. Арманд ставит на первое место регулирование содержания двуокси углерода в атмосфере. «В наши

дни благодаря присутствию углекислого газа в количестве 0,34% от массы атмосферы, а также метана и паров воды, поддерживается температура на 33 °С выше, чем она была бы в отсутствие парникового эффекта. Вместо средней по природным зонам температуры +15 °С мы имели бы -18 °С на поверхности печально безжизненной Земли. Вспомним, что критическая температура, при которой может начаться обвальное необратимое похолодание, — +7 °С. С другой стороны, существование земной жизни в среде, подогретой до +40 °С также весьма проблематично... Если флуктуации мантийных процессов до сих пор не вывели Землю за границы возможного существования жизни, то не исключено, что это заслуга самой жизни» [71, с. 40]. Исследование механизмов регулирования параметров природной среды и широкая пропаганда результатов таких исследований чрезвычайно важны в качестве сдерживающего фактора безоглядного и безответственного наращивания техногенных угроз среде нашего обитания. Вместе с тем такими исследованиями и в особенности принимаемыми на их основе мерами мы должны готовить себя к исполнению обязанностей полного управления условиями жизни на своей планете.

Камнем преткновения на пути осознания разумного целенаправленного вмешательства в процессы природы, кажущиеся нам самопроизвольными, является то, что мы не обнаруживаем самих разумных деятелей, обладающих сверхчеловеческим могуществом. Вот если бы наука доказала существование «космического чуда» (термин И.С. Шкловского) хотя бы в других галактиках, то можно было бы допустить в качестве приемлемой гипотезы вмешательство космических сверхцивилизаций и в земные дела, возможно даже тщательно замаскированное под естественные процессы. Мы могли бы понять необходимость в такой маскировке и по новому оценить почти не замечаемые сейчас признаки космических визитов в далёком прошлом (если не в настоящем) времени. Но что мы могли бы сказать об облике высокоразумных представителей сверхцивилизаций? Антропным принципом космологии уже привлекательно внимание науки к гипотезе о причастности космического разума к тонкой настройке системы фундаментальных параметров материи наблюдаемой нами Вселенной. Но было бы расценено как грубая наивность требование указать доступную нашим восприятиям форму материального воплощения Творца Вселенной, потому что механизмы восприятий наших органов чувств основаны на взаимодействиях элементарных частиц, атомов и молекул, которых не было в состоянии сингулярности Вселенной.

Уже сейчас открыто наукой и подтверждается опытом, что глубокие истоки закономерностей и процессов, наблюдаемых в корпускулярном чувственно воспринимаемом мире, находятся в более тонких уровнях материи, овладение которыми открывает перед людьми невиданные прежде возможности воздействия на корпускулярные формы. За постепенным перемещением человеческой деятельности в тонкоматериальные сферы про-

сматривается перспектива освоения их как естественной области обитания высокоразвитого разума. Но то, что представляется дальней перспективой для нашей цивилизации, не могло ли стать реальным завоеванием для существ, с которыми связываются наши представления о сверхцивилизациях II и III типов? Тогда придётся признать, что сверхцивилизации не будут нуждаться в астроинженерных сооружениях, требующих использования энергетических мощностей звезды или даже галактики. Целью высокоразвитого разума скорее будет тонкое корректирование и совершенствование естественных процессов созидания, протекающих под действием общих закономерностей материи разных уровней. А технологическая стадия цивилизации, представляющаяся нам высшим достижением, может в действительности оказаться всего лишь “ученической задачей” для разума, не достигшего ещё подлинно космической степени могущества в овладении различными формами материи. Во всяком случае, симптоматично, что попытки обнаружить нечеловеческую астроинженерную деятельность остаются до сих пор безрезультатными, тогда как признаки целесообразного участия нечеловеческого разума в иницировании и регулировании процессов в природе и человеческом обществе всё больше обращают на себя наше внимание. То, что прежде мы таких признаков не замечали или не придавали им должного значения, свидетельствует о гармоничном сочетании искусственных воздействий со спонтанным течением событий, или, грубо выражаясь, об искусной маскировке искусственных воздействий под естественные процессы. А есть ли надобность в маскировке? В одних отношениях есть, в других — нет, и сочетание скрытости с открытостью воздействий определяется соображениями целесообразности для решения конкретных задач.

Коль скоро чувственным восприятиям людей недоступны тонкоматериальные сферы бытия, их высоко разумным обитателям не нужно предпринимать специальные меры, чтобы не привлекать к себе человеческое внимание. Напротив, проявления таких существ в корпускулярном (плотном) мире требуют отказа от свойственного им образа жизни и деятельности ради выполнения запланированных миссий. По-видимому, открытый контакт их с земными людьми был в древности общеизвестным фактом, призванным дать наглядное представление людям о предстоящих им великих достижениях и отразившимся в преданиях многих народов о днях, «когда ещё для смертных небеса и сами боги были ближе и доступней» (Лонгфелло, «Песнь о Гайавате», гл. XII). Но зримое присутствие непостижимо могущественных и мудрых существ, способных оказать помощь и вместе с тем предъявляющих определённые требования к поведению и образу жизни людей, не способствовало воспитанию самостоятельности и ответственности в земном человечестве, не могло не развивать в нём иждивенческих настроений. Потребительское отношение к всесильным существам, стремление возложить на них функции обслуживания челове-

ских нужд ярко отразилось в сказках (о джингах, скатерти-самобранке, золотой рыбке и щуке, откупившихся обещанием выполнять все желания человека). Поэтому на смену начальному этапу открытых контактов и наставничества должно было прийти предоставление людям максимальной самостоятельности в обстановке кажущейся космической изолированности, без чего не могут быть выработаны достаточно активная воля к жизни и созиданию, разносторонность опыта, гуманность, ответственность за свои поступки и мысли, и прочие качества, необходимые для будущего полноценного участия в космическом творчестве. Сама потребность в космическом творчестве должна была взреть в человечестве в ходе земной деятельности, направленной на благоустройство жизни сначала через умение пользоваться дарами природы, а затем на путях гармонизации производства, экологии, общественных отношений.

Режим космической изолированности земной цивилизации, по-видимому, выдерживается без абсолютной строгости, если время от времени в различных местах наблюдаются неопознанные летающие объекты, явления которых мало чем могло бы вразумить древних людей, но для нас становится весьма многозначительным. Однако происходят подобные явления настолько дозировано, чтобы только не дать угаснуть хотя бы в некоторых людях мечте и догадке о жизни в космосе. Общедоступное раскрытие этой великой истины лишь тогда станет своевременным, когда человечество дозреет в своём интеллектуальном и нравственном развитии до осознания её естественной необходимости и сможет выработать в себе правильное отношение к высшим уровням разума не как к чудотворцам, а как к более умелым, ответственным и самоотверженным сотрудникам в необозримой иерархии вселенского творчества. Задача не в том, чтобы высшие проявляли себя в форме, доступной восприятию низших, а в том, чтобы низшие устремлялись к пониманию высших и посильному сотрудничеству с ними в интересах тех и других. Наглядные иллюстрации к этой проблеме можно найти и в человеческой жизни. Л.Н. Толстой по своим соображениям испытывал потребность в приобщении к жизни бедного трудового народа. Он не только работал на пашне и сенокосе, но, живя в Москве, ходил на Воробьёвы горы пилить дрова с мужиками из Калуги и Владимира [73]. Скорей всего, Толстому приходилось скрывать от напарников и работодателя, что он является богатейшим помещиком, чтобы не вызывать к себе отношения как к безумному чудаку. Но если такое разоблачение малограмотные люди ещё могли бы оценить на свой лад, дескать “чудит барин”, то вряд ли они поняли бы значительность того факта, что зарабатывали гроши тяжёлым физическим трудом вместе с великим писателем, мыслителем, светочем мировой культуры. Чтобы понять Толстого с этой стороны, нужно иметь не только образование. Вот Махатма Ганди понимал Льва Толстого и считал его своим духовным учителем.

Осуществление дифференциаций Абсолюта, ответственных за существование иерархии форм материи от глубочайших до познаваемых на-

ми в обликах элементарных частиц, характеризующихся фундаментальными параметрами, от которых зависит закономерно обусловленная программа крупномасштабной эволюции Вселенной — прерогатива и сфера ответственности Творца Вселенной. На этом уровне закладывается тот “автоматизм”, который мы воспринимаем как самопроизвольное стихийное развёртывание природных процессов. Обнаруживая недостаточность одного только этого автоматизма для возникновения и устойчивого функционирования наблюдаемых многообразных форм жизни, мы приходим к представлению о неких субпрограммах, разработка, настройка и реализация которых на базе имеющейся материи и законов её движения могла бы стать задачей разумных усилий меньшего масштаба и могущества, чем у Причины Космоса. И если одной из задач эволюции Вселенной является выращивание новых субъектов разумного творчества, то для них должны быть предоставлены соответствующие поля деятельности, хотя и ограниченные фундаментальными свойствами материи текущего цикла, но ещё достаточно обширные. Обнаруживая признаки тонкой и разносторонней регулировки в сложной системе «Гея», мы имеем уверенность в том, что это пока ещё дело не наших рук и разума. Тогда чьё же? По-видимому, должна быть инстанция космической разумности, ответственная за ход эволюции каждой планеты и подготовку её к возникновению разумной жизни. Развившемуся на планете разуму предстоит на определённом этапе принять на себя всю ответственность за свою собственную судьбу и судьбу планеты, готовясь таким образом включиться в сознательное космическое творчество на более высоких уровнях. Подобно тому как в современной земной цивилизации ощущается нехватка творческих сил, готовых сознательно и самоотверженно работать на общее благо прорыва в космическое будущее, так и пополнение более высоких уровней новыми разумными помощниками и сотрудниками не будет считаться лишним. Подключение молодого разума, развившегося в текущей фазе проявления Вселенной, к творческому решению задач эволюции, позволяет сделать эволюционные процессы более эффективно и тонко регулируемые (в определённом месте в определённое время), что в сочетании с автоматизмом общих закономерностей материи, делает более продуктивной эволюцию всей Вселенной в смысле выявления богатств содержания Абсолюта. Помощь в обратном направлении, сверху вниз, конечно не исключается, но неуместно было бы творческим силам высшей ступени решать задачи, которые в принципе могут быть решены менее развитым разумом, как бессмысленно преподавателям выполнять за учеников домашние и контрольные задания. Тем более не будет оправданным допуск в сферы высшей космической деятельности цивилизации, не доросшей до обеспечения собственной жизнеспособности, подобно тому, как ради блага общества нельзя давать дипломы врачам, педагогов, инженеров студентам — двоичникам.

Глава 6.

МОЛЧИТ ЛИ КОСМОС ?

§ 34. НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОСМИЧЕСКОМ РАЗУМЕ

Поиск космического разума есть проблема науки. Для религии это не было проблемой, требующей решения, ибо религия исходит как раз из веры не только в божественный разум Творца и Вседержителя Вселенной, но и в существование разумных обитателей Царства Небесного. В Евангелии сказано: «из рождённых жёнами, не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его» (Мф., 11, 11). Иисус Христос многократно говорит о могущественном Отце Небесном, дарующем необходимые условия жизни земным существам. Однако религия относит Царство Небесное в “мир иной”, не земной, не телесный, не плотный. Наличие же телесных обитателей с телесным населением в надземном мире отрицалось потому, что религиозная традиция не знала, что такое видимое небо и видимые небесные светила, а единственной обителью людей считала Землю, сотворённую в качестве центра мироздания. Именно проникновению в тайны видимого неба блюстители чистоты веры противились как тщетной дерзости человеческого ума, не угодной Богу.

Мировоззрение классической науки формировалось в противоборстве с религиозным представлением о небе и земле, и существование Царства Небесного в религиозном понимании было неприемлемо для классической науки. Мир неба раскрылся перед астрономией и физикой как бесконечная система тел, в которой могут и, по-видимому, должны существовать планеты, подобные Земле, возле звёзд, подобных Солнцу. Это и есть миры иные в классическом научном понимании, допускающем населённость тех миров разумными существами, похожими на земных людей, или отличными от нас по форме. Такие обитатели небесных тел и поныне считаются в научных кругах единственными возможными носителями внеземного разума, состоящими, при всех возможных различиях их форм, из одних и тех же во всей во всей Вселенной элементарных частиц и атомов. Тонкость различения терминов “неземной разум” и “внеземной разум” заключается в том, что обителью неземного разума признаётся не воспринимаемый нашими органами чувств мир иной, а для внеземного разума допускается в качестве области существования только «тот вещественный чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами» и который «есть единственный действительный мир» [4, с. 285] для классического научного мировоззрения. Ни религия, ни наука до сих пор не смогли предъявить широкой публике

“вещественные доказательства” истинности своих представлений о не-земной разумной жизни, и это обстоятельство, по-видимому, надлежит расценить как свидетельство недостаточной глубины понимания людьми самой интригующей и может быть самой актуальной тайны бытия. Даже в современной науке есть теории, требующие для их осмысления многолетней специальной подготовки, без которой проблема может быть очерчена лишь с искажающими её огрублением и упрощением. А таинство жизни и разума пока ещё остаётся недостижимым для земной науки. Тем больше у нас причин ценить перспективы развития и устремление в будущее.

Зарождавшаяся в эпоху Коперника, Галилея, Кеплера классическая наука восприняла чисто умозрительно идеи Джордано Бруно о множественности обитаемых небесных тел во Вселенной. Столетия хватило на то, чтобы всеобщее признание в науке завоевало «представление о **тотальной населённости Космоса**», — писал И.С. Шкловский, — «... почти не было в XVIII – XIX веках учёных и философов, которые дерзнули бы выступить против концепции множественности обитаемых миров» [3, с. 80-81]. Но по мере того как исследователи от умозрительной убеждённости в существовании вне Земли братьев по разуму переходили к конкретной работе поисков их сначала в солнечной системе, а затем и возле других звёзд, угасали надежды на контакт с космическими цивилизациями в настоящем и достоверное обнаружение следов контакта в прошлом. Тема стала не престижной для солидных учёных. В середине XX века И.С. Шкловскому пришлось предпринимать смелые усилия для возбуждения деятельного интереса научной общественности к проблеме разумной жизни во Вселенной. Он выполнил глубокий и разносторонний анализ этой проблемы, но пришёл в результате к тому выводу, «что мы одиноки, если не во всей Вселенной, то, во всяком случае, в нашей Галактике или даже в Местной системе галактик» [3, с. 92]. Приведём пояснение из статьи [65, с. 91]: «Наша Галактика принадлежит к Местной группе галактик, которая в свою очередь примыкает к скоплению галактик с центром в направлении созвездия Девы. Скопление галактик в Деве содержит более тысячи членов и имеет размер ≈ 3 Мпс» (10 миллионов световых лет, ибо 1 парсек равен 3,26 световых лет — А.С.).

Как было сказано в § 33, Шкловский опирался на «два основных эмпирических факта, имеющих решающее значение для обсуждаемой проблемы: 1) вся совокупность современных астрономических наблюдений, насколько можно сейчас судить, по-видимому, **исключает** существование где бы то ни было во Вселенной “космического чуда”; 2) имеющиеся данные совокупности наук о Земле (включая биологические и гуманитарные) **исключает** возможность посещения или колонизации нашей планеты представителями каких бы то ни было **внеземных цивилизаций**» [3, с. 89]. Но если по отношению к первому из этих фактов

Шкловский допускает возможность некоторой поправки в том смысле, что «наши критерии “искусственности” < космических радиосигналов > весьма несовершенны» [67, с. 92-93], то второй факт представлялся ему бесспорным. Вряд ли до И.С. Шкловского не доходила информация о поисках следов космических палеовизитов, тем более что с известным инициатором таких поисков М.М. Агрестом (см. [74], [75]) его связывала тесная дружба с 1938 года [76]. Но для того чтобы хоть одно из указаний на контакт земных людей с неземным разумом в древности или в наши дни могло быть переведено из разряда гипотез в ранг признанного факта, заставляющего предпринять кардинальный пересмотр системы научных представлений, требуется такое сочетание неоспоримых доказательств, каким не обладали вначале даже открытия Николая Коперника, Альберта Эйнштейна, Германа Минковского, Нильса Бора, Александра Фридмана, Эдвина Хаббла. Может ли спорность одного свидетельства быть преодолена накоплением большого количества свидетельств? Если и может, то лишь при условии выработки новой системы взглядов, теоретически хорошо обоснованной, в которую оспариваемые свидетельства укладывались бы ненасильственным образом в качестве естественных логических следствий. В противном случае господство устоявшихся теоретических представлений влияет на отбор и оценку фактов, способных противоречить ему, как было отмечено и проиллюстрировано в §4 книги 1 (между (2.8) и (2.9)).

На попрёк в том, что католическая церковь до сих пор не отменила специальным покаянным заявлением обвинение Джордано Бруно в еретиčnosti учения о множественности населённых разумными существами планет во Вселенной, один из священников заявил недавно по телевидению, что ведь и наука не обнаружила пока таких планет или их обитателей, и потому нет причин для согласия с взглядами Бруно в этом отношении. Деятели науки, со своей стороны, не усматривают убедительных доступных опытной проверке доказательств сохранения сознания умерших людей и проявления активности в доступном наблюдениям мире плотной материи разумных существ, не принадлежащих этому миру.

Вместе с возникновением в человеческом сознании страстного интереса к обнаружению братьев по разуму вне Земли, сложилась убеждённость, что и для неземных разумных существ мы, люди, должны быть предметом живейшего интереса, и потому если для них контакт с нами станет доступным, то они непременно воспользуются такой возможностью. А уж если ни мы к ним, ни они к нам не прилетают, то вполне понятным препятствием к тому служит непреодолимость барьеров пространства и времени в космосе. Но стоит лишь подняться до необходимого научно-технического уровня, как эти барьеры удастся преодолеть и тогда препятствий для небывалого космического общения не будет. В научных кругах проблема контакта земного разума с неземным (в обоих

отмеченных выше аспектах последнего) ещё не исследуется всерьёз в связи с недоказанностью реальности предмета исследований. Но в научной фантастике XX века (начиная с романа А.А. Богданова «Красная звезда», изданного в 1908 году) разрабатывается представление о скрытом контакте, или контакте одностороннем, когда высокоразвитый разум считает нужным не обнаруживать явно своё присутствие и участие в жизни менее развитой цивилизации. Это весьма плодотворное представление, ибо оно побуждает обратить внимание на признаки и проблемы высокой разумности, а также на задачи, стоящие перед нашей, ещё не достигшей космического уровня разумности, цивилизацией. В русле подобных размышлений в обстановке расширения и углубления современного научного понимания материи станут обретать черты реальности догадки об освоении разумом тонких уровней материи в качестве среды обитания, и тогда произойдёт существенная трансформация смысла терминов «земной» и «небесной».

Для разумных существ, поднявшихся до овладения миром тонкой материи, межпланетные и межзвёздные сообщения станут гораздо более доступными, чем для нас в мире плотном. Ведь и мы сами начали делать первые шаги за пределы родной планеты именно в связи с успехами проникновения вглубь материи. Поэтому к сообществу высокоразумных обитателей тонкого мира будет приложим тот смысл, который мы вкладываем в понятие *космической* цивилизации. А если такое сообщество будет концентрировать свою творческую активность на нашей Земле, то это не принизит его космического, небесного статуса. С другой стороны цивилизацию, необходимым условием жизни которой служит привязанность к природным условиям определённой планеты, будь эта планета даже в другой галактике, мы не имеем оснований причислить к классу космических цивилизаций, поскольку она подобна нашей земной цивилизации, ещё не достигшей полноценного уровня космичности и в этом смысле не заслуживающей названия небесной. Уместно уточнить этот термин следующим образом: разумные существа мира небесного овладевают таким постижением и практическим использованием материи и законов бытия, которые по глубине намного ближе к действительности, истинности, чем доступные сегодня нам, детям земной цивилизации. «Под миром небесным поймем мир действительно сущего» [91, том I, 04.08.1960].

Таким образом, разногласия между наукой и религией по проблеме разумной жизни в космосе подобны спору двух глухих, не слышащих доводов друг друга. Церковные круги во времена Коперника и Галилея не признавали существования в небесах других земель и солнц, кроме нашей Земли и нашего Солнца, и тем более не допускали обитаемости небесных светил. Научная общественность, напротив, с готовностью восприняла идеи Джордано Бруно, и до сих пор, несмотря на бесплодность поисков братьев по разуму в космосе, хочет видеть их только во

плотей, традиционно отрицая реальность мира иного, а тем более — его разумных обитателей. Эти два ряда представлений, якобы исключаящих друг друга, перестают быть несовместимыми для того мировоззрения, которое очерчено кратко в предыдущей главе о Причине Космоса и иерархии разумных творческих сил, действующих во Вселенной. Однако такое мировоззрение не пользуется пока признанием ни в религиозных кругах, ни в научных. Те и другие не видят причин изменять свои привычные убеждения не потому что таких причин нет, а лишь потому, что проблема поиска внеземного разума ещё не обрела для них насущной актуальности.

Религиозные пастыри и паства довольствуются слепой верой в Бога и его Святых, стимулируемой главным образом надеждой на помощь свыше (“подай, Господи!”) в делах умножения численности церковных приходов и избавления от бытовых неурядиц и болезней. Удовлетворённость наступившим в России единением церкви со светской властью не обязала пока партнёров этого единства безотлагательно и с серьёзной ответственностью озаботиться борьбой против повального упадка культуры и нравственности в коррумпированном государстве, против половой распущенности при катастрофическом росте сиротства и беспризорности детей, против развращения молодого поколения страстью к наживе, карьеризму, против культивирования интереса к грабёжам и убийствам в “свободных” средствах массовой информации. Уж если в прошлые века при господстве патриархальных традиций религия не служила достаточно эффективным средством нравственного совершенствования подавляющего большинства индивидуумов и общества в целом, то в наши дни ещё меньше надежд на очищающий и возвышающий эффект религиозности, если её иррационализм не будет получать рациональной подпитки в осознании того, как отвлечённое в религиозном толковании Царство Небесное связано с ценностями жизни каждой личности, и почему действительно важно «собирать свои сокровища на небе» (Мф., 6, 20). Способна ли церковь понять, что на пороге космической эры для устремления людей к Царству Небесному необходимо более ясное, научно обоснованное понимание его, чем две тысячи лет тому назад?

За исключением некоторых учёных, привлекавшихся в обстановке секретности к исследованию явления неопознанных летающих объектов (НЛО – UFO) во второй половине XX века, для научной общественности в целом эта тема, а точнее, её космонавтический аспект, имеет нелестную репутацию наподобие той, какую имел спиритизм в конце XIX века. Но нашлись в научном мире энтузиасты, которые, не связывая своих изысканий с НЛО, сумели поставить в повестку дня проблему поиска внеземного разума. Заметной вехой на этом пути стала публикация в 1962 году (к пятилетию запуска первого искусственного спутника Земли) книги И.С. Шкловского «Вселенная, жизнь, разум», которая затем многократно пере-

издавалась в СССР и за рубежом. По инициативе Н.С. Кардашёва и И.С. Шкловского при поддержке академика В.А. Амбарцумяна в октябре 1964 г. проведена первая Всесоюзная Бюраканская конференция по внеземным цивилизациям. Вторая, уже Международная Бюраканская конференция на эту тему состоялась в сентябре 1971 г. и вошла в историю также под названием первой советско-американской конференции SETI (Communication with Extraterrestrial Intelligence — связь с внеземным разумом). В рамках научных программ по теме SETI (получившей в наши дни также обозначение SETI — Search (поиск) внеземного разума) в ряде астрономических обсерваторий проводятся работы по анализу космического радиоизлучения на предмет обнаружения сигналов искусственного происхождения. Одним из ответвлений тематики SETI стали работы по поиску планетообразных спутников у звёзд, и в этом направлении достигнуты существенные успехи как в совершенствовании техники наблюдений с высокой разрешающей способностью, так и в области добытых результатов. Большая ценность подобной деятельности несомненна, поскольку она расширяет и углубляет наши знания о Вселенной. Кроме того, по каналам популяризации достижений науки интерес к поискам внеземного разума эффективно проникает в сознание широких масс, подготавливая почву для грядущих философских обобщений с неизбежным выходом на проблемы космической этики и нравственности.

Сейчас мы находимся в преддверии синтеза религиозных представлений о неземном разуме с научными представлениями о внеземном разуме при активной и плодотворной роли научного познания и его преобразующего воздействия на жизнь человечества. Если в прежние века дистанция между этими двумя родами представлений была настолько велика, что казалось необъяснимой аномалией совмещение в великих умах физика Исаака Ньютона, биолога Чарльза Дарвина, физиолога Ивана Петровича Павлова реализма естествоиспытателей с мистической верой в Бога, то перед современным научным пониманием материи падают непреодолимые для классического материализма препятствия к заинтересованному исследованию учений великих мировых религий на предмет обнаружения в них космических истин. А сторонники религиозного отношения к жизни могут утверждать свои позиции с опорой на научные открытия. Но нужно иметь в виду, что для динамизма и самокритичности науки радикальный пересмотр укоренившихся взглядов на исследуемую действительность является делом обычным и необходимым условием успешного развития, а для религиозных конфессий консерватизм служит главным средством предохранения от размывающего воздействия других верований и сектантских ересей. Поэтому инициативы в выработке синтеза мировоззрений следуют ждать от науки.

§ 35. ХРИСТИАНСКОЕ ЕВАНГЕЛИЕ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРОЯВЛЕНИЯ НА ЗЕМЛЕ КОСМИЧЕСКОГО РАЗУМА

Сторонники реальности космических визитов в древности уделяют главное внимание материальным памятникам и свидетельствам. Коллекция подобных находок не лишена интереса и важности. Разновидностью их являются упоминания в мифах, Священном Писании и его апокрифах о пришельцах с неба, их деятельности и снаряжении. Но самые впечатляющие и загадочные древние сооружения представляются не столько свидетельствами космической разумности, сколько памятниками человеческого безумия и идолопоклонничества. Такова мегалитическая культура. Очень трудно согласиться с тем, что разумные существа из космоса поощряли людей Земли строить с величайшим напряжением сил и средств экономически бесполезные гигантские пирамиды в различных частях света или выкладывать из камней в пустыне Наска огромные изображения, охватить которые взглядом можно только с большой высоты. Зато можно понять потребность служителей религиозных культов в купе с земными правителями утвердить свою власть в обществе через поклонение символам могущества сверхчеловеческого.

В XX веке массовое распространение образованности при одновременном небывалом прежде усилении массовых убийств и разрушений в мировых и региональных войнах ярко высветило глубины неразумности и безнравственности человеческого общества в государственных объединениях и в глобальной целостности. Это с болью сознавали, об этом публично предупреждали многие чуткие и гуманные умы. Ограничимся здесь двумя высказываниями, датированными симметрично относительно середины века. В 1917 году Максим Горький писал: «Вражда между людьми не есть явление нормальное — лучшие наши чувства, величайшие наши идеи направлены именно к уничтожению в мире социальной вражды... Речь идёт... о миллионах жизней, бессмысленно истребляемых чудовищем Жадности и Глупости. Когда подумаешь об этом — холодное отчаяние сжимает сердце, и хочется бешено крикнуть людям: — Несчастные, пожалейте себя!.. Мы должны извлечь из безумных событий разумные уроки, памятуя, что всё, что называется Роком, Судьбою, есть не что иное, как результат нашего недомыслия, нашего недоверия к себе самим; мы должны знать, что всё, творимое на Земле, творится единственным Хозяином и Работником её — Человеком» [77, газета «Новая жизнь», №№ 2, 4, 8]. Высказывание Владимира Тендрякова в романе «Покушение на миражи», оконченном в 1982 г., поставлено мною эпиграфом к §1: «Но теперь-то угрожает не некий гипотетический гнев божий, мы губительно опасны самим себе своим возросшим могуществом, своей необузданной энергией, своим неуправляемым поведением» [6, с. 30].

Если осознание кардинальных причин опасностей для настоящего и ещё более для будущего существования земного человечества вызревало на протяжении веков труднейшей истории и до сих пор не привело к надёжному безвозвратному отказу от инстинктов звероподобия, то достоин величайшего удивления тот факт, что концентрированное выражение основных условий спасительного человеколюбия было явлено две тысячи лет назад и до сих пор считается лишь прекрасной мечтой, недостижимой в полной мере для людей. Ещё более удивительно, что эта мечта не выветривается окончательно из памяти человечества, для которого на деле привлекательны совсем иные цели с иными средствами их достижения. В начале XXI века вряд ли найдётся идеологическое течение, претендующее на серьёзную глубину, которое стало бы оспаривать, что учение Иисуса Христа обладает признаками сверхчеловеческой разумности и нравственности и потому могло быть даром космической мудрости людям Земли, т.е. Небесным даром. А относясь с уважением к изложенному в Евангелии учению Христа, почему мы должны оказывать специальное недоверие к его небесному происхождению, утверждаемому самим Иисусом? «Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Иоанн, 8, 23). «Я от Бога исшёл и пришёл; ибо Я не Сам от Себя пришёл, но Он послал Меня» (Иоанн, 8, 42). «Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» (Иоанн, 6, 38). И всё учение Иисуса Христа устремлено к тому, чтобы побудить людей искать пути к Царству Небесному.

Это не то царство, которое нужно искать с помощью “хождения за три моря”, чтобы воспользоваться уже готовыми плодами благоустройства жизни, как, например, в последнем десятилетии XX века многие уезжали из голодной России в США и Израиль. И если говорить о современных технических возможностях, то в Царство Небесное не улетишь на ракете. Последнюю ситуацию примерил А.А. Богданов к герою своего романа «Красная звезда». Оказавшись в высокоразвитой марсианской цивилизации, тот болезненно ощутил невозможность для себя стать её полноценным участником. «Надо было прежде всего постигнуть этот мир, неизмеримо богатый и разнообразный в своей жизненной стройности. Надо было затем войти в него не в качестве интересного музейного экземпляра, а в качестве человека среди людей, работника среди работников... И я очень много работал. Я знакомился с наукой и техникой нового мира, я напряжённо наблюдал его общественную жизнь, я изучал его литературу. Да, тут было много трудного. Их научные методы ставили меня в тупик... я не понимал их, не понимал, почему они ведут к цели, где их связь с живыми явлениями, в чём их сущность... Литература нового мира, даже чисто художественная, не была также для меня ни отдыхом, ни успокоением. Её образы были как будто несложны и ясны, но как-то внутренне чужды для меня. Мне хотелось глубже в них проникнуть, сделать их близкими и по-

нятыми, но мои усилия приводили к совершенно неожиданному результату: образы становились призрачными и одевались туманом» [78, с. 84-86, часть II, глава VI]. Необходимость владеть большим объёмом и глубиной познаний, способностью активной концентрации сознания, выдерживать непривычную степень напряжённости жизни и ответственности на более высоком уровне разумности, чем земной, принесут не благо, а мучения тому, кто попытается внедриться в тот уровень механически, без последовательной многосторонней органичной подготовки. Важно понять, что земная жизнь — это школа воспитания сознательной индивидуальности. А тем, кто ощущает остро недостатки окружающего общества, не следует впадать в пассивность пессимизма, но надо, осознав себя представителем более развитой разумности, постараться найти приложение собственным способностям к делам улучшения условий жизни. Это и даст радость ощущения личной причастности к завоеванию Царства Небесного не только для себя, но и для своих современников и потомков.

Христос, называя себя Сыном Человеческим, говорил, что он «не для того пришёл, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф., 20, 28). «Иисус говорит им: Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его» (Иоанн, 4, 34). На земле самоотверженность нередко проявляют люди из любви к своим близким родственникам, ради успеха борьбы за интересы более или менее широкого сообщества, с которым они себя связывают. Но в учении Христа речь идёт не об узком патриотизме сообщества, противостоящего другим людским сообществам и готового причинять вред им, а о самоотверженности сверхчеловеческой позиции по отношению ко всем людям, хотя именно такую позицию Христос и считает поистине достойной человека и в высшей степени полезной для него. Убедённое знание о космической иерархии ступеней разумности не только побуждает ценить каждую ступень, но и даёт силы в случае крайней нужды отказаться от личной привязанности к определённой ступени ради общего блага продвижения к Царству Небесному. Именно такая самоотверженность может возвести человека на высшую ступень сознания жизни, что равносильно преодолению смерти земного тела. «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Мф., 10, 28). «Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её» (Мф., 10, 39). Приверженность к Христу, верность Ему означает не что иное, как верность принципам и делам Царства Небесного, пославшего Христа на землю для служения людям. Именно потому, что сами люди при поверхностном восприятии мира неспособны узреть Царство Небесное и Бога, Христос пришел возвестить эту скрытую истину. «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоанн, 1, 18). Но услышав весть о Царстве Небесном, люди могут осмыслить её с полной убедительностью для себя и приобщиться к Царству только через целеустремлён-

ный труд своей жизни на земле. «От дней же Иоанна Крестителя донныне Царство небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф., 11, 12).

Это высказывание допускает различные истолкования. По-видимому, наиболее логично и правильно в данном контексте понимать слово “восхищать” в устаревшем смысле как “присваивать”, “усваивать”, “делать своим”. По отношению к Небесному Царству такое понимание не противоречит другому смыслу: “уносить вверх”, “поднимать”, “приводить в восторженное состояние”. Оба эти смысла совместимы с тем представлением, что само Небесное Царство должны “радовать”, т.е. “восхищать” попытки людей “сделать его своим”, приобщиться к нему. Но уж совершенно формально и искусственно выглядит истолкование этой фразы в книге, характеризованной как «первый опыт *научного* издания важнейшей части Нового Завета в русском переводе [79, с.3]. Там сказано: «Со дней Иоанна Крестителя и поныне против Царства Небес ведётся борьба и его разоряют насильники» [79, с. 155]. Здесь слово “восхищать” отождествлено со словом “расхищать” в смысле “разорять”, “растрчивать”, “опустошать”. Такому толкованию определённо противоречит текст в Евангелии от Луки (16, 16): «Закон и пророки до Иоанна: с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него».

Последняя фраза особенно замечательна своей глубокой ясностью: в ней, что называется, “расставлены все точки над *i*”, т.е. не оставлено ничего недосказанным. До прихода предвестника Христа Иоанна Крестителя людям не было дано от Бога иных правил разумного поведения, кроме закона Моисея и древних пророков. Но вот «приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф., 3, 1-2). Каяться нужно было в том, что люди не исполняли в действительности требований закона и пророков, как засвидетельствовал сам Христос: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков; не нарушить пришёл Я, но исполнить» (Мф. 5, 17). Значит одна из задач миссии Христа заключалась в том, чтобы собственным примером показать людям, как надлежит исполнять данный им ранее закон, признаваемый на словах, а на деле нарушаемый ими. «Ибо говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (Мф., 5, 20). «Не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете» (Иоанн, 5, 45). Однако сверх того Христос принёс благую весть о Царстве Небесном и новые требования, на выполнение которых необходимо употреблять усилия, чтобы войти в Царство Небесное. «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (Иоанн, 13, 34). «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас; нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн, 15, 12-13). «Вы слышали, что сказано: око

за око, и зуб за зуб (Исход, 21, 24). А Я говорю вам: не противься злomu» (Мф., 5, 38). Как можно совместить эти взаимоисключающие требования в одном Священном Писании? На этот вопрос и отвечает с убедительной простотой цитата из Евангелия от Луки (16, 16): Ветхий Завет — для жизни земной, а Новый Завет, за который был казнён Христос фанатичными блюстителями Ветхого, — для вхождения в Небесное Царство. Если бы все люди стали соблюдать небесные принципы, то для зла и жестокости не осталось бы места в земной жизни. Но пока этого нет, нельзя попустительствовать злomu, и приходится находить меру совмещения небесного с земным, конкретную для каждого человека и каждой ситуации, о чём ещё будут поводы поговорить ниже. Весьма важно уже то, что представление о высшей позиции разумности и нравственности внесено в земную жизнь и поставлена задача осознания ценности высшей позиции.

Вхождение в Царство Небесное отождествляется с вхождением в жизнь вечную. «Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах... должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоанн, 3, 13-15). Перспектива столь высоких завоеваний и ощущение их реальности освободит человека от соблазна борьбы за излишества земных благ.

Человек, готовый пожертвовать собственной жизнью ради спасения или улучшения жизни своих близких, не должен придавать чрезмерной ценности вещам или личной амбиции. Возможности проявлять и воспитывать в себе такую непривязанность встречаются нам на каждом шагу и большей частью легко выполнимы, но мы далеко не всегда считаем нужным придерживаться такой линии поведения и не поступаемся “по мелочам” укоренившимися привычками. А не искоренив привычки на бытовом уровне, будем ли мы способны и в серьёзной ситуации в решающую минуту действовать, как подобает существу высокоразумному? Наверное, чтобы подчеркнуть важность высшей позиции, она утверждается в Евангелии бескомпромиссно на таких примерах, которые кажутся нам парадоксальными и может быть именно потому заставляют всерьёз задуматься. «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо. Ибо так поступали с лжепророками отцы их. Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду, не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твоё не требуй назад. И как хотите чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Иоанн, 6, 26-31).

Столь же парадоксально выглядит евангельский совет «не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?» (Мф., 6, 31). Ссылка на птиц, которые «не сеют, ни жнут, ни собирают в житни-

цы; и Отец ваш Небесный питает их» весьма не убедительна в буквальном понимании. Птицам приходится тратить немало сил, времени, ловкости, чтобы воспользоваться пищей, какую они могут найти в природе. В действительности им даётся не пища, а возможность добыть её в достаточном для поддержания жизни количестве. То, в чём птицы достойны человеческого подражания, демонстрируют сейчас бездомные собаки на подземных переходах у станций метро, где можно видеть, как перед носом животных лежат куски колбасы, предложенные сердобольными прохожими, и псы, утолившие естественный голод, проявляют полнейшее равнодушие к пище. Люди же сверх разумных потребностей стремятся обеспечить себе избыток материальных благ и готовы ради такого избытка вступать в конфликты, нарушать требования нравственности и юридических законов. Смысл евангельского совета в призыве не к пассивности, а к отказу от порабощения жадностью к вещам и власти. Поэтому примеры с птицами и лилиями следуют в качестве иллюстраций к предшествующей истине: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне (богатству)» (Мф., 6, 24). «Душа не больше ли пищи, а тело — одежды?» (Мф., 6, 24).

Вреду порабощённости сознания материальным богатством, именуемой “сребролюбием”, корыстолюбием, любостыжанием, в Евангелии уделяется особое внимание. «...берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк., 12, 15). «...трудно богатому войти в Царство Небесное... удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф., 19, 23-24). И апостол Павел в первом послании Тимофею говорит: «...корень всех зол есть сребролюбие...» (6, 10). Привязанность к собственности, стремление к обладанию вещами и властью над людьми является оборотной стороной узкого представления о смысле и возможностях человеческой жизни. В обществе, где благополучие и значимость человека, достижимость желанных целей и даже доступ к сокровищам культуры зависят от личного богатства человека, оцениваемого количеством вещей и денег, мысль о жизненном успехе связывается прежде всего с добыванием и увеличением собственности. Под властью этого общепризнанного критерия блага подавляющее большинство людей лишается возможности всерьёз принять известный евангельский совет: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф., 6, 19-21).

Камнем преткновения для восприятия учения Христа служит загадка появления самого Учителя. Прежде всего это смущало его современников, которые «изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и

силы? Не плотников ли Он сын? не Его ли мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? и сёстры Его не все ли между нами? откуда же у Него всё это?» (Мф., 13, 54-56). «Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес, — и говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сошёл с небес?» (Иоанн, 6, 41-42). Религия требует просто верить в это, но пытливый человеческий ум хочет большего, тем более что сама жизнь реально предлагает удивительные примеры. Немало случаев, когда интеллигентные и достаточно обеспеченные родители всеми силами стараются дать детям хорошее воспитание и образование, а результаты остаются неутешительными. Недаром сложилась поговорка: «На детей гениев природа отдыхает». С другой стороны, в самых неблагоприятных бытовых условиях может сформироваться яркий талант, например, Максим Горький. Теория генов не объясняет этого, и приходится довольствоваться апелляцией к врождённым способностям, которые в свою очередь требуют объяснения. В наследство от классического научного мировоззрения передалось убеждение, что природа расточительно уничтожает смертью все ценнейшие психические накопления индивидуума. А может быть справедлива иная истина, отражённая не только в религиозно-философской традиции Индии, но даже в христианском Евангелии: человек проходит на протяжении веков цепочку перевоплощений, перенося из одного в другое сохраняющийся в мире ином (тонком) обобщённый опыт своего сознания? Хотя учение Оригена (185 – 253 гг. н. э.) о предсуществовании души было осуждено эдиктом императора Юстиниана и последующим решением 5-го Вселенского Собора (в 553 году), в Евангелии всё-таки остались достаточно определённые указания на то, что предтеча Христа Иоанн Креститель представляет воплощение более древнего иудейского пророка Илии. «И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде? Иисус сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить все; но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе» (Мф., 17, 10-13). «... все пророки и закон прорекли до Иоанна. И если хотите принять, он и есть Илия, которому должно придти: кто имеет уши слышать, да слышит» (Мф., 11, 12-15). Рождению Иоанна Крестителя предшествовало явление его отцу священнику Захарии ангела Гавриила. «Ангел же сказал ему: не бойся Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн ... он будет велик пред Господом... и предвидет пред Ним в духе и силе Илии... дабы представить Господу народ приготовленный» (Лк., 1, 13-17). Не так ли каждый человек входит в новое воплощение в духе и силе своих прежних воплощений? Тогда так называемые врождённые способности на деле являются завоеваниями предшествующих воплощений, а новое во-

площение может гармонично выбираться у таких родителей, которые наилучшим образом обеспечат развитие в желаемом направлении.

Ряд авторов, не признававших или не имевших возможности публично признать существование “мира иного”, обращались к версии прилёта Христа на космическом корабле. Например, об этом писал В.К. Зайцев в неопубликованной рукописи «В звёздном ореоле», 1968 г., фотокопия которой имеется у автора этих строк. Упоминания о Звезде Вифлеемской в канонических и апокрифических источниках удобно укладываются в канву подобных толкований. Они казались очень убедительными в годы, когда только что начались полёты в космос земных людей, тем более, что господствующее мировоззрение не допускало иных способов появления на Земле разумных существ из космоса. Но сейчас, когда вероятность найти инопланетную цивилизацию считается чрезвычайно малой, представление об Иисусе Христе как космонавте утрачивает убедительность и даже плодотворность. Перед наукой встают более общие проблемы, касающиеся многоплановости материи и роли разума, особенно его высокоразвитых ступеней, в происхождении и эволюции Вселенной. На фоне таких естественнонаучных проблем воздействие космического разума на формирование сообществ земных людей оказывается явлением частным и вполне ожидаемым. При этом центр тяжести смещается на осмысление того, чего хочет высший разум от нас, людей.

В Евангелии неоднократно говорится, что для Царства Небесного Земля служит полем, на котором выращивается урожай новых разумных существ. С этого начинается проповедь Иоанна Крестителя: «Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнём; лопата <которую веют хлеб> Его в руке Его, и Он очистит гумно Своё, и соберёт пшеницу свою в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым» (Мф., 3, 11-12). Аналогичные представления в притче о сеятеле и её пояснении. «... ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его: вот кого означает посеянное при дороге. А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и не постоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется. А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно. Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» (Мф., 13, 19-23).

Но людям свойственно ошибаться в определении степени духовной плодоносности, как своей собственной, так и окружающих. Самого Иисуса Христа иудейские первосвященники признали засоряющим поле божественного учения Моисея и постарались вырвать Христа с этого поля. Поэтому не без причины предложена притча о сорняках. «Царство Небесное

подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своём; когда же люди спали, пришёл враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушёл; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы?.. хочешь ли, мы пойдём, выберем их? Но он сказал: нет; чтобы выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними и пшеницы; оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их; а пшеницу уберите в житницу мою» (Мф., 13, 24-30). «И приступивши к Нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле. Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это — сыны Царствия, а плевелы — сыны лукавого» (Мф., 13, 36-38). В притче о сорняках на поле в переносном смысле усматривается очень важное различие с отношением людей к своим полям в буквальном агротехническом смысле. Люди, если они не ленивы, стараются как можно раньше удалить сорняки с поля своего; чтобы на долю злаков досталось больше питательных веществ почвы и полезный урожай увеличился. При этом уже на ранней стадии развития растений ясно видно, где злак, а где сорняк, и сорняки не могут переродиться в злаки, а могут заглушить их. Но злаки добра и разумности, ценимые в Царстве Небесном, не должны выращиваться в облегчённых тепличных условиях, а должны быть более жизнестойкими, чем сорняки зла и глупости, да к тому же на протяжении жизни человека с ним могут происходить трансформации от зла к добру. Прекрасным живым примером проявления евангельской притчи о сорняках на нивах педагогики служит деятельность А.С. Макаренко: из юношей и детей, обречённых тяжкими окружающими условиями на выталкивание из общества и изоляцию от него, воспитывались трудолюбивые, умные и нравственные люди.

Об особенной важности для Царства Небесного плодородности земных ростков повествует притча о талантах. «... человек... отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение своё: одному дал он пять талантов <вес серебра>, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошёл, употребил их в дело и приобрёл другие пять талантов; точно также и получивший два таланта приобрёл другие два; получивший же один талант пошёл и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени приходит господин рабов сих и требует у них отчёта. И подошед получивший пять талантов принёс другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрёл на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошёл также и получивший два таланта и сказал; господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрёл на них. Господин его ска-

зал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошёл и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнёшь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и убоявшись, пошёл и скрыл талант твой в земле; вот тебе твоё. Господин же сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро твоё торгующим, и я получил бы моё с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф., 25, 14-29).

Здесь на понятный людям язык денег и торговли переведено представление о прибыли, нужной Небесному Царству. Жизнь свою человек получает в виде дара и привыкает пользоваться им как собственностью, из которой следует извлекать максимум доступных его разумению выгод и удовольствий. Если разумение невелико, то оно не побуждает человека к постижению глубинного смысла жизни и преодолению в росте духовности сознания предстоящей смерти тела. Жизнь, прожитая без подъёма на новые ступени, оказывается потраченной впустую, не приводя в космическое разумное сообщество прибавления могущества понимания и творчества. Напротив, человеку, доказавшему своей жизнью способность служить целям Царства Небесного, можно доверить выполнение более сложных и ответственных заданий (“над многим его поставить”), что приведёт его к “вхождению в радость” высшего космического сознания. Мудрая содержательность притчи о талантах наглядно раскрывается перед преподавательским составом высшей школы. Дар, который дан всем студентам, заключается в полученном ими среднем образовании и зачислении в вуз. И я, например, в качестве преподавателя математики, ежегодно наблюдаю, как с входной контрольной (несложные примеры из школьного материала) большинство первокурсников справляется сносно. Но далее начинается резкая дифференциация. Те, кто не бездельничает на занятиях в аудитории, старается выполнять полностью домашние задания, выясняет на консультациях, как нужно решать задачи, оказавшиеся непосильными, постепенно приумножают свои знания и умение, а по окончании вуза становятся желанными претендентами на аспирантуру. Любители же лени и недобросовестной работы озабочены лишь тем, чтобы списывать на контрольных, изматывать преподавателя многократными переписываниями контрольных мероприятий, выпрашивать тройку с минусом. Если они и переползают такими способами через экзаменационную сессию, то в дальнейшем, на втором или третьем курсе учёба становится для них явно непосильной и их приходится отчислять из вуза. И характерно, что когда предлагается дополнительный набор задач сверх обязательного минимума или задачи повышенной трудности, то как раз старательные студенты не пренебрегают такими заданиями, добиваясь углублённого понимания изу-

чаемого предмета, а халтурщики и не подумают прилагать дополнительных усилий. Так имеющие знания усваивают ещё больше знаний, а не имеющие шаг за шагом идут к утрате и того, что имели, удивляя неумением выполнить логарифмирование, делить на дробь, заключить выражение в скобки или раскрыть скобки.

Царство Небесное в мире ином недоступно восприятию подавляющего большинства людей. Но некоторые объявляют себя верующими в Царство Небесное и его обитателей вплоть до Бога, а другие имеют дерзость то же самое отрицать, требуя, чтобы им были предъявлены воспринимаемые доказательства. При современном развитии науки нетрудно привести примеры реальности, не воспринимаемой нашими физическими органами чувств, но доступной восприятию развитого интеллекта. Например, закономерностям квантовой механики нельзя отказать в реальности, ибо они объясняют множество наблюдаемых явлений природы и используются при конструировании технических устройств, применяемых не только в научных лабораториях, но и распространившихся в бытовом обиходе. Однако воспринять теорию квантовой механики, а тем более понять её достаточно глубоко, чтобы применять на практике и делать дальнейшие выводы, могут только специально обученные люди. А можно ли верить в существование Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, если никто из наших современников даже не видел их? Если ссылаться на свидетельства других людей, видевших Толстого, так ведь и тех свидетелей уже не осталось на Земле. Но самым убедительным свидетельством реальности великих писателей и мыслителей (хотя формально и косвенным доказательством, как показали споры об отождествлении автора «Тихого Дона» с М.А. Шолоховым) являются созданные ими произведения, если даже персонажи произведений вымышлены авторами. Нам, достигшим необходимого уровня развития, видна информативная и поучительная ценность описания и исследования жизненных коллизий и межчеловеческих отношений, которые без отражения в творческом сознании и труде не только не дошли бы до нас, потомков, но остались бы неосознанными современниками писателей. Для тех же, кто ещё не в состоянии оценить художественные и философские достоинства литературных произведений, сам факт существования и широкой распространённости книжных томов, переиздаваемых на протяжении нескольких человеческих поколений, является свидетельством существования авторов книг. Аналогичным образом все материальные сооружения, украшающие поверхность планеты и служащие улучшению жизненных условий, говорят о реальности своих создателей. Экстраполируя подобные представления, мы можем с уважительным вниманием отнестись к словам апостола Павла в послании к римлянам: «что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им; ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видны, так что они безответны» (Рим., 1, 20). История науки полна

примерами того, как явления, прежде безответные и даже неизвестные, начинают давать ответы на вопросы естествоиспытателей.

Даже модель мира Минковского просто объясняет недоступность нашим восприятиям необъятного множества материальных объектов (или их состояний), имеющих во Вселенной. А в Евангелии сказано о трудности переходов между Небесным Царством, в котором обретаются праведные патриархи иудеев, и земным миром, равно как с адом в мире ином. Христос говорит, что «многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном» (Мф., 8, 11). Авраам же отвечает на просьбу богача, мучающегося в аду: «сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят» (Лука, 16, 26). И о живущих в земном мире «Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мёртвых воскрес, не поверят» (Лука, 16, 31). Нам сегодня нетрудно понять, что без существования необходимых барьеров между мирами невозможно было бы поставить разумные существа человеческого уровня в условия, обеспечивающие воспитание в них чувства самостоятельности, инициативности и ответственности за свои дела. О множественности же миров сказал Христос: «в доме Отца Моего обителей много» (Иоанн, 14, 2).

Атеисты видят важнейший повод для отрицания реальности Христа в творимых им чудесах — как раз в том, что для верующих служит доказательством его божественного могущества. Судя по евангельским текстам, Христос вынужден был прибегать к чудесам для возбуждения интереса и доверия людей к его учению. Но в Евангелии есть указания на то, что Христос неохотно пользовался чудесами. Он даже запрещал чудодейственно исцелённым говорить об этом. «Иисус, простёрши руку, коснулся его и сказал: ... очистись. И он тотчас очистился от проказы. И говорит ему Иисус: смотри, никому не сказывай» (Мф., 8, 3-4). «Когда же Он пришёл в дом, слепые приступили к Нему... Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их. И Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал» (Мф., 9, 28-30). «И вот приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир... и усиленно просит Его, говоря: дочь моя при смерти; приди и возложи на неё руки, чтобы она выздоровела и осталась жива» (Марк, 5, 22-23). «... приходит некто из дома начальника синагоги и говорит ему: дочь твоя умерла; не утруждай Учителя. Но Иисус, услышав это, сказал ему: не бойся, только веруй, и спасена будет... Он же, выслав всех вон и взяв её за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух её; она тотчас встала; и Он велел дать ей есть. И удивились родители её. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем» (Лука, 8, 49, 54-56). После исцеления Иисусом в синагоге человека с сухой рукой в одну из суббот «фарисеи... вышедши имели совещание против Него, как бы погубить Его. Но Иисус узнав удалился

оттуда. И последовало за Ним множество народа, и Он исцелял их всех и запретил им говорить о Нём» (Мф., 12, 14-16).

Неоднократное повторение слов «да будет вам по вере вашей» скорей всего указывает на то, что человек сам может многого добиться с помощью концентрации своего сознания. Именно такой смысл имеет эпизод с попыткой апостола Петра пройти по воде. «И ученики, увидевши Его, идущего по морю, встревожились... Пётр сказал ему... Господи!.. повели мне придти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И вышед из лодки, Пётр пошёл по воде... но видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простёр руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился?» (Мф., 14, 26-31). А когда Иисус исцелил беснующегося мальчика, которого не могли исцелить ученики, то они «приступивши к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его < беса >? Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: переиди отсюда туда, и она переидёт; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф., 17, 19-20).

Творя чудеса ради избавления людей от страданий, Христос решительно отказывался являть чудеса для подавления сомнений в нём и удволения любопытства. «И пришед в отечество Своё, учил их в синагогах их, так что они изумлялись и говорили: откуда у Него такая премудрость и силы? не плотников ли Он сын?.. И соблазнялись о нём. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и в доме своём. И не совершил там многих чудес по неверию их» (Мф., 13, 54-58). «Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» Мф., 12, 38-40). Пребывание в сердце земли три дня и три ночи — это предсказание о погребении Иисуса и его воскресении, после чего многие станут верить в пришествие Христа из Царства Небесного от Бога. «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть» (Мф., 16, 21). «Во время пребывания их в Галилее Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет» (Мф., 17, 22-23).

Жажда чудес и знамений побуждала людские толпы оказывать Христу исключительные знаки внимания и почитания. «За шесть дней до Пасхи пришёл Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого он воскресил из мёртвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, а Лазарь был одним из возлежавших с ним» (Иоанн, 12, 1-2).

«Многие из иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мёртвых. Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради его многие из иудеев приходили и веровали в Иисуса. На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышавши, что Иисус идёт в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: Осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!» (Иоанн, 12, 9-13).

Есть основание думать, что через неделю после этих восторгов именно жажда чуда побуждала толпу требовать распятия Иисуса. «... Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царём, противник кесарю» (Иоанн, 19, 12). «А ему и нужно было для праздника отпустить им одного узника. Но весь народ стал кричать: смерть Ему! а отпусти нам Варавву... Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его! Он в третий раз сказал им: какое же зло сделал Он? я ничего достойного смерти не нашёл в Нём; итак, наказав Его, отпущу. Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы Он был распят; и превозмог крик их и первосвященников» (Лука, 23, 17-23). Скорей всего поддержка толпой требования первосвященников была продиктована либо разочарованием в чудотворце, который, как оказалось, даже не смог себя защитить, либо желанием увидеть, как он в конце концов расправится с гонителями своими, либо посрамит их, сойдя живым с креста. «А другие говорили: стой; посмотрим, придёт ли Илия спасти Его» (Мф., 27, 49). «Проходящие же злословили Его... говоря... если Ты Сын Божий, сойди с креста... Других спасал, а Себя Самого не может спасти! если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдёт с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын» (Мф., 27, 39-43).

Лишь спустя много столетий люди начали понимать, чему учил их Иисус Христос смертью своей. Если бы Христос сверхчеловеческой властью, недоступной обыкновенным людям, взял верх над первосвященниками, старейшинами, Иродом, Пилатом, то тогда получилось бы нечто вроде повторения миссии Моисея, чего от него как раз и ждали иждивенчески настроенные иудеи как от могущественного царя. Но Христос пришёл совершить более успешное, крупномасштабное и долговременное воздействие на людей. Миссия Христа для того и потребовалась, чтобы исправить негативные последствия упрощённого усвоения иудеями Закона, данного Моисеем, и сделать следующий шаг в воспитании человечества. Христос показал людям, что никто вместо них светлую жизнь для них не сможет построить, если они сами не будут праведными и в борьбе за правду и справедливость не перестанут бояться «убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать» (Лк., 12, 4). Он показал, как любой человек

силой своего духа может утверждать свои убеждения, презирая смерть не-
мощного тела. Об этом прекрасно сказала поэтесса Юнна Мориц [80]:

1

Когда бы Он пошевелил перстом
для своего телесного спасенья —
остался б магом, но не стал Христом
и не объял бы Тайну Воскресенья.

2

О фокусе мечтал Искарriot!..
О низости публичного показа
доступных для желудка и для глаза
чудес, увеселяющих народ.

3

Гвоздями он прибил сей рабский путь
к Его запястьям, над землёй простёртым!
Но маг Иисус предстал Иуде мёртвым,
а Бог воскрес — и в этом жертвы суть.

4

И в этом суть иудина греха,
взыскующего магии от Бога
и доказательств, коих всюду много,
что есть над нами тайные верха.

То, что древнее повествование о духовном могуществе Иисуса Христа, богатое мудрыми правилами разумной жизни и принципами нравственности, глубокая ценность которых с большой убедительностью раскрывается на пороге космической эры, заканчивается жестокой расправой людей над великим Учителем, является серьёзнейшим признаком реальности, невыдуманности как главного персонажа, так и содержания его проповеди. Церковь не подвергает это сомнениям. Сомнения были и остаются у людей, воспитанных в традициях классического научного мировоззрения. Но проблема в том, что христианская религия, сделавшись широко распространённой идеологией, поощряемой государственной властью в странах, игравших в истории на протяжении многих веков ведущую роль в политике и экономике, не преуспела до сих пор в деле исполнения основных заповедей Евангелия государствами и подавляющим большинством индивидуумов. На вопрос фарисея, какая наибольшая заповедь, «Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим; сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф., 22, 37-39). Человеку нетрудно утверждать, что он любит Бога, ибо трудно это проверить. Но наличие любви к ближнему проверяется легко с помощью критерия, данного Христом: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф., 7, 12). Кто же посмеет утверждать, не кривя душой, что эта заповедь действительно исполняется людьми и государствами?

Да и зачем бы её стали исполнять, если она важна для вхождения в Небесное Царство, путь в которое перекрывают сами себе все любящие богатство, служащие мамоне, как именуется в христианских церковных текстах злой дух, идол, олицетворяющий корысть и стяжательство. Укоренившуюся приспособленность официальной церкви к служению мамоне с яркой наглядностью демонстрирует ситуация в России после отхода от социализма. При социализме корыстолюбие и неотделимые от него спутни-

ки карьеризма и коррупции хоть и не были искоренены полностью, но даже в сравнение не шли по масштабам заражения общества с пышным расцветом этих язв после 1991 года. Во всяком случае, на уровне государственной идеологии в СССР корыстолюбие и карьеризм считались качествами аморальными, и в обществе они воспринимались как позорное пятно на репутации человека. При этом поощряемая и пропагандируемая государством идеология была атеистической. Сейчас же как желанный возврат к нормальной жизни утверждается преклонение перед личным материальным богатством, широко пропагандируется в средствах массовой информации стремление к обогащению и в качестве стимула для неудачников, не сумевших законно разбогатеть на ваучеризации общенародного достояния, предложены игровые клубы и телевизионные викторины на “поле чудес”. А молодежные организации правящей партии «Единая Россия» устраивают съезды и слёты “молодых карьеристов”, не стыдясь этого звания, но гордясь им. Такая обстановка в стране оказалась весьма питательной для церкви, многократно увеличивающей численность храмов и свои доходы в единении со светской властью и сообществами предпринимателей. И нет беспокойства о том, что не приходит ожидавшееся Христом время, «когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог *есть* дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн, 4, 23-24). Зато религия успешно выполняет роль инструмента, помогающего крупным собственникам материальных ценностей охранять свою власть и привилегии в государствах.

Не может не возникнуть вопрос: если внимание Царства Небесного к земной жизни реально, то как это может согласовываться со столь длительным неисполнением Небесного Учения людьми? Ответ может заключаться в суровой необходимости для человечества осознать, пройдя через страдания, спасительность тех принципов, которые возвестил Христос. Чем больше масштаб принципов, чем глубже они, тем больше требуется времени самостоятельной жизненной работы для их осознания. Можно понять, что неоправданно частая демонстрация заботливости высшего разума пошла бы во вред человечеству, поощряя иждивенчество, пассивность, безответственность. Даже миссия Христа была осуществлена так, чтобы избежать навязчивости, оставить свободу выбора сомневающимся. Христос старался не нарушать чувство самостоятельности и ответственности людей, и в полном соответствии с этим человечеству необходимо было дать достаточно времени для самостоятельного развития и осмысления космической мудрости. Успеху осмысления должно способствовать развитие разумности людей в исторических процессах и в познании природы.

Время для очередной коррекции устоявшегося религиозного мировоззрения и представления о мире, сформированного людьми на путях самостоятельного изучения природы, наступило лишь тогда, когда челове-

ская наука подошла вплотную к обнаружению тонкоматериальных форм и был приобретён человечеством необходимый исторический опыт для переустройства общественных отношений на разумной, а не стихийной основе. Научно-техническое проникновение в глубины материи позволило людям вызывать к активному проявлению такие стихийные силы, с которыми они не способны справиться, а несовершенное устройство общества, раздираемого междоусобицами в погоне за ложными ценностями, стало серьёзнейшей угрозой существованию человечества. Так разве не следовало бы именно теперь дать новое напоминание и новый призыв к небесным высотам уже не в физическом, а в духовном понимании? Теперь уже можно бы не подвергать Небесного Вестника опасности, оставив его недостижимым для грубостей невежества. Но как убедить людей в истинности нового Зова, не порождая новых извращений непонимания, избегая смешения с лжеучениями и лжепророчествами, нередкими в земной истории? Надежда лишь на то, что люди научатся искать пути совершенствования в духе и истине и смогут воспринять подсказку, данную без навязчивости, без нарушения свободы выбора, и по началу будто бы незаметную на фоне бурных событий земной жизни.

§ 36. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКЕ УЧЕНИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ

Слово “махатма” переводится с санскрита буквально как “великая душа” и является в индуизме одним из наименований мирового духа. Это слово добавляется в современной Индии в качестве уважительного титула к именам особо почитаемых лиц, выдающихся общественных деятелей. Например, Мохандас Карамчанд Ганди, признанный вождь Индии в борьбе за независимость, стал известен всему миру как Махатма Ганди. Махатмами называют в Индии и таинственных существ, обладающих необыкновенной мудростью, знаниями и способностями, пребывающих в скрытом месте в Гималаях. На Запад давно проникали сведения об индийских йогах, чьи деяния подобны чудесам. Западной культурой признаны такие гиганты религиозной и философской мысли Индии XIX и XX веков, как Рамакришна, Вивекананда, Ауробиндо Гхош. Но Махатмы Гималаев не проявляли себя в широко доступном общении, оставаясь поэтому полумифическими личностями. В XIX веке к общению с Махатмами была привлечена Елена Петровна Блаватская (1831-1891). В детстве она лишилась матери (яркий и сильный писательский талант которой отметил В.Г. Белинский) и воспитывалась в семье деда Фадеева, бывшего Саратовским губернатором, а затем членом главного управления кавказского наместника. Двоюродный брат Е.П. Блаватской С.Ю. Витте (1849-1915) — крупный государственный деятель России. «В семнадцать лет она вышла самоволь-

но замуж за человека, годившегося ей в отцы (60-летнего вице-губернатора Эриванской губернии), и через несколько месяцев, не задумываясь, его бросила, уехала неведомо куда и почти десять лет исчезала так, что даже родные годами не знали о её местопребывании... Близким своим она создалась, что затем только и обвенчалась с Н.В. Блаватским, чтобы "быть свободной" от контроля родных. Большую часть молодости Блаватская провела вне Европы; несколько лет жила в северной Индии, изучая языки, санскритскую литературу и те отвлечённые знания, которыми славятся индийские Радж-Йоги, и за которые впоследствии ей пришлось много заплатить. Слишком усердные последователи, прославляя её какой-то чародейкой, дали повод врагам упрекать её в обманах и называть шарлатанкой» [81, с. 8]. Надо иметь в виду, что творчество Е.П. Блаватской приходится на эпоху апофеоза классического научного мировоззрения (см. § 6, кн. 1), для которого были неприемлемы представления, изложенные в её книгах «Разоблачённая Изида», «Тайная доктрина, синтез науки, религии и философии», «Ключ к теософии» и в издававшихся ею журналах. Это неприятие научной общественности отражено в статье о Блаватской в энциклопедии Брокгауза и Эфрона: «До своей смерти (26 апр. 1891) Б. оставалась президентом теософического общества и среди своих немногочисленных почитателей и почитательниц пользовалась авторитетом высшего избранного для необычайных откровений существа. В сочинениях, как и в жизни Б., трудно провести границу, где кончается сознательный или бессознательный обман и самообман и начинаются искреннее увлечение мистикой или простое шарлатанство». Есть свидетельства друзей Е.П. Блаватской о том, что работая над книгами, она мысленно воспринимала информацию от своих Гималайских Учителей. Да и сама она о том писала. «В письмах же её начали всё чаще и решительнее появляться намёки, что не ей принадлежит то, что она пишет; что сама она не понимает, что с ней творится. Но для неё вполне очевидно, что говорит она и пишет об отвлечённых предметах не сама от себя — потому, что она в них "ни бельмеса не понимает", — но внушает ей и "диктует некто, знающий всё". Эти странные проявления неведомо откуда в сорок лет осенивших её научных знаний... очень тревожили близких Е.П. Блаватской» [81, с. 14]. Существует книга [82], содержащая письма Махатм Гималайского Братства, адресованных двум англичанам, проживавшим в Индии.

«В 1879 г. А.П. Синнет, редактор самой влиятельной англоязычной газеты Индии *Пионер*, познакомился с основательницей Теософского общества Е.П. Блаватской и, будучи поражён её широкими знаниями и необычайными способностями, высказал горячее желание переписываться с кем-нибудь из Махатм, которых Е.П. Блаватская называла своими Учителями. Такое же желание выразил его друг А.О. Хьюм, высокопоставленный чиновник англо-индийской администрации и известный орнитолог, впоследствии — основатель Индийского национального конгресса. Со-

гласие на это было в конечном итоге получено, и так при посредничестве Е.П. Блаватской два высокообразованных джентльмена начали получать письма, которые служат сегодня одной из важнейших вех на пути к осмыслению реальности существования Братства Махатм, его места и роли в эволюции человечества. Письма Махатмы К.Х. и Махатмы М., сохранившиеся в архиве А.П. Синнета (1840-1921), впервые были опубликованы в декабре 1923 г. (*The Mahatma Letters to A.P. Sinnet. L., 1923*). С 1939 г. подлинники писем находятся в библиотеке Британского музея в Лондоне; в 1952 г. они были переняты на микрофильмы, которые затем были разосланы в различные организации и крупнейшие библиотеки мира. В апреле 1925 г., во время пребывания Центрально-Азиатской экспедиции Рериха в Гульмарге (Северо-Западная Индия), Елена Ивановна Рерих приступила, по совету Махатмы М., к переводу избранных писем из этого тома на русский язык, взяв для этой цели псевдоним Искандер Ханум. В том же году перевод увидел свет (*Чаша Востока. Письма Махатмы ALATAS, New York — Paris — Riga — Harbin, 1925*)» [83. От редакции, с. V].

Спустя полвека после начала сотрудничества Махатм с Е.П. Блаватской те же Учителя начали работать с Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерих. Сначала были одни лишь мысленные контакты. «В письме Рериха Шибаеву от 25 июля 1921 г. сказано: “Вы уже знаете, что Аллал-Минг — это Мастер Мория. Он руководит мною и моей семьёй”» [84, с. 94]. «В конце 1921 г. Николай Константинович пишет В.А. Шибаеву: “В Берлине только что вышла в пользу голодающих в России моя книга “Цветы Мори”... Эта книга издана по указанию Мастера» [84, с. 93]. В книгу «Цветы Мори» вошли стихотворения (белый стих), написанные в различные годы, но самый ранний стих «Заклятие» датирован 1911 годом. «Мы знаем по многим источникам и намёкам, что в Лондоне произошла первая встреча на физическом плане Рериха с одним из Учителей. Подробности Встречи нам не известны. Следует предположить, что она была неожиданной и короткой. Ошибочно предполагать, что эта встреча помогла Рериху в устройстве личных дел. Как жить, чем жить, что делать — оставалось решать ему самому. Но при встрече, несомненно, были открыты Рерихам некоторые подробности Плана или его выполненной части, что выразилось в предваряющем книгу «Зов» послании:

“В Новую Россию Моя первая весть.

Ты, давший Ашра́м,

Ты, давшая две жизни, — возвестите.

Строители и воители, укрепите ступени.

Читающий, если не усвоишь, — перечти, переждав.

Суждённое не случайно, и листы упадают во времени.

Но зима — только вестник весны.

Всё открыто, всё доступно,

Я вас замкну щитом — трудитесь.

Я сказал ”» [84, с. 158].

Слово “ашра́м” переводится с санскрита как “обитель солнечного сознания”. Это священная обитель, и в таком смысле ашрамами называют монастыри, хижины отшельников и любые поселения и места, где можно учиться священной мудрости. Николай Константинович Рерих по индийским понятиям является основателем и опорой семейного ашрама и в более широком смысле — средоточием светлых эмоций, знаний, культуры, распространяющихся в человеческом обществе. Жена Н.К. Рериха Елена Ивановна (урождённая Шапошникова) дала две жизни — сыновей Юрия и Святослава. На Рерихов возлагается поручение возвестить миру Учение Махатм, которое называется Агни-Йогой, если пользоваться индийской терминологией, или, по-русски, Учением Живой Этики. Содержание этого учения будет кратко характеризовано ниже, а полное его изложение даётся в 14 книгах, воспринятых от Учителя и обработанных для издания в основном Еленой Ивановной. Кроме того, много важных сведений содержится в письмах и дневниках Елены Ивановны Рерих (1879-1955).

Две первые книги Учения Живой Этики объединены общим названием «Листы сада Мории». Первая книга, имеющая подзаголовок «Зов», начата в Лондоне 24 марта 1920 г. Вероятно это дата первой встречи Рериха с одним из Учителей на физическом плане. Вторая запись в книге «Зов» датирована 1 января 1921 г. и сделана в Нью-Йорке. «Не исключено, что сначала записи делались только для себя и появились в результате специальных сеансов общения с Учителем. Когда записей набралось достаточно, пришлось Указание издать их. Первое упоминание об этом имеется в письме Рериха Шибаеву от 31 мая 1922 года: “Вчера нам было указано М. издать его message (послание — А.С.) отдельной книгой “Листы сада Мори” и сделать это через Вас в Риге”... Но обстоятельства изменились. Книга была напечатана в Париже и помечена датой 1924 года, хотя 7 марта 1923 года Рерих сообщает Шибаеву: “Сегодня же была принесена первая корректура Книги”... 23 же сентября 1923 года Рерих пишет Шибаеву: “Вчера послал Вам Книгу”» [84, с. 188]. «В Америке Рериху суждено было ещё раз встретиться с Посланником Белого Братства (одно из названий Общины Махатм — А.С.). Встреча тоже была непродолжительной и совсем неожиданной» [84, с. 166]. Книга «Зов» состоит из отдельных высказываний, помеченных различными датами, и заканчивается записью от 28 апреля 1923 г. Отдельно стоит заключительная фраза книги:

«Спросят: как перейти жизнь?

Отвечайте: как по струне бездну —
Красиво, бережно и стремительно.»

Книги Живой Этики написаны не в форме последовательно развёртываемых логических трактатов, а в виде мозаики отрывочных высказываний, что вызывает недоумение и реакцию отторжения у многих, впервые знакомящихся с ними. В самом Учении объяснена необходимость та-

кой формы, и мы ещё вернёмся к этой особенности. Вторая часть книги «Листы сада Мори», опубликованная в 1925 г., имеет подзаголовок «Озарение». В ней высказывания не имеют датировки, а распределены по частям, главам и параграфам. Например, по адресу 3.III.15 (часть 3, глава III, параграф 15) легко найти следующее высказывание: «Преступную спекуляцию надо преследовать неуклонно, ибо Земля больна спекуляцией. Не надо думать, что человечество всегда было подвержено этой болезни. Но она признак существенной перемены, ибо постепенно пройти не может, и нужен пароксизм (внезапное обострение — А.С.) эволюции, чтобы разбить заразу». И о том же десятью параграфами раньше: «Не живите на доходы от денег. Эта прибыль нечистая» (3.III.5).

Третья книга Учения живой Этики была дана Рерихам в 1926 г. и без сомнения связана с миссией посещения ими Москвы во время экспедиции 1924–1926 гг., дважды пересекшей Центральную Азию из Индии в Сибирь (через Сикким, Кашмир, Гималаи, Каракорум, Таримскую впадину, Джунгарию к озерам Зайсан и Омску) и из Монголии в Индию (через Цайдам, Тибет и Гималаи). В этой экспедиции участвовали жена Николая Константиновича Елена Ивановна и старший сын Юрий Николаевич. По приезде в Индию Рерихи посетили Сикким, штат в составе Индии в восточных Гималаях, пограничный с Непалом, Бутаном, Китаем. «В Сиккиме состоялась встреча с Учителем и сопровождавшим Его Джул-Кулом. Произошла она в окрестностях Дарджилинга, в храме, с которого сделана фотография» [84, с. 258]. «Рерих пишет и в “Путях Благословения”, и в очерке “Звезда Матери Мира”, датированном 8 мая 1924 года, об Учителях так, как будто с ними встречался: “Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и как гармоничны и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать всё, что касается Их области”. Несомненно, что это касается и встречи в Дарджилинге с Учителями М. и Д.К. Если встречи с посланниками Белого Братства в Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго были неожиданными и кратковременными, то эта встреча была продолжительной и запланированной. При встрече в Дарджилинге были получены инструкции о том, что надлежит сделать в ближайшие годы по плану Владык, в том числе конкретные задания их главной миссии — поездки в Советскую Россию и передачи там “Послания Махатм”. Главная цель экспедиции была именно, — Москва и вообще Советский Союз, с которым надлежало установить связь. С этих пор Рерихи основное внимание уделяли этому» [84, с. 260-261].

Еще до начала экспедиции Н.К. Рерих по пути из Америки в Индию заехал в Берлин. «Явившись в конце декабря 1924 года на приём к Советскому послу Н.Н. Крестинскому, Рерих сказал, что хотя он и возглавляет научную экспедицию под американским флагом, но, тем не менее, просит Советский Союз оказать экспедиции покровительство. Американский флаг — чистая формальность, и все материалы, добытые в экспедиции, он

готов предоставить в распоряжение России... Рерих не скрыл от советского посла своих философских воззрений, открыто поведал о Махатмах и о целях предпринимаемой экспедиции. Крестинский внимательно выслушал Рериха, по просьбе последнего запротоколировал услышанное слово в слово и доложил обо всём в Москву, наркому Г.В. Чичерину, который знал Рериха ещё со времени занятий в Петербургском университете. Чичерин выразил готовность во всём помочь экспедиции Рериха... Указ Владыки "на обратном пути посетить Берлин" был выполнен, советские руководители поставлены в известность об экспедиции и её целях, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль в её судьбе» [84, с. 281-282].

Необходимо уточнить, что Рерих не эмигрировал из России в общепринятом смысле слова. Летом 1917 г. он вынужден был в связи с резким ухудшением здоровья жить вместе с семьёй в Финляндии, и после признания Советом Народных Комиссаров независимости Финляндии оказался за границей России, подобно И.Е. Репину, жившему в непосредственной близости от Петрограда. «Рерих недоумевал по поводу происходящего. "Мы не знаем настоящего" — записывал он. Сторонник духовной эволюции и культуры, он, враг... капитала и всей связанной с ним буржуазной культуры для "избранных", не мог принять и того аспекта революции, который оказался для него, как и для большинства русской интеллигенции, неожиданным» [84, с. 159]. В его дневниках «имеется такая запись "И если когда-нибудь немудрые летописатели сказали бы, что большевики хотели бы что-то творить, то знайте — это неправда. Тирания черни, вызванная ими, не имеет ничего общего с высоким понятием социализма, с трогательной мечтою о мировом единстве и братстве." Мнение Рериха основывалось на слухах, доходивших до него через границу, о массовом терроре и разрушении культурных ценностей. Последнего никак не мог принять и оправдать Рерих» [84, с. 160]. «Однако на первом же этапе, в Лондоне, с Рерихом происходит нечто вроде прозрения. Это тем более удивительно, что окружение меньше всего способствовало возникновению тех просоветских убеждений Рериха, которые мы в нём находим. Среди оголтелого антисоветизма русской эмиграции и консерватизма англичан Рерих вдруг признаёт за большевиками право вершить судьбу России... До конца своих дней Рерих становится всеми своими помыслами и действиями ярым защитником Советского Союза, вызывая этим недоумение одних и тайную вражду к себе других... Главным для него становится призыв Владыки: "помогите строить Мою страну" [90, 2.IX.6; 3.I.9], и он знает, что такой страной является Россия на всех этапах её истории» [84, с. 161-162].

Прервав Центрально-Азиатскую экспедицию негласно для мировой общественности, Н.К. Рерих с женой Еленой Ивановной и старшим сыном Юрием Николаевичем приехал через Монголию и Омск в Москву. При оформлении въездных документов Николай Константинович указал, что выполняет миссию посланца Махатм Гималаев. 13 июня 1926 г. он был

принят наркомами Чичериным и Луначарским и вручил им послание Махатм, в котором выражено одобрение действий советского руководства: «На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков наживы. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь Космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов Общего Блага. Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии! Знаем, многие построения совершатся в годах 28 – 31 – 36 – м. Привет Вам, ищущим Общего Блага!» [85, с. 104 –105]. Кроме того Николай Константинович передал наркомам ларец со священной землёй, присланный Махатмами, и их записку: «Посылаем землю на могилу брата нашего Махатмы Ленина». А в книге «Община» [86] сказано: «Появление Ленина примите как знак чуткости Космоса» (2.IV.2). По-видимому, наряду с этими посланиями были предложены наркомам устные разъяснения о Махатмах и их Учении, а также тексты книг «Зов», «Озарение» и только что законченной, но ещё не изданной книги «Община», обращённой в своей первой редакции напрямую к коммунистам.

Краткость послания Махатм и возвышенная торжественность стиля рубленых фраз кажутся на первый взгляд странными для столь необыкновенного события, как обращение неведомых представителей могущественного разума к руководству крупной страны. Однако как раз в таком стиле В.И. Ленин подводил итоги двух революций 1917 года в России: «Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашения с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили её открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно – парламентских республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои

силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистическим хищникам всех стран» [87].

Что касается предсказаний на будущие годы 28 – 31 – 36 в конце Послания Махатм, то делаются попытки вложить в них некий эзотерический смысл, который явно был бы неуместным в таком документе. Между тем в истории Советской страны эти годы отмечены хорошо известными событиями переломного характера. Год 1928-ой — это начало первой пятилетки, взявшей курс на ускоренную индустриализацию страны, 31-ый год — кульминационный в кампании коллективизации сельского хозяйства (по основным зерновым районам было объединено в колхозах больше 80 % общего числа крестьянских хозяйств), а в 36-ом году была принята Конституция, закрепившая вступление СССР в полосу завершения строительства социализма. Вряд ли у самого советского руководства в 1926 году в преддверии борьбы с троцкизмом была столь определённая уверенность в датировке предстоящих решающих шагов.

Весьма рельефно важность посольской миссии Рерихов в Москву характеризует дополнительный текст (вставки), вписанный Е.И. Рерих в личные экземпляры книги «Знаки Агни Йоги» (четвёртой книги Учения). Такие вставки, сделанные на полях или чистых страницах книг, имеют аналог в дневнике Елены Ивановны. «Учитель должен сказать вам, достигшим границы московских клещей. Столетие каждое Мы предупреждаем человечество. Сегодня, в памятный день Нашего Владыки, Мы можем сказать, что вы совершили наиболее опасное поручение, перед которым моё обращение к Виктории и обращение Сен-Жермена к Людовикау совершенно безопасны. Но вы ехали в гнездо безумия и привезли провозвестие, подвергаясь неслыханной опасности. Мы не знаем, кто бы принял подобное поручение. Теперь легко повторять, но первый шаг был труден. Теперь можете духовно отдохнуть. Мы лучше пересадим всю Б[елуху] на Ги[малаи], нежели будем подвергать вас вторично такой опасности» (24.04.27). Цитировано по [88, с. 377]. Было бы слишком дешёвым и поверхностным соблазном эксплуатировать эту запись как свидетельство негативного отношения Учителей Живой Этики к стране, строящей социализм, и к коммунистической идее, поскольку это противоречило бы привезённому Рерихами в Москву посланию и смыслу книги «Община». Опасность и безумие, беспокоившие Махатм, могут быть связаны с общей напряжённостью обстановки и несовершенством воплощения принципов общины в молодом государстве. Условия обострённой борьбы при ускоренном переходе от полуфеодального общественного строя к социалистическому могли быть изошрённо использованы противниками планов Шамбалы (Общины Махатм) для покушения на свободу и жизнь Рерихов. «Дети мои, вы не замечаете, какая битва идёт вокруг вас, тёмные силы тайно и явно сражаются» [89, 17.11.1921]. Кроме того нельзя было исключить, что

даже искренние и самоотверженные сторонники коммунистической идеи, к которым обращались Махатмы, отнесутся к Учению Живой Этики как к идеологии, враждебной позиции классического научного мировоззрения и опирающейся на неё революционной теории марксизма-ленинизма в понимании закономерностей природы и общества. Это и оправдалось, хотя в смягчённой форме, не приведшей к репрессиям. Чичерин резюмировал свои впечатления о Рерихе в двух словах: «полукоммунист – полубуддист», очевидно подразумевая, что первое достоинство перечёркивается вторым недостатком. Кремлёвские собеседники Николая Константиновича не придали серьёзного государственного значения его миссии посла неизвестной им Шамбалы и не усмотрели философской глубины в предлагаемом взгляде на мир. По-видимому, мировоззрение было сочтено мистическим и неприемлемым, а реальность Шамбалы и её могущества — неубедительной. К тому же в 1926 году энтузиазм борьбы за социализм нарастал в стране и коммунисты не ощущали потребности углублять притягательность своих идеалов мировоззренческими представлениями, не укладывающимися в рамки почитаемой ими философии. Им в голову не могло прийти, что наступит время, когда в стране победившего социализма люди разочаруются в идеях, внушаемых с детства, и в смятении умов допустят разрушение достижений предшествующих поколений. Руководители СССР и коммунистической партии отождествляли материалистическое мировоззрение (сторонниками которого в углублённом смысле утверждают себя Махатмы) с более узким его аспектом в виде классической картины мира, не ведая того, что последняя уже не выражала к 1926 году передовых позиций в науке. В первой четверти XX века научный фундамент классической физики уже не был таким незыблемым, каким продолжал казаться неспециалистам, и классическая картина мира начала утрачивать роль катализатора научного и общественного развития, превращаясь постепенно в тормоз того и другого.

Как отзвук сожаления о несостоявшемся контакте с руководством Советской страны, находим слова Учителя в тексте книги «Община», изданной Рерихами по возвращении в столицу Монголии Угру (Улан-Батор) в 1927 году: «Мои предложения не приходят в спокойный час. Костёр может быть раздут или потушен. Мы не любим глухое ухо. Истинный коммунист гибок, подвижен, понятлив и смел. Именно Ленин охватил бы прошедшую минуту Азии. Где же его ученики? Жду, жду. Не орешки в сахаре, но молния в буре. Жду, жду, иначе не пройдёте. Говорю решительно... Кому же собрали Мы жатву? Конечно, общине мира. Послушайте, искатели общины, огнём прочистите ухо. Жду, жду, жду! Время близко и благоприятно, если приблизиться без предательства и тупости» [86, 2.V.3]. Если эти слова могли быть оставлены коммунистами без внимания в 1927 году, то в наши дни их актуальность и программная значительность буквально бьют в глаза, как яркая вспышка света. Ведь коммунизм и в самом

деле не прошёл, натолкнувшись после 70 триумфальных лет на айсберг предательства и тупости в руководящих кругах и в народной толще. В издании книги [86], подготовленном Международным Центром Рерихов с учётом дневниковых записей Е.И. Рерих, указана (в комментарии 127 на стр. 240) иная редакция одной из фраз приведённой цитаты: «Русские, русские, Я жду. Русские, русские, русские, Я жду — иначе не пройдёте».

По нашим человеческим меркам посольская миссия Рерихов в Москву выглядит как неудавшаяся и бесплодная, поскольку советское руководство не только не проявило серьёзного внимания и интереса к обращению Махатм, но даже скрыло факт этого обращения, информация о котором появилась в печати с задержкой на четыре десятилетия [85]. И встаёт вопрос, как могли высокоумные и дальновидные Учителя Живой Этики не предвидеть этого, а предвидя, не отказаться от бесполезной затеи, к тому же не безопасной с их точки зрения для посланцев? Однако именно подобные недоумения должны побудить нас заняться с сугубой пристальностью и углублённостью анализом действий Махатм, вместо того чтобы давать им легковесные оценки. Необходимо обратить внимание на характерные особенности посольской миссии Рерихов в Москву и общую историческую обстановку в момент этой акции, равно как в предшествующие ей и последующие десятилетия. Такой анализ позволит нам осознать глубину, напряжённость, серьёзность участия высокого Братства в решении проблем эволюции человечества и увидеть в обращении Махатм к коммунистам, а через них ко всему русскому народу, закладывание духовного магнита, действие которого рассчитано именно на рубежный этап XX — XXI веков, когда решается вопрос о прорыве земной цивилизации через нависшие над ней экологические и социальные угрозы в космическое будущее. Посольство Н.К. Рериха в Москву от имени Махатм осуществлено с соблюдением трёх важнейших принципов общения высшего разума с людьми: 1) не затрагивать карму, 2) избегать навязчивости, 3) начинать в малом начертании. В книгах Живой Этики есть прямые указания на эти принципы.

Карма (на санскрите — деяние, действие, плод действия), одно из центральных понятий индийской философии, дополняющее учение о перевоплощениях. В широком смысле карма — это общая сумма совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, которые определяют характер его нового рождения, т.е. дальнейшего существования. В узком смысле кармой называют вообще влияние совершённых действий на характер настоящего и последующего существования. В отличие от понятия судьбы или рока как жёсткой предопределённости, обусловленной неподвластными человеку божественными или космическими силами, для правильного понимания кармы существенно представление о причинно-следственных связях, ответственности индивидуума или сообщества за свои действия, возможности улучшить карму правильными действиями.

Внешнее вмешательство в карму рассматривается в Учении Живой Этики как насилие, нарушающее свободу, что в конечном счёте отрицательно скажется на темпах и успехах эволюции человека или общества. «... помните условие водительства не затрагивать кармы» [90, 2, IX, 10]. «Можно лишь лично, сознательно и свободно, вмещать из пространства непрерывные ступени. Учение может открыть дверь, но войти можно лишь самому. Не награда, не справедливость, но закон неоспоримости несёт воплощённый дух по восходящей спирали, если он осознал необходимость движения. Учитель ничем не может подвинуть это сознание, ибо каждое внушение нарушало бы личное достижение» [86, 1, XI, 3]. «Мы можем жестом передвигать дела. Но жест Наш не поможет вашей карме» [89, 12.04.1922]. «Надо приложить усилия, нужно руками строить новую силу. Помогу, Помогу, но приложите усилия» [89, 8.04.1922]. «Воля человека свободна... Мы Можем предупредить... подать совет и направить, Можем подсказать решение, но подавить чужую волю или её сломить не имеем права, ибо священна она... Казалось бы, одно малое усилие с Нашей стороны, и рушится самое хитросплетенное злодеяние, но, если сам человек не дойдёт в понимании своём до недопустимости совершаемого зла и не проявит хотя бы малейшего усилия в противоположном направлении, Мы не Можем вмешиваться в течение его кармы, чтобы не нарушить свободы воли. Воля подавленная обязательно вызовет взрыв, и будет человеку ещё горше, чем было раньше. Но зато можно свободно прилагать даже к малейшей крупинке добра и воли, устремляющейся к добру и созиданию. Мы Готовы помочь, но дайте то, к чему можно было бы приложить Нашу силу» [91, том X, 21.03.1969].

Источник [91] требует особого пояснения. Борис Николаевич Абрамов (1897-1972), будучи в 1917 г. военным моряком, не принял Октябрьскую революцию и эмигрировал из России. Когда Н.К. Рерих во время путешествия по Китаю приехал в 1934 г. в Харбин, то среди многих проявивших интерес к его философским взглядам людей он выбрал небольшую группу учеников, в которую вошёл и Б.Н. Абрамов. После возвращения в Индию Николай Константинович поддерживал переписку с Абрамовым. «Ещё в 40-е годы Борис Николаевич стал мысленно воспринимать сначала отдельные слова, а затем и целые фразы, приходящие к нему из пространства... Б.Н. Абрамов в письме к Н.К. Рериху о новом и неожиданном опыте своей жизни спрашивал, как расценить это явление... Ответ пришёл быстро, но не от Николая Константиновича, а от Елены Ивановны, которая обращалась к нему с просьбой прислать образцы полученных записей. После получения их Елена Ивановна написала ему вновь, подтвердив их Высокий Источник, выразила свою радость за него и советовала продолжать работу. Борис Николаевич выполнил этот Совет и до конца своих земных дней продолжал почти ежедневно вести записи поступающей Информации... Б.Н. Абрамов... после ухода Николая Константиновича и Еле-

ны Ивановны Рерих с земного плана воспринимал также их сообщения» [91, том I, с. 5 (предисловие)]. В 1959 г. Б.Н. Абрамов приехал в СССР.

Нам по-человечески нелегко понять щепетильность Учителей Живой Этики в следовании принципу ненасилия ради невмешательства в карму, особенно если это оборачивается (по нашему мнению) попустительством торжеству враждебных и заведомо тёмных сил. Когда нам противостоят некоторые примерно равные нам по силе противники, то мы считаем своим правом и благим долгом подчинить их нашей воле или даже уничтожить ради достижения наших целей. Для того же, чтобы понять причины запрета на физическое насилие в христианстве («но кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую» — Мф., 5, 38) и даже на психическое принуждение в Учении Живой Этики, необходимо приблизиться к правильному представлению о целях Космического Разума. Высший Разум не приемлет принудительной вербовки своих сотрудников. Его целью по отношению к людям является выращивание из них самостоятельных, умелых, дальновидных, надежных, стойких творческих участников созидательных процессов во Вселенной. Этого нельзя достигнуть, ущемляя свободу выбора человека в принятии решений и тем освобождая его от ответственности за последствия совершаемых им поступков. Махатмы Гималаев, как ближайшие доступные нашему пониманию представители высших сфер Разума, легко могли бы добиться нашего почитания и послушания, да не это им нужно. «Нам тесно от людского почитания» [90, 3.I.4]. «Наш идеал не Учителями быть, но сотрудниками. Но для этого нужно твердое сознание, что обоюдно будет принесено на пользу решительно всё. Когда признаки такого принесения явлены, тогда созидается овладение физическим миром» [90, 2.VII.9]. Принятие сотрудничества с Шамбалой могло уберечь народ и страну от многих бедствий, но с точки зрения глубоких и дальновидных принципов космической этики законно и благотворно лишь хорошо осознанное добровольное и умелое следование высшим указаниям при полной мобилизации собственных целеустремлённых усилий ведомого. Если этого нет, то полезней для эволюции и усвоения ценности истин пройти через опыт ошибок, обусловленных пренебрежением советами мудрости. Именно грандиозность задач, к решению которых должны подниматься люди, могущество суждённых людям возможностей делают недопустимым ограничение свободы воли человека со стороны высшего разума.

Махатмы не только сами не применяют насилия, но советуют не прибегать к насильственным мерам и людям в их взаимоотношениях. «Всякая насильственность осуждена. Насильственное рабство, насильственный брак, насильственный труд возбуждают возмущение и осуждение. Но из всех насилий самое преступное и уродливое зрелище являет насильственная коммуна. Каждое насилие обречено на реакцию, а самое худшее насилие обречено на реакцию самую худшую» [86, 3.II.3]. Здесь перечис-

лены примеры насилия с применением физической силы и административной власти. К насилию психического типа относится навязчивое миссионерское зазывание. «Опасайтесь навязывания не только в отношении чужих зазываний, но чтоб и самим не сделаться навязчивыми. Невозможно исчислить вред навязывания, и нельзя без презрения увидеть, как на базаре продаётся Учение с уступкой... сознающее своё значение Учение не будет выставять себя на базаре. Только исключительное невежество последователей может поставить Учение в позорное положение лжи и пресмыкания... тонка черта между утверждением и навязыванием. Часто легко унизить себя не по цели... Поэтому только качество, но не количество» [92, §129].

В 1936 году Рерихи предприняли в Риге второе издание книги «Община», переработав её применительно к восприятию умеренной публики Запада. Из текста были изъяты все упоминания о Марксе, Энгельсе, Ленине, а слова коммунист, коммунизм были заменены словами общинник, община, новое сознание. Были сделаны некоторые изъятия и добавления и введена новая (сплошная) нумерация параграфов. На титульном листе рижского издания, получившего впоследствии более широкое распространение, чем монгольское, был поставлен год 1926 — год окончания основной работы над книгой перед поездкой Рерихов в СССР, а не год её издания (1936). Так получилось, что более поздняя и терминологически редуцированная редакция книги «Община» помечена более ранним годом, чем первичная, специально адресованная коммунистам. Ссылки на это первое издание принято теперь сопровождать указанием года рядом с заглавием: «Община» 1927, — в отличие от рижского издания (просто «Община»).

Отказ от насилия и навязывания не означает отказа от борьбы за идеалы и цели Учения Живой Этики. Но борьбу следует вести методами убеждения, апеллирующего только к искренне заинтересованному сознанию. Упомянутая выше «тонкая черта между утверждением и навязыванием» должна быть осознана с полной недвусмысленностью, для чего будет полезна аналогия с освоением научных представлений. Глубокие теории науки по существу тоже не нуждаются в вербовке верующих сторонников, хотя полезность расширения круга людей, способных понимать эти теории, очевидна. Поэтому учёные считают своим долгом прокладывать для всех заинтересованных пути восхождения к завоёванным первоходами вершинам познания. Таинство посвящения в науку совершается через освоение дифференциального и интегрального исчислений, алгебраической теории пространств, теорий строения атомных ядер, атомов и молекул, математического аппарата синергетики и т. д. Главным результатом такой деятельности становится расширение и углубление сознания, а только на этой основе и формируются убеждения, обладающие наибольшей стойкостью и вместе с тем освобождённые от фанатизма и узости слепой веры, способные восходить к вершинам духовности. Поэтому осу-

ждая навязывание, Учение Живой Этики призывает к использованию психической энергии убеждения для утверждения целей и принципов, способных выдержать самую суровую проверку на истинность с помощью теории и практики. «...община мира суждена — значит, элементы, не вместившие понятие общины, должны быть убеждены в её непреложности. Не словами ли убеждать? Но не слова, но мысль убеждает и перерождает сознание. Мысль может быть обострена лишь психической энергией. Развитие этой энергии даёт выход созидателям общины. Если они сами убеждены в непреложности общины, никто не может запретить им послать мощную мысль для убеждения противников» [86, 3, Ц, 3].

В Учении Живой Этики ясно говорится, что просвещающее и освобождающее действие высшего знания может реализоваться благодатно лишь при том условии, что люди сами устремятся к нему как к наиболее желанной ценности, собственными усилиями дойдут до истин космической значимости и на собственном опыте убедятся в их непререкаемости. «... для Земли всё должно совершиться на земном плане. В этом главная причина бытия Братства здесь. Потому по земле надо дойти до Нас, открыть Нас как руду серебряную, лучшую под корою земли» [90, 2, I, 8]. Тому же учил Христос: «...покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф., 4, 17); «Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это всё (земные блага — А.С.) приложится вам» (Мф., 6, 33); «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам» (Мф., 7, 7).

Внедрение новых течений мысли и деятельности начинается с акций, которые мало заметны для широкой публики и не производят на неё вначале большого впечатления. «Мы начинаем всегда в очень малом начертании — говорят Махатмы. — Это опыт очень многих веков и основной космический принцип. Зерно твёрдое и неделимое даст нарастание элементов» [86, 2, IX, 7]. О том же свидетельствуют поступки Иисуса Христа и евангельская притча о горчичном зерне. «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своём, которое хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф., 13, 31-32). Смысл этой притчи применительно к духовной эволюции каждого человека заключается в подчёркивании больших возможностей роста сознания, которое, начав с малого, способно сохраниться за пределами земной жизни и неограниченно развиваться в Царстве Небесном. Так же развиваются на земле все жизнеспособные структуры от растений и животных до общественных организмов. Так утверждалось в истории человечества само христианское учение. Таким путём происходит и развитие всех наук. Начинать в “малом начертании” — привилегия великой творческой потенции и непреложности предвидимого направления эволюции. То, что нам в нетерпеливом людском желании немедленного достижения цели может казаться безуспешной попыткой, то

высокоразумные существа совершают как посев твёрдых зёрен, из которых вырастут ожидаемые построения.

Посольская миссия Н.К. Рериха в Москву в 1926 г. осуществлена ненавязчиво как “начало в малом начертании”. Даже будучи почти незаметной для широкой общественности того времени, она теперь оказывает на нас сильное убеждающее воздействие как документированное утверждение реальности Учителей, от имени которых написаны книги Живой Этики, и как провозвестие высокого эволюционного значения дела построения общины. Эта миссия в наши дни эффективно привлекает внимание к Учению, которое обладает в качестве “твёрдого зерна” глубиной и всеохватностью, способной покрыть не только древнюю мудрость великих мировых религий, но и ответить на запросы новейшей науки и общественных движений. «Для одного Мы Махатмы, для другого учёные, для третьего повстанцы, для четвёртого комитет революционеров, но само Учение покрывает все надежды коммунистов» [86, 2.IV.4].

Принципы невмешательства в карму, ненавязчивости и начинания в малом начертании по сути своей несовместимы с использованием чудесами. И вовсе не потому, что чудеса противостоят реальности. Современники Пушкина и Гоголя были бы поражены как чудесами теми способами передвижения и связи, которые вошли в наш быт в XX и XXI веках. Так разве трудно поверить в то, что существа, превосходящие нас разумностью и могуществом в овладении силами природы, могли бы продемонстрировать нам чудеса и тем убедить в своей реальности? Именно с такими предложениями и обращался А.П. Синнет к Махатме К.Х. (Кут Хуми), как мы узнаём из письма 1 (К.Х. — Синнету, 15 октября 1880 г. [82]). «Уважаемый Брат и Друг, именно потому, что опыт с Лондонской газетой заткнул бы рот скептикам, — он немыслим. (Синнет предлагал всего лишь доставить в Лондон издаваемую в Индии газету «Пионер» в день её выпуска — А.С.) С какой бы точки зрения вы не взглянули — мир всё ещё в своей первой стадии освобождения, если не развития, следовательно, не готов. Совершенно справедливо, мы действуем естественными, а не сверхъестественными средствами и законами. Но так как, с одной стороны, наука не будет в состоянии (в её настоящем положении) объяснить чудеса, даваемые во имя её, а с другой, невежественные массы всё же будут рассматривать феномен в свете чуда, то каждый свидетель случившегося будет выведен из равновесия, и результаты будут прискорбны... Если бы мы согласились на ваше желание, знаете ли вы, какие в действительности последствия возникли бы по следам успеха? Неумолимая тень, которая следует за всеми человеческими нововведениями, уже надвигается. Тем не менее, лишь немногие сознают её приближение и опасность. Что же должны ожидать те, кто предложат миру нововведение, в которое, если и будет уверовано, то, благодаря человеческому невежеству, это конечно будет приписано

тёмным силам, в которые верят и которых страшатся две трети человечества? Вы говорите: половина Лондона была бы обращена, если бы вы могли доставить им “Пионера” в день его выпуска. Осмелюсь заявить, что если бы люди поверили в правдивость этого, они убили бы вас до того, как вы обошли бы Гайд Парк; если же они не поверили бы в правдивость этого, то самое меньшее, что случилось бы, — это потеря вашей репутации и доброго имени за пропаганду таких идей. Успех подобной попытки должен быть рассчитан и основан на знании людей, вас окружающих. Оно полностью зависит от социальных и моральных условий людей, при их касании к этим глубочайшим и наиболее сокровенным вопросам, могущим взволновать человеческий ум, о божественных силах в человеке и возможностях, заключающихся в природе. Многие ли, даже среди ваших лучших друзей, тех, которые окружают вас, более, нежели только поверхностно заинтересованы этими непонятными сокровенными проблемами?.. Мы не сомневаемся, что представители вашей науки открыты убеждениям, тем не менее, факты должны быть сначала доказаны им, должны сделаться их собственностью, должны отвечать, подчиняться их способом исследования, только тогда они сочтут их допустимыми в качестве фактов... Это относится к науке, насколько мы ознакомлены с нею. Что же касается человеческой природы вообще, она такая же сейчас, какою она была миллионы лет тому назад: предрассудки, основанные на себялюбии, общее нежелание отказаться от установленного порядка вещей ради нового образа жизни и мыслей — а оккультное изучение требует всего этого и ещё гораздо больше; гордость и упрямое сопротивление Истине, если это ниспровергает их прежние понятия вещей... Каковы же будут следствия самых поражающих феноменов, если предположить, что мы согласились произвести их? Несмотря на успех, опасность росла бы пропорционально этому успеху. Скоро не осталось бы выбора, пришлось бы продолжать всё усиливая или же вступить в бесконечную борьбу с предрассудками и невежеством... Доказательство за доказательством требовались бы и должны были бы быть доставляемы; каждый последующий феномен ожидался бы более чудесным, нежели предыдущий. Ваше ежедневное замечание, что нельзя ожидать, чтобы человек поверил, пока он не сделался очевидцем, но хватило ли бы человеческой жизни, чтобы удовлетворить весь мир скептиков? Могло бы быть лёгким делом увеличение в Симле числа первых уверовавших до сотни и тысячи, но что же до остальных сотен миллионов, которые не смогли быть очевидцами? Неvezды, не будучи в состоянии бороться с невидимыми операторами, в один из дней дали бы исход всей своей ярости, обрушившись на видимых работающих агентов... Подобно многим, вы порицаете нас за нашу большую сдержанность, однако мы кое-что знаем о человеческой природе, ибо опыт долгих веков научил нас. И мы знаем, пока наука не научится чему-нибудь,

и пока тень догматизма коснеет в сердцах масс, мировые предрассудки должны быть побеждаемы шаг за шагом, а не натиском... Общественная безопасность охраняема лишь тем, что мы держим в тайне страшные оружия, которые иначе могли быть употреблены против общества и которые, как вам уже говорилось, становятся смертельными в руках злодея и себялюбца... Я внимательно прислушивался к беседе, которая происходила в доме мистера Хьюма. Его аргументы совершенны с точки зрения экзотерической мудрости (экзотерический — не представляющий тайны, предназначенный для непосвящённых, в отличие от эзотерического — тайного, скрытого, предназначенного для специалистов и посвящённых — А.С.). Но когда настанет время и ему будет позволено заглянуть в мир эзотеризма с его законами, базирующимися на математически точных расчётах будущего, на неизбежных результатах причин, которые мы всегда вольны создавать и формировать, как хотим, но не способны управлять их следствиями, которые, таким образом, становятся нашими властелинами (выделено мною — А.С.), только тогда и вы и он поймёте, почему непосвящённым наши действия часто кажутся немудрыми, если не просто безрассудными» [82, с. 10-14].

Более кратко о вреде чудес говорится в книге «Озарение». «... отменило Братство явление чудес... нужно оставить чудо как средство убеждения, ибо никогда чудеса не убеждали» [90, 2.П.6]. «Можно сказать, отчего решено отказаться от чудес. Путь чудес самый далёкий от гармонии. Или чудо пропало, тогда оно просто вредно; или оно вздёргивает человека на степень, которую не может держать окружающая атмосфера; или, попадая на глаза завистников, оно порождает зло. Мужественно знать возможность проникнуть полный свет и сознательно закрыть необычные проявления — значит приблизить гармонию. Идти путём расширения сознания — значит приблизиться к истинному действию... Можно иметь силы в распоряжении, но не для демонстрации, но для поступательных действий» [90, 2.VI.1].

«Оккультная наука не такая, в которой секреты могут быть сообщены сразу посредством письменных или устных наставлений... знание может быть сообщено только постепенно; и некоторые из высочайших тайн, если их сформулировать даже для вашего, хорошо подготовленного уха, прозвучали бы для вас, как безумная тарбарщина... Как могу я выразить идеи, для которых у вас ещё нет языка?» [82, письмо 17, К.Х. — Синнету, 5.08.1881, с. 98, 100]. Общественное сознание, в первую очередь научное, должно насыщаться новыми представлениями о закономерностях природы, задачах и возможностях человека и человечества, без насилия и переосмыслений через необходимые ступени развития. «Нужна насыщенность, но не резкий удар. Созидателям нужно знать, как насыщать атмосферу. Ручательство успеха — в насыщенности атмосферы, которая восстанавливает всё сущее» [86, 3.I.26].

Современная наука позволяет привести множество убедительных примеров того, как без постепенной предварительной подготовки невозможно сообщить людям неискажённые представления о добытых истинах. Например, как объяснить даже очень эрудированному в своих областях гуманитарии, что такое изотропная прямая? (См. в конце § 11 книги 1 текст, связанный с формулами (3.47) – (3.55')). Самая яркая черта изотропных заключается в том, что на них метрическое расстояние между любыми двумя точками равно нулю. Человек, имеющий только наглядно-эмпирическое представление о расстоянии, должен будет сказать, что таких прямых не бывает, и обосновывая их существование, математики попадают в плен к своим формальным искусственным построениям, не имеющим ничего общего с реальностью. В качестве убеждающего аргумента скептик потребует, чтобы ему показали (хотя бы нарисовали на бумаге) отрезок, у которого точки начала и конца не совпадают, а расстояние между этими точками равно нулю. Скептику ничего не прояснит указание на то, что в чувственно воспринимаемом пространстве нет изотропных. Но насыщение общественного сознания сведениями из геометрии, необходимыми для понимания реальности пространства Минковского, можно начать уже сейчас. Для этого достаточно улучшить очень низкокачественное преподавание векторной алгебры в курсе средней школы и дополнить чисто технические навыки работы с линейными операциями над векторами и скалярным произведением векторов понятиями линейных и метрических свойств пространства. Кроме того, можно дать в средней школе добротное ознакомление учеников с комплексными числами и их участием в формировании метрических свойств собственно евклидовой комплексной плоскости. После этого нетрудно будет ввести на первом же курсе любого вуза, в котором преподаётся математика и физика, простое и естественное объяснение специальной теории относительности в терминах модели мира Минковского.

Несравненно трудней задача выражения истин высшей этики на языке общедоступных понятий. Во-первых, в таком выражении высшие правила поведения если и завоёвывают почтительное признание, то лишь в качестве идеалов, невыполнимых в реальной земной жизни и потому отнюдь не обязательных. Во-вторых, сознания недостаточно глубокие и разносторонние способны превратить словесные формулы священных текстов в опору извращений и диких преступлений. Например, в Евангелии записано: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя... И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя» (Мф., 5, 27-30). Отсюда проистекает требование безбрачия для людей, посвящающих свою жизнь устремлению в Царство Божие. В этом же корни изу-

верского фанатизма скопцов, прибегавших к кастрации ради спасения души. В Евангелии сказано: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геене» (Мф. 10, 28). Ради «спасения души» фанатичные пастыри староверов склоняли массы людей к самосожжениям, обходя заповедь «не убий». Вера в Бога и загробную жизнь широко используется ловкими политическими манипуляторами для подготовки террористов-смертников в наши дни.

Тексты книг Живой Этики построены так, чтобы не давать пищи догматизму и фанатизму. В первых же строках первой книги («Зов») встречаем предупреждение о возможных неясностях и непонятностях: «Читающий, если не усвоишь — перечти, переждав». И действительно, те, кто при первом ознакомлении не отверг эту книгу как ненужную, а был заинтересован хотя бы крупными понятными, обнаруживают при повторных прочтениях за некоторыми непонятными прежде фразами скрытые ассоциации, которые раньше не возникали в сознании читающего. Во второй книге («Озарение») сказано: «Могли замечать в Моих Словах как бы непонятности или отдельные слова, неясные на сегодняшний день; помните условие водительства не затрагивать кармы. Чутьё Блага должно подсказать, как расставить придорожные вехи. Лучше стремиться, каждый имеет свой путь» [90, 2.IX.10]. Именно вехи на пути исканий! Из мозаичной россыпи суждений в книгах человек должен сам складывать рисунок своего понимания. Это будет развивать в нём находчивость и предохранит от догматизма, ибо обнаруживая изменение, углубление понимания, мы должны будем винить в прежних ошибках только самих себя и не станем преклоняться перед собственным недомыслием. Кроме того, разнообразие зёрен мозаики Живой Этики обеспечивает широту охвата сознаний, различающихся индивидуальными особенностями и уровнями развития, а каждое конкретное сознание удерживает от ошибок односторонности и узости. «Кто спросит: почему учение рассыпано как зёрна? — отвечайте: только из различных нитей можно сложный узор создать. Спросят: почему учение не имеет законченных положений? — Отвечайте: ибо в законченности смерть. Спросят: почему нельзя соединить логически части учения? — отвечайте: ибо безобразно растить одну голову или одну руку» [90, 2.VI.5]. «Я люблю учить явлениям, уявляющим сложность жизни» [89, 17.06.1921]. Разумейте данные вехи и поймите ваш путь. Надо идти своим путём. Идите своим путём» [89, 21.06.1921]. «Каждый сам куёт путь свой» [89, 29.01.1922]. «В случаях недоумения Мы поясним в жизни, но внимайте» [89, 1.03.1921]. «... научитесь понимать написанное. Всё, что можно ускорить без гибели, будет ускорено» [89, 31.12.1921].

§ 37. ПОЗИЦИЯ УЧЕНИЯ ЖИВОЙ ЭТИКИ ПО ВОПРОСАМ МАТЕРИАЛЬНОСТИ МИРА

Махатма Кут Хуми ещё в 1881 году в письме к Синнету утверждал материальность мира: «Никогда, ни один из Адептов не проникал за покров первоначальной Космической материи. Высочайшее, наиболее совершенное видение ограничено миром форм и материи... Как бы ни были бестелесны и очищены от грубой материи чистые Духи, всё же они подвержены физическим и мировым законам материи. Они не могут избежать этого...» [82, с. 89, 86, письмо 15]. Здесь нет противоречия с тем, что сказано в § 32 об Абсолюте как глубочайшей основе бытия. Абсолют не тождествен материи, как не тождествен он и разуму, но разум и материя вычлениются из Абсолюта как взаимообуславливающие и взаимно дополняющие одна другую противоположности в результате дифференциации Абсолюта. Всякий субъект, не исключая и Творца Вселенной, именно в силу того, что он субъект, находит вне себя нечто отличное от себя, противостоящее ему как материя. Различение субъекта и материи угасает только во Всеобъемлющем Единстве, когда это различие перестаёт быть выявленным из Абсолюта. И всякий субъект более низкого уровня, чем Творец Вселенной, не будучи способным вызвать к существованию самую первую дифференциацию Абсолюта на Творца Вселенной и противостоящую ему Материю, вынужден иметь дело лишь со вторичными дифференциациями тех форм, которые выявлены не им и уже обладают не зависящими от него взаимосвязями как истинными, объективными закономерностями, имеющими всеобщую значимость для всякого познающего разума. Поэтому когда мы читаем в «Гранях Агни Йоги», что «весь проявленный Космос материален, всё сущее, т.е. всё имеющее бытие, материально... нет ничего из существующей реальности, что не входило бы в рамки закона и не обнималось бы им» [91, том I, с. 9, 2.01.1960], то находим это вполне согласным с известным ленинским обобщением: «...единственное "свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью...*» [24, с. 275, гл. V, начало § 2].

«Наука давно уже углубилась в область невидимого глазу и расширила пределы материи и материальных явлений. Она пойдёт ещё дальше, ибо пути развития её бесконечны, и научно докажет экспериментальным путём существование более тонких видов материи и энергии и тех образований, в которые они могут выливаться... Много чудес готовит наука для человека. Только эти чудеса из мира сверхчувственного и потустороннего будут сведены на землю... Явления духовного порядка, которые столь же материальны, как и явления физические, но на высшей шкале, вольются в орбиту материального мира и утратят свою нематериальность

и потусторонность. Всё станет по эту сторону жизни, и воистину будет поправа смерть. Эта важная задача выпала на долю науки, ибо религия в решении этих вопросов не преуспела... Невежественно думать, что необъятность Вселенной и бесконечность Материи и её уявлений можно ограничить человеческим пониманием от сегодня. Беспредельность во всём, а также и в нашем понимании строения Космоса и бесконечности уявлений великого неизвестного — материи, из которой Он состоит, свойства и виды которой только частично открыты современной наукой... Недопустимо далее невидимую глазу реальность относить в область сверхъестественного и потустороннего. Сверхъестественного и потустороннего ничего нет. Есть изученное и постигнутое человеком и неизученное и ещё не постигнутое им... Завеса космических тайн поднимается человеком. Её поднимает наука» [91, том I, с. 9, 2.01.1960]. «Объединение миров произойдёт в сознании человеческом, потому что в действительности они никогда не разъединялись, но являют собой одно неразрывное целое» [91, том X, с. 44, § 109, 20.02.1969]. Сопоставим это с высказываниями В.И. Ленина. «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет ещё больше, увеличивая тем свою власть над ней» [24, с. 298, гл. V, конец § 4]. «Сущность вещей или “субстанция” тоже относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека» [24, с. 277, гл. V, § 2].

В книге «Община» тоже есть высказывания о необходимости опираться на материальность мира и строить свою деятельность в согласии с законами материи. Но материю не следует понимать упрощённо, узко. «Ленин мыслил широко и понимал материю. Неужели вы не можете хотя бы частично следовать за вождём? Младенческий материализм явится дурманом для народа, но материализм просвещённого знания будет лестницей победы. Без отрицаний, без суеверий, без страха пойдёте к истинной общине. Без чудес, беспоклонно найдёте ясную реальность и киркою испытателя будете вскрывать закрытые глубины. Полюбите бесстрашие знания» [86, 2.X.7]. «Умейте принять, когда вас назовут материалистами. В действиях и в мышлении мы отделиться не можем от материи. Мы обращаемся к высшим слоям или к грубейшим видам той же материи. Можно научно показать эти взаимоотношения» [86, 2.X.3]. «Много невидимого, осязаемого аппаратами нужно вместить тем, кто хочет приложить технику в жизнь. Нужно заменить идеальные слюны твёрдым разумом. Мы, материалисты, имеем право требовать уважения и познания материи. Друзья, материя — не навоз, но вещество, сияющее возможностями. Нужда человечества — от презирания материи. Настроены храмы, где воспринята помощь для обмана и убийства, но не воспеты гимны знанию»

[86, 2.X.9]. А и впрямь стоит задуматься: воспевают ли церковь гимны знанию? Разве не очевидно, что умение высоко ценить знание, стремиться к его развитию свойственно не церковным кругам? «Ленин и Маркс заботливо чуяли достижение знания. Коммунист должен быть открыт всем новым возможностям» [86, 2.XII.12]. И действительно, хорошо известно, что Маркс и Энгельс в своё время выступили против вульгарного материализма Бюхнера, Фогта и Молешотта. Энгельс предупреждал, что «с каждым составляющим эпоху открытием... материализм неизбежно должен изменять свою форму» [4, с. 286, часть II]. Ленина же научная критика старых представлений о материи побуждала идти не к отказу от материи, а к расширению понятия материи (см. [24], с. 275–277, 151, 259). В наше время вульгарный материализм проявляется в том, что в средней и высшей школах, формирующих мировоззрение новых поколений, преподносится по существу классический взгляд на мир как множество тел, движущихся в трёхмерном собственно евклидовом пространстве (см. (2.8), (2.7) в § 4, кн. 1). И этот взгляд эклектически совмещается с краткими популярными сведениями о теории относительности и квантовой механики как уточнениях классической картины, в которых учащиеся всё равно не могут разобраться по-настоящему, чтобы увидеть за ними принципиально иную более глубокую картину мироздания.

Оптимистическое предчувствие Лениным безграничных возможностей материи замечательно созвучно таким же высказываниям в книге «Община». Ленин писал: «... для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нём новые стороны» [24, с. 130, гл. II, конец § 4]. А вот из «Общины»: «Явление лишений не знакомо нам, ибо вмещение исключает лишение. Учение материализма представляет мир богатым, радостным и увлекательным. Нигде не указаны вериги и бичевания. Как корабль, полный сокровищ, несётся указанная община. Чуждое явление зависти подобает лишённым собственникам. Ярко светит познание бесчисленных свойств материи» [86, 3.III.20]. «Мы как опытные материалисты можем видеть вред нетерпимости, основанной на грубейшем незнании. Где же реальность, когда мышление стеснено, вместо тысячи знаков знает лишь пять! Утверждение становится искажением, если заранее скован стереотип условностей. Улыбка знания опрокидывает шлюзы намеренных заграждений. Строитель не может фантазировать о почве под зданием. Такое положение тем более преступно, что материальное воззрение даёт самые неограниченные законные возможности. Фетишизм по существу своему ограничен. Но именно материя уявляет победу при понимании свободы. Материалисты должны быть свободными, иначе свет материализма погрузится во тьму фетишизма. Прозрение природы материи, как сияющий венец человечества, создаст камень жизни. Спешите сбросить рухлядь!» [86, 3.I.8].

Расширенное понимание материи не могло быть воспринято научной общественностью в эпоху апофеоза классического научного мировоззрения. Однако Учителя Живой Этики именно в то время начали внедрять в общественное сознание представления о более глубоких знаниях через Елену Петровну Блаватскую, предвосхищая близкую революцию в физике. А когда Н.К. Рерих привёз советским наркомам в 1926 году послание Махатм, основные результаты революции в физике уже выкристаллизовались.

В 1887 г. А.А. Майкельсон и Э.У. Морли получили отрицательный результат в знаменитых опытах по обнаружению движения тел относительно мирового эфира. Чтобы объяснить это, Х.А. Лоренц и Д.Ф. Фитцджеральд независимо друг от друга высказали в 1892 г. гипотезу о сокращении размеров тел в направлении их движения относительно мирового эфира, а в 1895 г. Х.А. Лоренц дополнил эту гипотезу представлением о местном времени, отсчёты которого в движущемся теле отличаются от отсчётов времени в покоящемся теле. Это был первый шаг на пути смелых построений новой физики. А. Пуанкаре в 1904 - 05 гг. выдвинул принцип относительности в качестве всеобщего и строгого положения, отвергающего возможность обнаружить абсолютное движение, исходя из уравнений Максвелла – Лоренца и представления о мировом эфире. В 1905 г. опубликована первая статья [14] А. Эйнштейна, в которой он вывел лоренцевы преобразования (3.104) из двух эмпирически установленных постулатов (обобщённого постулата относительности и постулата постоянства скорости света), не прибегая к понятию мирового эфира. В 1908 г. Герман Минковский предложил новую модель мироздания, из которой все эффекты специальной теории относительности и даже её исходные постулаты вытекают в качестве простых наглядных следствий.

В 1896 г. А.А. Беккерель обнаружил радиоактивность урана, что открыло пути для исследований строения атома. В 1900 г. Макс Планк предложил формулу, объясняющую спектр излучения абсолютно черного тела, а эта формула опиралась на представление о квантах (порциях) излучения, сыгравшее фундаментальную роль в дальнейшем развитии физики микромира. В 1913 г. Н. Бор сформулировал два постулата (о стационарных состояниях атома и квантовых скачках при излучении и поглощении энергии) и применил их к модели планетарного атома Э. Резерфорда. В 1925 г. В.К. Гейзенберг предложил первый вариант квантовой механики (матричную механику), преодолевающей трудности теории Н. Бора. В 1926 г. Э. Шредингер разработал волновую теорию квантовой механики и доказал её математическую эквивалентность матричной механике.

В 1915 г. А. Эйнштейн завершил создание общей теории относительности, включающей в себя объяснение гравитации кривизной пространства, и в том же 1915 г. Д. Гильберт вывел независимо от Эйнштейна общие ковариантные уравнения гравитационного поля. В 1917 г. Эйнштейн

построил на основе общей теории относительности стационарную модель Вселенной. В 1922-24 гг. А.А. Фридман нашёл нестационарные решения гравитационных уравнений Эйнштейна, из которых следовала возможность расширения Вселенной.

Таким образом, промежутком времени 1892 – 1926 гг. охвачены все основные события революционного перехода от классической физики к физике XX века. Они стали предпосылками трёх великих мировоззренческих открытий науки, проявившихся с достаточной ясностью к последней четверти века: 1) тела — не основа материального мира, а внешняя форма восприятия нами образований из более тонких форм материи; 2) наблюдаемая нами Вселенная расширяется и имела начальное (сингулярное) состояние в прошлом; 3) антропный принцип современной космологии выдвигает перед наукой проблему участия могущественного Разума в разработке и инициировании нынешней фазы расширения Вселенной (см. §§ 26, 31-33). Поразительно совпадение этой эпохи научной революции с тридцатилетием 1893-1924 подготовки и осуществления социалистической революции в России при активной руководящей роли В.И. Ленина. Если с традиционных позиций антропоцентризма и космической изолированности земной цивилизации можно счесть это совпадение случайным, то нельзя всё-таки не признать его исторически весьма уместным. А уж в представлении о скрытом дальновидном участии Учителей Живой Этики в определении путей эволюции современной земной цивилизации указанное совпадение укладывается с убедительной логичностью. Махатмы не могли не видеть того, что теперь становится доступным и нашему пониманию.

Овладение глубинными свойствами материи, дающее могущественные средства воздействия на процессы в Мире Плотном, должно предвзраться или хотя бы сопровождаться совершенствованием общества в смысле его способности подчинять свою деятельность целям общего блага. К служению общему благу призывали выдающиеся представители утопического социализма. Несравненно большую убедительность получило развитие этих идей в научном социализме, вдохновившем своих последователей на практическое переустройство жизни общества. В книгах Живой Этики неоднократно подчёркивается, что совершенствование образа жизни отдельных людей и всего человечества на путях движения к общине может происходить успешно лишь в неразрывной связи с углублением знаний о природе и овладением богатством возможностей, заключённых в материи. «Обычная ошибка в том, что пытаются разделить социальные и научные построения» [86, 3.III.7]. «Черта общины и сотрудничество может неслышанно ускорить эволюцию планеты и дать новые возможности сообщения с силами материи. Не надо думать, что община и завоевание материи находятся в разных плоскостях. Одно русло, одно знамя» [86, 2.VIII.3]. «Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой материи» [86, 3.I.12]. «Коммунизм, поддержанный техникой, даст мощное устремление к знанию. Именно община должна быть са-

мым чутким аппаратом эволюционности. Именно в сознательной общине никто не может утверждать о сложившейся мироизученности. Всякая тупая преграда отмечается обострённой вибрацией коллектива... Червь не будет ограничивать своих проходов мрака — вы же, глазающие в Беспредельность, вы не можете червю уподобиться!.. Исходя из самоулучшаемости, дойдите до Беспредельности. Буду твердить о возможности улучшения, пока самый закоснелый не устыдится своей ограниченности. Не может быть коммунизм, ограничивающий своё сознание... никто не может остаться при младенческом понимании реальности» [86, 2.X.7].

Необходимо углублять и расширять научное мировоззрение, и тогда станет лучше видна справедливость истин космической значимости, которые заложены ещё в древности в великие мировые религии, но теперь получают новое освещение. «Учение явлено особым путём: то же единое, но не повторенное, к той же цели, но в новом полёте, явное и незримое. Так можно определить ступень Нового Мира» [86, 3.III.17]. Сегодня, с высоты минувших восьми десятилетий, мы можем понять, что время для космического оповещения руководства революционной страны в 1926 году было выбрано Махатмами оптимально — не раньше, чем можно, и не позже, чем нужно.

Физика к тому времени подошла вплотную к открытию и практическому использованию закономерностей материальных форм более глубоких и тонких, чем материя Плотного Мира. А исторический опыт свидетельствует, что преждевременная информация о Тонком Мире и возможности жизни сознания в нём воспринималась неразвитым сознанием людей в искажённом смысле, и, вместо стимулирования свободного творчества, сковывала общество религиозным фанатизмом и лицемерием. Во избежание таких отрицательных последствий можно приоткрыть перед людьми сокровенную тайну бытия не раньше, чем они сами подойдут к её осознанию в собственных исследованиях природы. **Не раньше** — это одна из границ благоприятных сроков.

Но есть ещё и другая граница — **не опоздать** с открытием. Прочно укоренившаяся привычка придавать первенствующее значение материальным формам и событиям Плотного Мира может побудить людей использовать неправильно, во вред себе, то могущество, которое даётся научно-техническим познанием законов, управляющих построением и разрушением плотных телесных форм. Общество, расчленённое на антагонистические группы, сосредоточенные на борьбе за обладание вещами и властью, не должно, а по законам Космической разумной жизни, видимо, и не может без риска саморазрушения получить доступ к глубинным и мощным воздействиям на мир плотных тел. С другой стороны, дело нравственного совершенствования общества не будет иметь под собой надёжной основы, если оно не опирается на глубокое понимание закономерностей материального мира. «Строитель не может фантазировать о почве под зданием» [86,

3.1.8]. Без такого понимания люди будут иметь весьма узкое и поверхностное представление о своём месте и роли в мироздании, о своих способностях и возможностях, соответственно чему выстраивается шкала ценностей, которыми люди действительно серьёзно руководствуются в повседневной жизни, отодвигая на второй план служение общему долговременному благу.

К широкому и светлому постижению материи должна вести вся система обучения молодого поколения. «Необходимо проверить программы школ и усилить линию материально достоверного познания. Идеализм суеверия загоняет людей в щели ужаса. Необходимо это выпрямление школьного мышления провести немедленно, иначе ещё одно поколение недоумок будет позорить планету. Нужно усилить естествознание, поняв значение этого слова. Биология, астрофизика, химия привлекут внимание самого раннего детского мозга. Дайте детям возможность мыслить!» [86, 2. XI.23]. В этом совете можно усмотреть подтекст. Несомненно, что в истории нашей цивилизации именно развитие естествознания сыграло решающую роль в освобождении общественного сознания от ужасов суеверия. В развитии индивидуального сознания приходится повторять в сокращённом виде исторический путь науки. Например, сначала школьники знакомятся с понятием натурального числа, затем с рациональными числами, и лишь в старших классах средней школы предусмотрено освоение понятий вещественных и комплексных чисел. Таким же образом изучение физики необходимо начинать с законов Ньютона и только в конце школьного курса можно дать некоторые сведения о теории относительности и квантовой механике. Вряд ли в третьем и четвёртом десятилетиях XX века можно было перенести достижения с переднего края науки в школьные программы. Поэтому в 1926 г. совет «усилить линию материально достоверного познания» в школах мог быть воспринят как внедрение в сознание учащихся классического научного мировоззрения, и это давало молодым умам достаточно богатую и добротную пищу, подготавливая их к плодотворному освоению новейших научных достижений. Но неизбежно должен был наступить уже в XX веке этап, когда ограниченность классического научного мировоззрения становится тормозом развития общественного сознания, поскольку утверждает истинность картины мира, уже преодоленной наукой и ставшей по существу неистинной, преграждающей путь к пониманию космичности Учения Живой Этики. Значит подтекстом рассматриваемого совета Махатм должно быть указание на необходимость подъёма общественного сознания до уровня передового поиска науки и осмысления задач космического будущего человечества.

В книгах Живой Этики не излагаются физико-математические теории, зародившиеся в начале XX века и развивавшиеся впоследствии. В этом есть сходство с изложением Учения Христа. Нам нетрудно понять, почему в Евангелии ничего не сказано о физической картине мира. Даже

классическую картину мира, развитую после открытия Николая Коперника, не могли бы понять люди на протяжении тысячелетия после Рождества Христова, а предложение её в те времена существенно помешало бы восприятию нравственных принципов христианства. Потакать же заблуждениям геоцентризма было неуместно для космического учения. Но в Учении Живой Этики, предложенном в эпоху довольно развитого научного познания, есть высказывания, созвучные представлениям той картины мира, которая была выдвинута в 1908 году Германом Минковским для объяснения специальной теории относительности. В книгах [41], [42], [50] и в §§ 15 – 17 книги 1 («Преодоление классического мировоззрения: Физика») автор этих строк обосновывает представление о мировых линиях, введённое Минковским, как о реальных материальных объектах, формирующихся из более тонкой ненаблюдаемой материи в четырёхмерном псевдоевклидовом пространстве, но воспринимаемых нами (в силу особенностей геометрии этого пространства) в виде материальных точек (тел), движущихся в наблюдаемом трёхмерном собственно евклидовом пространстве. Процесс образования и роста (удлинения) мировых линий мы воспринимаем как процесс течения времени. С точки зрения классической картины мира прошлые состояния любых тел (как определённые конфигурации, построенные из атомов) уже не существуют, разрушились. Но в модели мира Минковского прошлые состояния материальных объектов — это проявленные (сформировавшиеся, реализованные) части мировых линий, и они не исчезают, а сохраняются в четырёхмерном мире. В книге «Община» читаем: «Трудно представить неуничтожаемость в пространстве. Уничтожение целых явлений явно проникает в мозг. Уничтожение целых эпох делается очевидностью. Как же понять действительность уплотнения пространства? Много признаков перед глазами, но люди не умеют ассоциировать происходящее» [86, 3.III.11], [92, § 253]. В этом высказывании «неуничтожаемость в пространстве» связана с «действительностью уплотнения пространства». А в § 17 настоящей книги предложено весьма правдоподобное представление о механизме формирования мировых линий: «можно ожидать, что важную роль в формировании мировых линий должны играть явления, родственные образованию вихрей, которые называются в наличии спина у элементарных частиц, в гипотезе о торсионных полях и в широкой распространённости вихреобразных структур в природе вплоть до галактик». Поскольку мировые линии воспринимаются нами в виде плотных тел, уместно понимать образование мировых линий как процесс уплотнения более тонкой материи. По-видимому, синонимом терминов «неуничтожаемость в пространстве» и «уплотнение пространства» является термин «цементирование пространства»: «Мы говорили об астральных телах, о магнитах, о свечении ауры... о явлении цементирования пространства... о понимании слова *материя*» [86, 2.X.9]. «Закон наполнения пространства подобен цементу» [90, 2.II.5].

Нам привычно то представление, что свет может распространяться в любых направлениях, имеющих в наблюдаемом трёхмерном пространстве. Но в модели мира Минковского выясняется, что электромагнитные сигналы, в частности, видимый свет, могут передаваться от уже сформировавшихся в прошлом участков мировых линий в четырёхмерном пространстве только по так называемым изотропным линиям, обладающим особыми метрическими свойствами, каких нет в наблюдаемом собственно евклидовом пространстве. Именно этим объясняется постоянство скорости света в любых системах отсчёта пространства и времени, а также облик доступной нашим зрительным восприятиям картины мироздания. Намёк на существование изотропных как проводящих каналов света и вообще электромагнитной энергии можно увидеть в следующих фразах из книги «Община». «Как чеканные струны, стремятся волны светоносной материи... Между мирами, как нити, протянута *Materia Lucida*» [86, 1.XII.1], [92, § 42]. «Материя прошлого дня облекается в сияющую ткань энергии, которая не нуждается в новом наименовании, но проникает всё пространство...» [86, 3.III.20], [8, § 263].

Могли ли Учитель Живой Этики ожидать, что руководство Советской страны, и тем более научная общественность, сразу воспримет предложенное космическое мировоззрение? Скорее они сочли бы такой результат невозможным и даже нежелательным с точки зрения невмешательства в карму народов, нарушающим принцип Христа: «Руками и ногами человеческими строится мировая община — в этом лежит красота построения» [86, 2.XI.22], [93, Знаки Христа]. «... волшебный цветок на земле должен быть сорван руками человеческими» [90, 1.VII.6]. «Но для Земли всё должно совершиться на земном плане. В этом главная причина бытия Братства здесь» [90, 2.I.8]. И вряд ли Махатмы рассчитывали на осуществимость грандиозной перестройки сознания и образа жизни человечества за полтора десятилетия перед второй мировой войной, ибо «нужна насыщенность, но не резкий удар. Созидателям нужно знать, как насыщать атмосферу. Ручательство успеха — в насыщенности атмосферы, которая восстанавливает всё сущее» [86], 3.I.26]. Всепоглощающая необходимость выстоять и победить среди жестокостей второй мировой войны и напряжённость сменившей её всемирной холодной войны не могли не отвлекать государственное и научное мышление от глубоких философских проблем космической этики. Но теперь, когда Россия должна искать пути выхода из состояния упадка экономического, демографического, политического, культурного, и всему человечеству преграждают прорыв в космическое будущее угрозы экологических и социальных катастроф, призыв к разуму и служению общему благу становится главным спасительным средством. И с особенной убедительностью проясняется, что осмысление создавшейся ситуации и способов преодоления нависших опасностей приходится начинать не «с

чистого листа”, а на уже заложенном фундаменте духовных устремлений. В этой связи уместно вспомнить цитировавшееся выше высказывание Карла Маркса: «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [11]. Достижения науки XX века (три великих мировоззренческих открытия) и опыт общественных отношений высветили глубокий реализм мировоззрения Живой Этики, которое теперь может осваиваться уже на путях научного мышления, сделавшегося столбовой дорогой прогресса человечества за последние четыре столетия. Хотя основные результаты научной революции были получены ещё в первой четверти XX века, углублённое и многостороннее осознание их не завершено по сей день, и только с позиций высшего знания можно было увидеть в 1926 году их актуальность на столетие вперёд. В такой дальновидной подготовке почвы для усвоения идей, способных стать материальной силой в обществе XXI века, и заключалась очевидно цель опубликования книг Живой Этики и посольской миссии Рерихов в Москву.

Индийское название Учения Живой Этики — Агни-Йога — может быть понято лишь в связи с представлением этого Учения о наиболее крупных градациях материальности, лежащих в основе триединства мироздания. Мы уже готовы к научному осмыслению той истины, что доступный восприятиям наших органов чувств мир тел, называемый в Учении Живой Этики Миром Плотным, имеет основания своих закономерностей на более глубоком и тонком уровне материальности, образующем Мир Тонкий. В самом начале одной из книг Живой Этики — книги «Мир Огненный, часть первая» (а есть ещё части вторая и третья), сказано: «Глаз земной, будучи очень утончённым, тем не менее, обычно не воспринимает даже тонкие явления. Но Мир Тонкий, в свою очередь, не зрит огненных жителей, куда может вести сердце пламенное... Но не пройти путь земной без прикасания к Огню, поэтому лучше знать его сущность» [94, § 2]. Конечно, речь идёт не о знакомых всем физических явлениях, для которых применяется слово *огонь*. Было бы принципиальной ошибкой искать огненный материальный субстрат, так сказать, “в мёртвой природе”, в отрыве от активности высших уровней сознания, наподобие обнаружения молекул в телах, и атомов в молекулах. «Также научно можно доказать, как качество нашего мышления действует на материю. Эгоистическое мышление привлекает низшие слои материи, ибо этот образ мышления оболбляет организм — как одинокий магнит не может притянуть более своего напряжения. Иное дело, когда мышление производится в мировом масштабе, — получается как бы группа магнитов и может получиться доступ к высшим слоям» [86, 2.X.3]. Материя Огненного Мира в высшей

степени богата возможностями творчества, способного оказывать решающее влияние на процессы в Мире Тонком и Мире Плотном. Именно воспитание в сознании устремлённости к огненным явлениям бытия и является предназначением книг Агни-Йоги. Постигание Мира Огненно-го будет совершенствоваться по мере расширения и углубления сознания, любознательно и чутко относящегося к явлениям жизни. Разделённость трёх миров (Плотного, Тонкого и Огненного) существует только в виде степеней развития восприимчивости сознания. Для сознания, сросшегося с миром Плотным, Мир Тонкий является миром иным, но для разума, овладевшего закономерностями тонкой материи, Мир Плотный не является потусторонним, такой разум способен жить и творить как в Тонком, так и в Плотном Мирах.

Слово *йога* на санскрите означает связь, единение, сосредоточение. Агни-Йога есть учение о связи человеческой жизни с Миром Огненным как глубочайшей основой Миров Тонкого и Плотного. Поскольку овладеть глубочайшей основой как областью жизни и творчества под силу только очень высокоразвитому разуму, то Мир Огненный является и миром высшим. Такое понимание Огня как высокого истока жизни выражено и в Христианском Евангелии. Иоанн Креститель говорил: «я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнём» (Мф., 3, 11). «Огонь пришёл Я низвесть на землю», — сказал Христос, — «и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк., 12, 49).

В привычном обиходном понимании огня он связан со светом. Например, в сказке Петра Ершова «Конёк – горбунок» читаем: «Вот уж он перед огнём. Светит поле словно днём; чудный свет кругом струится». В христианской религии божественный *огонь*, принесённый Христом, отождествляется с божественным *светом* и истиной. «Я свет миру», — сказал о себе Иисус Христос (Иоанн, 9, 5), и затем: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоанн, 14, 6). Христианский Символ веры утверждает признание «Иисуса Христа, Сына Божия, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна». И в одной из книг Живой Этики сказано: «Часто вы произносите слово *культ-ура*, оно значит почитание Света» [95, § 173]. Словом *Ур* обозначается также начало, источник. В обобщающем смысле Свет с большой буквы понимается как творящее начало в мироздании и всё, что рассеивает тьму неведения, выявляет скрытые от нас глубочайшие основы бытия и пути к его совершенствованию. Это высшее понимание культуры пропагандировал Н.К. Рерих, но оно до сих пор не вошло в толковые и философские словари. Именно такое понимание культуры очень важно вносить в сознание общества сегодня, когда огромные средства и усилия направлены на размывание и искажение смысла глубочайшей философской категории как оплота подлинной духовности.

§ 38. УЧЕНИЕ ЖИВОЙ ЭТИКИ О КОСМИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ОБЩИНЫ

Ещё в 1880 г., т.е. за 3 года до возникновения первой русской марксистской группы «Освобождение труда» под руководством Г.В. Плеханова, Махатма Кут Хуми писал А.П. Синнету: «...главная цель Теософического Общества не столько удовлетворять индивидуальные устремления, сколько служить человечеству вообще... с нашей точки зрения, высочайшие стремления к общему благу человечества окрашиваются себялюбием, если в уме филантропа скрывается тень желания личной выгоды для себя или склонность к несправедливости, даже если таковая существует в нём бессознательно. Однако, вы всегда вели дискуссии о том, чтобы отставить идею Всемирного Братства, подвергали сомнению его полезность и советовали преобразовать Теософическое Общество по принципу колледжа специального изучения оккультизма. Это, мой уважаемый и высокоценный друг и Брат, никуда не годится!» [82, с. 18, письмо 2]. А вот что писал Синнету Махатма Мория в феврале 1882 г.: «Лишь тот, в чьём сердце живёт любовь к человечеству и кто способен в совершенстве постичь идею возрождения на практике всеобщего Братства, только тот имеет право обладать нашими тайными учениями. Лишь такой человек никогда не злоупотребит своими силами, и можно будет не опасаться, что он обратит их на себялюбивые цели. Человек, который не ставит благо человечества выше своего собственного блага, не достоин стать нашим учеником» [82, с. 169, письмо 36], [83, с. 52, письмо X]. И то, что одна из первых книг Учения Живой Этики — книга «Община», третья по очерёдности появления, посвящена задаче перехода человечества на коммунистический образ жизни, указывает на кардинальную важность этой задачи для высокого Братства Гималайских Махатм, в жизни которого принципы общины воплощены наиболее совершенно. «В книге “Община” не может быть опущено понятие Шамбалы» [86, 3.П.26].

«Шамбала — необходимое место, где духовный мир сочетается с материальным... Ворота духовного мира открыты в Обитель гор» [90, 2.1.5]. «Но для работы в месте, где дух сошёл к материи, нужно иметь условия обоих планов. Нельзя удалиться от земли, и надо пребывать в духе... Но для земли всё должно совершиться на земном плане. В этом главная причина бытия Братства здесь. Потому по земле надо дойти до Нас, открыть Нас, как руду серебряную, лучшую под корою земли» [90, 2.1.8]. «Почему же трудно понять, что группа, получившая знания путем упорного труда, может объединиться во имя Общего Блага? — Опытное знание помогло найти удобное место, где токи позволяют легче общаться в разных направлениях» [90, 3.V.18]. «Мы позволяем записать некоторые Наши беседы не для укора и противопоставления, но для

сознания тех, кто когда-либо слышал о Нашей Общине, кто узнал о несбыточной мечте, претворившейся в жизнь... Географ может успокоиться, мы занимаем на Земле определенное место. Конспиратор может утешиться — Мы имеем в разных частях света достаточное количество сотрудников. Неудовлетворённый общинник может утвердиться в сознании практического существования Общины... Явные, материальные члены и сотрудники Наши встречены вами в разных странах. Наши беседы не заключают в себе ничего отвлеченного. Мы работаем в линии великой эволюции. Каждый приближающийся к нашей общине становится действительником. Работайте для действительности» [86, 3.П.16]. «Под миром небесным поймём мир действительно сущего» [91, том I, с. 107, 4.08. 1960].

Но совет дойти до обитателей Шамбалы по земле и найти их «как руду серебряную, лучшую под корою земли», не должен быть воспринят буквально. Прийти в Шамбалу ногами и видеть её физическим зрением — недостаточно, чтобы постигнуть мировоззрение Махатм, их психологию и подняться до уровня их дисциплины духа. «Нужно проявить дисциплину духа, без неё не сумеете стать свободными. Для раба она будет тюрьмой, для свободного она будет садом прекрасно-целебным. Пока дисциплина духа — оковы, тогда заперты двери и по ступеням в оковах не подняться. Можете принять дисциплину духа как крылья» [90, вступление перед частью I]. Вот по таким ступеням и нужно идти в Шамбалу — в духе! Замечательный советский поэт и пропагандист Учения Живой Этики Валентин Митрофанович Сидоров (1932 – 1999) сказал в стихотворении «Песнь о Шамбале»:

1	2
«Где б ты ни был, в любом отдаленье, Прозревая намеченный путь, Будь глашатаем их единенья ¹⁾ И посланником Шамбалы будь.	Не смущайся ни сердцем, ни духом, Что загадочна эта страна. Не беда, коль доверишься слухам: Мол, легенда и сказка она.
3	4
Не имеет значения это. Каждый, кто осознал наконец, Что причастен он воинству света, — И посланник её и гонец.	И усилие твоё не напрасно. Даже мысль, обращённая к ней, Опалает людей и пространство, Просветляет сумятицу дней.

Лишь бы зов твоё сердце наполнил,
Лишь бы зов ты воспринял всерьёз...» [96, с. 90], [97, 246].

В 1987 г. В.М. Сидоров был назначен председателем образованной при Союзе писателей СССР комиссии по литературному наследию Н.К. Рериха. По инициативе Сидорова создана в 1989 г. Всесоюзная ассоциация «Мир через культуру», президентом которой он был избран. Эта ассоциация пре-

¹⁾ Руси и Индии.

образована в 1991 г. в Международную и руководствовалась в своей деятельности пониманием культуры в духе Живой Этики.

У обитателей Шамбалы есть веские причины оставаться недоступными для любопытства земных искателей. «Конечно, не будем говорить о точном времени возникновения нашего места. Катаклизмы сложили удачные условия, и при наших знаниях можно охранить Центр от непрошенных гостей» [86, 1.VIII.3]. «Мы не насильственные завоеватели, но все же имеем учёт врагов наших и не обманываемся в их многочисленности... Мы вовсе не намерены представить зрелище беззащитных овец! Реальное знание готово к ответу! Нам нет дела запугивать кого-нибудь, но Мы должны предупредить: “Берегись, невежда!”» [86, 2.XII.24]. «Как же найти путь к Нашим Лабораториям? — Без зова никто не дойдет. Без Проводника никто не пройдет!.. Никто без особого Указания не узнает бывших у нас... И будьте уверены, что можно обыскать все ущелья, но непрошенный гость путь не найдет. Много раз бывали мы в ваших городах, нельзя назвать нас ушедшими от Мира. Ведь и вы выносите обсерватории за город и заботитесь о предоставлении спокойствия учёным. Примите наше соображение и не сгуйте на отсутствие точного адреса. Помните работающих для Общего Блага!» [90, 3.V.18]. «Именно, без крыльев над бездной остаётся, приближающийся к Нашей Общине в ветхом сознании... Как же объяснить, что не Мы, но сам себя гордец поражает? Так же как гибнет вошедший в пороховую мастерскую на металлических подошвах... Так нужен буфер для насыщенной атмосферы» [86, 2.IX.11]. «Из Нашей Общины сеем Мы зёрна Общего Блага по всем частям света. Спросите — как сохранить Устав Общины?.. Если отказ от личного блага приближает, то отказ от действия Общего Блага удаляет безмерно, — это правило Общины. При подвижности ума очень легко сохранить личное при устремлении к Общему Благут... Но отказ от Общего Блага свалит в яму даже великана» [90, 3.V.20].

За четыре десятилетия до первого контакта с Рерихами Махатма Кут Хуми писал Синнетту: «Обычная ошибка людей думать, что мы охотно окружаем себя и наши силы тайной, что мы желаем удержать знание только для себя и по своей же собственной воле “злостно и умышленно” отказываемся его сообщить. Истина та, что до тех пор, пока неофит не достигнет состояния, необходимого для той степени озарения, на которую он имеет право и для которой он годен, большинство, если не все секреты нельзя сообщить. Восприимчивость должна быть равной желанию наставить. Озарение должно прийти изнутри. До этого никакие фокусы-покусы заклинаний или возня с приспособлениями, никакие метафизические лекции и прения, никакие возложенные на себя покаяния не могут дать этого» [82, с. 98-99, письмо 17].

Община Шамбалы представляет высший образец для человеческих общин. «Наша община, прежде всего, ставит условием для вступления два

сознательных решения — труд без границ и принятие задач без отказа» [86, 2, X, 19]. «В Нашей Общине не нужны утверждения и клятвы. Непритворны траты труда и незабываемы явления долга. Разве возможно многословие там, где приняты жизни на попечение?.. Знаем лишь суровые цветы необходимости. И надо дойти до нас в сознании непреложности. Суровость не есть сухость и непреложность не есть ограниченность» [86, 2.IX. 8]. «Почему нужно быть неуклюжими? Почему нужно производить впечатление невежд? Почему Наши должны быть небрежными? Почему, когда идёт спор, Наши должны быть крикливыми? Почему Наши должны болтать без меры? Обходите ненужную грязь. Видите, как каждую подробность надо подчеркнуть, иначе обычай Нашей Общины не укрепится в вас. Дисциплина свободы отличает Наши общины. Не только дух дисциплинирован, но и качество внешних действий» [86, 2.IX.10]. «Человек, извращающий Учение, не может мыслить об общине. Основание общины — в свободе мышления и в уважении Учителя. Признать Учителя — значит стать в ряд работающих на пожаре» [86, 2.IX.17]. «Некоторые мечтают припасть к ногам Учителей, но идти с Ними на бой не дерзают. Но теперь именно бой, и Можем звать лишь на бой. Полные изучения истин блага, за личную ответственностью, Мы утверждаем бой, но законный» [86, 1.VII.4]. Чем же определяется законность? Конечно, принципами, которые должны соблюдаться высшей ступенью разумности при воздействии на низшую ступень. Кроме того, соблюдение этих принципов контролируется цепью Учителей. «У Нас понятие Учителя подобно лампаде во тьме. Потому Учитель может быть назван маяком ответственности. Узы Учения подобны верёвке спасательной в горах... Не видим конца цепи Учителей... Связь ученика с Учителем образует звено защиты соединительной цепи» [86, 2.II.2]. «Конечно, каждый Учитель имеет своего Руководителя, и ценность мысли возносится в дальние миры» [86, 2.II.25].

«Часто обвиняют общину в насилии над свободой личности. Это обвинение приложимо к любому компромиссному строю, но не к общине. В сознательной общине место есть для каждого труда. Может каждый выбрать труд по желанию, ибо каждый труд изощёрен новыми достижениями. Нет скуки механического выполнения, ибо работник является в то же время и испытателем... Решительно каждый находит работу по себе и по желанию может изменять её» [86, 3.I.14]. «Широко Моё дело, всем дано место. Широиною взгляда отмерьте свой кусок. Явление неслыханных возможностей за дверями, дайте радоваться Нам» [90, 2.I.3]. «Признавая влияние идеологии Учителей, не стесняете ли вашу свободу?.. качество свободы замечательно; если она существует, её ничем ограничить нельзя» [90, 3.V.1]. «Чуждое учение настаивает на явлении подчинения, но община настолько насыщена возможностями, что единственной Иерархией будет ступень знания. Никто не назначает Иерарха, но слушающий и позна-

ющий признают тем эту ступень. Учитель будет естественным вождём. Можно радоваться, что Ленин признан таким Учителем» [86, 3.I.26].

«Не могут обвинить Нашу Общину в схоластике. Скорее может неопытный ошеломиться напряжённостью темпа и кажущейся неожиданностью. Сама жизнь даёт поворотливость общине... Неправильно представлять, что Наша Община сидит под тенью и славословит невидимому Творцу... Мы сознаём, какого напряженного ритма требует современность» [86, 3.I.21]. «...условия Нашей Общины нележки... многие коммунистические организации не обращают внимание на внутреннее содержание своих участников. Пройдя Нашу дисциплину, не можете признать общину там, где сохранены лишь некоторые внешние признаки её» [86, 3.II.16]. «Напомним о свойствах, совершенно недопустимых в общине: невежество, страх, ложь, лицемерие, своекорыстие, присвоение, пьянство, курение и сквернословие. Кто-то скажет: “хотите ангелов набрать”. Мы же спросим: “разве в вашей земле все лжецы или пьяницы? Мы же знаем многих мужественных и правдивых”. Опять скажут: “слишком высоки требования”. Ответим: “неужели у вас все сквернословцы и своекорыстники? Все эти условия страшны только для мешанина, прячущего под порогом богатство. У Нас, в Гималаях, давно нашлись люди, которым сказанные условия — не пугало”... Пока сознание не приняло общины, каждое малейшее покажется непреодолимым. Отчего Ленин мог проходить без лицемерия трудный путь? Говорим — *можно*. Можно отказаться от каждой слабости, если ясна задача будущего. Думайте о приложении себя к будущему, и страх настоящего растворится. Не берите сказанное за пышную фразу, но, каменщики, отбёсывайте ваши каменные сердца. После сердца окаменеет мозг. Можем ли сомневаться, что вы захотите победить ваши недочеты? Для начала не лгите и не бойтесь и учитесь каждый день. Не нужно твердить об этом общинникам, но могут быть лжекоммунисты, их надо отделять, как заразу сифилиса» [86, 2.XII.16].

Если Община Махатм — наиболее целесообразный для Них образ жизни, то к этому образцу необходимо устремлять и способ жизни всего земного человечества, чтобы оно могло успешно перешагнуть очередной порог на пути эволюции — порог перехода к космической жизни, к более высокому уровню разумности и благосостояния. Махатма Мория сказал: «Наша задача помогать человечеству» [89, 8.02.1922]. А эта деятельность помощи направлена на «возрождение на практике всеобщего Братства», как писал Махатма Мория ещё сорока годами ранее (в феврале 1882 г.) [82, с. 169, письмо 36], [83, с. 52]. При таком понимании задач эволюции земного человечества могли ли Учителя Живой Этики остаться безучастными к назреванию коммунистических настроений во второй половине XIX века, и в особенности к первому опыту построения социалистических производственных отношений в начале XX века? О проявлениях их участия ещё до социалистической революции в России можно судить по некоторым

скупым высказываниям в книге «Община». «Уже Говорил, что Наши представители посетили Маркса в Лондоне и Ленина в Швейцарии. Явно было произнесено слово *Шамбала*. Разновременно, но одинаково оба вождя спросили: “Какие признаки времени Шамбалы?” Ответено было: “Век истины и мировой общины”. Оба вождя одинаково сказали: “Пусть скорее наступит Шамбала”. Словами вождей измеряем наследников. Не можем включать в марксизм и ленинизм узость невежества» [86, 3.II.26].

Грандиозность задачи построения Всемирного Братства людей на Земле, трудности движения к этой цели и вместе с тем необходимость её осуществления Учителя Живой Этики видят гораздо глубже, разносторонней и ясней земных руководителей коммунистического движения. «Община есть единственный разумный способ человеческого сожития... Сознательная община исключает двух врагов общественности, а именно — неравенство и наследование. Всякое неравенство ведёт к тирании. Наследование является компромиссом и вносит гниение в основы» [86, 3.I.12]. «При устройстве общин наблюдайте, чтоб под личиной исполнения Заветов не обнаружилось своекорыстие. Уничтожение творческих завоеваний следует за тёмным своекорыстием. Скажут: “Этот червь слишком свойственен невежеству человечества”. Тем более нужно знать причину его зарождения. Самой существенной причиной будет преимущество. Надо всеми силами разрушать этот вредный призрак. Устройство общины прежде всего предусматривает равенство. Допустите ошибку против равенства — и вы сразу натолкнётесь на губительное преимущество... Самый экономный принцип — равенство. Оно уничтожает преимущество и своекорыстие» [86, 2.XII.3]. «Сама природа человечества прислушивается к каждой вести об общине. Попытаются сказать о невозможности общины, но никто не дерзнёт утверждать о вреде её» [86, 3.I.22]. «Истинно, только щит общины может осмыслить пребывание на Земле. Как неслыханно красиво мыслить о кооперации с дальними мирами!.. Вы понимаете, что без общины Земля жить не может. Вы понимаете, что без расширения небесных путей существование становится ничтожным. Новый Мир нуждается в новых границах. У идущих должна быть дорога. Разве она узка по всему небосклону? Счастье в том, что искатели не должны приникать ухом к земле, но могут обратить взгляд на духовную высь» [86, 1.XI.2].

После разрушения СССР и демонтажа социализма в России и других республиках Советского Союза поднята высокая волна антикоммунистической истерии теми силами, которым это принесло временную выгоду. Но это не повело к преодолению острых угроз, нависающих над человечеством, а скорее создало условия для более ясного осознания того, «что нет на Земле выше данного плана Общего Блага» [86, 2.VIII.7]. К оценке аргументации сторонников антикоммунизма мы обратимся в следующей главе, а здесь нашей темой является отношение к коммунизму членов Общины Шамбалы. «Никогда не говорил Я о лёгкости проведения

коммунизма... Безвыходность иного решения — лучшая защита для Учения» [86, 1.XII.4]. «Говорю — Знаю всю сложность построения. Не скрою, как далеко носить камни, как велико безводие!» [86, 2.XI.20]. «... умеете развить великий дар прозрения в будущее Единство человечества» [89, 1.01.1921]. «Карлики своекорыстия пытаются заслонить гигантов Общего Блага» [90, 3.V.3]. «Эпоха личной торговли прошла. Не быть малым хищникам. Лучше думать о пользе народа» [90, 3.I.5]. «Весь мир делится по границе личного и общего блага. Если мы действуем в сфере общего блага искренними помыслами, то за нами стоит весь резервуар космических накоплений. Эта чаша лучших подвигов начинает действовать по незримому лучу. Представьте себе, что полная злобы свеча пытается опалить вас, вы ещё не приняли мер, но из-за вас уже приближается мощный смоляной факел. Произведите этот опыт, и вы увидите, как свеча тает, обугливается и потухает. Не наказание, но законам природы послушное следствие. Предают, клеветуют и оскорбляют носителей Общего Блага, но незавидна доля этих опаляющих огней. Потому предательство, клевета и оскорбление непрактичны» [90, 3.V.11].

Центральное место в современной антикоммунистической пропаганде отводится критике недостатков реального социализма в Советском Союзе и в социалистическом лагере. При этом широко используется ложь, преувеличение недостатков и замалчивание хороших, привлекательных сторон жизни при социализме. Недостатки видели и сами коммунисты, и многие из них подвергались репрессиям различной степени тяжести, не исключая лишения свободы и казней, за критику руководящих лиц, совершавших нарушения социалистической законности и коммунистической нравственности. Не могли не видеть недостатков реального воплощения социализма и Учителя Живой Этики. Косвенное признание ими таких недостатков содержится в высказывании о высоком уважении к Ленину: «Видя несовершенство России, можно многое принять ради Ленина, ибо не было другого, кто ради общего блага мог бы принять большую тяготу» [86, 2.I.1]. Но в книге «Община» содержатся предостережения против успешных разочарований, предающих великое строительство. «Когда человек попадает в несовершенную общину, в ужасе он устремляется в противоположность — это неправильно. Понявший несовершенство, должен начать более совершенное... Неудача одной общины должна быть поводом к новым общинным строениям... Мы сберегли запас психической энергии и разочаровать нас нельзя. Званный гость не отойдёт, найдя одну дверь на запоре, но обойдёт дом и осмотрит все входы. Умейте в несовершенстве найти возможности!» [86, 3.II.10]. «Мир раскололся на две части. Зная несовершенство половины новых явлений, предугадывая хитрость уловок старого мира, Мы всегда остаёмся в мире несовершенном и новом. Всё Знаем, всё Оцениваем и взрываем старые мосты» [86, 3.II.18]. «Новая жизнь ещё плохо остругана, сущность эволюции еще не выражена. Но кто

знает, куда идёт, тот обойдёт грязь пути» [86, 3.П.23]. «Конечно, вы всюду найдёте сомнение... Не обращайтесь внимания на рассуждения незнающих. Одно важно — считать Мировую Общину как необходимость эволюции. Незнание, упрямство, подлость не могут служить препятствием установлению общины. Необходимо признать непереложность эволюции общинного начала. Необходимо обращать каждый час жизни в нужное поступательное движение. Неужели можно жить, как слепые ужи?» [86, 3.П.24].

Общинный образ жизни должен утверждаться прежде всего на принятии его сознанием участников общины. Если нет этого скрепляющего внутреннего стержня, то все внешние меры охранения общины окажутся ненадёжными. Принципы общины по существу чужды эгоистическому сознанию и будут предаваться им при всяком удобном случае. Именно внешние преимущества принадлежности к руководящим структурам в социалистическом обществе СССР способствовали привлечению в эти структуры карьеристов и корыстолюбцев под маской коммунистов. Верность Общине могут иметь и развивать лишь те сознания, которые воспринимают чужую боль как свою собственную, для которых естественно исполнение заповеди Христа «как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (Иоанн, 13, 34), «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф., 7, 12).

Этот настрой должен быть не просто проявлением слезливой чувствительности, но деятельной самоотверженной устремлённостью к совершенствованию всех условий жизни, и он укореняется наиболее прочно через осознание задач иерархии космического творчества. К тому звало Учение Христа. «Он хотел знать решение, но азбука Его не привлекала. “Не тем люди живут. Как могу прекратить губительную бурю? Как могу открыть небо людям? Почему они оторваны от Бытия вечного, которому принадлежат?” Такое Учение сущности затмевало магические приёмы... Он мечом духа своего разрубал все препятствия. Учение Его устремляло людей к возможности духа» [93, с. 29, Хождение Христа]. Но Учение Христа не было воспринято человечеством, а точнее говоря, было понято настолько искажённо, что когда та же весть об открытии неба людям и преодолении оторванности их «от Бытия вечного, которому принадлежат» была принесена «в новом полёте» [86, 3.П.17] на пороге космической эры Учением Живой Этики, то последнее было отторгнуто церковными кругами в одном ряду с псевдохристианскими сектами, неоязычеством и оккультизмом [99, с. 418-424 (Возвращение к средневековью)]. Но теперь научные знания о природе достигли такого уровня, что и перед наукой встают проблемы обнаружения разумного творчества в космосе. В этих условиях главным тормозом в движении одухотворения общественного сознания становится то, что «такая очевидность, как дальние миры, совершенно не привлекает человечество. Пора бросить это зерно в мозг людс-

кой... Сущность устремления к дальним мирам заключается в усвоении сознания нашей жизни на них» [86, 1.XII.3].

«Утверждающий общину способствует ускорению эволюции планеты» [86, 3.I.23]. «При движении Космоса нельзя пребывать в кажущейся неподвижности — или назад, или вперед. Все сознающие общину движутся вперед... против общины будет говорить лишь тот, кто начал двигаться назад, входя в состав космического сора. У ещё неопытных общинников немало подозрительности и чванства, но для Нас Община является сложившимся делом жизни. И мы можем говорить о ней со всею ясностью долгого опыта. Нас не запугает никакая недодуманная неразбериха, и Мы видели достаточно космического сора и принадлежать к нему не собираемся. Общину будем защищать силами знания» [86, 2.X.13]. Судя по форме последнего предложения и смыслу предшествующих фраз в этой цитате, Учитель говорит о решимости защищать Общину Шамбалы. Но ведь задачей Шамбалы является построение Мировой Общины, Всемирного Братства земным человечеством. Значит именно эту планетарную Общину и надлежит строить и защищать силами знания. «Истинно там, где горит огонь знания, там суждено светлое будущее. Знание есть врата к Братству. Не будем удивляться, если заложение Братства начнётся от синтеза наук» [98, §§ 427, 428]. «Когда сопоставляем фазы нарастания сознания с научными методами, мы вовсе не желаем иссушить прекрасные источники, наоборот, мы хотим создать прочные истоки энергии. Наука должна укрепить пути к высшему познанию. Наступило время, когда древние символы знания должны претвориться в научные формулы. Не будем унижать такой процесс очищения мышления. Научимся находить союзников в самых неожиданных областях. Не враги, но сотрудники будут познаватели всех сил Природы. Очевидность напомним о глубинах действительности... Пусть не называют Нас мечтателями, ибо любим точное знание, поскольку оно может быть точным» [98, § 425].

Построение Всемирной Общины может и должно быть мечтой, пока оно не осуществлено и пока у этой мечты есть сильные противники. Но это такая мечта, которую необходимо довести до воплощения в жизнь. Борцам за общину Махатмы говорят: «Когда знамя общины развернётся как осознание необходимости, тогда жизнь окрылится в действии каждого дня. Пока кто-то думает, что община есть опыт, до тех пор община будет находиться в банке алхимика. Только твёрдое осознание исторической необходимости введёт общину в жизнь. Думайте, думайте сурово о непреложности общины» [86, 3.I.3]. Редко употребляемое сейчас слово *непреложный* имеет смысл: не подлежащий сомнению, неоспоримый, такой, который нельзя нарушить, не подлежащий изменению, обязательный. Совет думать «сурово о непреложности общины» не означает какого-либо магического или гипнотического воздействия, наподобие широко применяемого сейчас в средствах массовой информации зомбирования пристра-

ствием к движимой и недвижимой собственности, к низменным грубым развлечениям. Мысли о необходимости общинного образа жизни находятся в одном русле с высшим пониманием культуры как почитанием Света и неразрывно связаны с углублением и расширением сознания на путях научного познания природы и места в ней человека, поиска смысла жизни, устремления к нравственным ценностям христианского Евангелия и Учения Живой Этики.

Так как для Шамбалы задача ненасильственного развития сознания и роста духовности земного человечества является предметом напряжённой целеустремлённой деятельности на протяжении многих веков, то видение Махатмами действительного состояния нашей цивилизации и прогнозирование её будущего весьма основательны и ценны. В этом видении мы можем черпать вдохновение и силы для борьбы за Общее Благо. Обращаясь к Рерихам, Учитель говорит в конце книги «Община»: «Перед уходом примите маленький аппарат для сношения с Нами. Маленькое радио не стеснит путников. Зная места нахождения сотрудников, вы никогда не останетесь одиноки. Было бы нелепо оставлять сотрудников в неведении. Что же заставляет людей чужих сношению с Нашей (это слово присутствует в издании [92, § 264] — А.С.) Общиной не верить? Или совершенное невежество, или зависть. Они хотят быть допущенными к Центральному Аппарату, не имея ни малейшего представления, как им пользоваться, и не думая, как ответственно приближаться к Источнику Энергии... Среди монотонности обыденности лишь немногие ощущают реальность Космоса... Кто же и где же, преломив сперва хлеб, поведёт к вечности? Хлеб Земли и Знание явлены лишь в общине. Новый сотрудник, горит ли в тебе радость при мысли об общине?» [86, 3.III.21]. «Как единственная дверь для движения остаётся община. Пусть толкования общины многообразны, но русло их одно. Отчалив от ветхого берега, человечество неминуемо достигнет того же эволюционного указанного прямого утёса Нового Мира... Тяготение эволюции заставит всех подняться в борьбе миров... Борьба за общину считает дни будущих побед. Уходите не в спокойный час, но в зарево Нового Мира... Самое последнее напутствие — борьба!» [86, 3.III.22].

«Перед отъездом обернитесь ещё раз на мираж Майи.¹⁾ Ясно, очевидно встанет перед вами тщетность работы над человечеством. Как очевидны черты взаимного унижения! Как очевидны лицемерие и ложь! Как

¹⁾ Майя — видимость, иллюзия (на санскрите). В научном смысле иллюзию можно отождествить с очевидностью, например, очевидностью, хотя и иллюзорной, является вращение небосвода, трёхмерность мирового пространства. В книге «Община» подчёркивается отличие очевидности от реальности (действительности). «Именно, борьба против очевидности. Реальность — не очевидность. Очевидность по всем признакам не отвечает действительности... Но пытливый ум не считается с условною очевидностью. Ему нужна действительность в оправде космических законов» [86, 3.I.17].

удушающая невежественность и мертвенная лень! Эта очевидность миража застилает горизонт действительности. Но, как белый слон Майтрейи, идёт действительность. Когда ложь и самомнение, казалось бы, царствуют, тогда именно совершается великий оборот эволюции. Окровавленная община движется на белом слоне. Ночной шептун во тьму уйдёт. Чем сильнее гром, тем сильнее была молния. Все твердят — Новый Век приходит в грозе и молнии. Для молнии нужна энергия положительная и отрицательная. Если Майя не представит отрицательную очевидность, то как же вспыхнет клинок положительной действительности? Скажем коротко — никогда на планете не возвышалась мысль об общине, как теперь. Вы увидите все миражи и будете знать непреложную действительность приближения Мировой Общины. Сила взаимодействия должна быть велика. Блеск молота молнии должен быть ослепительным, и гром должен оглушить. Каждая очевидность должна служить непреложной действительности... Больше не обернёмся на мираж Майи... Явление эволюции непреложно. Сознание непреложности осветит ваш путь!» [86, 3.III.15]. «Истинно, век чёрный кончится возглашением Общины!.. Прекрасное, неповторяемое время смены долгого тягостного века!» [90, 3.VI.4].

Слова о положительной и отрицательной энергиях и служении очевидности целям озарения действительности объясняются более подробно в «Гранях Агни Йоги» как тактика Адверза (от английского *adverse* — лежащий напротив, враждебный,). «Не было бы счастья, да несчастье помогло. Так оно и бывает. Один полюс служит основанием для проявления другого, противоположного. Усмотреть в теновом полюсе явления его антитезу будет ступенью познания биполярного. Оно даёт силу мужественно встречать противные явления жизни, коль ручательства утверждены их другой стороной. Уметь находить добро или положительное начало во всём будет означать практическое применение этого принципа жизни. Тактика Адверза и использует именно этот двойственный аспект каждой проявленной вещи, давая возможность отрицательному явлению выявить всю свою сущность, для того чтобы подавить её лучом света. Именно гибель обречённого на уничтожение явления можно видеть в момент яркого его утверждения, зная, что антитеза его нагнетает силы для сокрушения своего двойника, вывернутого наизнанку... В знании закона противоположностей можно найти силы бесстрашно смотреть в глаза жизни, ибо жизнь познаётся как единое целое, состоящее из двойственности своих противоположных начал, её составляющих» [91, том I, с. 13, 16.01.1960].

Тема борьбы за общину и грядущей её победы вопреки противоборству старого мира присутствует и в сообщениях, записанных Б.Н. Абрамовым в 1960 году. «Все истинные Учения, где-либо и когда-либо данные человечеству, имели целью устремить сознание людей к пониманию действительно Сущего в объёме, соответствующем ступени эволюции, достигнутой данным народом... Не внешняя форма, но сущность явления рас-

крывают себя носителю синтеза. И часто в явлениях антагонистических и противоположных постигает он разные стороны вещи единой... Ни одно великое начинание никогда не входило в жизнь без ярого противодействия со стороны невежественных двуногих. Так и теперь утверждение Нового Мира идёт при чудовищном сопротивлении ему со стороны тьмы и приспешников старого мира. Ведущая Страна строит новые ступени эволюции, идёт новым путём, и в этой эволюционности её поступки заложены ручательство победы над всеми противодействиями, препонами, трудностями и сопротивлением противников будущего. Именно будущее, которое созидает она, является ведущим магнитом, и вся Наша Помощь и Энергии Наши посылаются Нами на поддержку великого дела. Да! Да! Великое дело строительства и утверждения будущего для счастья всего мира творится на просторах Великой Страны. Ручательство Победы Даём и дела её Утверждаем» [91, том I, с. 106-107, 3.08.1960]. Эта запись способна вызвать двоякое отношение к ней. Сейчас нетрудно поёрничать на тему о том, что собеседники Б.Н. Абрамова не смогли предвидеть за тридцать лет распад СССР и откат социализма. Но ответ на такую легковесность предусмотрен в тех же сообщениях и даже значительно раньше в книге «Община».

«Сочетать комбинации нужных условий непросто и нелегко. За годы, а когда и за столетия Намечаем нужное сочетание, а потому по-человечески невозможно предусмотреть, какое условие или положение в настоящем является ступенью формируемого будущего... Самость хочет всего для себя, мудрость — для эволюции мира. Поэтому точки их зрения на происходящее часто не совпадают. Скажу: можете радоваться осуществлению Великого Плана, хотя идёт оно не в ожидаемых мерах. Сколько miraжей личного ожидания было разрушено жизнью. И если при этом разрушались неустойчивое мышление ожидающего и непрочно утвердившаяся в его сознании основа Учения, то пусть это уроком послужит и указанием непрочности всего создаваемого малым желанием и личными интересами. Великий План будет осуществлён. Эволюция человечества остановлена тьмою не будет: бесклассовое общество утверждено. Искусство и наука будут ведущими силами эволюции. И пусть особая зоркость позволит уже рассмотреть в настоящем заложенный фундамент великолепного здания Нового Мира на старой старушке Земле» [91, том I, с. 43-44, 25.02.1960]. «Победы не ищите в ожидаемых рамках, хотя победа и неизбежна... Разве Мир Новый в жизнь входит победно по вашим ожиданиям и путям? Нет! По своим» [91, том I, с. 120, 16.08.1960]. Земные провозвестники коммунистического общества основывались на классическом научном мировоззрении, но при всём одобрительном отношении к Марксу и Ленину Учитель, давший книгу «Община», предупредил ещё в 1927 г., что без Космического Учения не удастся достигнуть успеха в ожидаемой мере: «Кому же собрали Мы жатву? Конечно, Общине Мира. Послушайте, искатели общины... Жду, жду, иначе не пройдёте. Говорю решительно» [86, 2.V.3].

Значит уже тогда Махатмам было ясно, что фундамент построения и ступени восхождения недостаточно прочны и потому следует ожидать поражения, хотя бы и временного, как средства очищения от мешающих эволюции загрязнений. «Лучше, если нарыв прорвётся, и можно засыпать дыру. Но гной нужно вызвать наружу, потому мы не принимаем полумер. Нам не нужны святые с полумерами» [86, 2.I.4].

«Даже личная торговля когда-то полезной была для развития связей между людьми и прогресса, но ныне на данной ступени нового сознания человечества она себя изжила, стала антиэволюционной и подлежит исчезновению... Вот Эпоха личной торговли прошла, осуждена спекуляция, осуждены войны и взаимное человекоистребление, насилие над волей народов, рабство во всех видах и многие, многие отжившие свой век явления старого мира. Мир Новый входит победно, и нет уже у старого мира ни сил, ни умения, ни ума, чтобы остановить его победную поступь... И в свете научного, неотрицаемого понимания космических законов и требований Эволюции люди поймут сущность Космической Воли. И кто знает, может быть, отрицающие Бога отживших и искажённых религий оказываются лучшими исполнителями Космической Воли, чем те, кто, воздевая руки к небу, стремится залить кровью всю землю» [91, том I, с. 119, 16.08.1960].

Проблема перехода человечества к общинному образу жизни неразрывно связана с вопросом о собственности. «Когда люди говорят о невозможности общины на Земле, предложите им опыт. Каждый ребёнок рождается общинником, но зараза от земного строя входит в него от второго дня. Поставьте рождённого в условия истинной общины, и вы получите феномен эволюции. Но в ваших городах нет общины, хотя лицемеры не стесняются давать клички: палата общин или улица Общего Блага. Бывает и так, что вождь вместил общину, но сотрудники не мыслят, какого цвета община! И так некуда девать младенцев, и тем самый, казалось бы, лёгкий опыт превращается в химеру. Ведь нельзя твердить младенцу отвлечённые формулы, ему нужно показать действие в сиянии солнца. Пока он не увидит всё слышанное им, всё будет лишь щебетанием птиц. Можно ли в обиходе собственности воспитать сознание Общего Блага?» [86, 2.XI.6]. Нынешние рыночники-антикоммунисты упирают на то, что стремление к частной собственности и обогащению свойственно самой природе человека, а идти против природы неразумно и заведомо безуспешно. В этом они кардинально расходятся с учением Христа, хотя во многих других отношениях стараются опираться на христианскую церковь как на свою союзницу. По-видимому, в попытке примирить непримиримое: служение маммоне (богатству) со служением Богу (см. Мф., 6, 24) — и коренится главная причина того, что проповедуя на протяжении многих веков поклонение Христу, люди в массе своей не становятся христианами и не достигают тех благ, к которым зовёт христианское Евангелие.

За полтысячелетия до Рождества Христова Гаутама Будда тоже учил о несовместимости привязанности к собственности с достижением высших состояний сознания. «Однажды ученики спросили Благословенного: “Как понять исполнение заповеди отказа от собственности?” — “Один ученик покинул все вещи, но Учитель продолжал упрекать его в собственности. Другой оставался в окружении вещей, но не заслужил упрека. Чувство собственности измеряется не вещами, но мыслями. Так община должна быть принята сознанием. Можно иметь вещи и не быть собственником... Учитель умеет различать освободивших сознание”. Так сказал Благословенный и просил вообще не думать о собственности» [86, 2.IX.4]. «Не забудем, что Учение Будды должно быть очищено. Будда — человек, носитель новой жизни, презревший собственность, оценивший труд и восставший против внешних отличий, утвердивший первую Общину Мира, завещавший век Майтрейи. Нужно понять его мужественное Учение, если хотите узнать Нашу Общину» [86, 2.VIII.3]. «Учение Будды должно быть проверено и дано на широкое сведение. Странно думать об общине и не знать положений первого научного общинника. Рука Будды не знала покоя, слагая опыт мировой лаборатории. Одно то, что Будда заповедал Мировую Общину как эволюцию человечества, одно это сообщает Его Учению огненную убедительность... Точное знание Будды позволило Ему определить точное состояние современников и только в далёком будущем увидеть Общину Мира. Уважение к Будде было таково, что никто не усложнил облик Учителя одеянием божественности. Будда запечатлелся человеком, Учителем утверждающим. В этом львином, огненном утверждении Он дошёл до предвидения Майтрейи — века познания величия материи. Утверждайте материю во всём её многообразии и единстве!» [86, 2.XI.2]. «В Учении Будды находим не только материалистическую философию, но и практическое улучшение жизни каждого дня... Никогда не называем Будду кротким, наоборот, Он — водитель неунывающий, борец за общину и материю, герой труда и единства. Нас не занимают позднейшие нагромождения около буддизма — только основы, завещанные самим Учителем, нужны для будущего... Можно изумляться, какими доводами поверхностные исследователи показали Учение Будды как отчаяние! Ведь это ложь!!! Песнь величия труда, песнь победы человечества, песнь суровой радости!» [86, 2.XI.3].

Но земные властители очень хорошо понимали значение собственности для удержания своего господства в обществе и умели защищать её на всех этапах истории. А когда в общественном сознании стали назревать и развиваться представления о необходимости справедливости, равенства, свободы, то главным условием для их реализации было признано уничтожение частной собственности по меньшей мере на основные средства производства. С национализации их началась социалистическая революция, и общественная собственность рассматривалась как гарант пост-

роения социалистических производственных отношений и коммунистического воспитания людей. Истинность этого взгляда полностью подтвердилась событиями после 1991 года. Те же события стали жёстким уроком для коммунистов, привыкших к тому, что общественное сознание определяется в качестве надстройки совокупностью общественных отношений как базисом. Хотя не отрицалась важная роль воздействия коммунистического содержания сознания и всей надстройки на социалистический базис, в действительности недоставало понимания наиболее глубоких истоков устремления сознания к коммунистическому образу жизни. Этот недостаток и старались восполнить Махатмы в книге «Община». «Поймите, надо мужественно углублять завоевания основ освобождения. Умейте посмотреть в колодезь, недостаточно углублённый, — как быстро заплесневеет поверхность и тернии явят шипы над стоячей водой. Углубляйте начатое!» [86, 3.И.10]. В диалектической взаимосвязи общинного сознания с общественной собственностью представлялось более простым и эффективным начать с внешнего воздействия на формы собственности. Последнее затруднительно осуществить без насилия над частными собственниками, и это насилие легко переносилось на задачу перестройки сознания.

Не будучи сторонниками насилия, Учителя Живой Этики тем не менее понимают, что революция, направленная против власти частной собственности, не могла совершиться в ограничивающих рамках философской уравновешенности постепенных преобразований. Поднявшиеся на борьбу народные массы названы в книге «Община» Иваном Сотысячным, притом ярым, т.е. неистовым, чрезмерным в своих поступках. «Ярый Иван Сотысячный приближается. Он знает, что ему доверен сад. Сору ещё много, но пепел шлаков есть колыбель клинка. Можно знать все несовершенство, но хула на Ивана будет камнем на пути. Ящер лежит ещё живой. Каждый клинок должен подняться из пепла. Не порицайте Ивана, если он умеет лишь разить. Хребет Ящера для него закрыл дальние миры. Он полагает, что враг закрыл вход в мир света. Звёзды покажутся через расселины хребта. Яма отбросов не удручает Ивана, но золотой хребет Ящера высятся как приманка» [86, 3.И.5]. «Осуждающий, обратись на себя! Неправый собственник, не забудь, что чужое пристрастие к собственности есть лишь твоё отражение! Заботься прежде всего о вместилище своего сознания. Если зверь собственности не поглощён навсегда сознанием твоим, ты останешься несвободным, соблазненным миражом Майи. Познавая, можно трудную задачу собственности решить в радости света» [86, 3.И.4]. О таком решении и говорится в Учении Живой Этики как об углублённом преобразовании психики всех людей при переходе к Новому Миру.

В Учении не отрицается принципиальная необходимость отказа от частной собственности, но способы проведения этого отказа в жизнь предлагаются более дифференцированные и ненасильственные, вполне осуществимые в современной ситуации, по крайней мере в России с социалис-

тическим менталитетом большинства её граждан. «Современная индустрия и вся вещевая продукция настолько неуравновешены количественно и качественно, что исключают возможность коммунистического распределения вещей. Насильственное и неосознанное распределение порождает лукавство и ложь. Ожидать ли новых возможностей, в бездействии, или углублять сознание по существу? Вы помните слова Будды об ученике, окружённом вещами и осознавшем отказ от собственности. Нечего насильно пытаться отнимать вещи и тем создавать страсть к рухляди. Главное — уничтожить землевладение и наследование и разумно провести образовательную задачу унизительного значения собственности. Не важно, что на день дольше старик останется в своём кресле. Важно, чтобы молодёжь со знала нелепость своего кресла. Необходимо, чтоб это сознание явилось не отказом, но свободным завоеванием. Когда без лукавства люди узнают о непрактичности собственности, тогда вырастет коллектив сотрудников» [86, 3.III.9]. «Ядовитое дыхание собственности можно уничтожить лишь продуманной программой школ. Так же как религия отменяется не запрещением, но предложением Учения жизни. Не существует литературы против собственности. Пункт программы партии ещё не убеждает. Лишь немногие победили дракона рухляди. Но многие мечтают о собственных приобретениях. Как правдивы должны быть исторические сопоставления! Как строго должны быть подобраны биологические подробности, чтоб показать противозаконность и тщету собственности. Законы свойств материи свидетельствуют, как собственность не отвечает природе человека» [86, 3. III.10]. Крушение великого социалистического государства СССР наглядно убеждает, что если не удалось достаточно углубить основы освобождения через очищение сознания членов общины от ядовитого дыхания собственности, то дракон эгоизма и корыстолюбия снова поработает людей.

Запрет наследования собственности приведёт к постепенной ликвидации её. Может возникнуть вопрос: а не нанесёт ли это экономического ущерба обществу, поскольку наследник лучше, чем кто-либо другой, может обеспечить наиболее эффективное использование наследства? «Когда представится затруднение с наследством, можно сказать: “Завещания отменены, но можно оставить общине пожелание, чтоб пользование известными предметами передано было бы известному лицу на пробное трёхлетие”. Так наследство будет превращением в кооперацию достойных. Можно поручить особым выборным следить за качеством работ. Полезно углублять сознание о постоянной испытываемости, ибо народ ещё не умеет работать при сознании испытания. Между тем всё вещество мира взаимно испытывается. Только нужно под испытанием понимать улучшение» [86, 2.IX.6]. «Хорошо понять владение вещами без чувства собственности. Хорошо иметь вещи, чтоб беречь их и даже наполнять благою ауру с мыслями передать их другим. Явление руки творчества живёт в доме без привязанности собственностью и улучшенное понесёт дальше. И знак руки да-

ющей сохранится непрерывно — в этом оправдание вещей. Пониманием этого решается труднейший вопрос. Говорю для мира, ибо главная погибель мира — от привязанности к несуществующей собственности. Поведать это народу новому — значит излечить страх старости. Явление владения без собственности откроет путь всем без условного наследия. Кто может улучшить, тот и владеет. Это касается и земли, и лесов, и вод — все достижения механики и разных родов изобретений подлежат тому же. Легко представить, как заработает народное творчество, особенно зная, что лишь дух даёт лучшее решение» [90, 2.I.9]. «Передайте сурово поручение... Можно приучать сознание к отрицанию собственности окружающих вещей. Благо в сознании: ничто не принадлежит мне, но нам, и мы рассеяны по всей планете. Можно ли удовлетвориться жизнью личного обогащения? Можно ли присваивать себе свободную первичную материю, которая насыщает каждый предмет?» [86, 3.II.24].

В мире собственности процветает кража. Собственник не погнушается утончёнными, завуалированными, а подчас и неприкрытыми формами кражи, и даже разбоем и убийством, ради увеличения своего богатства. Но он боится и ненавидит тех, кто вознамерится украсть у него, и привлекает на свою защиту заповедь “не укради” из священного писания, видя в ней прежде всего освящение своего права на собственность. Иную трактовку этой заповеди находим в книге «Озарение». «... в верованиях и законах сказано против кражи, но опять это звучит запретом. Между тем, надо указать, что кража вредна как понятие, усиливающее чувство собственности. Кража вредит эволюции мира, но незavidна доля вредящих мировой эволюции. Они отсылают себя далеко назад. Не важно, что какой-то предмет перейдёт в другие руки, но важно, что два человека испытают приступ чувства собственности... Кража уничтожается с исчезновением частной собственности» [90, 3.V.11]. «И как явление заразы производит язвы духовные и телесные, так и появление сумасшествия корыстолюбия приносит вред духу и телу» [86, 1.VIII.1].

§ 39. НЕ ОПОЗДАЙТЕ С ИЗУЧЕНИЕМ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ. НЕ ОПОЗДАЙТЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ЕЁ

Указание на психическую энергию как эффективное и законное оружие борьбы за светлое будущее человечества заслуживает особенного внимания коммунистов, поскольку их успехи в решающей степени были обусловлены применением именно этого оружия, а недостаток заинтересованности в изучении его свойств и сущности привёл к поражению коммунистического движения как раз в психологической мировой войне.

Понятие психической энергии является одним из фундаментальных в Учении Живой Этики и пока не поддаётся нашей научной расшифровке.

Но уже можно понять, что явления и процессы на субкорпускулярных уровнях материи имеют энергетические характеристики, отличающиеся от тех проявлений энергии, которые знакомы нам на уровне корпускулярном. И если в мире тонком формируются наши мысли и эмоции, то можно ожидать, что их психическая энергия имеет некоторую связь с энергетикой процессов в тонком мире «Уявление атомистической энергии связано с исследованием психической энергии... Яро нужно стремиться к простоте исканий... связать нить физически зримого с физически весомым, но обычно не воспринимаемым глазом» [86, 3.III.8]. В человеческом организме сплошь и рядом происходит трансформация тонких форм психической энергии в химическую, тепловую, электромагнитную, механическую энергию. Например, любой здоровый человек способен по собственному желанию (команде мысли) подбросить своё тело массой в несколько десятков килограмм хотя бы на полметра над землей, совершив при этом механическую работу 300 – 400 джоулей. Мысль в таких случаях, будучи побуждающей причиной, действует наподобие включающей кнопки, которая приводит в движение сложный механизм преобразований энергии в живых тканях тела. Но это и подчеркивает тонкость психологического воздействия. Нечто подобное усматривается в любом техническом изобретении. Например, в автомобиле, как результате творческой деятельности, направляемой в конечном счете мыслью, энергия, запасенная без участия человека в природном веществе нефти, преобразуется в целенаправленное механическое перемещение таких масс, с такой скоростью и на такие расстояния, которые во много раз превосходят возможности человеческого организма. Есть основания предполагать, что мысль способна воздействовать и непосредственно на неживую материю, что указывает на существование не понятых пока нами естественных взаимосвязей на тонкоматериальных уровнях. Способность таких воздействий встречается среди людей настолько редко, что даже быть прямыми свидетелями телекинетических опытов доступно лишь немногим. Однако имеются документально подтвержденные авторитетными учеными отчеты и даже кинофильмы об опытах передвижения тел усилием мысли (например, демонстрация способностей Кулагиной-Михайловой). В книгах Живой Этики такие возможности подтверждаются. «Когда знаете, что не только люди и животные, но даже предметы двигаются волею, тогда волевая волна должна быть направлена чётко, осмотрительно. Вы знаете, что передвижение предметов волею не преувеличено, магии здесь нет, магнит скорее даст вам правильный путь мышления» [86, 2.XI.26].

В упрощенном представлении широкой публики термин “психическая энергия” ассоциируется с массовыми демонстрациями психологических фокусов (или опытов) Вольфа Мессинга, Кашпиrowsкого, Дэвида Копперфилда, с удивительными способностями болгарской ясновидящей Ванги и уже довольно многочисленной компании экстрасенсов и целителей.

Но Учителя Живой Этики не приглашают коммунистов на этот путь. «Когда Мы зовем к осознанию психической энергии, Мы не думаем превращать людей в магов, но только указываем ближайшую ступень эволюции и во имя общины не упустить срока. Спешите запастись силами и тем помочь ближайшей эволюции. Конечно, эволюция совершится, но зачем быть раздавленными, когда суждена песнь радости?!» [86, 3.III.11]. «Не думайте, чародея Я не являю, но возвожу лестницей прекрасной» [89, 2.07.1921].

«Спрóсите, почему Говорю против магии, когда сам указываю на... условия, напоминающие магию. Но различие в том, что магия поставляет суррогат жизни. Мы же учим улучшать бытие, исходя из возможностей самой жизни» [90, 2.VII.6], т.е. на основе глубоких естественных причинно-следственных связей. «Не магией, но духом пройдёте. Разве магия может утвердить камень? И народ не может на магии утвердиться. Но когда каждый поймёт, что путь духа прост... то каждый найдет врата открытыми. Без причитаний и вызываний каждый может прикоснуться к аппарату жизни... Руки протянутся не умолять, но подобрать» [90, 2.II.7]. «Христос, Будда и Ближайшие помощники не пользовались магическими формулами, но действовали и творили в полном слиянии с духом. Потому в новой эволюции прежние искусственные приёмы должны быть оставлены. Причина и следствие. Механика йогизма не отвечает более обновлению мира. Сидящий под деревом и запрещающий Учитель не отвечает надобности» [90, 2.III.7]. Магию можно уподобить не самостоятельному или не вполне осознанному действию, когда оператор, не знающий механизма процесса, инициирует его с помощью формальных манипуляций, вроде нажимания на указанные ему или угаданные им кнопки. В этом уже присутствуют элементы искусственности, неестественности, по крайней мере для самого манипулятора и его зрителей. В более сильной мере искусственность магии может заключаться в искажении нормальных восприятий, в галлюцинациях, даже массовых. Магия связана с насилием, по крайней мере с насилием над сознанием, поскольку заставляет слепо верить необъяснимому могуществу чародея и сверхъестественности демонстрируемых феноменов, отдавать себя в подчинение чужой воле из чувства страха и беспомощности.

Наряду с магией Учение Живой Этики осуждает применение психической энергии с целью подавления чужой воли. Проводится чёткое различие между насильственным принуждением посредством внушений и убеждением, утверждаемым на развитии сознания, не нарушающим свободу воли человека. «...внушением разрешается пользоваться лишь в исключительных случаях. Руками и ногами человеческими строится Мировая Община — в этом лежит красота построения» [86, 2.XI.22]. «Мы избегаем внушения, кроме случаев отвращения прямой опасности. Другой случай, когда вы видите сложившееся сознание, ждущее искру извне; но всякое

насильственное вторжение осуждено. Этот принцип должен быть в общине утверждён, особенно зная безграничное воздействие воли» [86, 2.XI.26]. «Замечали вы, какая разница между действием по внешнему приказу и под осознанием импульса? Могу приказать принести воды — и вода будет получена. Но если водочерпий проникнется сознанием необходимости, то больше половины препятствий в пути будут устранены. Поэтому избегаем внешних приказов. Предпочитаем наведение воли, чтоб сознание восприняло нужность действия. Помимо очевидных последствий также важна карма, создаваемая внешним приказом» [86, 2.X.22].

Понуждать людей посредством насильственного внешнего внушения совершать поступки, правильные с точки зрения высшего разума, будет столь же неразумно, как оберегать учащихся от ошибок, подсказывая им правильные решения тренировочных и экзаменационных задач. На таких подсказках не удастся например воспитать творческую смену действующему поколению ученых и инженеров. Да насилие и малоэффективно по большому счёту как имеющее низкий коэффициент полезного действия. Как говорится, себе дороже подпитывать и держать в повиновении ненадежного раба. С соображениями “экономичности” вынуждены считаться даже тёмные силы, когда они стремятся использовать для своих эгоистических целей подходящие им низменные склонности людей. Для целей Добра и Света, напротив, нужны в людях разумные и высокие устремления. Вот здесь и пролегает фронт борьбы за человеческие души, за их склонность служить тем или иным целям. В арсенале доступных людям мыслей и чувств есть много средств психических воздействий в разных направлениях. Мыслители и художники способны оказывать влияние на современников и потомков, увлекая их свободную волю к подвигам и созидательной деятельности на благо человечества или к преступлениям и разрушениям ради удовлетворения частных корыстных интересов. Прикованный к постели ослепший Николай Островский обладал ничтожной физической энергией, но смог дать психический импульс колоссальным энергетическим проявлениям масс людей, совершавших трудовые и ратные подвиги для торжества дела коммунизма. Невелика была физическая сила Жанны д’Арк, но эта девушка водила в битвы могучих воинов. А известное утверждение Маркса и Ленина о том, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой, разве не содержит указания на психическую энергию? Умение воздействовать увлекательно на ум и чувства людей — это и есть та форма проявления психической энергии, изучать и применять которую настоятельно рекомендуют коммунистам Махатмы.

Чтобы расширить наше понимание психической энергии, сказано следующее. «Когда говорим о преобразовании психической энергии в сознательное оружие, могут спросить, с чего начать. Начать нужно с осознания присутствия её. Для этого осознания необходимо дотронуться до одного из самых основных понятий. Иногда это называли неудачно верою,

но лучше назвать доверием. Вера отвечает самогипнозу. Доверие соответствует самоанализу. Вера неопределённая в существе. Доверие подтверждает непреложность. Идём путём непреложности. Нет суеверия осознать мощь человеческого аппарата... Желание при сознании ответственности приведёт к нахождению Учителя. Всё дело в качестве и в расширении сознания... Если будете искать ближайший коррелят (соотносительный элемент во взаимосвязи — А.С.) психической энергии, то это будет действие» [86, 3.П.5]. «Действие — энергия — свет» [86, 3.П.7]. «На действиях и на следствиях познаётся правильное направление. Потому даже ошибочное действие мы предпочитаем бездействию» [86, 3.П.17]. «Нужно деятельное осознание общины» [86, 3.П.2]. «О развитии возможностей действием. Когда создаётся определенное действие, оно походит на движение корабля. Пересекаемая атмосфера посылает брызги напряженной материи. Все они находятся в магнитной сфере действия и временно подчинены ему. Слои пересекаемой атмосферы очень разнообразны. И полезность возмущенных частиц совершенно неожиданна. Истинно, владеет действием тот, кто может учесть возмущенные частицы материи и, признавая, сжать их до единства. Давно говорил вам о сосредоточении на действии. Именно непоколебимое устремление должно быть в каждом действии... Зовите из бездны материи светлых вестников. Нужно оценить, сколько возможностей попадает в вовлеченную спираль. Эти принадлежащие возможности упустить непростительно» [86, 2.XI.10]. Здесь есть непонятные образы, которые возможно окажутся наглядными для людей со сверхчувственными восприятиями. Но с общим смыслом цитаты согласиться нетрудно: идеи и чувства обретают жизненную силу, когда они сочетаются с действием, а убежденность и воля наращивают действенность, расширяют возможности, причём единство “возмущённых частиц материи” усиливает эффективность действия. Нельзя не признать, что разрушители СССР ловко использовали имевшиеся в обществе настроения недовольства и закрепили свой успех радикальными действиями запрета КПСС, беловежским сговором, ограблением денежных накоплений населения, ваучеризацией. Теперь черед коммунистов сконцентрировать психическую энергию на пробуждении и очищении сознания народа, на возрождении его интеллектуальных и нравственных ценностей в противовес развращающему и оглуляющему воздействию служителей “тельца златого”, и находчиво предложить народу новые пути перехода от пассивной растерянности к энергичной, сознательной и ответственной созидательной деятельности. В новой исторической обстановке не поможет слепое копирование ленинских решений, но ленинский стиль мышления и борьбы Махатмы советуют изучать и применять.

«Можете представить, что в своё время Ленин уже ощутил без малейшего материального основания непреложность нового строения. И невидимые лодочки подвезли провиант к его одинокому кораблю. Монолит-

ность мышления бесстрашия создала Ленину ореол слева и справа... Не по близости, но по справедливости он даже помог делу Будды... Ленин — это действие» [86, 2.I.1]. «Течение энергии волевой закрепляет как бы астральный образ решения. К этому мосту пристают лодочки возможностей, укрепляя и дополняя первоначальное предположение. Легко представить, что произойдёт, если одна сторона моста исчезнет. Ведь пространственные сроки гораздо точнее механизма ваших часов; блестящие возможности рассыпаются как песок и исчезают неповторенные» [86, 2.XII.19]. «Могут спросить: “Какие признаки Учителя ценить?”... Надо предпочесть того Учителя, который идёт новыми путями. В этом люди Северной Страны имеют отличный пример — их Учитель Ленин знал ценность новых путей. Каждое слово его проповеди, каждый поступок его нёс на себе печать незабываемой новизны. Это отличие создавало зовущую мощь. Не подражатель, не толкователь, но мощный каменщик новых руд. Нужно принять за основание зов новизны... Нужно сказать строителям жизни, чтоб нашли новые слова, скованные новой необходимостью. Сознание новизны каждого часа даст импульс» ([86], вступление перед частью первой). «Столько сделано Лениным, столько явлено теми, кто строил в бесконечность. Наша община имеет основание требовать новых форм. Мы легче начнём слагать новый центр, нежели допустим старые знаки на новых ступенях. Примите это Указание для немедленного приложения» [86, 2.V.1]. Ленин явил прекрасный пример владения психической энергией в убеждении и в действии. Всё, чего он достиг, основано на умении убеждать и увлекать людей, никаких материальных рычагов власти он не имел вплоть до победы Октябрьской революции. А успех его призыва основан на том, что он правильно предвидел необходимость назревших перемен в жизни общества. «Идти по направлению эволюции вовсе не значит тащиться в хвосте большинства. Вся история человечества указывает, что угадывало эволюцию меньшинство. И эти немногие откуда-то черпали силы преодолевать препятствия. “Контакт космического преобразования с психической энергией рождает состояние счастливого потока” — так говорил Будда. Он указал различие между очевидностью и действительностью... Можно ли распознать течение истинной эволюции, если слепая очевидность заслоняет действительность и предубеждение является установившимся мнением?.. Задумайтесь о законах психической энергии» [86, 3.II.9].

«Врач предвидит течение болезни, и вы принимаете предложенные меры. Астроном предвидит солнечное затмение, и вы запасаетесь необходимым освещением. Социальный психолог предвидит течение событий, тогда вы кричите: “Пророк!” — и в ужасе прячетесь в самые зловонные уголки. Конечно, вы делаете это будто бы для сохранения научных методов, но, в сущности, лицемерие и страх мешают вам поразмыслить, где больше настоящего знания — в близоруком суждении врача, ползающего по внешним покровам, или в дальнорукрой меткости социального провид-

ца, в котором сочетался опыт с непреложностью. Вспомните ваших социальных пророков, которые на столетия вперед намечали события человечества. Вы не называете их мистиками или ханжами. Вместе с Нами вы зовете их дальнзоркими психологами. На этом определении Мы с вами согласимся и остановимся. Кстати, вспомним, что осуждённое слово *про-рок* значит “предрекающий”. Ленин и Маркс были предрекающими течение событий; значит это понятие не менее реально, нежели медицина и астрономия... Тот прав, кто может покрыть суждения противника полностью, не касаясь начала и конца его. Для этого нужно быть, хотя бы в малой мере, предрекающим, вернее — реально дальнзорким» [86, 2.XII.2].

В цитированном выше высказывании [86, 3.III.10] из книги «Община» о заплесневении поверхности мелкого колодца рекомендовано «мужественно углублять завоевания основ освобождения». Это мужество требуется не для насилия над сторонниками старого образа жизни, а для исследования устройства мира и роли человека в нём. Великое мужество было проявлено основоположниками теории коммунизма, но нельзя остановиться на достигнутом ими, не рискуя отстать от развития жизни и познания. Люди тем лучше смогут гармонично сочетать личные устремления со служением общему благу, чем шире будет их кругозор и глубже понимание истоков и перспектив своей индивидуальности. Пожалуй, в том и состоит главное упущение коммунистов, что они не осознали необходимость и пути углубления завоеваний основ освобождения. Декабристы и народо-вольцы верили в то, что достаточно устранить монархию или убить царя, чтобы освободить народ. Коммунисты видели глубже: надо устранить не только верхушку господствующих классов, но и сами господствующие классы через устранение частной собственности как основы эксплуатации человека человеком. А Учителя Живой Этики добавляют, что и эта необходимая мера может оказаться недостаточной, если люди не победят в себе дракона рухляди и будут стремиться к обладанию вещами вместо овладения глубинами и высотами духа. Но для полной победы над тем драконом людям нужно как можно яснее осознать своё место в мироздании и свой путь через миры различных уровней тонкости материи. Теперь нам, в обстановке крупного поражения коммунистического движения, легче понять необходимость сочетать строительство коммунистического общества с познанием глубин материи, о чём говорится в книге «Община». Перечтём ещё раз высказывания, цитированные выше в § 37. «Скажите друзьям, как тесно время, как упущенное не возвращается. Скажите, как Учение общины должно идти в согласии с явлениями энергии. Обычная ошибка в том, что пытаются разделить социальные и научные построения» [86, 3.III.7]. «Черта общины и сотрудничество может неслыханно ускорить эволюцию планеты и дать новые возможности сообщения с силами материи. Не надо думать, что община и завоевание материи находятся в разных плоскостях. Одно русло, одно знамя — Майтрейя, Матерь, Мате-

рия» [86, 2.VIII.3]. «Желающий посвятить себя истинному коммунизму действует в согласии с основами великой материи» [86, 3.I.12].

Коммунистическое общество, в отличие от прежних общественных формаций, приспособленных к стихийному столкновению и борьбе эгоистических интересов людей, не может быть жизнеспособным, если оно не будет коллективом высокоразумных и высоконравственных индивидуумов, устремленных к общему благу. А приоритет разумности и нравственности лишь тогда по настоящему утвердится в обществе, когда эти качества будут восприниматься не как желательное, однако по существу не обязательное и часто притворное украшение, а как необходимое условие удовлетворения самой насущной потребности человека в жизни вечной. Такую потребность в действительности ещё предстоит формировать и развивать в массах людей. Научное подтверждение существования субкорпускулярной материи созвучно представлениям Агни Йоги о многоплановости материального мира и открывает перед каждым человеком убедительную перспективу сохранить своё сознание в более тонких материальных сферах после оставления им тела в Мире Плотном. Ручательство науки и реальная возможность осмыслить научную аргументацию, которая сама по себе даёт мощный импульс расширению и углублению сознания, станут побуждать людей относиться к реальности завоевания своего бессмертия более серьёзно и ответственно, чем слепая вера в непонятные догмы и формальное исполнение религиозных обрядов. В книге «Община» сказано: «Но для сохранения сознания нужно при жизни ощутить его. Тогда состояние современного мира пережитков почти сотрётся. В этом особое преступление церкви, которая является рассадником тёмных традиций. Не “упокой с отцами”, но “научи в пространстве Света”. Всем сознанием помните задачи эволюции. Когда стремление к покою исчезнет, тогда приблизятся Врата» [86, 1.VII.1].

Нужно ясно увидеть жесткую взаимосвязь: эгоизм (или, по терминологии Агни Йоги, самость) служит главным препятствием к достижению бессмертия на путях расширения и углубления сознания, а любовь к собственности и богатству, или как говорили в старину, сребролюбие, порождается эгоизмом и развивает эгоизм. «Эгоцентризм и чувствознание несовместимы, ибо самость есть страж порога, ведущего к высшему знанию. Победитель, сумевший себя победить, стража этого порога вызывает на бой и побеждает его в схватке не на жизнь, а на смерть, ибо, пока он не побежден, двери Высшего Мира закрыты» [91, том I, 8.02.1960]. Осознание иных планов бытия, кроме привычного Плотного (корпускулярного), и овладение ими требует мужества и бесстрашия, подобно тому как требовалось незаурядное бесстрашие первопроходцам, овладевавшим водной стихией планеты и воздушным океаном. Но чувство собственности слугит крепкой цепью, привязывающей человека к Плотному Миру, мешающей сознанию научиться жить в Мире Тонком и Мире Огненном.

По учению Живой Этики применение психической энергии должно заключаться не в подавлении чужой воли насильственным внушением или страхом, а в умении убеждать и увлекать добровольных сотрудников. Недаром ценность служения не за страх, а за совесть давно отмечена в русской поговорке. «Единственным преимуществом в областях знания будет бóльшая убедительность и привлекательность. Если хотите увлечь вашим знанием, сделайте его привлекательным. Настолько привлекательным, чтоб книги вчерашнего дня показались сухими листьями. Победа убедительности избавит от несносных запретов... Конечно, писарское изложение общины невыносимо. Убогий аптекарь оттолкнёт каждого, кто не выносит бездарного отношения к красоте. Около общины должна быть вдохновенность. К свету тянутся растения — этот закон первичного сознания непреложен» [86, 2.X.8]. Общинный, или коммунистический образ жизни привлекателен для тех, кто любит познание основ бытия и творчество жизни, гармонию в природе и обществе, мощь глубокой мысли, красоту труда и самоотдачи, а в целом — все высшие ценности культуры. По сути именно это имел в виду Ленин, говоря, что «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой её можно строить пролетарскую культуру... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнѐтом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества... Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [100].

Служение коммунизму в том глубоком смысле, как его понимают Учителя Живой Этики, есть служение Общему Благу человечества и требует большой любви к людям, по заповеди Христа: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите» (Иоанн, 13, 34). Но человечество в целом ещё не научилось этому за два тысячелетия, и чтобы научить людей христианской космической любви, нужно много самоотверженности, ума, целеустремлённости, напряженного труда, хорошо продуманной и организованной системы воспитания. В детском и юношеском возрасте, когда начинается формирование склонностей и идеалов человека, ему ещё недоступны в достаточной мере обоснования мировоззрения, опирающиеся на достижения науки и жизненный опыт. В этот период молодое сознание ориентируется на те цели и те образцы их достижения, которые в обществе считаются ценными и достойными подражания. Не поднявшись ещё до глубоких обобщений, молодое сознание ярко воспринимает конкретные примеры, к которым окружающие люди, прежде всего близкие и уважаемые, относятся как к достойным, красивым, героическим. В Советском Союзе литература, кино, песни, общественное мнение воспитывали любовь к социалистической Родине, к знанию и труду, уважение к дружбе, коллективизму, бескорыстию, к герои-

ческой борьбе защитников и строителей социализма. Героизм в боях и труде стал массовым явлением в СССР, герой — лучшим примером для подражания, звание героя — высшей наградой государства своим лучшим гражданам. В этом отношении был на деле выполнен совет, данный в книге «Община». «Героем называется человек, который действует самоотверженно, но это определение не полно. Герой тот, кто действует самоотверженно, неуклонно, сознательно и революционно и, действуя во имя Общего Блага, тем приближает течение космической эволюции. Можно встречать героев в текущей жизни. Не следует считать это понятие неприложимым. Страшась произносить такое понятие, мы сами обрываем ¹⁾ путь в страну правды. Нужно познать геройство в жизни, нужно бесстрашно признать наличность врагов, нужно помнить, что меч есть жезл героя. Умение обратить меч в жезл должно найти место среди трудового дня. Как поникнут все магические формулы перед неудержимым скачком через бездну к живоносному Солнцу!.. Хотим видеть вас стойко побеждающими» [86, 2.XI.12]. «Уничтожение страха поможет вам в трудный час. Особенно трудно преодолеть сознание одиночества. В мудрых сказаниях часто упоминается единоличная битва. Боец — он же разведчик, он же советчик, он же решитель, он же герой. Заметьте, это слово было почти изгнано из словаря старого мира. Герой становится неприемлемым в жизни маленьких сердец. Как чужой, мог он стыдиться среди благомерия. Умейте быть там, где герои. Мир будет потрясён действительностью героизма... Пусть дети называют себя героями и применяют к себе качества замечательных людей. Пусть дадут им книги чёткого изложения, где без примирительных смазываний будет очерчен облик труда и воли. Даже для медицинских целей этот бодрый зов жизни незаменим. Нужно без промедления дать такой материал. Для этого берегите тех немногих, которые могут давать. Уничтожение их не может быть оправдано» [86, 3.II.18]. Недаром идеологическая обслуга капитализма бросилась после 1991 года ошельмовывать чтимых народом Павлика Морозова, Зою Космодемьянскую, Олега Кошевого, Александра Матросова, Николая Кузнецова и других героев, а затем подхихикивать, ёрничать, издеваться над самой идеей героизма, стараясь заглушить её тягой к наживе, выигрышу в лотерее или викторине, низменными развлечениями. Поистине, по слову Н.А. Некрасова, о цели выспренной им мысль смешна.

Высокий стандарт нравственных требований советского народа заставил тех, кто расшатывал политическую власть коммунистов, сначала рядиться в одежды благородных борцов за высокие идеалы гуманизма,

¹⁾ В издании [92] в §147 здесь стоит слово “отреваем”, видимо как форма глагола “отрывать” (отвергнуть, не принять), а в издании [86] поставлено слово “отрываем”, которое кажется недостаточно хорошо выражающим смысл данной фразы. Поэтому я предпочёл употребить в этом месте слово “обрываем” — А.С.

общечеловеческие ценности, защитников прав человека и интересов трудящихся, противников привилегий партийно-государственной номенклатуры. В центр психологической борьбы ставились Пастернак, Солженицын, Сахаров и другие диссиденты из числа литераторов, ученых и артистов, способные вызвать сочувствие искренних поборников правды и справедливости. Но захватив сначала политические, а затем и экономические рычаги управления обществом, антикоммунисты изменили направление своих психологических воздействий на прямо противоположное тому, что было принято в СССР и рекомендовано Учением Живой Этики. Они перестали апеллировать к глубокому уму и высокой нравственности, и принялись массированно культивировать глупость, пошлость, разврат, насилие, хорошо понимая, что только одурманенных людей можно безнаказанно обкрадывать и эксплуатировать. Ставка делается на самые низменные склонности и страсти людей, ибо чем толще будет в обществе слой “дурачков с коротенькими мыслями”, тем легче заглушить протест людей мыслящих и совестливых. Такая разрушительная миссия облегчается тем, что как отметили еще древние римляне, “*mala herba cito crescit*” (“дурная трава быстро растет”). На это в сущности и был ориентирован план сокрушения Советского Союза после второй мировой войны, составленный Алленом Даллесом (1893-1969).

В 1942–45 гг. А. Даллес возглавлял систему политической разведки США в Европе. С 1947 — в органах Центрального разведывательного управления США, в 1953–61 директор ЦРУ. План этот по истечении срока засекречивания неоднократно публиковался в газетах. Ниже приводится его публикация в [101]. «Окончится война, и всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, — золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей!»

«Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников в самой России».

«Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением... исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — всё будет изображать, прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху».

«Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом».

«И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы и сделаем».

А. Даллес. "Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР" 1945 г.»

Плана Даллеса стал естественным следствием неудачных попыток капиталистического мира победить родину социализма прямым применением военной силы и экономическим давлением. Сплочённость народа в защите своих завоеваний делала его непобедимым даже в самых трудных условиях разрушения производительных сил и голода. Если Аллен Даллес и не был знаком с содержанием книги «Община», то интуиция убеждённого противника коммунизма позволила ему верно определить главное направление борьбы с коммунизмом. Даллес даже воспользовался тем термином, который употребил Учитель в предупреждении против предвиденной крупной идеологической диверсии. «Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением её. Иначе океан волн смочит все запруды, обращая течение мышления в хаос» [86, 3.П.7]. И Даллес планировал посеять хаос прежде всего в сознании людей, подменив их ценности на фальшивые. Именно с этого началось разрушение Советского Союза, а уж хаос и неразбериха в управлении государством явились следствием идейного хаоса и политического разрушения. В наибольшей степени воспротивиться хаосу и упадку нашёл в себе силы народ Белоруссии, а Украину и Грузию хаос и упадок лихорадят по сей день.

Российская Федерация как самая большая и богатая природными ресурсами часть Советского Союза, ставшая к тому же его правопреемницей, прилагает усилия к тому, чтобы не допустить дезинтеграции, постигшей Грузию и назревающей в Украине, обрести полноценно экономические и политические атрибуты великой державы. Однако необходи-

мых для этого мощных в своей действительности идейных ориентиров российские власти не видят или не смеют видеть из опасения стать неугодными господствующему классу крупных собственников. Поэтому вылепливается идеология, представляющая эклектическую смесь современных “западных ценностей” с благообразием идейных устоев досоциалистической России. С такими ориентирами нашей стране не шагнуть дальше роли сырьевого придатка “золотого миллиарда”, с которым в лучшем случае Запад вынужден будет считаться, сдерживая свои аппетиты. Но порождённый финансовыми спекуляциями “золотого миллиарда” нынешний экономический кризис послужит внешним указанием на ту скрытую от поверхностного взгляда истину, что социалистическая Россия была на протяжении большей части XX века передовым плацдармом прорыва человечества к Мировой Общине как предпосылке вступления в эру космической разумной жизни. Исторический опыт побед и поражения России имеет огромную ценность для всего земного человечества. Уже на нынешнем рубеже судьба человечества и судьба России нераздельны. Если Россия найдёт в себе силы для возрождения в устремлении к духовности Космического Разума, то она откроет этот путь всем странам и народам. И тогда станет явным то, о чём сказано в книгах Живой Этики, но воспринято только наиболее чуткими и открытыми сознаниями. И опять процитируем «Песнь о Шамбале» Валентина Митрофановича Сидорова (см. [96], [97]).

«... узнай, что узнать надлежит:
Вековечная тайна России
На путях в Гималаи лежит.

Слышишь в призрачной дымке рассвета
Грозовые раскаты высот?
Это Шамбала в действии. Это
Ток незримый в Россию течёт.

Если в сути вещей разобраться,
Наслоенья отбросив молвы,
Авангард светоносного братства —
Это русский народ, это вы.

В жизнь и плоть претворяя заветы
Непостижной, как небо, любви,
Всю тяжёлую карму планеты
Вы взвалили на плечи свои.

Вот зачем, усмиряя стихию,
Утверждён непреложный закон:
Кто с Россией и кто за Россию,
Тот от гибели будет спасён.

В дни, когда громыхают зарницы
И сдвигается так бытиё,
Очень многое людям простится,
Не простится хула не её.

Сроки ныне приблизились. Ведай
Сокровенную светлую весть,
Что залог непрременной победы
Величайший у Шамбалы есть».

Здесь не без причин сказано о сроках. Мы уже можем понять, что если бы не были упущены благоприятные сроки в третьем десятилетии XX века, то коммунистическая идеология могла бы быть своевременно углублена настолько, чтобы избежать спада устремлённости народа к коммунистической цели на пике экономического и военного могущества СССР в 9-ом десятилетии (1986 – 1926 = 60 лет). В XXI веке необходимость борьбы за

общее благо настолько назрела, что пренебрежение ею стало уже очевидной угрозой всему человечеству. Решительно надвинулся новый, и может быть последний срок спасительного поворота.

В 1926 г. было сказано: «... нужно понять значение психической энергии в наступающей эволюции и научно изучать её проявления. Незачем пробовать её на зрелищах в виде фокусов. Следует со всей заботливостью и ответственностью приступить к открытию сокровища человечества. Не много времени, чтобы позаботиться о превращении многих противников в полезных сотрудников. Конечно, если вы подойдёте к ним с устрашениями, это будет грубо и недостойно истинных коммунистов. Ни капиталистический сыск, ни инквизиторские тюрьмы недопустимы. Но светлая, всепобеждающая мысль будет вполне соответствовать условиям грядущей общины» [86, 3.П.3].

«Трудно рушится домик ветхих предрассудков. Прежде всего запоним, что невозможно удержать роды созревшего плода. Оглянемся на страницы истории. Пришло время освобождения мысли — и запыхали костры, но мысль потекла. Пришло время народоправства — и загремели выстрелы, но воспряли народы. Пришло время развития техники — ужаснулись стародумы, но двинулись машины, пульсируя с темпом эволюции. Теперь пришло время осознания психической энергии... созревшую ступень эволюции отодвинуть нельзя... Знание вновь осознанной энергии поднято в общине... Мы зовём к знанию, ибо только знание может помочь вместить комплекс кажущихся противоречий» [86, 3.П.6]. «Безбоязненно и без самосожаления нужно принять бремя дозора. Усталости нет, когда у ворот опустошение, когда мощь психической энергии может хлынуть неудержимым потоком. Сравните себя с положением Голландии, где уровень моря часто выше земли. Какая неусыпность дозора должна быть в охранении каналов и запруд! Примите прилив психической энергии как плодосную волну. Утеря тех возможностей представляет для общин непоправимый вред. Предоставьте старому миру бояться изучения психической энергии. Вы же, молодые, сильные и непредубеждённые, исследуйте всеми мерами и примите дар, лежащий у ворот ваших. Как ученики Ленина, смотрите орлиным глазом и лвиным прыжком овладевайте суждённой мощью. Не опоздайте! Явите склонность к Учению Действительности» [86, 3.П.7]. «Не напрасно настаиваем на осознании психической энергии — пришло время!» [86, 3.П.14].

Психологическая борьба и психологическая победа коммунистов должна быть ориентирована на то, чтобы воспитывать в людях интерес к устройству мироздания и тайнам материи, путям эволюции общества и смыслу жизни, возбуждать стремление к творческой созидательной деятельности, культурному развитию, духовному совершенствованию. Люди с такими потребностями не будут равнодушными и глухими к призывам служения Общему Благу. Их сознание будет открыто духовным посланкам

высокого Космического Разума в разнообразных формах от великих мировых религий до великих научных открытий. Из этого океана черпали вдохновение, чувства и мысли все замечательные творцы человеческой культуры и передавали их своим современникам и потомкам. Можно ожидать, что по мере познания материи и обогащения опыта творчества во всех областях жизни человечество будет овладевать способами извлечения, накопления, передачи психической энергии, дающими власть над процессами в мире плотной материи. Но это должно происходить в гармоничной связи с совершенствованием общества, чтобы недоступная прежде мощь воздействий не применялась в эгоистических целях, в ущерб Общему Благу. Уже проходит и должно скорей пройти время, когда разногласия между людьми решаются в драках, убийствах, войнах, репрессиях, насилием оружия и денег. Людям пора наконец оправдать название своего биологического вида *homo sapiens*. Достоинство человека разумного, чтобы на поле битвы мыслей и чувств побеждали мысли глубиной аргументации и чувства возвышенностью и стойкостью. Это и будет подлинная психологическая борьба. Чем глубже будет понимание психической энергии людьми, чем искусней и утонченней умение использовать её, тем успешней можно будет привлекать и воспитывать сознательных сотрудников в деле служения Общему Благу, тем надёжней будет защищённость людей от воздействий темных сил, которые всегда готовы сыграть на эгоизме, грубости, невежестве.

Глава 7.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТИЖЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕИ

«Беспользны в глазах некоторых, слишком смелый по мнению других, этот вопрос в действительности является самым важным из всех для всякого русского, да и вне России он не может показаться лишённым интереса для всякого серьёзно мыслящего человека. Я имею в виду вопрос о смысле существования России во всемирной истории... какое новое слово этот новый народ скажет человечеству, что желает он сделать в истории мира».

Вл.С. Соловьёв, «Русская идея»
[102, с. 219, 220].

Широко известен подход Владимира Соловьёва к постижению идеи нации: *«идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»* [102, с. 220]. Но как узнать мысли Бога? И могут ли в таком случае атеисты ставить вопрос об идее нации? Очевидно, ответ на эти вопросы заключается в том, что широкие народные массы на протяжении веков и тысячелетий осуществляют крупномасштабное историческое делание, в котором обобщённо проявляются способности, устремления, характер народа и смысл его существования. Анализ итоговых народных деяний может привести нас к пониманию главной тенденции эволюции земного человечества и особенностей вклада в неё отдельных наций. Именно такого взгляда придерживался крупный русский мыслитель-материалист А.И. Герцен, называя народ, его «густую толщу, идущую до грунта, то есть до полей и плуга... единственным истолкователем божественного закона» [103, т. III, часть 6, гл. II, с. 15].

В конце XIX века, когда Вл. Соловьёв написал цитированную в эпиграфе статью «Русская идея» (1888 г.), вопрос о «новом слове», которое скажет русский народ человечеству, действительно мог представляться многим людям бесполезным, лишённым интереса и слишком смелым. Что, кроме огромной территории, могло быть замечательным в полуфеодальной, экономически слабой, политически отсталой безграмотной России, которая со времени Петра I старалась лишь усваивать достижения европейской цивилизации? Этот взгляд русских «западников» (уже тогда был такой термин) ярко обрисовал Ф.М. Достоевский в 1880 г. «В народе русском... мы по-прежнему видим лишь костную массу, у которой нам нечему учиться, тормозящую, напротив, развитие России к прогрессивному лучшему, и которую всю надо пересоздать и переделать... Собственно

же народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история нашего народа есть абсурд, из которого вы до сих пор чёрт знает что выводили, а смотрели только мы трезво. Надобно, чтоб такой народ, как наш, — не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, всё целиком» [104, с. 423, 1880, август, гл. 1]. Нельзя не отметить, что в последнее десятилетие уже XX века средства массовой информации назойливо навязывали народу именно такие представления как выражение позиции правящих кругов России. А уж то, что на Великую Октябрьскую социалистическую революцию следует смотреть как на абсурдный переворот большевиков, о котором «должно быть с отвращением забыто», подтверждено недавним решением парламента о замене в перечне признаваемых государством знаменательных календарных дат дня 7 ноября днём 4 ноября в память о событиях 400-летней давности.

Однако надо обладать большой предвзятостью или слепотой, чтобы отрицать тот факт, что именно с радикального события 7 ноября 1917 года (которое потрясло мир) и обусловленных им следствий начался период, в котором Россия добилась наибольших успехов в росте экономики, военной мощи, расцвете культуры, благосостоянии народа, в политическом весе на международной арене, и оказала сильное влияние на ход всемирного исторического процесса. После победы советского народа над гитлеровской Германией не могло быть сомнений в том, что оправдалось предвидение В.Г. Белинского: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940-м году — стоящую во главе образованного мира, дающего законы науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещённого человечества» [105, с. 103, рецензия «Месяцеслов на (високосный) 1840 год»]. Достигнутый к 1990 году уровень в названных направлениях до сих пор остаётся не восстановленным за 18 лет после падения, вызванного отказом от социализма, а процесс уменьшения численности населения России на миллион человек ежегодно до сих пор не прекратился. На протяжении советского периода представлялось очевидным, что новое слово, которое русский народ сказал человечеству, заключается в построении первого в мире социалистического государства и открытии пути в светлое коммунистическое будущее. Но сейчас, когда в СССР и странах восточной Европы социализм потерпел поражение, буржуазные идеологи, используя всю мощь подвластных им средств информации, стараются представить опыт построения социализма как случайный зигзаг истории, уводящий от столбовой дороги капиталистического процветания. А с такой точки зрения как раз оказываются оправданными убеждения русских «западников» XIX века в том, что «народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи» и «вся история нашего народа есть абсурд». Да и как иначе распенить то, что добившись больших успехов, народ не сумел удержать их и

допустил разрушение, сравнимое с разрухой в Великой Отечественной войне? Так не пора ли наконец закрыть вопрос о русской идее, о надеждах на какое-то особенное, даже мессианское призвание русского народа, в которое верили великие русские писатели и мыслители?

Такое решение было бы чрезвычайно выгодно недоброжелателям России, потому что народ, лишённый цели, утративший не только веру в своё историческое призвание, но и интерес к нему, не будет способен на большие самостоятельные свершения и будет очень удобен для “стрижки шерсти” с него. А стричь есть что. Расхищаются (не без помощи самих же российских обнищавших рыбаков) богатства прилегающих морей и внутренних водоёмов, так что рыба, кальмары, морская капуста, бывшие в Советском Союзе самой дешёвой широко доступной пищей, теперь не по карману для большинства населения, имеющего доходы на уровне и ниже уровня минимальной потребительской корзины. Практически бесконтрольно уходит за рубеж по дешёвке российская древесина. Цветные металлы и железо, добываемые избыточно для обрушенного отечественного машиностроения, тоже весьма востребованы за границей. И уж совсем беспорядочный вопиющий факт — “утечка мозгов” квалифицированных специалистов, которым за рубежом платят намного больше, чем в родном отечестве. Что касается богатств в недрах государственной территории, то они хоть в некоторой степени принадлежат Российской Федерации (а на деле олигархам коллективным и индивидуальным) лишь до тех пор, пока не осуществились планы по расчленению этого крупнейшего остатка Советского Союза.

Ещё несколько лет назад на слуху были поиски национальной идеи для России, а теперь эти разговоры как-то рассосались после принятия ряда национальных проектов, например, доступное жильё с помощью ипотеки, увеличение рождаемости с помощью материнского капитала и прочих. Только ни один из этих проектов в отдельности, ни все они вместе не тянут на значительность национальной идеи, а выражают лишь осознание государственной властью некоторых наиболее крупных дыр, требующих срочного латания. Конечно, и то хорошо, что к недостаткам привлекается внимание общественности с целью уменьшить отставание страны, но если бы даже удалось нынешней Российской Федерации достигнуть той степени могущества и независимости, какую имел СССР, вряд ли это было бы осуществлением национальной идеи. Как раз распад Советского Союза на пике его экономической и военно-политической мощи иллюстрирует правоту Владимира Соловьёва, писавшего, что «истинное величие России — мёртвая буква для наших лжепатриотов, желающих навязать русскому народу историческую миссию на свой образец и в пределах своего понимания. Нашим национальным делом, если их послушать, является нечто, чего проще на свете не бывает, и зависит оно от одной единственной силы — силы оружия» [102, с. 226]. Сказанное вовсе не означает, что могуще-

ство государства вещь плохая. Необходимость такого могущества проявляется в том, что каждый раз после его утраты приходится к нему вновь восходить с большими трудностями и жертвами. И в нынешнем положении нам очень нужна сила оружия, чтобы противостоять стремлению НАТО прибрать к своим рукам Россию. Плохо не материальное могущество само по себе, а узость подчинения ему постижения и осуществления более высокой духовной цели. Нелегко убеждать людей в необходимости возвышенной (выспренней) духовной цели, когда они видят, что распорядителями жизни являются миллиардеры и миллионеры, когда все развлекательные сюжеты на телевидении вертятся вокруг соблазна обогащения и о наслаждениях богатством кричат рекламные листы в общественном транспорте и щиты на дорогах, когда мы живём в такой безинтеллектуальной и безнравственной атмосфере, о какой писал Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

«О жизни искренней,
О цели выспренной
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха».

Если мы захотим искренне устремиться к возрождению и возвеличению России в лучшем и высшем смысле этих понятий, то нам очень нужно будет обратить внимание на то, что считали наиболее важным глубокие умы прошлого, заслужившие всемирное признание и уважение. Начать по справедливости следует с Фёдора Михайловича Достоевского, придавшего наиболее сильное звучание проблеме русской идеи. В «Дневнике писателя» читаем: «“Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нём-то, и только в нём одном заключается спасение мира, что живёт он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной.” Я утверждаю, что так было со всеми великими нациями мира, древнейшими и новейшими, что только эта лишь вера и возвышала их до возможности, каждую, иметь в свои сроки, огромное мировое влияние на судьбы человечества... Пусть есть народы благоразумные, честные и умеренные, спокойные, без всяких порывов, торговцы и кораблестроители, живущие богато и с чрезвычайною опрятностью; ну и Бог с ними, всё же далеко они не пойдут; это непременно выйдет середина, которая ничем не сослужит человечеству; этой энергии в них нет, великого самомнения этого в них нет, трёх этих шевелящихся китов под ними нет, на которых стоят все великие народы. Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в си-

ду своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь» [104, с. 19-22, 1877, январь, глава вторая, I].

§ 40. ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ РУССКОГО НАРОДА

Заключая только что цитированные высказывания, Фёдор Михайлович пишет: «Вы верите (да и я с вами) в общечеловечность, то есть в то, что падут когда-нибудь перед светом разума и сознания, естественные преграды и предрассудки, разделяющие до сих пор свободное общение наций эгоизмом национальных требований, и что тогда только народы живут одним духом и ладом, как братья, разумно и любовно стремясь к общей гармонии... Что может быть выше и святее этой веры вашей? И главное ведь то, что веры этой вы нигде в мире более не найдёте, ни у какого, например, народа в Европе, где личности наций чрезвычайно резко очерчены, где если и есть эта вера, то не иначе как на степени какого-нибудь ещё умозрительного только сознания, положим, пылкого и пламенного, но всё же не более как кабинетного. А у вас, господа, то есть не то что у вас, а у нас, у нас всех, русских, — эта вера есть вера всеобщая, живая, главнейшая; все у нас этому верят и сознательно и просто, и в интеллигентном мире и живым чутьём в простом народе, которому и религия его повелевает этому самому верить... славянофилы-то и националисты верят точь-в-точь тому же самому... Они прямо, в ясных и точных выводах, заявляли, что Россия, вкупе со славянством и во главе его, скажет величайшее слово всему миру, которое тот когда-либо слышал, и что это слово именно будет заветом общечеловеческого единения... Идеалом славянофилов было единение в духе истинной широкой любви, без лжи и материализма и на основании личного великодушного примера, который предназначено дать собою русскому народу... все у нас, несмотря на всю разногласицу, всё же сходятся и сводятся к этой одной окончательной и общей мысли общечеловеческого единения. Это факт, не подлежащий сомнению и сам в себе удивительный, потому что, на степени такой живой и главнейшей потребности, этого чувства нет ещё нигде ни в одном народе. Но если так, то вот и у нас, стало быть, у нас всех есть твёрдая и определённая национальная идея; именно *национальная*» [там же, с. 22-23].

С виду просто, но как глубоко по сути! Иметь в качестве главной *национальной идеи общечеловеческое единение!* Совместимы ли такие противоположности? Какая требуется для этого широта сознания! А подлинная широта сознания может основываться только на его глубине, чтобы не

распасться на частные (разделённые национальными эгоизмами) фрагменты и не расплыться в конечном счёте в ничто. Если понимать единство народов как отказ от национальных различий, то это будет подобно исполнению музыкального произведения в унисон. Однако насколько же прекрасней, мощней, выразительней симфония, богатая оттенками, разнообразием звучаний, и всё-таки объединяющая все их.

Национальная идея как сохранение своей обособленности, будет бояться внешних влияний, их размывающего воздействия на самобытность народа. Но как раз такой боязни и нет в русском народе, что признавалось даже теми, кто не одобрял его широкую восприимчивость как склонность к пустому обезьяньему подражанию. Не одобряли противники реформ Петра I-го, не одобрял даже А.С. Грибоедов устами своего любимого героя:

«Ах, если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев».

Впрочем, Грибоедов ополчался против низкопоклонства перед европейскими обычаями русского светского общества и нечистого духа «пустого, рабского, слепого подражания», а не давал углублённой оценки русскому народу, считая его умным и добрым. Те же, кто стремился добраться до глубоких корней народного характера, прозревали в нём подтверждаемую историей мощную духовную самостоятельность, которая позволяет народу русскому претворять посторонние влияния в творческое богатство собственных достижений. Так Вл. Соловьев в статье «Русская идея» с большим одобрением отзывается «о благородном и мудром акте национально-самоотречения, создавшем более тысячи лет тому назад русское государство в дни, когда наши предки, видя недостаточность туземных элементов для организации общественного порядка, по своей доброй воле и по зрелом размышлении призвали к власти скандинавских князей, сказав им достопамятные слова: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами”» [102, с. 224-225]. В тот же ряд благодатных для русской нации самоотречений, обернувшихся её духовным и материальным укреплением, ставит Вл. Соловьев крещение Руси киевским князем Владимиром Красно Солнышко и реформы Петра Великого. «И вот, вспоминая всё это, говоришь себе: сколь велико и прекрасно должно быть в своем конечном осуществлении национальное дело, имевшее таких предшественников, и как высоко должна, если она не хочет упасть, ставить свою цель страна, имевшая во времена своего варварства своими представителями Святого Владимира и Петра Великого» [102, с. 226].

Ф.М. Достоевскому великая роль России открылась через восприятие достижений культуры, в первую очередь — художественной литературы XIX века и её непревзойденного родоначальника А.С. Пушкина. «В Пушкине две главные мысли — и обе они заключают в себе прообраз всего будущего назначения и всей будущей цели России, а стало быть и

всей будущей судьбы нашей. Первая мысль — *всемирность* России, её отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство её гения с гениями всех времен и народов мира. Эта мысль выражена Пушкиным не как одно только указание, учение или теория, не как мечтание или просто чувство, но исполнена *им на деле*, заключена вековечно в гениальных созданиях его и доказана ими. Он человек древнего мира, он и немец, он и англичанин, глубоко сознающий гений свой, тоску своего стремления, он и поэт Востока. Всем этим народам он сказал и заявил, что русский гений знает их, понял их, соприкоснулся им как родной, что он может *перевоплощаться* в них во всей полноте, что лишь одному только русскому духу дана всемирность, дано назначение в будущем постигнуть и объединить всё многообразие национальностей и снять все противоречия их. Другая мысль Пушкина — это поворот его к народу и упование единственно на силу его, завет того, что лишь в народе и в одном только народе обретём мы всецело весь наш русский гений и сознание назначения его. И это, опять-таки, Пушкин не только указал, но и совершил первый на деле. С него только начался у нас настоящий сознательный поворот к народу, немислимый ещё до него с самой реформы Петра» ([104, с. 235, июль – август 1877, гл. 2, III]. «... величие Пушкина как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимающими его людьми, нашёл твердую дорогу, *нашёл великий и возжеланный исход для нас, русских, и указал на него*. Этот исход был — народность, *преклонение перед правдой народа русского*» [104, с. 398, декабрь 1877, гл. 2, II].

Понятие народности многозначно, и разные люди вкладывали в него разный смысл. Первоначально оно входило в русскую культуру как признание образованной публикой фундаментальной роли того большинства населения, которое вынуждено было проводить жизнь в тяжёлом физическом труде, в бедности, неграмотности, в бесправном состоянии личной закрепощённости. В образе жизни этого так называемого “простого народа” начали замечать нравственное благородство, находить мудрость в устном народном творчестве, красоту в народных песнях и плясках. Поверхностное сочувствие к народу – труженику, кормильцу, защитнику выражалось в подражании его речи, одежде, обрядам, а самые искренние и решительные народолюбцы стремились уничтожить гнёт господствующих классов и в первую очередь самодержавную власть царя.

Интерес к народу и стремление найти пути улучшения его жизни повлекли за собой переход к пониманию истории как процесса, в котором определяющую роль играет не столько воля лиц, стоящих у кормила власти, сколько объективные закономерности сложных взаимодействий больших масс людей между собой и с природной средой. Параллельно с формированием наук об обществе делались крупные шаги в философском, религиозном, художественном осмыслении истории. Так тема народности от

внимания и сочувствия лучших представителей привилегированных слоёв общества к слоям угнетенным постепенно расширялась до интереса к смыслу существования, путям и целям развития всего человечества и в свете этих проблем — к роли и задачам русского народа во всемирной истории. На таком новом этапе Ф.М. Достоевский смог истолковать весьма расширенно и углубленно найденную А.С. Пушкиным «твёрдую дорогу... преклонения перед правдой народа русского». Глубинный смысл устремлений русского народа, России, Достоевский видел в том, «чтоб жить высшею жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорытием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского её призвания — вот цель России, вот и выгоды её, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорытными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим “интересам”, то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут... и “выгоднее” ничего не может быть для России, как иметь перед собой эти цели, всё более и более уяснять их себе самой и всё более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества» [104, с. 357-358, ноябрь 1877, гл. 2, III]. «Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная* черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что её нет в народе русском?» [104, с. 419, август 1880, гл. 1].

В понимании русской идеи Ф.М. Достоевским и Вл. С. Соловьёвым есть то сходство, что оба мыслителя высоко ценили широту самосознания русского народа, позволяющую ему вмещать полезные для эволюции достижения других народов, укрепляться во взаимодействиях с ними. Об этой доказанной многовековой историей способности русского народа перерабатывать внешние влияния, не утрачивая своей самобытности, писал прежде Достоевского и Вл. Соловьёва А.И. Герцен: «Восприимчивый характер славян... и большая способность усвоения и пластицизма делает их по преимуществу народом, нуждающимся в других народах ... возбуждённые другими, они идут до крайних следствий; нет народа, который глуже и полнее усваивал бы себе мысль других народов, оставаясь самим собою... Чтобы сложиться в княжество, России нужны были варяги. Чтобы сделаться государством — монголы. Европеизм развил из царства московского колоссальную империю петербургскую» [103, ч. 4, гл. XXX, конец разд. I, с. 141, т. II]. Всемирная отзывчивость русского народа тем и ценна,

на то и нужна, чтобы употребить её на объединение человечества. Но одна лишь констатация этого факта ещё не даёт ответа на вопрос, чем должно быть скреплено всемирное единство народов, какие преграды на пути к нему необходимо преодолеть. Вл. Соловьёв с полной определённой отводит роль объединяющего начала Учению Христа. «Русский народ — народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия чрез себя и для себя, но что она *должна сделать* во имя христианского начала, признаваемого ею, и во благо всего христианского мира... Русская идея, мы знаем это, не может быть ничем иным, как некоторым определённым аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства» [102, с. 229 (§ V), с. 239 (§ VIII)]. Значит, ещё не проникли, ещё предстоит проникнуть, хотя уже минуло (к тому времени, когда это сказано) девять столетий исповедания христианства. И церковь, обязанностью которой является проповедь и истолкование христианства, тоже не проникла в его истинный смысл по убеждению Соловьёва: «Официальное учреждение, представителями которого являются наше церковное управление и наша богословская школа... бесспорно, не являет собою живую часть истинной вселенской Церкви, основанной Христом» [102, с. 229]. Сам Вл. Соловьёв даёт свой ответ на вопрос: «Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где *каждое* из трёх главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы — вот в чём русская идея» [102, с. 245-246, конец статьи]. Остаётся найти способы достижения этой цели.

Ф.М. Достоевский, в творчестве которого проповедование христианства, занимает важнейшее место, мог вкладывать в цитированные выше слова «жить высшею жизнью, светить миру великой бескорыстной и чистой идеей» только тот смысл, который выражен в Новом Завете как первая из всех заповедей: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею: вот первая заповедь! Вторая, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Марк, 12, 30-31). Любовь к Богу предполагает устремленность к постижению высших истин бытия и воплощению их в жизни, а любовь к ближнему является предпосылкой и следствием создания «великого и мощного организма братского союза племен». Здесь нет места натяжкам толкований, Достоевский сам высказался на этот счёт вполне определённо. «... стать настоящим

русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и всеобъединяющей... и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону!» [104, с. 439, август 1880, гл. 2].

Но Достоевский ясно и с болью душевной видел противодействия к торжеству главной двуединой евангельской заповеди любви. В обществе, осуществляющем эту заповедь, не может быть места насилию, как не должно быть места и несправедливости. Поэтому в идеале недопустимо и применение меча, оружия войны: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф., 26, 52). Но хотя Учение Христа проповедуется и считается почитаемым на Руси уже тысячу лет, а в Западной Европе и того больше, до сих пор остаются неизжитыми корыстолюбие, эгоизм, вражда между «племенами» и внутри племен, убийства, кражи, лжесвидетельства, разврат. Больше того, создаётся впечатление, что совместимость этого букета отрицательных явлений с христианством всё более утверждается в массовом сознании как естественная, присущая самой природе человеческой. Особенно резко это стало заметным в последние десятилетия в России, когда небывалый всплеск воровства, разбоев, обманов, навязчивой пропаганды сексуальных развлечений (в пику заповеди «не прелюбодействуй») сочетается с насаждением показной религиозности, выдаваемой за духовность. Общество, в котором сплошь и рядом попираются заветы Христа, христианским в действительности не является, и оно тем более нравственно нездорово, чем меньше способно осознать этот свой недостаток, чем успешней в нём показуха выдается за действительность. Разоблачение такой лжи нельзя не признать благом, и Достоевский внёс немалый вклад в это разоблачение своим творчеством. Но разоблачение обретает подлинную ценность лишь как побуждение к исправлению недостатков, а средства исправления, чтобы быть эффективными, должны соответствовать действительному состоянию общества.

Последнее хорошо понимали великие личности дохристианской эпохи, чьи слова и дела отражены в Ветхом Завете. Там с учётом несовершенства человеческого общества рекомендовано пресекать насилие насилием: «око за око, и зуб за зуб» (Исход, 21, 24). Христос дал новую заповедь: «А Я говорю вам: не противься злому» (Мф., 5, 39), и далее о подставлении другой щеки и прочих уступках. Нужно понимать, почему христианская уступчивость не была рекомендована в Ветхом Завете. Да потому, что она превращается в эффективное средство пресечения зла лишь тогда, когда людям становится доступным более глубокое понимание смысла жизни, когда их сознание развивается настолько, чтобы вмещать реальность достижения бессмертия в мире тонкой материи, и когда такое достижение станет для них кардинальной потребностью. Определить, когда

наступит такой подходящий момент, такой минимально необходимый уровень развитости общества, мог сам Иисус Христос и те высокоразумные Существа из Мира Надземного, с которыми он был связан. Слова Христа свидетельствуют, что он ясно видел, насколько тогдашний уровень восприимчивости людей к его Учению был далёк от желанного совершенства: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк., 12, 49). Но даже в тех начальных условиях заветы Христа были действенными по крайней мере для людей, решившихся на деле следовать его Учению. С позиций духовных богатств, которые открываются пробуждающемуся сознанию, становятся очень мало существенными многие блага плотного мира, ценимые большинством людей. Поэтому человек, ступивший на указанный Христом путь в Царство Небесное, легко может пойти на уступки искателям чисто земных благ и преимуществ, утверждая тем самым свою устремлённость в Мир Надземный. Попутно он даёт высокий пример и повод для размышлений другим людям, не имеющим ещё его устремленности. Если бы большинство людей стало следовать на деле заветам Христа, то жизнь человечества действительно преобразилась бы радикально. Но совсем иное дело, когда людей принуждают к уступчивости и смирению внешним насилием с помощью оружия или посредством силы традиции имущественных и бытовых отношений, освящая традицию религиозными догматами. Тогда принуждающие и принуждаемые отходят по существу от христианского учения, извращают его применение, опуская общество на уровень дохристианский, в котором эффективны иные способы пресечения зла. Конечно, было бы тупой узостью отказаться по причине несовершенства общества от Учения Христа после того, как оно явлено человечеству. Но надо признать также тупой узостью и бескомпромиссный отказ от дохристианских средств борьбы со злом, рассчитанных именно на несовершенное общество. Во-первых, потому, что в несовершенном обществе заповеди Христа всё равно не будут исполняться большинством людей, а во-вторых, потому, что в условиях малой эффективности высоких средств отказ от менее высоких предоставит широчайшую свободу злоумышленникам. В переходный период от несовершенного общества к совершенному должно установиться, и в действительности устанавливается, диалектическое сочетание средств старых, несовершенных, и средств новых, возвышенных.

Достоевский, как великий писатель, не мог не ощущать эту диалектичность действительности. Поэтому он, проповедуя высокие заповеди Христа, включающие в себя подставление другой щеки и готовность отдать верхнюю одежду тому, кто захочет отнять рубашку, вместе с тем восторженно приветствует вступление русского народа в войну за освобождение братьев-славян от турецкого гнета в 1877 году. «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев – славян”, измученных турками, подымаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, кото-

рым мы дышим и в котором мы задыхались, сидя в немощи растреления и в духовной тесноте. Мудрецы кричат и указывают, что мы погибаем и задыхаемся от наших собственных внутренних неустройств, а потому не войны желать нам надо, а, напротив, долгого мира, чтобы мы из зверей и тупиц могли обратиться в людей, научились порядку, честности и чести... Нет, нам нужна война и победа. С войной и победой придёт новое слово, и начнётся живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня как прежде... И начало теперешней *народной* войны, и все недавние предшествовавшие ей обстоятельства показали лишь наглядно всем, кто смотреть умеет, всю народную целостность и свежесть нашу и до какой степени не коснулось народных сил наших то растреление, которое загноило мудрецов наших» [104, с. 109-111, апрель 1877, гл. 1, I]. «Но мудрецы наши схватились и за другую сторону дела: они проповедуют о человеколюбии, о гуманности, они скорбят о пролитой крови, о том, что мы ещё больше озвереем и осквернимся в войне и тем ещё более отдалимся от внутреннего преуспеяния, от верной дороги, от науки. Да, война, конечно, есть несчастье, но много тут и ошибки в рассуждениях этих, а главное — довольно уж нам этих буржуазных нравоучений! Подвиг самопожертвования кровью своею за всё то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса. Подъём духа нашего ради великодушной идеи — есть толчок вперед, а не озверение» [104, с. 113, апрель 1877, гл. 1, II]. «От излишнего скопления богатств в одних руках рождается у обладателей богатства грубость чувств. Чувство изящного обращается в жажду капризных излишеств и ненормальностей. Страшно развивается сладострастие. Сладострастие родит жестокость и трусость... родит страшную жажду накопления и приобретения денег. Теряется вера в солидарность людей, в братство их, в помощь общества, провозглашается громко тезис: “Всякий за себя и для себя”; бедняк слишком видит, что такое богач, и какой он ему брат, и вот — все уединяются и обособляются. Эгоизм умерщвляет великодушные... буржуазный долгий мир, всё-таки, в конце концов, всегда почти зарождает сам потребность войны, выносит её сам из себя как жалкое следствие, но уже не из-за великой и справедливой цели, достойной великой нации, а из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков, нужных эксплуататорам, из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков... Интересы эти и войны, за них предпринимаемые, развращают и даже совсем губят народы, тогда как война из-за великодушной цели, из-за освобождения угнетенных, ради бескорыстной и святой идеи, — такая война лишь очищает зараженный воздух от скопившихся миазмов, лечит душу, прогоняет позорную трусость и лень, даёт и уясняет идею, к осуществлению которой призвана та или другая нация. Такая война укрепляет каждую душу сознанием самопожертвования, а дух всей нации сознанием взаимной солидарности и единения всех чле-

нов, составляющих нацию. А главное, сознанием исполненного долга и совершённого хорошего дела» [104, с. 116-118, апрель 1877, гл. 1, III].

Неправда ли, эти суждения весьма созвучны убеждениям борцов за социальную справедливость? «Дух личного эгоизма, которым нации искусственно и неестественно единятся теперь в своей цивилизации» неоднократно осуждается Достоевским. «... науки это так, а “просвещения” нечего нам черпать из западноевропейских источников. А то, пожалуй, зачерпнем такие общественные формулы, как, например: “Каждый за себя, а Бог за всех” или “После меня хоть потоп”. О, сейчас же закричат: “А у нас нет таких поговорок... и сотни других афоризмов в том же роде?” Да, поговорок в народе много всяких: ум народа широк, юмор тоже, развивающееся сознание всегда подсказывает отрицание — но это всё только *поговорки*, в нравственную правду их народ наш не верит, над ними сам шутит и смеётся, в целом своём, по крайней мере, их отрицает. А осмелитесь ли вы утверждать, что “Каждый за себя, а Бог за всех” есть только поговорка, а не общественная уже формула, всеми принятая на Западе и которой *все* там служат и в неё верят?» [104, с. 446-447, август 1880, гл. 3, 1]. Преодолением и осуждением духа личного эгоизма как самой презренной черты в человеке окрашены все годы существования советской власти. Можно ли сомневаться, что Достоевскому это пришлось бы по сердцу как культивирование и развитие одного из наиболее дорогих ему качеств русского характера? А великая самоотверженность советского народа, вынесшего главную тяжесть борьбы с фашизмом и защитившего социалистические ценности, разве не превосходит масштабами горячо одобренных Достоевским подвигов русских войск в 1877 году?

Как видим, Достоевский прекрасно понимает, что притворное смирение, а тем более смирение от сознания своей слабости, есть свидетельство не силы, а немощи духа, и что противление насилию насилием в некоторых жизненных ситуациях может быть самым действенным средством укрепления и подъёма духа. Может быть в предвидении противоречивости хода истории сам Иисус Христос, запретивший поднять в его защиту меч в Гефсиманском саду, сказал в иной связи, по-видимому применительно к отношениям людей друг с другом: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф., 10, 34). Достоевский глубоко чувствовал диалектику сочетания христианской уступчивости, всепрощения, миролюбия с ветхозаветным противлением злу насилием: к христианским принципам нужно стремиться как к желанному и очень ценному идеалу, не поступаясь ими в наиболее принципиальных аспектах, а грубому эгоистическому насилию надо быть готовым поставить в нужный момент заслон даже насилием. «Да и вообще можно сказать, что если общество нездорово и заражено, то даже такое благое дело, как долгий мир, вместо пользы обществу, обращается ему же во вред... Это возмутительно, если подумать отвлеченно, но на практике выходит, ка-

жется, так, и именно потому, что для зараженного организма и такое благое дело, как мир, обращается во вред. Но всё-таки, полезно оказывается лишь та война, которая предпринята для идеи, для высшего и великодушного принципа, а не для материального интереса, не для жадного захвата, не из гордого насилия» [104, с. 118-119 апрель 1877, гл. 1, III].

Но Ф.М. Достоевский все-таки не избежал эклектической противоречивости в некоторых своих оценках исторического процесса. Он не увидел, что освобождение любимого им русского народа от нищенского, бесправного, угнетённого состояния является не менее высокой и великодушной целью, чем защита болгар от Турции, и что если нет иного пути для достижения этой цели, то и на вооруженную борьбу за своё освобождение народ имеет нравственное право. Не приемля вооруженную борьбу народа с угнетающими его эксплуататорскими слоями своей же страны, Достоевский, в качестве проповедника христианства, мог считать себя правым с точки зрения если не вечности, то далёкого будущего, и с точки зрения принципиальной чистоты и цельности Учения Христа. Но при этом он был неправ, не сумев адекватно оценить обстоятельства реальной жизни людей. Церковная проповедь долготерпения оборачивается различными сторонами к угнетенным и угнетателям. Для угнетателей, эксплуататоров, это терпение, как “жизнь в удовольствии”: чем больше длится терпение угнетённых, тем дольше сохраняются привилегии угнетателей. Лишь исключительно редкие натуры вроде Льва Толстого испытывали муки совести от продления своей барской жизни, а подавляющему большинству господ только это продление и дорого. Для угнетенных же людей бесконечное терпение означает бесконечное продление их мук. Поэтому человечней и добрей на деле был Н.А. Некрасов, прорекавший Еремушке:

«Будешь редкое явление,	Необузданную, дикую
Чудо родины своей;	К угнетателям вражду
Не холопское терпение	И доверенность великую
Принесешь ты в жертву ей;	К бескорыстному труду.»

История убедительно показала, что ни при жизни Достоевского, ни в последующие полвека, не было реальной надежды на то, что господствующие классы добровольно поступятся частью своих доходов для существенного улучшения жизни эксплуатируемого большинства общества. И только социалистическая революция, совершённая и защищённая рабочими и крестьянами России, вынудила правящие классы капиталистического Запада пойти на минимальные уступки трудящимся своих стран, усилив одновременно эксплуатацию стран колониальных и слаборазвитых. Коммунисты никогда не были противниками бескровного перехода к бесклассовому обществу, в котором не будет эксплуатации людей. Еще Маркс и Энгельс заявили о готовности рабочего класса “откупиться” от буржуазии ради мирного перехода к социализму. Но коммунисты, как реалисты, не могли согласиться на бесконечно долгое сохранение нищенского и бес-

правного прозябания большинства народа. Коммунисты сумели правильно понять и выразить глубокие чаяния народа и организовать борьбу за их осуществление, не упустив наиболее подходящий исторический момент. Без народной поддержки не устояли бы коммунисты у власти в годы тяжелейших испытаний и напряжения всех сил. Что же касается убеждения личным примером, бескорыстием, любовью, то эти средства коммунисты применяли на деле в большей мере, чем кто-либо другой. А чем ещё они могли увлечь за собой людей, когда революционеры преследовались, когда политическое принуждение применялось противостоящим им буржуазно – помещичьим государством? Великая Октябрьская социалистическая революция прокатилась по России практически бескровно, а гражданскую войну начали и развили при поддержке внешней интервенции отстранённые от власти господствующие классы. Разве не имела права на самозащиту народная революция? Опыт всех крестьянских восстаний в Западной Европе и в России, опыт Парижской Коммуны убедительно свидетельствовал, что господствующие классы не останавливаются перед любым коварством и жестокостью ради сохранения своих привилегий. И чем ожесточённей становился натиск антисоциалистических сил, тем более упорным было сопротивление им, тем конкретней обрисовывался образ врага. Выстояв в гражданской войне, Советская Россия оказалась перед лицом международной политической и экономической изоляции, стала объектом подрывной деятельности иностранных спецслужб. Одновременно назревала опасность нового военного вторжения, которое и произошло в 1941 году. Этими обстоятельствами вполне оправдывается повышенная концентрация внимания на проблемах внутренней и внешней безопасности страны, послужившая питательной почвой для репрессий. А то, что опасность перерастания идеологических диверсий в политическое и экономическое порабощение никогда не была эфемерной, доказала катастрофа развала Советского Союза в 1991 году.

Размышления о том, как отнёсся бы Ф.М. Достоевский к социалистической революции и делу строительства социализма в России, не являются занятием праздным и бесплодным. Проанализировать внутренние противоречия во взглядах крупного мыслителя и художника полезно уже потому, что в них отражается противоречивость процессов в жизни общества, а от того, насколько глубоко осознаются эти процессы, зависит степень взаимопонимания или конфликтности в отношениях между людьми. Через несколько десятилетий после смерти Достоевского исторический опыт человечества существенно обогатился и идейные искания расширились, что позволило другому русскому религиозному мыслителю Н.А Бердяеву выполнить глубокий анализ эволюции общественного сознания от православия к социализму. Сами социалисты не признавали своей хотя бы генетической родственности с православием. Их мировоззрение формировалось на основе отрицания религии как с позиций естествознания, так и с пози-

ций классового расслоения общества, в котором церковь выступала в роли прислужницы эксплуататоров и непримиримой противницы социализма.

§ 41. ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ФОРМИРОВАНИИ РУССКОЙ НАЦИИ И ДУХОВНОСТИ НАРОДА

Историческая наука свидетельствует, что люди всегда имели некоторые религиозные представления о смысле жизни, правилах поведения и, если не об устройстве мира, то о пантеоне божеств. В разные эпохи у разных народов эти представления и верования были весьма разнообразными. Религия способствовала объединению определённого сообщества людей и противопоставлению его другим сообществам, придерживающимся иных вероисповеданий. Имели своих богов и разрозненные славянские племена, из которых впоследствии сформировался русский народ. Этот молодой этнос не мог выработать великую мировую монотеистическую религию, но выбор наиболее глубокого из существующих вероучений и усвоение его плодотворно сказались на исторической эволюции народа. Мощное просвещающее и консолидирующее воздействие христианской веры проявилось в становлении и расцвете Восточной Римской империи (Византии). Тысячелетие, прошедшее после крещения Руси, с достаточной ясностью высвечивает историческую грандиозность христианской православной веры в судьбе русского народа и опирающегося на эту веру государственного строительства. Принятие христианства вносит в народное сознание устремление жить не просто как придётся, в суете повседневных забот и столкновений индивидуальных и групповых интересов, а жить ради воплощения идеи, зовущей к надёжному благу всех людей и каждого человека. Если дальние и высшие цели христианского учения (искать Царства Небесного и жизни вечной) требуют для своего раскрытия глубоких и широких познаний мира вещественного и духовного, то путь к ним в любое время и для всех людей указан через выполнение простых правил поведения и мышления, доступных каждому человеку, принимающему это учение: «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7, 12); «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39); «берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от избытка его имения» (Лк. 12, 15); «Не можете служить Богу и маммоне (богатству)» (Мф. 6, 24); «трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10, 10); «не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете» (Лк. 6, 37). Однако выполнение этих простых с виду привлекательных правил на деле оказалось настолько непростым, что и через две тысячи лет после их провозглашения многие люди, народы и всё человечество в целом ещё не научились руководствоваться ими в жизни, становящейся всё более сложной и опасной. При любой трактовке движущих сил исторического

процесса нельзя отрицать того факта, что это был и процесс выявления ценности нравственных и духовных идеалов.

В период феодальной раздробленности русских княжеств и монгольского ига православное христианство и связанная с ним культура были мощным фактором сохранения и укрепления духовного единства русского народа. А после того, как Византийская империя, расшатанная нашествиями крестоносцев в XIII веке, окончательно пала в середине XV века под ударами османской Турции, русское православие осталось единственным перспективным наследником и оплотом православия византийского. Сознание этой исторической миссии сыграло важную роль в формировании русского патриотизма и становлении Московского царства. Величие цели подчёркивалось сопоставлением с предшествовавшими великими империями (Западной Римской и Восточной Римской), в которых христианство было признано государственной религией. Псковский монах Филофей писал Ивану III: «И да ведает твоя держава, благочестивый царь, что все царства православной христианской веры сошлись в твоё царство: один ты во всей поднебесной христианский царь... что два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не быть» [106, с. 9]. «Люди Московского царства, – писал Н.А. Бердяев, – считали себя избранным народом... На этой почве происходила острая национализация православной церкви. Православие оказалось русской верой» [107, с. 49].

Здесь мы имеем яркий и весьма характерный пример приспособления великого мировоззрения космического уровня к обслуживанию частных потребностей нации. Ещё раньше, в Западной Римской империи произошло приспособление христианской религии к обслуживанию интересов господствующих классов. Церковь не только не восставала против рабства, но и освящала его своим авторитетом. Решение одного из соборов предавало проклятию тех, кто будет подстрекать рабов к уходу от господ. В послании апостола Павла к римлянам сказано: «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога» (Рим. 13, 1-2). Представители господствующих классов не считали религиозные запреты обязательными для себя и по мере надобности устраивали дворцовые перевороты, не останавливаясь перед убийством монархов. Это убедительно доказывает, что беспрекословная покорность властям предрержащим предписывалась именно поработённым слоям населения.

Однако потенциал высокого духовного призыва, заложенный в учении Иисуса Христа, просвечивал через искажения и своекорыстное приспособление церковных текстов, вдохновляя пытливые умы и чистые души на искания Царства Божия и правды Его для воплощения в земной жизни. И может быть самое главное свидетельство серьёзного, углублённого восприятия христианства душой русского народа заключается в том, что народ дерзал относиться критически к пониманию и исполнению Учения властями духовными и светскими. Критика эта по внешней форме своей

могла быть в значительной степени отягощена проявлениями невежества и суеверий, но в основе её лежала неудовлетворённость осуществлением требований веры, идеал которой не должен сочетаться с какой бы то ни было неправдой.

Бердяев видит в религиозном расколе старообрядчества одно из самых важных событий русской истории. По внешнему, ошибочному впечатлению казалось, что «религиозный раскол был вызван исключительно обрядовиером русского народа, что в нём борьба шла исключительно по поводу двуперстного и трёхперстного знамения креста и мелочей богослужебного обряда» [106, с. 10]. Да и народный протест против изменений обряда проистекал из отмеченного выше узко национального представления о том, что «православная вера есть русская вера, не русская вера — не православная вера... на греческую церковь, от которой русский народ получил своё православие, перестали смотреть как на истинно православную церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры. Греческие влияния воспринимались народным религиозным сознанием как порча, проникающая в единственное в мире православное царство» [106, с. 10]. За этой внешней стороной протеста скрывалась, по мнению Бердяева, «более глубокая историософическая тема. Вопрос шёл о том, есть ли русское царство истинно православное царство, т.е. исполняет ли русский народ своё мессианское призвание... В народе проснулось подозрение, что православное царство, Третий Рим, повредилось, произошла измена истинной веры. Государственной властью и высшей церковной иерархией овладел антихрист. Народное православие разрывает с церковной иерархией и государственной властью. Истинное православное царство уходит под землю. С этим связана легенда о граде Китеже, скрытом под озером. Народ ищет град Китеж... В видимом царстве царит неправда. В Московском царстве, сознавшем себя Третьим Римом, было смешение царства Христова, царства правды, с идеей могущественного государства, управляющего неправдой. Раскол был обнаружением противоречия, был последствием смешения» [106, с. 10-11]. «Идеология Москвы, как Третьего Рима, способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, а не процветанию церкви, не возрастанию духовной жизни. Христианское призвание русского народа было искажено. Впрочем, то же случилось и с первым и вторым Римом, которые очень мало осуществляли христианство в жизни» [107, с. 50].

Та мысль, что гипертрофированное стремление к государственному могуществу способно своей односторонностью нанести ущерб исканию царства правды, весьма характерна для понимания духовных движений в русской истории. Александр Невский в труднейший для русских княжеств период подчинения власти Золотой Орды и борьбы со шведскими и немецкими нашествиями, за сто с лишним лет до Куликовской битвы сказал: «Не в силе Бог, а в правде» [107, с. 71]. По убеждению Бердяева, «тра-

гедия русского народа в том, что русская власть не была верна этим словам» (там же). Актуальность этой мысли проявилась и на рубеже XX – XXI веков, когда духовная составляющая коммунистического движения оказалась заслонённой вооружённым противостоянием двух мировых лагерей, а одухотворённость идеологической борьбы за общее благо была пригашена формально-чиновничьим насильственным попечением о внешнем соблюдении приличий идейно-политического единства внутри СССР и в социалистическом лагере.

Из народной души и сознания глубоких русских религиозных мыслителей не исчезала та вера, что высшая духовная цель содержится в учении Иисуса Христа. Инициированный реформами Петра I процесс западного просветительства «происходил в верхних слоях русского общества, в дворянстве и чиновничестве, в то время как народ продолжал жить старыми религиозными верованиями и чувствами... Внутренне народ жил православной верой и она давала ему возможность переносить страдания жизни» [106, с. 13, 14]. А когда русская интеллигенция в XIX веке стала проникаться идеями народолюбия и социально-освободительными стремлениями, то её «гуманизм был христианским, он был основан на человеколюбии, милосердии, жалости, даже у тех, которые в сознании отступали от христианства» [106, с. 16].

§ 42. БОРЬБА ЗА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ С ПОЗИЦИЙ АТЕИЗМА

На рубеже XVIII – XIX веков в русле общей устремлённости к просвещению и рационалистическому постижению жизни искание царства правды, лежащее в глубине души русского народа, стало проявляться внешне уже не столько на почве религиозной мотивации, сколько в форме протеста передовых представителей русской интеллигенции против несправедливостей общественного устройства. «Первым русским интеллигентом был Радищев... Слова Радищева “душа моя страданиями человеческими уязвлена была” конструировали тип русской интеллигенции... Французские идеи преломлялись в русской душе прежде всего как сострадательность и человеколюбие... Первые шаги русской интеллигенции на путях просвещения сознания, а не революции, сопровождалась жертвами и страданиями, тюрьмой и каторгой <Радищев, Новиков>... Само сознание было у нас восстанием против окружающей действительности, против императорской России. Просвещение разрушило старую веру в православное царство и искание царства приняло другое направление, по иному была осознана русская миссия» [106, с. 19, 20]. «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной или экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по пре-

имууществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединённая исключительно идеями, и притом идеями социального характера... В России самодержавной и крепостнической вырабатывались самые радикальные социалистические и анархические идеи. Невозможность политической деятельности привела к тому, что политика была перенесена в мысль и в литературу» [106, с. 17, 18].

Н.А. Бердяев, знавший историю и содержание идейных течений России XIX века не только как профессиональный философ, но и как более близкий к ним во времени свидетель, рисует картину закономерного преемственного развития и органической взаимосвязи духовных исканий русского самосознания в широчайшем диапазоне от древних православных истоков до марксистско-ленинского мировоззрения. И в тех атеистических и радикальных революционных движениях, какими явились в России нигилизм, народничество, анархизм, социализм, Бердяев прослеживает разнообразные, но связанные глубоким внутренним единством проявления осмысления русской идеи как поисков и осуществления царства правды на земле. Благотворный потенциал христианского учения остался бы не реализованным, если бы не порождал активного стремления добиваться не искажённого воплощения как в части индивидуального бескорыстия и самоотвержения, так и в части достижения социальной справедливости. А поскольку церковь не проявляла должной заботы об установлении социальной справедливости, сделавшись служанкой господствующих слоёв, борьба за интересы эксплуатируемых масс стала сливаться с борьбой против религии, обретая себе союзника в атеистическом классическом научном мировоззрении.

И всё-таки, учение Иисуса Христа играло важную роль в формировании чувства личной ответственности за судьбу народа у видных деятелей революционного движения в России. Даже наиболее материалистически настроенный Герцен писал: «Евангелие я читал много и с любовью... Я читал без всякого руководства, не всё понимал, но чувствовал искреннее и глубокое уважение к читаемому. В первой молодости моей я часто увлекался вольтеранизмом, любил иронию и насмешку, но не помню, чтоб когда-нибудь я взял в руки Евангелие с холодным чувством, это меня проводило через всю жизнь; во все возрасты, при разных событиях я возвращался к чтению Евангелия, и всякий раз его содержание низводило мир и кротость на душу» [103, ч. 1, конец гл. II, с. 71, т. I].

«Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. И тем не менее нигилизм нужно признать религиозным феноменом. Возник он на духовной почве православия, он мог возникнуть лишь в душе получившей православную формацию... В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное мироотрицание,

ощущение мира лежащим во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни... Он есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации... Русские нигилисты 60-х годов — я имею в виду не только Писарева, но и Чернышевского, Добролюбова и др. — были русскими просветителями, они объявили борьбу всем историческим традициям, они противопоставляли “разум”... всем верованиям и предрассудкам прошлого» [106, с. 37-38].

«Замечательнее всего, что русские люди, получившие нигилистическую формацию, легко шли на жертвы, шли на каторгу и на виселицу. Они были устремлены к будущему, но для себя лично они не имели никаких надежд, ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали. Они не понимали тайны Креста, но в высшей степени были способны на жертвы и отречение. Они этим выгодно отличались от христиан своего времени, которые проявляли очень мало жертвоспособности и были соблазном, отталкивающим от христианства. Чернышевский, который был настоящим подвижником в жизни, говорил, что он проповедует свободу, но для себя никакими свободами никогда не воспользуется, чтобы не подумали, что он отстаивает свободы из эгоистических целей» [106, с. 39-40].

«Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу. Добролюбов и Чернышевский были сыновья протоиереев и учились в семинарии... Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодёжи второй половины 50-х годов и начала 60-х годов назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться по-русски, т.е. экстремистски, нигилистически... Вместе с тем в молодёжи пробудилась жажда социальной правды, которая была в ней порождением христианства, получившего новую форму. Семинаристы и разночинцы принесли с собой новую душевную структуру, более суровую, моралистическую, требовательную и исключительную, выработанную более тяжёлой и мучительной школой жизни, чем та школа жизни, в которой выросли люди дворянской культуры» [106, с. 40].

«Для понимания генезиса русского нигилизма в широком смысле слова и русской революционности 60-х годов очень интересен образ Добролюбова... Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова и про Чернышевского. Добролюбов получил чисто православное религиозное воспитание... В детстве и ещё в ранней молодости он был очень религиозен... У него было сильное чувство греха и склонность к постоянному покаянию... Он был очень набожен... Добролюбов был человек чистый, суровый, серьёзный,

лишённый всякой игры, которая была у людей дворянской культуры и составляла их прелесть. И вот эта набожная, аскетическая до суровости серьёзная душа теряет веру. Он теряет веру, поражённый злом, несправедливостью, страданиями жизни. Он не мог примириться с тем, что у такого злого, исполненного несправедливостей и страданий мира есть всеблагий и всеильный Творец... Он также не может примириться с низменностью быта русского духовенства, с его малой духовностью, с обскурантизмом, с отсутствием всякой реализации христианства в жизни» [106, с. 41]. «Н. Чернышевский был властителем дум не только радикальной интеллигенции 60-х годов, но и последующих поколений... Чернышевский был обвинён в составлении прокламаций к крестьянам, при этом обвинение было основано на фальсификации почерка и ложных показаниях. Он был приговорён к семи годам каторги и после этого провёл ещё двенадцать лет в Восточной Сибири в исключительно тяжёлых условиях. Сибирь и каторгу он вынес, как настоящий подвижник. Чернышевский был очень кроткий человек, у него была христианская душа и в его характере были черты святости. Истязание Чернышевского было одним из самых постыдных деяний русского правительства старого режима» [106, с. 42].

«Народничество есть столь же характерное русское явление, как и нигилизм, как и анархизм. У нас было народничество левое и правое, славянофильское и западническое, религиозное и атеистическое. Славянофилы и Герцен, Достоевский и Бакунин, Л. Толстой и революционеры 70-х годов — одинаково народники, хотя и по разному. Народничество есть прежде всего вера в русский народ, под народом же нужно понимать трудящийся простой народ, главным образом крестьянство... Чувство вины перед народом играло огромную роль в психологии народничества. Интеллигенция всегда в долгу перед народом, и она должна уплатить свой долг. Вся культура, полученная интеллигенцией, создана на счёт народа, на счёт народного труда и это налагает тяжёлую ответственность на приобщённых к этой культуре... Культура сама по себе не есть оправдание жизни, она куплена слишком дорогой ценой порабощения народа» [106, с. 48-49].

А.И. Желябов, стоявший во главе террористической организации «Народная воля», которая подготовила и осуществила убийство царя Александра II, «сам происходил из народа, из крестьян, он был сначала народником и отрицал значение политической борьбы. Безысходность движения интеллигенции в народ привела Желябова к сознанию неизбежности борьбы с самодержавием, как первой задачей. Желябов совсем не был фанатиком и изувером подобно Нечаеву... на суде по делу 1 марта, на вопрос, православный ли он, он ответил: «Крещён в православии, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почётное место. Я верю в истинность и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный

христианин должен бороться за правду, за право угнетённых и слабых, и если нужно, то за них и пострадать: такова моя вера» [106, с. 61]. На том же судебном процессе Желябов говорил: «Мы не анархисты, а государственники, мы признаём, что государственность неизбежно должна существовать, поскольку будут существовать общие интересы. Но мы критикуем существующий экономический строй... мы, переиспытав разные способы действовать на пользу народа, в начале 70-х годов избрали одно из средств: ...мирную пропаганду социалистических идей... движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное — было подавлено. Целью моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путём мирным и только затем был вынужден перейти к насилию. Я сказал бы так: от террористической деятельности я, например, отказался бы, если бы изменились внешние условия» [108, с. 509].

После того как революционное движение сформировалось и борьба между революционерами и властью стала играть существенную роль в жизни общества, вступает в действие логика взаимного отрицания в этой борьбе. Память о мучениках взывала к отмщению, а власти, ощутив грозящую опасность, ужесточали преследования инакомыслящих. В пылу борьбы отходили на второй план и в забвение исторические идейные истоки революционного движения, которое выстраивало свою новую идеологию, отталкиваясь от проявившегося облика противника — господствующих классов, эксплуатирующих и угнетающих большинство народа. Для обеих противоборствующих сторон религия перестала играть важную роль: революционеры с гордостью исповедовали атеистическое мировоззрение как научно обоснованное и подлинно гуманное, а защитники традиционного образа жизни и религии не принимали всерьёз в своей борьбе христианские заповеди бескорыстия, терпимости и непротивления. Стремясь напомнить об этих заповедях, Л.Н. Толстой писал новому царю Александру III: «Я, ничтожный, не признанный и слабый, плохой человек, пишу русскому императору и советую ему, что ему делать в самых сложных, трудных обстоятельствах... не число важно, не то, чтобы уничтожить или выслать их <революционеров> побольше, а то, чтобы уничтожить их закуску, дать другую закуску. Что такое революционеры? Это люди, которые ненавидят существующий порядок вещей, находят его дурным и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, который будет лучше... Убивая, уничтожая их — нельзя бороться с ними. Не важно их число, а важны их мысли. Для того чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который был бы выше их идеала, включал бы в себя их идеал... Есть только один идеал, который можно противопоставить им: тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, тот, который включает их идеал — идеал любви,

прощения и воздаяния добром за зло... Есть только один идеал, один путь, которым уничтожится зло. Бдеснуть, как молнией, с высоты трона примером величайшего милосердия! И тысячи, тысячи поймут! Миллионы поймут! Сын простил убийц своего отца» [108, с. 488, 489]. Передать это письмо царю Толстой попросил оберпрокурора Синода Победоносцева. «Да тут поразил столицу философ Владимир Соловьёв: в публичной лекции 28 марта, уже во время суда, он внезапно заговорил о предстоящем приговоре и призвал царя “простить безоружных”, чем вызвал смятение и восторг в зале. И тогда Победоносцев написал царю о том, что в ход пущена мысль, которая приводит его в ужас. “Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему Величеству извращённые мысли и убедить Вас в помиловании преступников... Ради Бога, Ваше Величество, да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности”. Александр III написал сверху: “Будьте покойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за что я ручаюсь”» [108, с. 491-492].

Советы Льва Толстого и Владимира Соловьёва, при всей глубине их мудрости и верности идеалам Учения Христа, и в самом деле были “голосом мечтательности”, потому что назревшие в обществе противоречия не могли быть разрешены поступком одного человека, хотя бы и облечённого самодержавной властью в государстве. Когда Александр II отменил крепостное право в 1961 году, Андрею Желябову было 7 лет, и все впечатления о несправедливости существующего экономического строя получены им в последующие два десятилетия. Значит даже гуманные настроения царя были бессильны изменить положение, при котором собственники земли и капитала несправедливо и безжалостно присваивали плоды труда подавляющего неимущего большинства общества. Можно ли было убедить помещиков и капиталистов вместе с обслуживающими их интересы состоятельными сословиями поделить по христиански материальными благами с обездоленными и угнетёнными? Церковь не ставила такой задачи перед господствующими классами, а если церковь выполняет функции представителя Бога на земле, то не следует ли отсюда, что и Бог не может или не желает устранить несправедливость? Это подкрепляло сомнения в существовании Бога, высказанные естествоиспытателями даже независимо от социальных проблем, на основе только физико-математических теорий.

На том уровне понимания природы и общества, который был доступен научной мысли в XIX веке, ещё не удавалось осознать синтез целенаправленного могущества разумных творческих сил Космоса и самопроизвольного стихийного протекания процессов в вещественном мире. Поэтому мыслители вынуждены были занимать одностороннюю позицию соотносительно тому, какие стороны многогранной действительности более соответствовали воспитанным в них склонностям и накопленному жизненному опыту. И подобно тому как для решения теоретических разногласий в об-

ласти естествознания требуется научно-техническое экспериментирование, так в области общественных отношений необходим опыт исторический, затрагивающий условия жизни всех слоёв общества и всех стран. За теоретической критикой недостатков общественного устройства передовыми мыслителями должна была последовать действенная критика народа, которая с неодолимой необходимостью вершит свой радикальный суд, хотя бы и страдающий односторонностью. После казни народовольцев идеалы социальной справедливости стали особенно быстро приобретать самостоятельное влекущее и вдохновляющее значение, отделившись от религиозных христианских истоков. И уже поколения людей, родившиеся и воспитанные в социалистической стране в духе атеистического материализма, воспринимали идеи гуманности, коллективизма, общего блага через марксистско-ленинское учение о коммунизме, вне какой-либо связи с религиозными учениями, которых не знали и не признавали. Больше того, впитывалось убеждение, что подлинный гуманизм и действенная помощь униженным и угнетённым невозможны без революционного движения, а религия приспособлена господствующими классами для обслуживания их корыстных интересов и иной быть не может. Нельзя сказать, что такое убеждение было беспочвенным, но от него был сокрыт исторический процесс генезиса идей гуманизма и социальной справедливости.

§ 43. ПРОТИВОРЕЧИТ ЛИ СОЦИАЛИЗМ ХРИСТИАНСТВУ?

Для поверхностного взгляда такое противоречие очевидно. Атеизм был одной из основ программы и устава коммунистической партии, в обязанность коммунистам вменялась атеистическая пропаганда, коммунистическая власть разрушала и закрывала храмы, преследовала священнослужителей. И сейчас, когда церковь опять в фаворе у властителей государства, она позиционирует себя как принципиальная противница социализма и социалистического этапа в истории России. И всё-таки, этим не снимается вопрос, где лучше исполнялось Учение Христа: в Российской империи, поддерживаемой церковью, или в Советском Союзе. Здесь уместно вспомнить одну из евангельских притчей. «У одного человека было два сына; и он, подошед к первому сказал: сын! пойди, сегодня работай в винограднике моём. Но он сказал в ответ: не хочу, а после, раскаявшись, пошёл. И подошед к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь; и не пошёл. Который из двух исполнил волю отца?» (Мф., 21, 28-31). Этот вопрос Христос обратил к первосвященникам и потом сказал им же: «Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его... И слышавши притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что он о них говорит» (Мф., 21, 43, 45). В Евангелии неоднократно подчёркивается, что Бог ценит не тех, кто Ему славословит, а тех, кто исполняет Его волю, выраженную в заповедях.

При социализме как нигде и никогда прежде была решена проблема освобождения человека от порабощения частной собственностью, признанная в Евангелии главным препятствием на пути к Царству Небесному. В беседе с юношей, стремившимся к совершенству и жизни вечной, «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошёл с печалью, потому что у него было большое имение. Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и ещё говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф., 19, 21-24). Церковь может оправдываться тем, что на протяжении тысячелетий господства частной собственности в обществе не могла она противиться этому, что хорошо и то, что сохранила Божье слово о вреде частной собственности на материальные богатства. Так вот ей предоставлено историей испытание: после советских десятилетий, когда церковь хоть и претерпевала утеснения, но не была запрещена, наступил возврат частной собственности в России, и тогда церковь радостно слилась с властью богачей, принимая подношения от их неправедно обрётённых состояний, и сама увлечённо: предалась делам обогащения, взвинтив мзду за религиозные услуги и на деле презрев слова Христа: «Не можете служить Богу и маммоне (богатству)» (Мф., 6, 24). Вот и выходит, что социалистический образ жизни не на словах, а на деле учил народ ценности евангельского предостережения «...берегитесь любостыжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк., 12, 15). Правда, при этом коммунисты не обещали людям, что за высоконравственную жизнь они получают сокровища на небесах по слову Евангелия: «Не собирайте себе сокровища на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф., 6, 19-21). Но тем ценнее добродетель, которая находит награду в самой себе, а не становится предметом торга за высшую награду жизни вечной.

«Велик душой на смерть идущий,
 Когда он знает наперёд,
 Что после смерти в дне грядущем
 Уж ничего его не ждёт,
 Что он из праха не восстанет
 (Хотя б для страшного суда).
 В предсмертной вспышке и тумане
 Погаснет всё. И навсегда.
 ...Но подвиг духа не напрасен.
 Нет безнадежной пустоты.
 О как воинстину прекрасен
 Дух бескорыстной чистоты,

Когда лишь радость торжествует
 И каждый шаг, и каждый миг—
 Не для себя и не впустую,
 А для других, а для других!
 Пусть вера числится неверьем,
 Пусть в их глазах застыла мгла,
 Мы и сегодня не измерим,
 Какая вера в них жила.
 Их вера двигала горами
 И континентами порой
 Своими дерзкими словами:
 “Ни бог, ни царь и ни герой!”»

Это стихи замечательного советского поэта Валентина Митрофановича Сидорова [109, с. 320].

Весь уклад жизни в социалистическом обществе был призван освободить человека от соблазна стяжательства. Конечно, люди, пленённые этим соблазном, находили и при социализме пути удовлетворения своей страсти, но только в социалистическом обществе корыстолюбие официально признано презренным пороком, и такая идеологическая установка имела важное воспитательное значение. При нынешнем же антикоммунистическом режиме в России любовь к богатству (служение маммоне) назойливо культивируется и возводится пропагандой в ранг добродетели. Кстати, на этот счёт тоже имеется предупреждение в Евангелии: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф., 18, 7). «А кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Мф., 18, 6). Сейчас большинство поощряемых российскими властями газет, журналов, телепрограмм и кинофильмов пропагандируют образцы пошлости, корыстолюбия, половой разнузданности, жестокости, и все это вливается отравой в сознание молодого поколения.

Господствующая роль частной собственности в обществе и страсти к приобретению и умножению личного материального богатства способствуют развитию эгоизма, разобщённости людей и пренебрежительного отношения к общему благу. В таких условиях очень затруднено воспитание людей в духе евангельской заповеди «любите друг друга» (Иоанн, 13, 34). Напротив, при социализме культивировалось как важнейшая норма нравственности, чувство товарищества, коллективизма, приоритета общественных интересов. Великий педагог А.С. Макаренко писал: «Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяются в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий своё поведение самой близкой перспективой... есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далёкой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и её нравственной ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше. Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость... надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза» [110]. Так воспитывали человека с юных лет советская школа, пионерская организация, комсомол, коммунистическая партия. И даже если такое воспитательное воздействие в отдельных случаях ослаблялось формализмом, недостатком высокого нравственного настроя и искренней убеждённости у воспитателей, это не могло

не восприниматься именно как недостаток, искажение чистой идеи коммунистического коллективизма, бескорыстия и самоотверженности. Само проявление недостатков рождало отрицательное отношение к ним. Когда же начало складываться впечатление, что нарушения коммунистической нравственности, коммунистическое лицемерие и чванство приобретают слишком широкое распространение, особенно в верхних эшелонах власти, впитывающих в себя наиболее карьеролюбивых людей, народ не поддержал эту власть, имевшую всё-таки обязанность заботиться о народных интересах, и попустительствовал захвату власти людьми, обрушившими социализм. Но это тоже стало важным историческим уроком.

Для тех, кто не принимает всерьёз веру в вечную ценность рыночной экономики и капиталистических общественных отношений, откат от социализма в республиках Советского Союза и странах Восточной Европы служит указанием на то, что для построения всемирного братства народов и общинного образа жизни необходимо более глубокое идейное основание, чем классическое научное мировоззрение. К тому же надо понять, что и выработанное классиками марксизма представление о коммунистическом будущем было вульгаризовано в народном сознании не без попустительства руководителей коммунистического движения XX века. Карл Маркс дал обстоятельный анализ современного ему капиталистического общества и совместно с Фридрихом Энгельсом разрабатывал пути перехода к более прогрессивной общественной формации. Но преимущества и достижения высшей формы общества, как результата посткапиталистического развития Маркс мог характеризовать только в самых общих чертах. «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своём знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!» [111]. Когда осуществится эта прекрасная перспектива, предсказать было невозможно, но ясно, что следовало бороться за её приближение, и что осуществится она только после того, как будет пройдена первая стадия, на которой мы имеем дело «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из которого вышло» [там же, с. 18]. После совершения социалистической революции задача приближения коммунизма приобрела огромное агита-

ционное значение и как привлекательная черта нового общественного строя, и как стимул для повышения производительности труда. В труднейший момент гражданской войны летом 1919 г. В.И. Ленин писал: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаёт новую, гораздо более высокую производительность труда... Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, объединённых, использующих передовую технику рабочих» [112].

Однако на пути к желанной цели историческая реальность воздвигла огромные препятствия, не учтённые в крупномасштабном предвидении классиков марксизма. Великая разруха шестилетнего периода первой мировой войны и войны гражданской, отягощенной иностранной интервенцией, привела к тому, что даже восстановление довоенного производства и уровня жизни приходилось считать большим достижением. Для проведения же в действие преимуществ социалистического способа производства при очень низком стартовом уровне народного хозяйства и в условиях военной угрозы со стороны капиталистического окружения потребовалось такое напряжение сил всего народа и такая жёсткая экономия, что только в последние годы перед Великой отечественной войной был достигнут удовлетворительный уровень материального благосостояния большинства населения. Война 1941-45 годов вновь принесла огромные потери и разрушения, также обострившие в людях стремление к достижению материального благополучия. Так получилось, что на протяжении второй половины XIX века в условиях дикого капитализма и первой половины века XX в условиях военных разрух и враждебного отношения правительств развитых капиталистических государств к социалистической стране, в сознании народных масс главным и наиболее привлекательным признаком коммунизма служила мечта о материальном изобилии или, по крайней мере, благополучии при социализме.

Но люди, сознательно и добровольно принимавшие на себя труды и опасности инициаторов и первопроходцев в борьбе за свержение власти эксплуататорских классов и построение социалистического общества, были самоотверженные бессребренники. Ни основоположники науки о коммунизме, ни многомиллионные массы защитников и строителей социализма не относились к достижению материального благополучия как к главной цели своей личной жизни. Напротив, они самоотверженно жертвовали собственным благополучием, здоровьем, жизнью ради счастья современников и потомков. В суровой напряжённой борьбе за коммунизм были востребованы лучшие проявления народной жизни: героизм, коллективизм, самоотверженность, романтизм высокой нравственности, тяга к зна-

ниям, культуре. Эти качества высветили прекрасные устремления коммунистического движения, и уже во имя надстройки светлых духовных идеалов, а не только ради сытного существования, вставали в ряды борцов за коммунизм молодые поколения. Стремление к богатству, роскоши, мечта об обеспечении праздной жизни — это черты буржуазно-обывательского идеала и психологии. А коммунисты своим атеистическим служением трудовому народу оправдывали без фальши и компромисса библейскую истину: «не хлебом единым будет жить человек» (Мф. 4, 4; Лк. 4, 4), хотя и не признавали слова Божьего. Провозглашая в качестве цели высокую материальную обеспеченность всех людей труда, настоящие коммунисты вдохновлялись этой мечтой не столько в её узком буквальном смысле, сколько глубоким научным обоснованием её как условием всестороннего высокого духовного развития индивидуумов, для которых «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни». А для этого нужно по примеру основоположников учения о коммунизме и по прямому указанию Ленина, обогатить «свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [100]. Таким образом, изначально посвятить себя борьбе за коммунистические идеалы могли лишь те, кто видел награду не в материальном благополучии и преуспеянии, а в наполненности жизни высоким интеллектуальным содержанием и духовной напряженностью, т.е. такими качествами которые, будучи устремлены к общему благу, представляют неподдельное выполнение заповедей Христа о любви к людям. Обратная сторона высокой коммунистической вдохновенности — реальное повседневное утверждение и распространение отношений коллективизма, дружелюбия и товарищества, самоотверженности, неразрывно связанных с высокой нравственностью и идейностью, с отторжением эгоизма, пошлости, тупоумия.

Лишь после того, как коммунистическая партия стала правящей и упрочила своё положение в обществе, она обрела привлекательность в глазах карьеристов и стяжателей, которые, принимая вынужденно новые правила игры, должны были маскироваться под борцов за коммунизм. Разумеется, таких распознавали и с такими боролись искренние коммунисты, но последние всё чаще становились жертвами, не владеющими оружием интриг и камуфляжа, а победу всё чаще одерживали приспособленцы, умевшие угодить нужным руководителям. Эта ржавчина, «родимые пятна старого общества», год за годом, десятилетие за десятилетием подтачивала устои социалистической системы и в конечном итоге привела её к разрушению. «Когда-то люди, идя в революцию, знали, что их ждёт тюрьма, каторга, годы бесприютности и бездомности, плаха. И самым тревожным, смутным, нехорошим было теперь то, что ныне революция за верность себе, за верность великой цели платила сытыми пайками, кремлевским обедом, наркомовскими пакетами, персональными машинами, путовками в Барвиху, международными вагонами... Он знал новый тип пар-

тийных работников... Они любили и ценили материальные блага жизни, революционная жертвенность была им чужда либо не лежала в основе их характера... Среди них были умные люди, но, казалось, главная трудовая сила их не в идее, не в разуме, а в деловых способностях и хитрости, в мещанской трезвости взглядов» [113, часть II, гл. 39; часть III, гл. 43].

Ход истории в XX веке очень наглядно на практике показал, что социалистические страны добивались поразительных успехов во всех тех случаях, когда широкие массы людей были убеждены в величии и реальности коммунистической цели, но терпели поражение, когда эта убежденность деградировала. В отсталой и измученной империалистической войной России трудящиеся нашли в себе силы вступить в войну гражданскую и одержать в ней победу. В 20–30 годы в тяжелых условиях молодая социалистическая страна поднялась из руин до уровня сильной индустриальной державы, способной победить фашизм, поработивший всю Европу. Затем, вторично справившись с военной разрухой и оказывая помощь новым социалистическим государствам, СССР вышел на второе место в мире по уровню производства. Наследники же тех великих свершений допустили в мирное время распад великой державы, разрушение производства, сравнимое с военными потерями, утрату политической и экономической независимости только потому, что предали цель, сплавившую народы и питавшую их творческими силами на протяжении семи десятилетий. По контрасту с этим Китайская Народная Республика, продолжая развитие по пути социализма, добивается замечательных успехов. В органической связи успехов социалистического строительства с убежденностью людей в его необходимости и желательности заключается сильная сторона социализма, но в этом же и его уязвимое место, так сказать, “ахиллесова пята”. Недаром широко известный теперь план Даллеса [101] был расчитан на психологическую победу над социализмом. А коммунисты проявили слабость в психологической войне с капитализмом, почивая на лаврах своих прежних психологических побед.

После разрушения СССР много высказано возмущений предательством правящей верхушки коммунистической партии и государства, но недостаточно прояснено понимание того, почему карьеристам и перерожденцам был открыт доступ к руководству социалистической страной, почему осуществлялся отбор в руководящие кадры именно таких людей. Карьеролюбивые люди отбираются во властные структуры и капиталистических государств, но там это одно из нормальных проявлений конкурентной борьбы, пронизывающей всю жизнь общества. Капитализм представляет тип общественной организации, способной функционировать на основе стихийной саморегуляции в условиях столкновений и борьбы противоречивых эгоистических устремлений отдельных членов общества и их группировок в массовом масштабе. Такой общественный организм обладает определенным потенциалом совершенствования, но несовместим с выходом цивили-

лизации на уровень широкой космической деятельности. В противоположность этому коммунистический принцип предполагает экономичное сознательное сложение усилий всех индивидуумов для достижения общего блага. Социалистическое и коммунистическое общество по сути своей не может не быть коллективом разумных высоконравственных личностей. А если оно в действительности не удовлетворяет этим требованиям, если в обществе, устройстве которого по воле предшествующих поколений рассчитано на достижение общего блага сознательными усилиями большинства его членов, возобладает эгоистическая мотивация деятельности людей, то такое общественное устройство окажется неустойчивым и вынуждено будет трансформироваться в более низкий тип организации, соответствующий условиям борьбы эгоистов. Активные поколения 20-50 годов удерживала от падения вера в коммунизм как лучшее общественное устройство, а у активных поколений 80-90 годов эта вера оказалась подточенной, и падение не замедлило наступить.

Глядя правде в глаза, нельзя не признать, что те идеи, которые вдохновляли массы людей на борьбу за коммунизм сто и пятьдесят лет назад, утратили власть над нынешним молодым поколением. Конечно, немалую роль в этом играет мощная антикоммунистическая пропаганда, наводнившая средства массовой информации. Но ведь 19 лет назад средства массовой информации были в руках коммунистов, а работали они тогда на коммунизм настолько малоэффективно, казённо, что стойких борцов за коммунизм, как видим, не воспитали.

Выдвигая в качестве главного (а в массовом восприятии, по сути, единственного) признака и цели коммунизма достижение превосходства над капитализмом в области материального производства и потребления, руководители СССР принижали коммунистическую идею и обрекали её на ослабление, приведшее в итоге к обвальной дискредитации в связи с невыполнением поставленной задачи. В результате коммунистическая идеология оказалась обезоруженной, неспособной поддерживать прежнюю убеждённость в том, что в коммунизме заключается светлое будущее всего человечества. Узкое и одностороннее представление о коммунизме, выхолащивающее его сущность до потребительства, извратило основы коммунистического воспитания, исподволь приучая людей делать выбор между двумя общественными системами в пользу той, которая смогла обеспечить более высокий уровень материального благополучия на настоящий момент времени. По мере того как в послевоенные десятилетия напряжённая борьба за выживание сменялась устойчивым спокойным повышением материального благосостояния трудящихся, зовущая устремленность в будущее коммунистической идеи трансформировалась в тягу к мещанскому благополучию, уровень которого в нашей стране уступал рекламным образцам Запада. В конце века среднее и молодое поколения решили, что пора уже пожинать плоды обещанного изобилия, и в нетерпении своём от-

вернулись от коммунистической перспективы, прельстившись посулами капиталистических зазывал. Испытания большими опасностями и трудностями не смогли сломить устремлённость советского народа к коммунизму, а испытание благополучием оказалось роковым. Частичное осуществление заявленной цели стало обнаруживать её приниженность, а взгляд, не научившийся достаточно проницательно устремляться в будущее, не узрел без подсказки гениальных вождей более высоких и фундаментальных задач, которые по плечу только коммунизму, и над которыми уже давно пора было работать серьезней, чем того требовала формально-бюрократическая отчетность.

До уровня лежащей на поверхности очевидности высветилось, что коммунизм терпит сейчас поражение именно в том пункте, который был для него в прошлом самым выигрышным. На основе более справедливого распределения произведённых предметов потребления, а главным образом на основе более высокой производительности общественного труда при социализме, которая считалась теоретически гарантированной и исторически неизбежной, новый общественный строй обещал привести к более высокому уровню материальной обеспеченности трудящихся масс, чем капитализм. На деле же КПСС до последних дней своего правления в СССР ставила задачу догнать передовые капиталистические страны по среднему уровню потребления на душу населения. Это давало антикоммунистам в руки самую завлекательную приманку: вот откажемся от социализма, который только обещает, вернёмся на торный путь капиталистической цивилизованности, и у нас будет через 500 дней такое же изобилие, “как в лучших домах Филадельфии”. После того как народ поверил этим посулам и допустил запрет КПСС и разрушение Советского Союза, прошло уже более 6500 дней, и материальная обеспеченность возросла, но... только у нескольких процентов населения. И вовсе не за счет роста производительности труда и объема производства, а за счет финансового ограбления подавляющего большинства народа и воровской распродажи материальных ресурсов страны. Жизнь подавляющего большинства граждан СССР ухудшилась, не говоря уже о бедствиях войн, разгула преступности, вынужденных переселений, разобщенности, упадка культуры. Теперь и жаль стало социалистического прошлого, да власть переменялась не в пользу народа.

Доказала ли мировая капиталистическая система в действительности свои преимущества? Нет, и нынешний глобальный кризис служит тому ярким свидетельством. Но коллективный разум класса капиталистов сумел в критическом для себя положении ловко воспользоваться исторической обстановкой и ошибками коммунистов. Раз коммунизм поставил во главу угла благосостояние трудящихся, капитализм нашел средства посязаться на этом поприще. Во-первых, экономический потенциал передовых капиталистических стран изначально был выше, чем у России пе-

ред первой мировой войной, а перенесенные ими разрушения в обеих войнах и в сравнение не шли с нашими потерями. США даже обогащались на этих войнах. Во-вторых, западным капиталистам хватило ума пойти на некоторые уступки своим трудящимся перед угрозой потерять всё. Это ещё сильнее подстегнуло их добиваться увеличения прибылей за счет роста производительности труда на путях технической революции и совершенствования организации производства. Другим источником обогащения передовых капиталистических государств стало усиление эксплуатации индустриально отсталых стран, в первую очередь колоний. Финансово-экономические механизмы этой эксплуатации были усовершенствованы настолько, что даже процесс завоевания политической независимости колониями не вверг метрополии в убыток. Капиталистические государства стали на свой лад перенимать социалистический опыт регулирования экономики и социальной защиты трудящихся. Даже процесс обобществления средств производства, как характернейшая черта социализма, охватил капиталистические страны. К началу XXI века доля государственного сектора составила в Австрии 47,2%, в Бельгии 50,2%, во Франции 46,1%, в Германии 45,3%, в Нидерландах 54,1%, в Швеции 60%, в США 75% [114]. И сегодняшние антикризисные меры сводятся к вмешательству государственного сектора в стихию рынка. Социализму же кризисы вообще не свойственны.

Не свойственна социализму и безработица, являющаяся необходимым спутником капиталистического производства и резко возрастающая во время кризисов. Идеологами капитализма высказывалось немало насмешек над обеспечением всеобщей занятости в СССР за счёт экономически неоправданного увеличения числа низкооплачиваемых рабочих мест. Но в СССР даже пенсия на уровне самой низкой зарплаты была не ниже прожиточного минимума, а сейчас в России пенсия едва хватает на квартплату и платежи за коммунальные услуги. Да что пенсии! Даже на студенческую стипендию можно было прожить самостоятельно, хотя и очень экономно, что совершенно нереально сейчас. В современной России врачи в государственных лечебных учреждениях, школьные учителя, преподаватели вузов, научные сотрудники, работники музеев, библиотек, дошкольных учреждений получают за свой труд в несколько раз меньшее вознаграждение, чем девочки, обслуживающие шефов офисов. В СССР были неоспоримой реальностью слова прекрасной советской песни: «человек всегда имеет право на ученье, отдых и на труд». Это ли не воплощение в жизни евангельских слов «трудящийся достоин пропитания»? (Мф., 10, 10).

Спор о том, какой строй лучше — капиталистический или коммунистический — не может получить окончательного решения на малой по историческим масштабам временной шкале и с позиций корпоративных сиюминутных интересов. Сейчас не вызывает сомнений, что Великая французская буржуазная революция 1789-94 гг. оказала сильное прогрессив-

ное влияние на ход истории не только Франции, но и других стран, заложив основы революционно-демократических традиций и настроений свободолюбия в идеологии, литературе, искусстве. Но прежде чем окончательно утвердилось республиканское правление во Франции, несколько раз реставрировалась монархия. Так и отказ от социализма в России не может считаться окончательным. Главное же, это то, что у нынешних антикоммунистических властей нет за душой серьёзных высоких целей и перспектив эволюции, тогда как на необходимость создания всемирного братства народов ради служения общему благу человечества много веских указаний в обстоятельствах современной жизни.

В большую вину социализму вменяет антикоммунистическая пропаганда жестокость. Но, во-первых, в жестокости бескомпромиссных войн, в которых социалистическая страна неизменно выступала в роли обороняющейся стороны, нельзя обвинять только её, ибо на жестокость приходилось реагировать жёстко. Во-вторых, жестокости революции, в которую вовлекаются огромные массы людей, угнетённых и лишённых просвещения при отвергаемом общественном строе, всегда являлись сопровождением стихийного бунта, но

«Этот вихрь,		Прибирала
	от мысли до курка,	партия
И постройку		к рукам,
	и пожара дым	направляла, строила в ряды».

Способность овладеть стихией, направить разрушительную энергию бунта в русло организованного созидания непредвзятые мыслители ставили в заслугу большевикам. В частности, Н.А. Бердяев писал: «В русской революции, как впрочем и во всякой революции, произошло расковывание и сковывание хаотических сил. Народная толща, поднятая революцией, сначала сбрасывает с себя все оковы и приход к господству народных масс грозит хаотическим распадом. Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством» [106, с. 109]. В-третьих, жестокость политических репрессий в мирные годы социалистического строительства в большой мере были обусловлены непрекращающимися попытками развалить Советский Союз и подорвать советскую власть изнутри. Если такие попытки не прекращались даже в 80-ые годы и увенчались успехом противников социализма, когда политические репрессии в СССР практически отсутствовали и самых ярких диссидентов выдворяли за рубеж или позволяли им эмигрировать, то можно себе представить, насколько серьёзной была опасность инспирированных извне технических и политических диверсий накануне второй мировой войны. Конечно, не обошлось без ошибок и перегибов, но сведения о действительном числе репрессированных преувеличены многократно антикоммунистической пропагандой.

В статье [115] В.Н. Земскова, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории разоблачены мифы о 40 миллионах и даже 110 миллионах потерь населения по вине социалистического строя. В статье приведена справка, составленная в начале 1954 г. в МВД СССР на имя Н.С. Хрущёва о числе осуждённых за контрреволюционные преступления в период 1921-53 гг. с расшифровкой по годам и мерам наказания. Всего коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами было осуждено 3777380 человек, в том числе к высшей мере наказания 642980 человек. В справке 1-го спецотдела МВД СССР на имя Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущёва к этому числу добавляется 282926 осуждённых за другие преступления: особо опасный бандитизм и военный шпионаж. «Это подлинная статистика политических репрессий за указанные годы, — пишет В.Н. Земсков. — Она была опубликована в нескольких изданиях, однако те публикации являются, образно говоря, каплей в море по сравнению с многочисленными публикациями иного рода, в которых называются недостоверные цифры, как правило, многократно преувеличенные». В статье [115] сообщается, что «2 августа 1992 г. (в период особенного подъёма антисоветской пропаганды — А.С.) в пресс-центре Министерства безопасности Российской Федерации состоялся брифинг, на котором начальник отдела регистрации архивных фондов МБРФ генерал-майор А. Краюшкин заявил журналистам и другим приглашённым, что за всё время коммунистической власти (1917-1990 гг.) в СССР по обвинению в государственных преступлениях и некоторым другим статьям уголовного законодательства аналогичного свойства осуждены 3853900 человек, 827995 из них приговорены к расстрелу. В терминологии, прозвучавшей на брифинге, это соответствует формулировке “за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления”. Любопытна реакция средств массовой информации на это событие: большинство газет обошли его гробовым молчанием». Расхождение между числом 4060306 репрессированных по статистике 1-го отдела МВД за 1921-53 гг. и числом 3853900 человек по информации МБРФ за 1917-90 гг. может быть объяснено более строгим подходом в 1992 г. к понятию жертв политических репрессий. «...довольно часто на рассмотрение Коллегии ОГПУ, Особого совещания и других органов представлялись дела как на политических или особо опасных государственных преступников, так и на обычных уголовников, ограбивших заводские склады, колхозные кладовые и т.д. По этой причине они включились в статистику 1-го спецотдела как “контрреволюционеры” и по нынешним понятиям являются жертвами политических репрессий... а в источнике МБРФ они отсеяны».

«Имеющее широкое хождение в западной советологии утверждение, что во время коллективизации 1929-32 гг. погибло 6-7 миллионов крестьян (в основном кулаков), не выдерживает критики. В 1930-31 гг. в

“кулацкую ссылку” было направлено немногим более 1, 8 млн. крестьян, а в начале 1932 г. их там оставалось 1,3 млн. Убыль в 0,5 млн. приходилась на смертность, побеги и освобождение “неправильно высланных”. За 1932-1940 гг. в “кулацкой ссылке” родилось 230258, умерло 389521, бежало 629042 и возвращено из бегов 235120 человек. Причём с 1935 г. рождаемость стала выше смертности: в 1932-1934 гг. в “кулацкой ссылке” родилось 49168 и умерло 271367, в 1935-1940 гг. — соответственно 181090 и 108154 человека».

Разоблачения чудовищных преувеличений числа жертв политических репрессий отнюдь не направлены на то, чтобы считать реальное число жертв малым. Но всё познаётся в сравнении. По официальным данным демографическая катастрофа в России после распада Советского Союза выражается в ежегодной убыли населения на миллион человек, т.е. примерно на столько же, сколько было приговорено к расстрелу в СССР за 70 лет советской власти. За истекшие 18 лет это как минимум составляет 18 миллионов человек, т.е. две трети от 27 миллионов (включая “вторую эмиграцию”) убыли в СССР за годы 1941-45 Великой Отечественной войны. Если такая динамика будет сохраняться в обозримом будущем, то осуществляются высказываемые на Западе планы о доведении народонаселения России до 50 млн. человек, нужных для обслуживания расхищения её природных ресурсов. И если в СССР подвергались репрессиям противники (или заподозренные в противлении) советской власти, то сейчас в России идёт слепой процесс истребления населения без разбора. Так что у нынешнего политического режима совершенно нет оснований кичиться своим “гуманизмом” перед советским образом жизни и правления.

Тем более нет оснований объяснять жестокости процесса возникновения и становления социализма атеизмом коммунистов. Первая и вторая мировые войны были развязаны правящими кругами христианских государств. И после разгрома гитлеровских завоевателей власти страны, рекламирующей по всему миру на своих денежных знаках свою веру в Бога, произвели испытания атомных бомб на жителей Хиросимы и Нагасаки, выжигали напалом вьетнамские поселения, бомбили Сербию в центре Европы, и два президента по фамилии Буш организовали крупные агрессии против Ирака. Не говоря уже о том, что Советский Союз был окружён военными базами христианского Североатлантического блока, а теперь такие базы подошли вплотную к границам Российской Федерации, оторкшейся от атеизма.

Именно в атеизме видел главный недостаток коммунистической идеологии Н.А. Бердяев. Но Бердяев, как и Вл. Соловьёв, не отождествлял веру в Бога, как глубокое мировоззрение, с поверхностной, а тем более с показной религиозностью. В своих знаменитых «Чтениях о Богочеловечестве» (1877-81 гг.) Вл. Соловьёв говорил: «... я не стану полемизировать с теми, кто в настоящее время отрицательно относится к религиозному началу, я не стану спорить с современными противниками религии, — потому

что они правы. Я говорю, что отвергающие религию в настоящее время правы, потому что современное состояние самой религии вызывает отрицание, потому что религия в действительности является не тем, чем она должна быть. Религия, говоря вообще и отвлечённо, есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего. Очевидно, что если признавать действительность такого безусловного начала, то им должны определяться все интересы, всё содержание человеческой жизни и сознания, от него должно зависеть и к нему относиться всё существенное в том, что человек делает, познаёт и производит... Только тогда является единство, цельность и согласие в жизни человека, только тогда все его дела и страдания в большой и малой жизни превращаются из бесцельных и бессмысленных *явлений* в разумные, внутренне необходимые *события*. Совершенно несомненно, что такое всеобъемлющее, центральное значение должно принадлежать религиозному началу, если вообще признавать его, и столь же несомненно, что в действительности для современного цивилизованного человечества, даже для тех в среде его, кто признаёт религиозное начало, религия не имеет этого всеобъемлющего и центрального значения. Вместо того, чтобы быть всем во всём, она прячется в очень маленький и очень далёкий уголок нашего внутреннего мира, является одним из множества различных интересов, разделяющих наше внимание. Современная религия есть вещь очень жалкая — собственно говоря, религия как господствующего начала, как центра духовного тяготения, нет совсем, а есть вместо этого так называемая религиозность, как личное настроение, личный вкус: одни имеют этот вкус, другие нет, как одни любят музыку, другие — нет» [102, с. 5-6, «Чтение первое»].

Н.А. Бердяев призывал отличать глубинное величие идеи христианства от недостатков её исторического воплощения. «Нужно всегда помнить, что церковь имеет два различных смысла. Смешение этих двух смыслов в нынешней церкви или отрицание одного из них имеет роковые последствия. Церковь есть мистическое тело Христово, духовная реальность, продолжающая в истории жизнь Христа, и источником её является *откровение, действие Бога на человека и мир*. Но церковь есть также социальный феномен, социальный институт, она связана с социальной средой и испытывает на себе её влияние, находится во взаимодействии с государством, имеет своё право и хозяйство, и источник её социальный. Церковь, как социальный институт, как часть истории, греховна, способна к падению и искажению вечной истины христианства, выдавая временное и человеческое за вечное и божественное. Церковь в истории есть очень сложный бого-человеческий, а не только божественный процесс, и человеческая её сторона погрешима. Но вечная истина Христовой Церкви сокровенно действует и через церковь как социальный институт, всегда относительный и погрешимый» [106, с. 140]. «... действовала на душу русского народа, формировала эту душу сокровенная духовная жизнь православия,

а не внешняя, официальная церковность» [106, с. 143]. «... русское православие... в конце концов внутренне воспитало и души тех русских людей, которые в сознании от него отошли, оно вызвало в душе русского народа искание царства Божьего и правды Его, привило человечность и сострадательность, столь отразившиеся в русской литературе» [106, с. 144].

«Вся русская творческая религиозная жизнь XIX и XX века, начиная с Хомякова и славянофилов и до мыслителей начала XX века, обличали грехи русской исторической церкви... Православному христианину Достоевскому принадлежит слово, что русская церковь в параличе... Это всегда очень резко говорили люди, которые были верующими и даже считали себя сторонниками идеальной монархии — Хомяков, Ю. Самарин, И. Аксаков, Достоевский, Вл. Соловьёв и многие другие» [106, с. 143]. «Революции в России предшествовал упадок в официальной церкви, ослабление христианской жизни в народе... Формальные православные часто являли собой безобразный облик. В начале XX века религиозный ренессанс происходил у нас в очень узком кругу и был явлением не столько народной жизни, сколько культурной элиты. Поэтому... он был социально бездейственен» [106, с. 144].

Солидаризируясь с глубоко верующими людьми в критике исторической церкви, Бердяев, тем не менее, предвидит опасность для коммунистического движения в его принципиальном атеизме. «Ненависть русских коммунистов к христианству заключает в себе противоречие, которого не в состоянии заметить те, чьё сознание подавлено коммунистической доктриной. Лучший тип коммуниста, т.е. человека целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ, вследствие переработки натурального человека христианским духом. Результаты этого христианского влияния на человеческие души, чисто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своём сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни как служение цели сверхличной, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет немалую роль и от него идёт процесс обуржуазивания. Коммунизм по своей идее хотел бы осуществить не только справедливость, но и братство в человеческих отношениях, “коммунион” между людьми. Но наивно и смешно думать, что братство между людьми может быть осуществлено путём внешней принудительной социальной муштровки, путём привычки, как говорил Ленин. Для этого нужно действие глубинных духовных сил. Материалистический и атеистический коммунизм обречён на неудачу и на гибель или на созда-

ние общества, подобного механизму, в котором нельзя уже будет различить человеческого образа» [106, с. 138-139]. Зерно истинности в этом высказывании обесценивается в значительной мере его формой. Если Н.А. Бердяев и Вл. Соловьёв видят отличие глубинной сущности Учения Христа от воплощения его в исторической церкви, то выразить своё углублённое видение в форме, отличной от церковного учения они ещё не могут в силу недостаточной развитости научного познания. И церковь отвергнет любое видение, отличное от её собственного, как лжеучение, потому что церковь в качестве социального института, призванного сохранять весть о космическом откровении, ориентирована на консерватизм и традиционализм. Ярким свидетельством тому стало недавнее намерение Ватикана снять обвинение в ереси с Галилео Галилея спустя четыре столетия.

Церковь не может, в отличие от науки, заниматься самостоятельными поисками истины. Поэтому нельзя требовать от церкви, чтобы она была на уровне передовых позиций в научном мировоззрении и общественных движениях. Только на рубеже XX и XXI веков назрела возможность и потребность осмыслить идущие из глубы тысячелетий великие мировые религии с позиций научного понимания космического разумного творчества. И только такое понимание способно осветить духовно путь к новым формам устройства общества на пороге космической эры. Атеизм же был с древнейших времён средством освобождения человеческого сознания от гнёта религиозных и социальных предрассудков и сыграл великую роль в устремлении к исканиям истины, к гуманизму и неподдельной нравственности. Обуржуазивание нравов при социализме проистекает не от атеизма как мировоззренческого убеждения, а от догматизации мировоззрения на отставшем от передовых научных открытий уровне классической картины мира, на утрате интереса к формированию мировоззрения. И нынешнее обращение к религиозности не только не противодействует обуржуазиванию сознания и образа жизни, но, наоборот, способствует такому процессу, воспитывает буржуазное безразличие к вопросам мировоззрения. От атеизма легче перейти к научному космическому мировоззрению, чем от религиозности, вынужденной оглядываться на неодобрительное отношение церкви. Бердяев прав в том, что «... новый человек... не может быть автоматическим результатом известной организации общества. Новая душевная структура предполагает духовное перевоспитание человека» [106, с. 151]. Справедливо и то, что «новый человек будет лишь в том случае, если человек имеет измерение глубины, если он есть духовное существо» [106, с. 148]. Но нет глубокой правоты в том, чтобы видеть в атеизме главное препятствие к пробуждению космического сознания, которое должно выводить человека за пределы земной ограниченности, приобщать к могуществу разумной космической жизни и грандиозности её задач, без чего «человек оказывается лишённым измерения глубины, превращается в двумерное, плоское существо» (там же).

Принципиально неверно утверждать, что человек, признающий Бога, духовен, а атеист бездуховен. Духовность заключается в устремлении сознания к расширению и углублению, к овладению новыми возможностями, которые и в мире материи безграничны. Разве не наука, развивавшаяся в противостоянии с религией, раскрыла перед человеческим взором богатства мироздания, о котором церковь имела весьма ограниченное представление? И бессмертие вовсе не даётся в качестве вечной пенсии. От необходимости преодоления привычной формы жизни, отказа от неё ради овладения новыми, более плодотворными в творческом могуществе формами, не освобождены самые высокие разумные существа, не исключая и Творца Вселенной. А сознание, остановившееся в своём развитии, застывшее в эгоистической удовлетворённости на достигнутом уровне, сколь бы высок он ни был по человеческим меркам, выпадает из космического творчества, омертвляется. Если наука на путях собственных рационалистических исканий и интуитивных прозрений приходит к осознанию реальности Христа как великого космического Учителя, то она не превращается в ученицу церкви, а сама становится способной поделиться с церковью более совершенным пониманием религии как «связи человека и мира с безусловным началом и средоточием всего сущего» (по слову Вл. Соловьёва). Проблема атеизма и потребность в атеизме были исторически значимыми как сопротивление развивающегося разума ошибкам и греховности исторической церкви, но эта проблема снимается при выходе на уровень научного космического мировоззрения, перед которым будет раскрываться иерархия субъектов космического творчества как бесконечная цепь духовных учителей—творцов.

Классический коммунизм в качестве коммунистической идеологии и практики, сформировавшейся на основе классического научного мировоззрения, отвергал историческую церковь, а иной церкви, как «мистического тела Христова», не видел и не признавал. Историческая церковь, со своей стороны, видит в классическом коммунизме своего противника, и в этом ослеплении отвергает ту космическую ипостась коммунизма, о которой говорится в Учении Живой Этики как единственно разумном будущем человечества. В арсенале понятий Н.А. Бердяева ещё не выкристаллизовался термин «космический коммунизм», но именно такое представление о коммунизме как о приемлемом для себя идеале общественного строя, по сути соизмеряет Бердяев со своим высоким пониманием христианства. У Бердяева были личные теоретические и бытовые основания для отрицательного отношения к идеологии и практике строительства атеистического коммунизма, но его отрицательное отношение более сложно и плодотворно, чем у православной церкви, подвергшейся притеснениям со стороны советской власти. Упрощённое в своей односторонности полное отрицание свойственно взаимоотношениям обособившихся противоположностей, каждая из которых устремлена к безраздельному самоутвержде-

нию через подавление противной стороны. Такое отрицание бесплодно, поскольку не ведёт к синтезу, представляющему необходимую ступень познания истины и реализации совершенства. Прежде всего, в отличие от современной антикоммунистической пропаганды, Н.А. Бердяев не сводит социалистическую революцию к поверхностному большевистскому перевороту и не считает коммунистическое движение исторической ошибкой.

«Русская коммунистическая революция... как и всякая большая революция... произвела смену социальных слоёв и классов. Она низвергла господствующие, командующие классы и подняла народные слои, раньше угнетённые и униженные, она глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот. Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела. И этим определяется исключительный актуализм и динамизм коммунизма. В русском народе обнаружилась огромная витальная сила, которой раньше не давали возможности обнаружиться» [106, с. 112]. Бердяев считает резко отрицательной чертой то, что «большевизм вошёл в русскую жизнь как в высшей степени милитаризованная сила» [106, с. 99]. Его отталкивает «ужас революции, её жуткость, её смертоносный и кровавый образ» [106, с. 108]. «В революции всегда есть уродливая сторона. И те, которые хотят особенно быть верными красоте, не могут быть слишком активными в революциях» [106, с. 112]. Однако, наряду с этим Бердяев признаёт, что в деструктивных процессах 1917 года и последующих лет «большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая с одной стороны могла докончить разложение старого и с другой стороны организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям» [106, с. 114]. «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть какую-нибудь защиту России от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляло бы даже опасность для России и грозило бы анархией... В России вырастает не только коммунистический, но и советский патриотизм, который есть просто русский патриотизм. Но патриотизм великого народа должен быть верой в великую мировую миссию этого народа, иначе это будет национализм провинциальный, замкнутый и лишённый мировых перспектив. Миссия русского народа сознаётся, как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всём мире. И это согласно с русскими традициями» [106, с. 120]. «Опасность со стороны Японии и Германии укрепляет русский патриотизм. Поражение советской России было бы

и поражением коммунизма, поражением мировой идеи, которую возвещает русский народ» [106, с. 118-119].

Можно было бы остановиться на той мысли, что большевизм удержал Россию от гибели и тем создал предпосылки для осуществления русской идеи в далёком будущем. Однако Бердяев, при всём отрицательном отношении к атеистическому коммунизму, видит в самой социалистической революции и строительстве социализма важные черты русской мировой идеи. «Но в социально-экономической системе коммунизма есть большая доля правды, которая вполне может быть согласована с христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система, которая есть самая антихристианская. Коммунизм прав в критике капитализма. И не защитникам капитализма обличать неправду коммунизма, они лишь делают более рельефной правду коммунизма. Неправду коммунистического духа, неправду духовного рабства могут обличать лишь те христиане, которые не могут быть заподозрены в защите интересов буржуазно-капиталистического мира. Именно капиталистическая система прежде всего раздавливает личность и дегуманизирует человеческую жизнь, превращает человека в вещь и товар, и не подобает защитникам этой системы обличать коммунистов в отрицании личности и дегуманизации человеческой жизни. Именно индустриально-капиталистическая эпоха подчинила человека власти экономики и денег, и не подобает её adeptам учить коммунистов евангельской истине, что “не о хлебе едином жив будет человек”. Вопрос о хлебе для меня есть вопрос материальный, но вопрос о хлебе для моих ближних, для всех людей, есть духовный, религиозный вопрос. “Не о хлебе едином жив будет человек”, но также и о хлебе, и хлеб должен быть для всех. Общество должно быть организовано так, чтобы хлеб был для всех, и тогда именно духовный вопрос предстанет перед человеком во всей своей глубине. Недопустимо основывать борьбу за духовные интересы и духовное возрождение на том, что хлеб для значительной части человечества не будет обеспечен. Это цинизм, справедливо вызывающий атеистическую реакцию и отрицание духа. Христиане должны проникнуться религиозным уважением к элементарным, насущным нуждам людей, огромной массы людей, а не презирать эти нужды с точки зрения духовной возвышенности. Коммунизм есть великое поучение для христиан, часто напоминовение им о Христе и Евангелии, о профетическом (пророческом — А.С.) элементе в христианстве» [106, с. 150-151].

Бердяев считает, что историческая церковь несёт на себе большой грех измены Учению Христа о необходимости устремлять земную жизнь к правде Царства Небесного. «Христиане, обличающие коммунистов за их безбожие и за антирелигиозные гонения, не должны были бы всю вину возлагать исключительно на этих коммунистов — безбожников, они должны были бы и на себя возложить часть вины, и значительную часть. Они должны были бы быть не только обвинителями и судьями, но и кающимися»

ся. Много ли христиане сделали для осуществления христианской правды в социальной жизни, пытались ли они осуществлять братство людей без той ненависти и насилия, в которых они обличают коммунистов? Грехи христиан, грехи исторических церквей очень велики и грехи эти влекут за собой справедливую кару. Измена заветам Христа, обращение христианской церкви в средство для поддержания господствующих классов не могло не вызывать по человеческой слабости отпадения от христианства тех, которые принуждены страдать от этой измены и от этого извращения христианства. У пророков, в Евангелии, в апостольских посланиях, у большей части учителей церкви мы находим осуждение богатства и богатых, отрицание собственности, утверждение равенства всех людей перед Богом. У Святого Василия Великого (330-379 гг.), и особенно у Святого Иоанна Златоуста (354-407 гг.), можно встретить такие резкие суждения о социальной неправде, связанной с богатством и собственностью, что перед ними бледнеют Прудон и Маркс. Учителя церкви сказали, что собственность есть кража. (Постсоветская Россия иллюстрирует это с бесспорностью — А.С.) ... С большим основанием можно сказать, что коммунизм имеет христианские или иудео-христианские истоки. Но скоро началась эпоха, когда христианство было приспособлено к царству кесаря своего времени. Было сделано открытие, что христианство не есть только истина, от которой может сгореть мир, но что оно может быть социально полезно для устройства царства кесаря. Христиане, иерархи, епископы, священники начали защищать господствующие классы богатых, власть имущих. Сделаны были ложные выводы из учения о первородном грехе, оправдывающие всякое существующее зло и несправедливость. Страдания и стеснения были признаны полезными для спасения души и это было применено главным образом к классам угнетённым, обречённым на страдания и стеснения, но почему-то не применено к угнетателям и насильникам. Христианское смирение было ложно истолковано и этим истолкованием пользовались для оправдания приниженности человека, для защиты гнёта» [106, с. 139-140].

То, что церковь и религия стоят мощным препятствием на пути устранения несправедливого общественного устройства, стало ясно и общепризнано к концу XIX в широких кругах свободомыслящей интеллигенции. Показателен в этом отношении эпизод с Дмитрием Александровичем Клеменцом, одним из инициаторов “хождения в народ”, членом тайной организации 70-х годов «Земля и воля». «В тюрьме, в Доме предварительного заключения, рассказывали, что как-то в поезде, в четвёртом классе, подсел к Дмитрию Клеменцу, одетому в мужицкую сермягу, студент из петербургской техноложки. Студент принял Дмитрия Александровича за простого мужичка и начал пропаганду. Начал издали. Аккуратно и обстоятельно. Объяснил, отчего идёт дождик, почему по весне гремит гром и какова природа атмосферного электричества. Такая методика беседы в

те поры казалась самой эффективной: надо было, чтоб мужичок понял сначала, что Илья-пророк не существует, а бога тоже нет, чтоб затем, уже проехав Бологое, тихо начать поворот к тому, что власть царская да и боярская не божественна. Бога-то нет! А раз так, то все несправедливости пора уничтожить» [116, с. 231-232]. Нельзя не привести окончание этого эпизода. «Клеменц слушал, чесал в густой бороде. “Понятно?” — спрашивал технолог, оглядываясь по сторонам? “Забористо, — отвечал Клеменц, — очень даже... Факт!” А потом, уже окончательно распропагандированный, засомневался. — “Всё это так, господин студент, всё так... — вздохнул мрачно. — Вот про царя, про урядников — это всё путём, а насчёт атмосферного электричества позволите с вами не согласиться. Профессор Бергенсон таперича имеет диаметрально противоположное мнение...” Студент совершенно растерялся. Но история на этом не кончается. Через некоторое время Клеменц будто бы слышал, как наивный тот юноша говорил в тамбуре шёпотом своему другу: “Нет, Стёпа, не знаем мы своего народа...” — и с тех пор очень любил повторять: “Не знаем мы своего народа... Не знаем, Стёпа...”».

Несомненно, при внесении Учения Христа в человеческое общество было предвидено, что усвоение Учения и исполнение его не будет совершаться безболезненно и без искажений. Но Учение должно было служить высоким идеалом, с которым предстоит сравнивать реальный образ жизни и мышления, а критика искажений призвана стимулировать устремления к совершенствованию, которые могут выливаться и в форму революций. По мнению Бердяева обнаружение смысла революции «направлено против тех, которые думают, что общество может бесконечно существовать мирно и спокойно, когда в нём накопились страшные яды, когда в нём царит зло и неправда, внешне прикрытые благообразными формами, идеализированными образами прошлого. Трудно понять тех христиан, которые считают революцию недопустимой ввиду её насилия и крови и вместе с тем считают вполне допустимой и нравственно оправданной войну. Война совершает ещё больше насилий и проливает ещё больше крови... Вся история есть в значительной степени грех, кровопролитие и насилие. И трудно для христианской совести принять историю. Это основной парадокс христианского сознания. Христианство исторично, оно есть откровение Бога в истории. И вместе с тем христианство никогда не могло вписаться в историю... Революция есть малый апокалипсис истории, как и суд внутри истории... В революции происходит суд над злыми силами, творящими неправду, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать своё добро в истории. Революции в христианской истории всегда были судом над историческим христианством, над христианами, над их изменой христианским заветам, над их искажением христианства. Именно для христиан революция имеет смысл и им более всего нужно его постиг-

нуть, она есть вызов и напоминание христианам о неосуществлённой ими правде» [106, с. 107-108].

В споре между двумя экономическими системами Бердяев занимает позицию сторонника коммунистической системы, оставаясь при этом противником тех отрицательных черт, которые он видел в социалистической действительности СССР. «Но тираничность и жестокость советской власти не имеет обязательной связи с социально-экономической системой коммунизма. Можно мыслить коммунизм в экономической жизни соединимый с человечностью и свободой. Это предполагает иной дух и иную идеологию» [106, с. 116-117]. «В отношении к хозяйственной жизни можно установить два противоположных принципа. Один принцип гласит: в хозяйственной жизни преследуй свой личный интерес и это будет способствовать хозяйственному развитию целого, это будет выгодно для общества, нации, государства. Такова буржуазная идеология хозяйства. Другой принцип гласит: в хозяйственной жизни служи другим, обществу, целому и тогда получишь всё, что тебе нужно для жизни. Второй принцип утверждает коммунизм и в этом его правота. Совершенно ясно, что второй принцип отношения к хозяйственной жизни более соответствует христианству, чем первый. Первый принцип столь же антихристианский, как антихристианским является римское понятие о собственности. Буржуазная политическая экономия, выдумавшая экономического человека и вечные экономические законы, считает второй принцип утопическим. Но экономический человек преходящий. И вполне возможна новая мотивация труда, более соответствующая достоинству человека» [106, с. 151].

Для Н.А. Бердяева нет сомнений в том, что «проблематика коммунизма способствует пробуждению христианской совести и должна привести к раскрытию творческого социального христианства не в смысле понимания христианства как социальной религии, а в смысле раскрытия христианской правды в отношении к социальной жизни. Это будет означать освобождение от социального рабства, в котором находится христианское сознание» [106, с. 153]. А в обуржуазивании быта и психологии, захлестнувшем постсоветскую Россию, Бердяев предвидел серьёзнейшую опасность не только для коммунистического движения, но и для реализации русской идеи. «Русский народ никогда не был буржуазным, он не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам. Но опасность обуржуазивания очень сильна в советской России. На энтузиазм коммунистической молодёжи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа. Если эта религиозная энергия иссякнет, то иссякнет и энтузиазм и появится шкурничество, вполне возможное при коммунизме» [106, с. 119-120]. «... обуржуазивание есть большая опасность не для коммунизма только, но и для русской идеи в мире» [106, с. 138].

§ 44. ТАК В ЧЁМ ЖЕ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ РУССКАЯ ИДЕЯ?

Владимир Соловьёв в статье «Русская идея» подчёркивает то обстоятельство, что идея нации как мысль Бога об этой нации, может быть осознана нацией или не осознана, принята или отвергнута ею. В последнем случае нация даже против своей воли выполняет всё-таки возложенную на неё Богом моральную обязанность. Яркой иллюстрацией тому служит история иудейской нации. «Если в философии истории вообще есть твёрдо установленные истины, — пишет Вл. Соловьёв, — то таковой следует считать то положение, что конечное призвание еврейского народа, истинный смысл его существования существенно связаны с мессианской идеей, то есть с идеей христианской. Однако не похоже на то, чтобы общественное мнение и национальное чувство евреев было особенно благорасположено к христианству. Я не хочу обращаться с избитыми упреками к этому единственному в своём роде и таинственному народу, который в конце концов ведь есть народ пророков и апостолов, народ Иисуса Христа и Пресвятой Девы. Этот народ ещё жив, и, по словам Нового Завета, его ожидает полное возрождение и обновление: “Весь Израиль спасётся” (Рим. XI, 26)... Я хотел только напомнить тот замечательный исторический факт, что народ, предназначенный даровать миру христианство, выполнил эту миссию лишь против воли своей, что в громадном большинстве своём и в течение восемнадцати веков он упорно отменяет божественную идею, которую он носил в лоне своём и которая была истинным смыслом его существования» [102, с. 222-223]. Сама статья «Русская идея» продиктована беспокойством о том, что в жизни России наблюдаются признаки отклонения от исполнения христианской идеи, а в этом и видится опасение, что русский народ может тоже не выполнить своего исторического предназначения, которое по мнению Вл. Соловьёва заключается в том, чтобы «Восстановить на земле... верный образ божественной Троицы» [102, с. 246].

Свершение социалистической революции, строительство и защита социализма при господстве атеистической идеологии расцениваются церковными и антикоммунистическими кругами как отказ или временное уклонение от исполнения народом русской идеи, которая по убеждению Вл. Соловьёва «не может быть ничем иным, как некоторым определённым аспектом идеи христианской...» [102, с. 239, конец § VIII]. Но, во-первых, Соловьёв говорит об *аспекте* идеи христианской в качестве задачи народа, а не о всей полноте идеи. Во-вторых, эта фраза заканчивается следующими словами: «и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства». Мы уже можем понять, что “восстановление на земле верного образа божественной Троицы” как истинный смысл идеи христианства — задача грандиозная, мно-

гогранная и требующая для своего осуществления всемирно-исторического процесса. В ходе этого процесса могут выделяться различные этапы, на которых решаются конкретные частные задачи при ведущей роли или инициативе конкретных народов.

Согласно Даниилу Андрееву приходу Христа на Землю должен был предшествовать этап формирования народа, способного воспринять идею единобожия. «Народ, культура, страна, долженствовавшие стать ареной жизни Христа, определились, конечно, не сразу. Как необходимое условие, нужен был чёткий монотеизм, исповедуемый не единицами, а воспринятый уже массой народа. Без этого отсутствовала бы психологическая почва, необходимая для откровения Бога-Сына. Но географические и исторические условия, определившие культурный и религиозный характер народов Индии и Китая, не дали монотеистической идее способов проникновения в сознание народных масс. И монотеистическое учение Лао-цзы, и такие же тенденции в брахманизме остались почти эзотерическими доктринами. Всё ограничивалось духовными восхищениями отдельных высоких душ и уединёнными философскими спекуляциями... Взор Избирающего остановился, наконец, на еврействе... монотеизм, как всенародная религия, был необходим, и здесь, именно здесь он был всё-таки дан; в этом историческая и метаисторическая заслуга еврейства. Важно то, что, несмотря на бесчисленные подмены, вопреки спутанности инстанций, вдохновлявших разум и творческую волю создателей Ветхого Завета, монотеистическая религия сокрушена не была и под *Я* библейских книг можно, хотя, конечно, не всегда, понимать Всевышнего» [117, с. 113-114, книга VI, глава 2]. Такая точка зрения открывает возможность иной трактовки представления Вл. Соловьёва о том, что непризнание Христа иудейским народом означает неуспех исполнения данным народом своего морального долга. Несомненный долг заключался в утверждении монотеистического мировосприятия, и этот долг исполнен иудейским народом. Утверждение же христианства является другой ступенью духовного восхождения, по-видимому, более высокой и трудной. Подъём на эту радикально новаторскую ступень, важность которой ещё не была освящена многовековой традицией, стал бы скорее всего большой «перегрузкой» для одного и того же народа с весьма трагичной судьбой. Не последний элемент трагичности заключается и в том, что против иудейского народа, не игравшего крупной экономической и политической роли в древнем мире, но «распявшего Бога», ополчилось нравственное возмущение народов, принявших христианскую религию, а для неразвитых сознаний более эффективным стимулом к объединению является неприязнь к кому-либо или чему-либо, нежели наличие общего предмета поклонения. Да и то немаловажно, что христианство должно было стать наднациональной религией, а это было бы затруднено, если бы оно воспринималось как религия еврейского народа.

Данная Вл. Соловьёвым формулировка русской идеи как «осуществления социальной троицы», восстанавливающей на земле «верный образ божественной Троицы», достаточно широка и не исключает разногласия человеческих толкований. Те, кто считает, что обладает ясным пониманием триединства Отца и Сына и Святого Духа, скорее всего смешивают с пониманием свою привычку к этим словам. Ведь сказано: «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Иоанн, 1, 18); «Единый, имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, которого никто из человеков не видел и видеть не может; Ему честь и держава вечная!» (I Тим., 6, 16). А может быть Святая Троица — это обозначение триединства миров: Мира Огненного (Дух Святой), Мира Тонкого (Бог-Отец) и Мира Плотного (Бог-Сын)? Наконец, Троицу можно понять как единство трёх предельно широких необходимых участников сотворения мироздания: Абсолюта (Дух Святой), Творца Вселенной (Бог-Отец), имевшего существование прежде Вселенной нынешнего цикла, и проявляющейся в текущем цикле Вселенной (Бога-Сына).

Но говоря об осуществлении «социальной троицы», Вл. Соловьёв имеет в виду конкретную ситуацию равноправного и связанного внутренним единством функционирования церкви, государства и общества. В реальной жизни России такое единство нарушено превращением самой церкви в одно из отделений государственной власти, поступлением её на службу государству. Как следствие этого, «истины боятся, потому что она кафолична, то есть вселенская. Во что бы то ни стало хотят иметь свою особую религию, русскую веру, императорскую Церковь. Она не является ценной сама по себе, за неё держатся как за атрибут и санкцию исключительного национализма. Но не желающие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине не могут и не должны называться христианами» [102, с. 236]. Церковь позволила привлечь себя к «гнусной системе русификации, которая имеет дело уже не с политической автономией, но нападает на национальное существование, на саму душу польского народа. Обрушить Польшу — значит убить нацию, имеющую весьма развитое самосознание, имевшую славную историю и опередившую нас в своей интеллектуальной культуре, нацию, которая и теперь ещё не уступает нам в научной и литературной деятельности. И хотя при этих условиях окончательная цель наших русификаторов, по счастью, недостижима, однако всё, что предпринимается для её осуществления, не становится от этого менее преступным и зловредным... Эта политика по необходимости пропитана лживостью и лицемерием, отнимающими у неё всякий престиж и делающими невозможным какой-либо прочный успех. Нельзя безнаказанно написать на своём знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев» [102, с. 237-238]. И коль скоро Соловьёв соотносит с наиболее широкими

религиозными категориями критику современной ему общественной, церковной и политической жизни России, то тем самым он подготавливает почву для анализа этих проблем с позиций религии на последующем историческом этапе, в обстановке тех реалий, которые ещё не проявились в достаточно зрелом развитии при жизни этого мыслителя, но были открыты спустя полвека взору Н.А. Бердяева.

Ни Вл.С. Соловьёв, ни Ф.М. Достоевский не одобряли революционного движения, хотя от них не были скрыты неприглядные стороны российской действительности, в которой жизнь угнетённых сословий потеряла всякое внешнее «благообразие». О Соловьёве можно сказать, что он, как и Достоевский, надеялся на осуществление «идеи всемирного человеческого обновления... не в революционном виде, а в виде божеской правды, в виде христианской истины... мирным, неревлюционнным путём» [118, с. 29-31]. Но Н.А. Бердяев, родившийся (в 1874 г.) за два года до основания революционной народнической организации «Земля и воля» и умерший в 1948 г., смог увидеть во всех разновидностях движений за социальную справедливость от А.Н. Радищева до создания СССР действительное устремление к осуществлению Учения Христа. Независимо от того, были ли борцы за социальную справедливость верующими во Христа, или атеистами, само отсутствие социальной справедливости нарушало основные установки христианской этики на несовместимость служения богатству со служением Богу (Мф., 6, 24), на необходимость относиться к другим людям так же, как хочешь, чтобы относились к тебе (Мф., 7, 12), на уступчивость (Мф., 5, 39-42) и любовь друг к другу (Иоанн, 13, 34). Те, для кого недопустимо было отступление от буквы христианского учения о непротивлении злу, не шли в революционную борьбу с её насильственными действиями, а те, кто решительно добивался устранения общественного неравенства как источника несправедливости, не оглядывались на евангельские и церковные запреты. Ведь если церковь не возвышает голоса протеста против войн государства ради защиты своей территории или захвата других территорий с их населением, то почему нужно считаться с неодобрением церковью борьбы за освобождение подавляющего большинства народа от угнетения его господствующими классами внутри государства?

Сейчас нам воочию ясно, что новый общественный строй, утвердившись с помощью насилия, сначала вынужден прибегать к насилию для самозащиты, а впоследствии подвержен соблазну широко подменять средствами принуждения средства убеждения. Как раз в необходимости перехода от принуждения к убеждению и будет заключаться восстановление христианской истины при новом общественном устройстве. И именно духовные высоты и глубины Учения Христа необходимы для успешного развития более прогрессивного и справедливого общества. Если бы историческая церковь деятельно заботилась об установлении социальной справедливости, то переход от традиционной формы общества к эволюционно бо-

лее высокой форме мог бы совершиться без острого конфликта гражданской войны. Но служение церкви интересам господствующих классов превратило её в препятствие на пути прогресса и отдало инициативу строительства нового общества атеистам.

История, конечно, не имеет сослагательного наклонения, но из истории нужно извлекать уроки. Для утверждения христианства в социалистическом обществе уже недостаточно простого возвращения церкви утраченных ею позиций в жизни государства. Такая реставрация естественна при откате от социализма к буржуазному строю, но не будет востребована на пути социального и духовного совершенствования в более прогрессивной форме общества. Вопрос стоит так: либо церковь существенно преобразится в своём понимании христианства и общественного служения на пороге космической эпохи человечества, либо духовность, опирающаяся на научное познание, обойдётся без церкви, предоставив её участи постепенного мирного отмирания.

При ретроспективном взгляде на историю, нельзя не признать очень важную роль христианства в формировании государственности и нравственном воспитании русского народа. Однако вряд ли можно усмотреть непредвзято сколь-нибудь крупный вклад Русской православной церкви и России в «осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой» [102, с. 229]. Вспомним, что Вл. Соловьёв называет Церковь Христовой с большой буквы нечто иное, чем «официальное учреждение, представителями которого являются наше церковное управление и наша богословская школа», не являющее «собой живую часть истинной вселенской Церкви, основанной Христом» [102, с. 230]. А это означает, что нет оснований утверждать, будто русский народ в досоциалистический период своей истории осуществил свою мессианскую идею как выдающийся носитель христианства. В социалистическом этапе истории поверхностный взгляд тем более не признает осуществления христианской идеи, хотя именно советская Россия оказала неоспоримое влияние на ход мировой истории в XX веке, особенно на подъём национально-освободительного движения. Коммунистическая идеология в Советском Союзе вовсе не претендовала на воплощение Учения Христа, отвергаемого ею, зато ставила в великую заслугу народам России, и в первую очередь русскому народу, прокладывание пути к социализму и далее к коммунизму как светлому будущему всего человечества. В этом и виделась русская идея, не только теоретически провозглашённая, но и в значительной мере осуществлённая. Если же теперь согласиться с тем пропагандируемым властными кругами мнением, что социалистический период России был исторической ошибкой, уклонением с проторённого пути прогресса, то и окажется, что никакой мессианской идеи у русского народа нет, что он способен только совершать исторические ошибки и плестись в хво-

сте Западной цивилизации. Но такой взгляд является, говоря вежливо, лукавым. Его навязывают с целью подавления, воспрепятствования проникновению в общественное сознание иного взгляда, более глубокого и естественного.

Со времён Платона (428-348 до н.э.) в философии разрабатывается представление о тройственном ритме движения бытия и мышления. Триада метод активно развивал неоплатоник Прокл (410-485). В немецкой классической философии (особенно у Гегеля) триада становится основной схемой диалектического развития: тезис (исходный момент), антитезис (переход в противоположность, отрицание), синтез противоположностей в новом единстве (снятие, отрицание отрицания). Диалектическая триада убедительно прослеживается на укрупнённых этапах формирования мировоззрения в европейской культуре. Средневековье (V – XVII века) было временем безраздельного господства религиозного (христианского) мировоззрения (тезис). С конца XVII до начала XX века бурно развивается и достигает апофеоза классическое научное мировоззрение как антитезис (отрицание) мировоззрения религиозного. В XX веке в науке преодолевается классическая картина мира и на рубеже XX – XXI веков начинается формирование и проникновение в общественное сознание углублённого и расширенного мировоззрения, соответствующего новой картине мира, существенной чертой которого будет признание иерархии ступеней творческого космического разума.

Образ жизни народа связан с господствующим в обществе мировоззрением и изменяется вместе с последним, хотя и с некоторым запаздыванием. Утверждение православной веры на Руси в период от княжения Владимира Красного Солнышка до царствования Николая II не является подлинным воплощением в жизни Учения Христа и, несомненно, нуждалось в совершенствовании. Эталоном совершенства, очевидно, следует считать наибольшую двуединую заповедь: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею; вот первая заповедь. Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной, большей сих заповеди нет» (Марк, 12, 30-31). И хотя эти заповеди были указаны ещё в Ветхом Завете (Второзак. 6, 4-5; Левит. 19, 18), и «на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф., 22, 40), древними иудеями в действительности они не исполнялись, и потребовалась миссия Христа, чтобы показать, как нужно исполнять их. Кто же дерзнёт утверждать, что современные люди в массе своей исполняют эти заповеди?

Для того чтобы возлюбить Бога, которого «не видел никто никогда» (Иоанн, 1, 18), да ещё с величайшей искренностью и силой, необходимо хоть в какой-то мере понимать грандиозность его космического творчества и великую ценность его для каждого человека, а это, что ни говори, может быть осознано народными массами только на определённом уровне

научных достижений и при широкой доступности образованности и просвещения. И пожалуй ещё трудней выполнение заповеди о любви к ближнему, который, в отличие от высокого и светлого Бога, способен нередко к весьма недружественным действиям. Для любви к ближнему мало расцвета наук, но требуется ещё и очень гуманное, высоконравственное общественное устройство. Следовательно, совершенное воплощение Учения Христа может быть только результатом довольно длительного и трудного исторического процесса. «История русского народа одна из самых мучительных историй, — пишет Бердяев: — борьба с татарскими нашествиями и татарским игом, всегдашняя гипертрофия государства, тотальный режим Московского царства, смутная эпоха, раскол, насильственный характер петровской реформы, крепостное право, которое было самой страшной язвой русской жизни, гонения на интеллигенцию, казнь декабристов, жуткий режим прусского юнкера Николая I, безграмотность народной массы, которую держали в тьме из страха, неизбежность революции для разрешения конфликтов и противоречий и её насильственный и кровавый характер и, наконец, самая страшная в мировой истории война» [107, с. 46-47, гл. I, ч. 1]. Но вопреки мучительности и неустроенности исторической жизни русского народа, наиболее чуткие и глубокие выразители его душевных устремлений прозревали возможность большого взлёта в будущем.

П.Я. Чаадаев (1794 -1856) в «Философических письмах», первое из которых было опубликовано в 1836 г. в журнале «Телескоп», вызвав закрытие журнала и объявление автора сумасшедшим, подверг резкой критике российское прошлое и настоящее. «Чаадаев думал, что силы русского народа не были актуализированы в его истории, они остались как бы в потенциальном состоянии. Это он думал и тогда, когда взбунтовался против русской истории. Но оказалось возможным перевернуть его тезис. Он это сделал в «Апологии сумасшедшего» (1837 г.). Неактуализированность сил русского народа в прошлом, отсутствие величия в его истории делают для Чаадаева залогом возможности великого будущего. И тут он высказывает некоторые основные мысли для всей русской мысли XIX в. В России есть преимущество девственности почвы. Её отсталость даёт возможность выбора. Скрытые потенциальные силы могут себя обнаружить в будущем. “Прошлое уже нам не подвластно, — восклицает Чаадаев, — но будущее зависит от нас”. “Воспользуемся же огромным преимуществом, в силу которого мы должны повиноваться только голосу просвещённого разума, сознательной воли”... И, наконец, Чаадаев высказывает мысль, которая будет основной для всех наших течений XIX в.: “У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество”. Словом, Чаадаев проникается русской мессианской идеей. И это у него соединяется с ожиданием наступления новой эпохи Св. Духа» [107, с. 73-74, гл. II, ч. 1].

Конечно, Чаадаев, предвидя будущее не то что на столетие, а скорей даже на два столетия вперёд, не мог описать своё видение в конкретных исторических, социальных и научных деталях. Но указанные им укрупнённые черты находятся в поразительном согласии с тем, что мы с высоты прошедших впоследствии 17-ти десятилетий можем видеть в минувших уже для нас днях и в недалёком будущем. Колоссальная, несравнимая ни с чем в прошлом и настоящем актуализация сил русского народа, совершившего величайшую по значению и масштабам революцию, одержавшего победу над крупнейшими в мировой истории агрессивными тёмными силами, уже проявилась в действительности. Тем самым уже стали историческим фактом два основных этапа диалектической триады эволюции: 1) воспитание народа в духе христианской религии (тезис), 2) атеистическое отрицание несовершенного исполнения принципов христианства, но не пустое отрицание отбрасывания, а отрицание как действенное устремление исполнить ту важную часть Учения Христа, которая находилась в небрежении на этапе тезиса, признавалась фарисейски, ханжески, лицемерно. Следующим, третьим этапом, должен стать синтез двух предшествующих этапов. Не потому должен, что того требует формализм диалектической триады, а потому что именно такая цель вырисовывается ясно в наши дни как шаг земного человечества в завтрашний день, настолько необходимый шаг, что без него будущего у нашей цивилизации просто не будет, его перечеркнут угрожающие катастрофы. Как бы ни рекламировали властные круги свою веру в Бога и как бы ни побуждали руководимые ими массы к покорности божьей воле в интерпретации служащего властям духовенства, это не будет та вера, которая ведёт в Царство Небесное, к дружелюбию между людьми и миру между народами. Значит религиозности первого этапа эволюции (тезиса) уже недостаточно в современной жизни. Построенное в СССР общество социальной справедливости не устояло под натиском тех людей, которые ради обретения власти и богатства готовы разрушить страну при попустительстве остальных людей, прельстившихся обещаниями более высокого уровня потребления по стандартам западного «золотого миллиарда». Значит устремлённости к высотам коммунистической нравственности, помогавшей народу в труднейших испытаниях лишениями и опасностями, не хватило в наиболее благополучные годы развитого социализма, не хватило потому, что духовное богатство перспектив служения общему благу оказалось подменённым представлением о коммунизме как полном удовлетворении материальных запросов.

Вызревшее к нашему времени научное проникновение в тайны мироздания, овладение скрытой в материи энергией и богатейшими конструктивными возможностями, связь этих знаний с задачей преодоления жизненного порога телесной смерти и важнейшее значение высокой нравственности для успешного решения такой задачи, осмысленное усвоение комплекса проблем космического творчества широкими человеческими массами

— словом всё, что мы можем сейчас конкретизировать как условия перехода земного человечества на уровень космической жизни, могло быть обозначено обобщённо религиозными мыслителями 150 и даже 100 лет тому назад как наступление эпохи Святого Духа.

Наступление эпохи одухотворённого социального совершенства в будущем имел в виду и Н.А. Бердяев. Осознав христианские корни основных исторических форм устремления к социальной справедливости и признав важнейшее значение осуществления соответствующих сторон христианской русской идеи в образе жизни социалистического государства, Бердяев называл этот образ жизни и мышления атеистическим коммунизмом и считал атеизм, понимаемый им как синоним антидуховности, главным препятствием для развития светлых сторон коммунизма. Дальнейший прогресс России Бердяев видел в такой одухотворённой форме общества, которая хотя и сменит атеистический коммунизм, но не отбросит его положительных завоеваний, а это по сути и будет не что иное, как синтез христианства с коммунизмом. «В коммунизме есть своя правда и своя ложь. Правда — социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоление классов; ложь же — в духовных основах, которые приводят к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания, которое было уже в русском нигилизме. Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа... Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобождённая от лжи. Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом её главный смысл. Советская конституция 1936 г. создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признаётся, но в форме, не допускающей эксплуатации. Назрел новый душевный тип с хорошими и плохими чертами. Но свободы человека всё ещё нет» [107, с. 264-265, гл. X, ч. 4]. Из других работ Бердяева ясно видно, что для него главное — это свобода духа человека, которую он считает ущемлённой атеистическим мировоззрением. И заканчивает Бердяев свою книгу [107] словами, созвучными предвидению Чаадаева: «Русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлён к Граду Грядущему, к Новому Иерусалиму, но Новый Иерусалим не оторван от огромной русской земли, он с ней связан, и она в него войдёт. Для нового Иерусалима необходима коммюнитарность <общинность>, братство людей, и для этого необходимо пережить эпоху Духа Св., в которой будет новое откровение об обществе. В России это подготавливается» [107, с. 269, гл. X, ч. 4].

Как мыслитель XX века и яркий участник религиозного русского ренессанса, Н.А. Бердяев, конечно, имел своё представление о Святом Ду-

хе, более глубокое и в чём-то более конкретизированное, чем церковное, которое не шло дальше утверждения названия этой ипостаси Бога. Бердяев владеет основными знаниями о Вселенной, добытыми современной ему наукой, но центр его интересов не в этом, а в проблемах космического творчества и в параллелизме макрокосма (Вселенной) и микрокосма — человека. «Человек — малая вселенная, микрокосм — вот основная истина познания человека и основная истина, предполагаемая самой возможностью познания (курсив Бердяева — А.С.). Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, им познаваться и постигаться потому только, что в человеке есть весь состав вселенной, все её силы и качества, что человек — не дробная часть вселенной, а цельная малая вселенная... Человек потому лишь силён познавать мир, что он не только в мире как одна из частей мира, но и вне мира и над миром, превышая все вещи мира как бытие, равнокачественное миру» [119, с. 295, гл. II, §1]. «Судьба человека зависит от судьбы природы, судьбы космоса, и он не может себя отделить от него... Судьба микрокосма и макрокосма нераздельны, вместе они падают и поднимаются... И только человек, занявший место в космосе, уготовленное ему Творцом, в силах преобразить космос в новое небо и новую землю» [119, с. 307, гл. II, §3]. Представление о человеке как микрокосме отсутствует в церковном учении в связи с непониманием церковью макрокосма, обусловленным многовековым невежеством в познании Вселенной и сопротивлением научному познанию её. «Что человек — творец, подобный Богу-Творцу, об этом ничего не раскрыто в сознании отцов и учителей церкви. А христианское сознание было до сих пор сознанием святоотеческим. Святоотеческое сознание не могло видеть в человеке микрокосма, так как не было обращено к макрокосму. Вопрос о положительном, творческом призвании человека в мире даже никогда не поднимался святыми отцами и учителями церкви. Самый радикальный и огненный из отцов св. Исаак Сирианин говорит: “в том и добродетель, чтобы человек не занимал ума своего миром...”» [119, с. 317, гл. II, §5].

Церковь, сосредоточившись на догматах грехопадения человека и искупления его Христом, считает высшей целью спасение человека. Но Бердяев, не отвергая тех догматов, видит их недостаточность. «Спасение от греха, от гибели не есть конечная цель религиозной жизни, спасение всегда *от*, а жизнь должна быть *для*. И многое ненужное для спасения нужно для того, для чего само спасение нужно, для творческого восхождения бытия. Цель человека не спасение, а творческое восхождение, но для творческого восхождения нужно спасение от зла и греха. Эпоха искупления религиозно подчинена эпохе творчества» [119, с. 335-336, гл. III, §3]. В новую эпоху, которую Бердяев помещал если не в современность свою, то в уже обозримое будущее, самым главным становится творчество. «Лишь подвиг свободного творчества обратит человека к Христу Грядущему, подготовит к видению иного образа Абсолютного Человека. И

если для искупления нужно великое послушание, то для творчества нужно великое дерзновение. Лишь великим дерзновением можно узреть Христа Грядущего. В духе послушания навеки будет виден лишь Христос Распятый, лишь аспект Испытателя. Нужна жертва дерзновения, подвиг решимости оттолкнуться от всех безопасных берегов. Нужна добродетель небезопасного положения, способность бесстрашно стать над бездной» [119, с. 337, гл. III, §7].

Бердяев не пользуется термином *Абсолют*, но под Бездной он понимает *Основу Бога*, из которой Бог возникает и творит мир как из *Ничего*. «... из Бездны рождается свет; Бог, совершается теогонический процесс (процесс происхождения Бога — А.С.) и истекает тьма, зло как тень божественного света. Зло имеет источник не в рождённом Боге, а в основе Бога, в Бездне, из которой течёт и свет и тьма. Осмыслить зло можно лишь через внесение принципа развития в божественную жизнь» [119, с. 373, гл. VI, §2]. Эволюция космоса — это непрерывный процесс творчества и человек призван быть сотрудником Бога в этом процессе. «... человек призван к царственной и творческой роли в мире, к продолжению творения» [119, с. 308, гл. II, §3], «к созиданию той прибыли для царства Божьего, имя которой богочеловечество» [119, с. 330, гл. III, §2]. «Идея Творца о человеке головокружительно высока и прекрасна... *Принудительное откровение творчества как закона, как наставления в пути противоречило бы Божьей идее о свободе человека...* Бог не открыл свыше, что Он хочет свободного дерзновения в творчестве. Если бы Бог это открыл и запечатлел в священных письменах, то свободное дерзновение было бы уже ненужно и невозможно. Истина о свободном дерзновении и творчестве может быть открыта только самим человеком, лишь свободным актом дерзновения человека. В этом скрыта великая тайна о человеке. Не может быть божественного откровения этой тайны. Творческая тайна сокрывается человеку и открывается человеком... Бог-Творец премудрым актом своей абсолютной воли исключил из творения своего всякое насилие и принуждение, возжелав лишь свободы своего творения и подвига его» [119, с. 330-331, гл. III, §3]. «Несвободные не нужны Богу, не входят в божественный космос» [119, с. 382, гл. VI, §7].

«Мы стоим у порога мировой религиозной эпохи творчества, на космическом перевале» [119, с. 333, гл. III, §5]. «Религиозная антропология отцов и учителей Церкви ограничена, она не вмещает творческой тайны человеческой природы. Антропология эта всё ещё слишком подавлена сознанием падения человека... Тайна искупления как бы прикрыла творческую тайну о человеке. Остаётся бесконечная дистанция между человеком и Богом... Подлинно христианской религиозной антропологии не могло быть в христианстве святоотеческом, в христианстве вселенских соборов» [119, с. 315, гл. II, §6]. «В христианстве не было ещё откровения творческой тайны космоса, но было слишком много “мира” и того, что от “ми-

ра"... Отношение к "миру" в христианстве было послушанием, доведённым до послушания злу, и не могло ещё быть космическим творчеством» [119, с. 385, гл. VII, §2]. «Из безумной аскетической мистики вывели охранительное жизнеустройство, поддержание ветхих устоев этой жизни, жизни "мира сего"... Дух творческий окончательно признаётся грехом. Само христианство, некогда молодое, новое, революционное, стало дряхлым и ветхим. Предание, которое некогда творилось, было творческой динамикой, превратилось во внешний авторитет, омертвело, заостенело. То, что для других было жизнью, для нас стало мёртвой формулой, внешне нам навязанной. Новый Завет переродился в религию книжников и фарисеев. Христианство так же мертвеет и костенеет перед творческой религиозной эпохой, как мертвел и костенел Ветхий Завет перед явлением Христа» [119, с. 388, гл. VII, §3].

Таким образом, протест Бердяева против атеизма в коммунизме устремлён не на то, чтобы восстановить традиционную церковную веру, как сделано в России после отхода от социализма. Это поверхностный эклектизм, а не диалектический органичный синтез. О клерикализме Бердяев высказывается очень резко. *«Возобладание в Церкви статики над динамикой, омертвление в ней творческого духа и есть результат возобладания в её духовном строе иерархии ангело-звериной над иерархией богочеловеческой. Клерикализм и есть господство ангельского начала в мире вместо начала человеческого. Последствие его — озверение человека... Нарушение иерархического места человека в мире всегда порождает зло и рабство. Ангел не есть высшая иерархическая ступень космоса — такой высшей ступенью является лишь человек-творец, подобный Богу-Творцу»* [119, с. 308, гл. II, §3]. За эти слова, да ещё с добавлением призыва отличать церковь историческую с её ошибками и греховностью от Церкви как мистического тела Христова [106, с. 140, гл. VII, §2], Бердяев вполне достоин отлучения от церкви, и если того не случилось, то разве лишь потому, что по собственному его свидетельству подобные взгляды религиозного ренессанса разделялись лишь узким кругом культурной элиты и были социально бездейственны [там же, с. 144].

Социально бездейственной вплоть до середины XX века оставалась вообще проблема поиска разумной жизни во Вселенной. Очевидной причиной такой бездейственности была всепоглощающая концентрация общества на крупнейших событиях земной жизни, выразившихся в революциях, войнах, подготовке к войнам, преодолении принесённых войнами разрушений. Лишь для некоторых мыслителей поиск внеземного и неземного разума (о различии этих терминов сказано в самом начале § 34) представлял главный интерес в жизни, но только на рубеже XX – XXI веков в сознании общества возникает в заметной мере и растёт интерес к идеям тех мыслителей, которые при всех индивидуальных различиях между ними мы теперь объединяем собирательным термином «космисты». Наибо-

лее мощно это течение философской мысли проявилось в России и именно в России принесло первые научно-технические плоды в виде запуска искусственных спутников Земли и космического полёта человека с помощью ракет, основы конструкции которых заложены великим космистом Константином Эдуардовичем Циолковским (1857-1935). В первой половине XX века нужна была немалая научная и гражданская смелость для того чтобы устремляться наводить мосты через казавшуюся непроходимой пропасть между разумом земных людей и высокоразвитым Космическим Разумом, само существование которого не доказано. Подобные устремления не заслуживали ни одобрения в церковных кругах, ни поощрения в кругах научных, и оставались невостребованными в общественной жизни. Но в последнее десятилетие XX века к идеям русских космистов всё чаще обращаются философы и футурологи, чему заметно способствовали работы Светланы Григорьевны Семёновой и составленная ею совместно с Анастасией Георгиевной Гачевой книга [120]. В большой вступительной статье к этой книге С.Г. Семёнова пишет: «... в России уже начиная с середины XIX столетия вызревает уникальное космическое направление научно-философской мысли, широко развернувшееся в XX веке. В его ряду стоят такие философы и учёные, как Н.Ф. Фёдоров, А.В. Сухово-Кобылин, Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий, Н.Г. Холодный, В.Ф. Купревич, А.К. Манеев. В философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения — В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева — также выделяется линия, близкая пафосу идей русского космизма» [120, с. 3].

Странно (а может быть и симптоматично) что в этот перечень не включены имена Н.К. Рериха и Е.И. Рерих. Но в сознании людей, увлечённых в наши дни проблемой космического разума, деятельность Рерихов неразрывно связана с той вершиной, к которой ведут в качестве подготовительных ступеней искания русских космистов. И именно широта направлений тех исканий, разнообразие оттенков, способных служить причиной непримиримых для поверхностного взгляда разногласий между ними, обретает признание и оправдание в Учении Живой Этики, вмещающем в свою глубину и многогранность органично, а не эклектично, истоки великих мировых религий и наиболее значительных философских обобщений, включая атеистические. Сейчас можно понять, что сама широта поисков космического разума необходима для восприятия космической этики в наибольшей полноте без искусственных ограничений проявившимися в истории рамками религиозных и научных откровений. И если бы эта пестрота концепций не возникала как стихийное следствие процессов вызревания и развёртывания культуры, её следовало бы преднамеренно инициировать для воспитания свободного космического сознания без ущемления какими-либо односторонностями сектантского характера.

В «Розе мира» [117] и в книгах Живой Этики можно встретить указания на специальные усилия, предпринимаемые высшими разумными существами для формирования характерных черт того или иного народа и этапов его развития. Например, в «Гранях Агни Йоги» читаем: «За годы, а иногда и за столетия Намечаем нужное сочетание, и потому по-человечески невозможно предусмотреть, какое условие или положение в настоящем является ступенью формируемого будущего» [91, т.1, с. 43-44, 25.02.1960]. А в книге [121] дано следующее пояснение. «Не мало времени требуется, чтобы сложить кристалл сущности народа. При многолюдии трудно бывает распознать, где показывается истинная /сущность/ природа народа. Неопытному наблюдателю могут показаться поверхностные черты и затемнить сущность. Поэтому Мы так советуем научиться терпению и наблюдательности, чтобы после не жалеть о легкомысленных суждениях. Люди привыкли судить легкомысленно, они надеются, что никогда не поздно изменить решение. Но изменить очень похоже на измену, иначе говоря, на свойство, которое нам особенно отвратительно. Не может быть легкомыслия там, где обсуждается психология целого народа и значение целой эпохи. Могут сказать “Нелегко усмотреть глубину реки при бегущих волнах”. Но для этого даются Наставления, которые касаются самых разнообразных сторон бытия — не случайный сборник речений, но мозаика всей жизни. Пусть путник изберёт, по каким камням перейти реку» [121, с. 387, § 468]. Это пояснение имеет совершенно определённый адрес — русский народ.

«... при изучении наставлений следует иметь в виду не только содержание их, но и язык, на котором они даны. Учение даётся не без причины на определённом языке. Можно исследовать все Учения от давних времён и понять, что данный язык показывает, какому народу подлежит проявить ступень восхождения. Иногда полагают, что Поучение даётся на том языке, который ближе получателю, но такое пояснение недостаточно. Нужно наблюдать причины во всей их полноте. Ничто не бывает случайно. Получатель Учения не случаен, и язык избран по надобности. Можно видеть, как Наставления давались на разных языках, и всегда эти условия соответствовали важным обстоятельствам, которые имели и мировое значение. Так язык, на котором даётся Учение, своего рода дар известному народу. Не подумайте, что тем самым Учение теряет своё мировое значение. Каждая истина общечеловечна, но каждый период имеет своё задание, и каждый народ имеет свою обязанность» [121, с. 386, § 468]. Книги «Живой Этики» воспринимались Рерихами, для которых русский язык был родным. На русском языке выполнены первичные записи и окончательная редакция текстов, а также первые издания книг. Да и в самом содержании книг немало указаний на то, что они предназначены в первую очередь России, русскому народу, которому и «подлежит проявить ступень восхождения».

Что же это за ступень? Книга [121] дана в 1937 году, т.е. уже после принятия VIII съездом Советов СССР Конституции, которая «закрепила тот всемирно-исторический факт, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу, где руководящим началом общественной жизни должен быть коммунистический принцип: “От каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям”» [122, с. 331, гл. XII, §3]. Н.А. Бердяев назвал эту Конституцию «самым лучшим в мире законодательством о собственности» [107, с. 265, гл. X, ч. 4], но считал необходимым наступление высшей стадии — «эпохи Духа Св., в которой будет новое откровение об обществе». Разве не содержится такое откровение в Учении Живой Этики, дающем углублённые представления о материи, о не проявленных ещё возможностях человека, его месте и роли в процессах космического творчества? Сейчас бросается в глаза, что в тексте «Истории ВКП(б)» высказывание К. Маркса о коммунизме цитировано в усечённом виде, выдвигающем на роль «руководящего начала общественной жизни» принцип распределения изобильного общественного продукта («по потребностям»). Между тем у Маркса необходимое для этого высокое развитие производительных сил указано как следствие «всестороннего развития индивидов», для которых «труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни» (см. в начале §43 цитату [111]). Конечно, коммунистическое руководство уделяло много внимания тому, что принято было называть духовным развитием народа, ростом его духовных потребностей, и эффект интеллектуального и нравственного воспитания масс был велик. Недаром в наше время, когда очернение социалистического прошлого ещё продолжается, участилось появление на телевизионных экранах добрых советских кинофильмов как противоядия растлевающему воздействию западных и российских «стимуляторов адреналина», смакующих убийства, грабежи, воровство, обман, взяточничество, постельные сцены. Но просвещение в рамках классического научного мировоззрения, сыгравшее прогрессивную роль в истории, становилось уже недостаточным к концу XX века. По мере того как снижалась действенность пафоса революции, строительства социализма и защиты отечества, должно было выявляться просвечивание новой сверхзадачи, которая, не умаляя героики былых побед, открывала бы новые горизонты, не ограниченные потребительством и превосходством перед странами Запада. Указание на сверхзадачу не усмотрели в наступлении космической эпохи, не разглядели за рождаемыми ею научно-техническими задачами задач этических, связанных с новым мировоззрением, переход к которому уже вызрел в комплексе наиболее новаторских открытий науки XX века.

А ведь ещё Ленин в беседе с Г. Уэллсом 6 октября 1920 г. (за неделю до подписания мирного договора с Польшей и за 6 недель до изгнания

Врангеля из Крыма), в крайне напряжённой военно-политической обстановке и в условиях величайшей разрухи, мог охватить своим сознанием последствия космического контакта. В книге «Россия во мгле» Уэллс не упоминает об этом, но он сделал запись, которую «извлекла на свет французская газета “Пари-пресс” в связи с полётом советской ракеты на Луну: “Ленин сказал, что читая его (Уэллса) роман “Машина времени”, он понял, что все человеческие представления созданы в масштабах нашей планеты, они основаны на предположении, что технический потенциал, развиваясь, никогда не перейдёт “земного предела”. Если мы сможем установить межпланетные связи, придётся пересмотреть все наши философские, социальные и моральные представления; в этом случае технический потенциал, став безграничным, положит конец насилию как средству и методу прогресса”» [123]. Несерьёзным будет то возражение, что «межпланетные связи», о которых сказал Ленин, до сих пор не установлены. Просто в 1920 году в духе классического научного мировоззрения межпланетные связи разумных существ представлялись единственной возможной формой космического контакта. Но суть не в том, *каким путём* земные люди узнают о существовании во Вселенной разума, достигшего более высокого развития и постижения действительности, а в том, что мы вообще об этом узнаем, или, по крайней мере, поднимемся до понимания задач, встающих перед разумом космического уровня могущества. Даже если не признавать миссию Христа акцией космического разума и отвернуться от Учения Живой Этики по примеру Архиерейского Собора 1994 г. Русской Православной Церкви, никуда не уйти от того, что проблемы космизации жизни земного человечества уже стоят в повестке дня и уже требуют кардинальных поправок к нашим философским, социальным и моральным представлениям в качестве необходимой предпосылки для спасительного изменения образа мыслей и образа жизни. Об этом и не замедлили предупредить Советское правительство Махатмы в первый же благоприятный по их расчёту момент в 1926 г.

Для нас сейчас главный вопрос заключается в том, насколько способна Россия осуществить синтез двух предшествующих этапов своей истории, не остановиться в состоянии социальной и духовной обессиленности перед ролью первопроходца, прокладывающего земному человечеству путь в космическую эру. Если она этой роли не исполнит, то обречёт на бесплодность огромные усилия и жертвы своего народа и предаст его мессианскую идею. Н.А. Бердяев в дискуссии вокруг его книги [119] «Смысл творчества» резко ответил летом 1916 г. статьёй «Апофеоз русской лени» В.В. Розанову, видевшему историческое призвание Руси в жизни «ради самого процесса жизни». «Перед Россией, — писал Бердяев, — стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между “величием”, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, “скромного” пути для России нет...

Величие России мы менее всего склонны мыслить как притязание на мировое господство, на всемирное земное царство. Мы верим в жертвенный дух России, в её светлую миссию, в избрание её онтологическим характером пути правды» (цитировано по [119, с. 589, примечания]).

Если не мы, то кто же? Какой ещё народ, кроме нашего, проложившего путь к социализму как своей судьбе и жившего по принципам социализма на протяжении трёх четвертей века, способен глубже и ярче чувствовать преимущества товарищеских отношений между людьми, особенно после нынешней разобщённости и опасливости, заставляющих прятаться за стальными дверями с охранной сигнализацией? Какому ещё народу по душе ближе служение общему благу, плоды которого зримо возвращаются людям в виде бесплатного медицинского обслуживания в любом городе и селе, гарантированного права на труд и улучшение жилищных условий за счёт государственного жилого фонда, возможности пользоваться широкой сетью санаториев, домов отдыха, пионерских лагерей, доступности поездок на любые расстояния в большой стране и многих других утраченных теперь льгот? Какой ещё народ способен воспринимать как нравственное уродство равнодушие к обездоленным, страсть к наживе, чрезмерной барской роскоши, карьеризму? Благородные черты народного характера призван заглушать и по возможности искоренять нынешний образ жизни во имя “священного права частной собственности”, возникшей путём расхищения общенационального достояния. Но именно народ, испытавший горечь утраты материальных преимуществ и нравственной чистоты и вдохновенности общинной жизни, способен более иных народов обратиться к построению новой общины, свободной от прежних недостатков.

Фундаментальный недостаток классического социализма, осуществлённого в СССР, заключался в господстве на правах государственной идеологии того мировоззрения, которое хотя и сыграло прогрессивную освободительную роль в новой истории, перестало быть в XX веке выражением передовых позиций процесса научного познания. На уровне расхожих штампов этот недостаток обозначают термином *атеизм*, а преодолением недостатка считают обращение к православной святоотеческой вере и исполнению церковных обрядов, включая материальную поддержку церкви. Это ещё вызывает некоторый интерес как новинка для людей, воспитанных в атеизме, но интерес поверхностный, что сказывается даже в моде носить нателный крестик как ювелирное украшение поверх платья. Однако поверхностное восприятие Учения Христа является большой нравственной и интеллектуальной ошибкой как в индивидуальной жизни, так и в жизни государства. Тяжёлые последствия фарисейского отношения к этому космическому откровению человечество переживает по сей день. И русскому ли народу, преодолевавшему религиозное лицемерие на протяжении столетия и добивавшемуся фактического исполнения хотя бы в атеистической форме заповедей Христа, касающихся социальной справедливости,

снова подпадать под влияние церковного ханжества? На глубинах и высотах философской мысли русского космизма снимается примитивизм противопоставления канонической веры в Бога признанию разумных творческих сил во Вселенной, но эта философия ещё не освоена сознанием общества и даже лишь в малой степени привлекает к себе внимание его научно-авангарда. В результате широкие круги наших сограждан проводят годы жизни в состоянии философского индифферентизма и социальной пассивности. Нетрудно догадаться, кому это выгодно.

В постсоветское время на Россию обрушилась грозная опасность наркомании. Социальное неблагополучие может стимулировать её распространение, но корень уязвимости этой болезнью заключается в отсутствии жизнеутверждающего мировоззрения и утрате смысла жизни. Если атеистическое мировоззрение и лишало человека надежды на личное бессмертие, то в сочетании с действенной идеологией коллективизма и служения общему благу обостряло чувство ответственности за свои поступки и судьбы близких людей, вдохновляло стремлением улучшать жизнь современников и потомков, окрыляло ощущением личной причастности к великому общему делу. А какую светлую цель перед собой будет видеть рядовой гражданин страны, исповедующей рыночную идеологию личного обогащения, тем более если это обогащение не удаётся? Ведь что ни говори, а процент богатых или достаточно состоятельных людей очень невелик, особенно в России. Да и жизнь богатого отравляется шкурным страхом утраты богатства или разоблачения преступных путей его обретения. Спасёт ли вера в Бога? Но какая вера в Бога у тех, кто служит маммоне? Не более чем показная, а такая не укрепит, не согреет, не просветлит. Недаром сам основатель христианской веры сказал, что трудно богатому войти в Царство Небесное. Не менее трудно собирать сокровища на небе тому, кто в действительности считает самым важным делом собирание сокровища на земле. Есть над чем задуматься, если именно в годы восстановления единения церкви с государством и поощрения церковной религиозности наркомания стала серьёзной проблемой в стране. Значит религия не доносит до массового сознания ту истину, что жизнь земная является великим даром надземных сфер разума и должна приносить им ожидаемое приращение. Значит проповедь Учения Христа в форме тысячелетних традиций без учёта и активного привлечения завоеваний наук о природе и обществе становится неэффективной. Все усилия противодействия наркобизнесу административными мерами и разъяснением вреда наркомании не искоренят тягу к наркотикам у людей, ценящих только сиюминутное удовлетворение. Подчинить же свои стремления высоким и дальним целям, достойным масштабов космического творчества, смогут лишь те люди, которым откроются перспективы такого творчества на путях познания истины и совершенствования общества. Направлять сознание в это русло — значит бороться с причинами социальных болезней, а не с симптомами их.

Последние два десятилетия в общественное сознание усиленно внедряется отрицательное отношение к социалистическому периоду истории России. Тем самым убедительно демонстрируется, что пришедшие к власти приверженцы частной собственности и традиционно поддерживающая их церковь далеки от понимания глубокого исторического смысла отката от социализма как второго отрицания и предпосылки синтеза в диалектической триаде этапов эволюции. Эти слои общества стремятся абсолютизировать принесшее им победу и богатство отрицание социализма как односторонний возврат к прошлому дореволюционному тезису, преодолённому в первом отрицании. За столь слепой сектантский эгоизм расплачивается народ упадком материального благосостояния и культуры, утратой исторического смысла жизни и физическим вырождением в виде убыли населения по миллиону человек ежегодно, резкого снижения средней продолжительности жизни и массового ухудшения здоровья. Такая ситуация свидетельствует, что от нынешних хозяев экономики и политики не приходится ждать заинтересованности в синтезе мировоззренческих и социальных ценностей истории страны, их больше устроит растягивание паузы между вторым отрицанием и синтезом, которому они скорее постараются воспрепятствовать, чем способствовать. Но это не путь прогресса, и уж во всяком случае не путь возрождения России, ибо возрождение возможно только при одобрении и широчайшем участии народных масс. Пусть народ ещё не осознал задачи близкого будущего, осознание должно начаться с интеллигенции, но ощутить перспективность предложенного пути как соответствие национальной идее народ способен, что доказано предшествующими этапами частичных воплощений русской идеи.

В начале XX века коммунистическое движение одержало крупнейшую победу в идеологии, и за этим последовал ряд побед в политике, экономике, военных сражениях, доказывая тот марксистский тезис, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [12]. В конце XX века коммунистическая идеология потерпела поражение в психологической войне с миром капитала, и за этим последовал распад СССР и захват антикоммунистами политических и экономических рычагов управления. Эти победы и поражения не были случайными историческими зигзагами, но совершались как осуществление ближайших эволюционных задач и подготовки фундамента для дальнейшего развития. Отрицание отрицания является необходимой предпосылкой синтеза, и коммунистам следовало бы взять в свои руки контроль над этим переходом, инициировать и возглавить его, что, по-видимому, и имели в виду Учитель Живой Этики в 1926 году. Помешал такому бескризисному варианту развития недостаток глубины и широты мировоззрения, а в жизни общества право на победу в виде большой её вероятности достаётся тем силам, которым удаётся увидеть и выразить необходимость очередного шага эволюции. Необходимость синтеза христианской веры и социальной справед-

ливости давно предвидена глубокими мыслителями. В осуществлении этого синтеза с выходом на космическую этику с позиций формирующегося сейчас нового научного мировоззрения могут быть заинтересованы больше всего сторонники коммунистической идеи. Прежде коммунисты не придавали значения выяснению и пропаганде того, что в великих мировых религиях, а в христианстве особенно, заложены представления о справедливых и разумных отношениях между людьми, составляющих стержень коммунистических идеалов. Такой взгляд не соответствовал бы атеизму классической теории коммунизма и стремлению черпать аргументы в её пользу в самой текущей жизни, а не в древних преданиях, которые стремились отрицать как успешно используемые для защиты интересов эксплуататорских классов. Теперь положение изменилось, и «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мф., 21, 42; Пс., 117, 22).

§ 45. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Суждения о коммунистическом движении с позиций очевидности настоящего времени — тема политологии и в качестве таковых подвержены влиянию многих факторов конъюнктурного характера. В оценке прошлого возможна большая объективность или, по крайней мере, более определённая поляризация оценок с мировоззренческих позиций. Оценка будущих перспектив всецело зависит от мировоззрения, и это вовсе не плохо, потому что в мировоззрении выражается наибольшая обобщённость понимания смысла исторических событий и индивидуальной жизни.

Успехи коммунистического движения в первой половине XX века обусловлены тем, что оно решало очень важную проблему эволюции человечества. Пожалуй наиболее ярко суть этой проблемы, хотя и в фантастической гротескной форме, сумел выразить Герберт Уэллс в романе «Машина времени» (1895 г.), широко известном, но недостаточно осмысленном как глубокая оценка опасной исторической тенденции. Общество будущего в книге Уэллса распадается на морлоков, одушевлённых придатков машин, и злоев, бессильных, безвольных, беспечных потомков эксплуататорских классов, способных только предаваться сиюминутным развлечениям и служащих пищей морлокам. За гротеском фантаста видна вполне здравая мысль о том, что экстраполяция в будущее положения, сложившегося к концу XIX века, закроет перед человечеством путь к прогрессу именно тем, что отстраняет от приобщения к культуре большую часть общества. С такой точки зрения никто не оценивал вред и опасность резкого социального неравенства, хотя само по себе неравенство вызывало возмущение и гнев неимущих и беспокойство у некоторых пре-

дставителей имущих классов. Если же взглянуть на эту проблему без гротеска, но зато с высоты уже минувшего XX века, то не подлежит сомнению, что достигнутые успехи цивилизации были бы невозможны при столь бедственном положении трудящихся, которое было повсеместным на протяжении XIX века.

В первой половине XIX века технические достижения и социальные язвы капитализма наиболее ярко проявились в Англии. Фридрих Энгельс на основании собственных наблюдений жизни фабричных рабочих, а также анализа газетных публикаций и отчётов общественных и правительственных комиссий написал книгу [124] «Положение рабочего класса в Англии», которую Ленин назвал «ужасным обвинением капитализма и буржуазии» [125, с. 9]. В предисловии к книге Энгельс пишет: «в своей завершённой *классической форме* условия существования пролетариата имеются только в Великобритании и именно в самой Англии, и к тому же только в Англии необходимый материал собран достаточно полно и подтверждён официальными расследованиями так, как это требуется для сколько-нибудь исчерпывающего изложения вопроса... Те же коренные причины, которые привели в Англии к нищете и угнетению пролетариата, существуют и в Германии, и они должны с течением времени привести к тем же результатам» [124, с. 238-239]. В источниках, которыми мог пользоваться Энгельс, не было сводной статистики по всей Англии; в лучшем случае были сводные данные по графствам и городам, но все они рисуют достаточно однообразную картину бедственного положения трудящихся.

Пастор одного из приходов в самом крупном рабочем районе Лондона сообщает, что «нередко муж, жена, четверо-пятеро детей, а иногда и бабушка и дедушка ютятся в одной единственной комнате в 10–12 футов в квадрате (такова длина стороны квадрата, что соответствует площади 9–13 м² — А.С.) и здесь работают, едят и спят... Во всей округе едва ли найдётся один отец семейства из десяти, у которого есть другая одежда, кроме рабочего платья, да и то состоит из одних лохмотьев; многим из них нечем покрыться ночью, кроме этих же лохмотьев, а постелью им служит лишь мешок с соломой или стружками» [124, с. 268]. «И всё же тот, кто имеет хоть какой-нибудь кров, — пишет Энгельс, — счастливее по сравнению с бездомными. В Лондоне каждый день 50 тыс. человек, просыпаясь утром, не знают, где они проведут следующую ночь. Счастливейшие из них, которым удаётся приберечь до вечера пару пенсов, отправляются в один из так называемых ночлежных домов... и за свои деньги находят там приют. Но какой приют! Дом сверху до низу заставлен койками; в каждой комнате по четыре, пять, шесть коек... На каждой койке спят по четыре, по пять, по шесть человек... — больные и здоровые, старые и молодые, мужчины и женщины, пьяные и трезвые, все вповалку, без разбора... А те, которые не могут заплатить и за такой ночлег? Те спят, где придётся — в пассажах, под арками или в каком-нибудь углу» [124, с. 270].

Рабочие кварталы располагаются в самых неблагоприятных по климатическим условиям районах, чрезмерно тесно застроены и загрязнены. Обобщая результаты странствований по рабочим районам Манчестера, Энгельс свидетельствует, «что почти все 350 тыс. рабочих Манчестера и его предместий живут в плохих, сырых и грязных коттеджах, а улицы, на которых расположены эти коттеджи, большей частью находятся в самом скверном, в самом запущенном состоянии, построены без всякой заботы о вентиляции, с одной только заботой — о большей прибыли застройщику; короче говоря, в рабочих коттеджах Манчестера невозможно ни поддерживать чистоту, ни соблюдать удобства, а потому нет места и домашнему уюту; в этих жилищах могут чувствовать себя хорошо и уютно только люди вырождающиеся, физически опустившиеся, потерявшие человеческий облик, интеллектуально и морально дошедшие до состояния животного. И не я один это утверждаю» [124, с. 299-300]. «То, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мерилom того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих. Что в этих грязных дырах может жить лишь оборванное и плохо питающееся население, легко можно предположить. И так оно и есть. Одежда у огромного большинства рабочих находится в самом скверном состоянии. Самый материал, из которого она делается, далеко не подходящий; полотно и шерсть почти совершенно исчезли из гардероба как женщин, так и мужчин, и их место заняли хлопчатобумажные ткани» [124, с. 302].

«Торговцы и фабриканты фальсифицируют все съестные продукты самым бессовестным образом, совершенно не считаясь со здоровьем тех, кому придётся эти продукты потреблять... Разумеется, дело не ограничивается одной фальсификацией съестных припасов, примеры которой я мог бы ещё привести дюжинами, в том числе и подлый обычай подмешивать к муке гипс или мел. Обман практикуется повсюду: фланель, чулки и т.п. растягивают, чтобы они казались длиннее, и после первой же стирки они опять садятся; сукно, которое на полтора или три дюйма уже, чем полагается... и тысячи подобных мошенничеств... Но английских рабочих надувают не только на качестве, их надувают и на количестве товаров. У мелких торговцев большей частью неправильные меры и весы, и в полицейских отчётах можно ежедневно прочесть о невероятном количестве штрафов за такого рода нарушения» [124, с. 306-307].

Чрезмерная продолжительность рабочего дня, причём не только мужчин, но также женщин и детей — настолько заметный фактор бедственного положения трудящихся, что пришлось принимать специальные законодательные акты для его ограничения, которые, впрочем, широко нарушались. «Отчёт центральной комиссии сообщает, что на фабриках дети изредка начинали работать с пятилетнего возраста, чаще — с шестилетнего, очень часто с семилетнего и большей частью с восьми-девятилетнего возраста, что рабочее время продолжалось часто 14–16 часов в день (не

считая перерыва на еду), что фабриканты позволяли надзирателям бить детей и часто сами давали волю рукам... Другие фабриканты поступали ещё более варварским образом: они заставляли многих рабочих работать 30–40 часов подряд, и это *по нескольку раз в неделю*... Последствия такой системы обнаружались довольно скоро: докладчики комиссии сообщают о множестве встреченных ими калек, которые обязаны своим уродством исключительно продолжительному рабочему времени» [124, с. 381-382]. «В своих отчётах за октябрь и декабрь 1843 г. инспектора Хорнер и Сандерс сообщают, что в тех отраслях, где можно обойтись без детского труда или заменить его трудом оставшихся иначе без работы взрослых, многие фабриканты заставляют работать 14–16 часов и более. Здесь работает особенно много молодых людей, едва вышедших из охраняемого законом возраста» [124, с. 401].

В отраслях, занятых изготовлением предметов роскоши, продолжительность рабочего дня даже превосходит фабричную. В кружевном производстве «самым нездоровым следует признать труд детей, выдёргивающих нитки из готовых кружев; это большей частью дети семи, даже пяти и четырёх лет... Постоянное высматривание в сложном кружевном узоре одной и той же нитки, которую надо выдёргивать при помощи иголки, очень вредно сказывается на глазах, в особенности если работа, как это обычно бывает, продолжается в течение 14 или 16 часов. В лучшем случае развивается очень сильная близорукость, а в худшем, который встречается довольно часто, неизлечимая слепота как следствие катаракты» [124, с. 417]. «Как это ни удивительно, изготовление именно тех предметов, которые служат для украшения *буржуазных дам*, сопровождается самыми печальными последствиями для здоровья занятых этим рабочих. Мы уже столкнулись с этим, когда говорили о производстве кружев, а здесь мы докажем это на примере лондонских модных лавок... Во время фешенебельного сезона, который продолжается приблизительно четыре месяца в году, число рабочих часов даже в лучших предприятиях доходит до 15 в день, а в случае срочных заказов — до 18. Но в большинстве мастерских в этот период работают без какого-либо ограничения времени, так что девушки никогда не имеют на отдых и сон более шести часов, а часто всего только три или четыре, а иногда и два часа в сутки. Таким образом они работают от 19 до 22 часов в сутки, если — что бывает довольно часто — не работают всю ночь напролёт» [124, с. 433-434]. «С не меньшей жестокостью, но только менее непосредственно, эксплуатируются в Лондоне *швей* вообще... они гнут спину над работой, шьют с 4-5 часов утра до полуночи, в несколько лет разрушают своё здоровье и готовят себе раннюю могилу... между тем как внизу по улице проносятся блестящие экипажи крупной буржуазии и, быть может, тут же поблизости какой-нибудь ничтожный денди проигрывает в один вечер в фараон больше денег, чем они могут заработать в течение целого года» [124, с. 435-436].

Особенно трудна и опасна работа горнопромышленных рабочих. «Многие умирают в молодые годы от скоротечной чахотки, а большинство — в самом цветущем возрасте от медленной чахотки... рабочие рано старятся и между 35 и 45 годами теряют работоспособность» [124, с. 465]. «... подверглось разорению и мелкое крестьянство... Вместо того чтобы оставаться по-прежнему земельными собственниками или арендаторами, мелкие крестьяне были вынуждены, забрасывая собственное хозяйство, пойти в батраки к крупным фермерам-арендаторам и к лендлордам» [124, с. 482]. «Нужда в сельскохозяйственных округах с каждым годом возрастает. Люди живут в величайшей нищете, целые семьи должны существовать на 6, 7 или 8 шилл. в неделю, а по временам и этого не имеют» [124, с. 484].

Приводя заключительные высказывания Ф. Энгельса, я позволю себе выделить некоторые мысли жирным шрифтом, которого нет в подлиннике. «Итак, мы рассмотрели положение пролетариата Британских островов во всех отраслях его деятельности и повсюду нашли нищету, нужду и совершенно не соответствующие человеческому достоинству условия жизни. Мы видели, как вместе с ростом самого пролетариата зародилось и росло недовольство, как оно ширилось и приняло организованные формы; мы видели открытую, кровавую и бескровную, борьбу пролетариата против буржуазии. Мы исследовали принципы, определяющие судьбу, надежды и опасения пролетариев, и нашли, что нет никаких перспектив на улучшение их положения» [124, с. 495]. «... английскому народу, вероятно, надоест безропотно терпеть эксплуатацию капиталистов и умирать с голоду, когда капиталисты перестают в нём нуждаться. Если до этого времени английская буржуазия не образумится, — судя по всем признакам, с ней этого не случится, — то наступит революция, с которой ни одна из бывших до сих пор революций сравниться не сможет... Война бедных против богатых будет самой кровавой из всех войн, которые когда-либо велись между людьми» [124, с. 515]. «В Англии легче, чем где бы то ни было, быть пророком потому, что составные элементы общества получили здесь такое ясное и чёткое развитие. Революция неизбежна... но революция может принять более мягкие формы... Это будет зависеть не столько от развития буржуазии, сколько от развития пролетариата. Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция. **По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признаёт лишь её историческое значение для настоящего, но отрицает её необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих порабощителей как необходимость, как наиболее важный рычаг начинающегося рабочего движения; но коммунизм идёт дальше этого ожесточения, ибо он является**

делом не одних только рабочих, а всего человечества. Ни одному коммунисту в голову не придёт мстить отдельному лицу или вообще думать, что тот или иной буржуа при существующих отношениях мог бы поступить иначе, чем он поступает... Если бы вообще возможно было сделать весь пролетариат коммунистическим до того, как борьба развернётся, она протекла бы очень мирно. Но это теперь уже невозможно: слишком поздно! Я полагаю, однако, что до начала *воплне* открытой, непосредственной войны бедных против богатых, ставшей теперь неизбежной в Англии, удастся, по крайней мере, настолько распространить в рядах пролетариата ясное понимание социального вопроса, что коммунистическая партия при благоприятных обстоятельствах окажется в состоянии с течением времени преодолеть жестокие и грубые элементы революции и предотвратит повторение 9 термидора (контрреволюционный переворот 1794 г. во Франции, приведший к падению революционно-демократической якобинской диктатуры и к контрреволюционному террору крупной буржуазии — А.С.). К тому же опыт Франции не пропадёт даром, да и теперь уже большинство вождей чартистского движения — коммунисты... Для мирного исхода уже слишком поздно. Классы обособляются всё резче, дух сопротивления охватывает рабочих всё больше, ожесточение крепнет... и скоро достаточно будет небольшого толчка, чтобы привести лавину в движение. Тогда действительно раздастся по всей стране боевой призыв: «Война дворцам, мир хижинам!», но тогда для богатых будет уже слишком поздно принимать меры предосторожности» [124, с. 516-517].

Хотя это «пророчество» не сбылось в Англии, поразительна глубина и ясность его крупных черт в масштабах всемирных и исторических. А то, что «по принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом» и «является делом не одних только рабочих, а всего человечества» — остаётся призывной целью для наших дней и близкого будущего. Именно всемирностью и историчностью задачи обусловлено то, что противоречиям и определённости расслоения общества, которые проявились в Англии к концу первой половины XIX века, предстояло вызреть и в других странах. Роман Эмиля Золя «Жерминаль», повествующий о событиях во Франции через два десятилетия после выхода в свет книги [124] Энгельса, служит яркой иллюстрацией к последней, а в России рабочий класс начал ускоренными темпами формироваться и организовываться для борьбы за улучшение условий жизни в 70-е т 80-е годы XIX века. «В 80-х годах рабочий день на фабриках и заводах был не менее 12,5 часов, а в текстильной промышленности доходил до 14 – 15 часов. Широко применялась эксплуатация женского и детского труда. Дети работали столько же часов, сколько и взрослые, но получали, так же как и женщины, значительно меньшую заработную плату. Заработная плата была непомерно низка» [122, с. 8, гл. I, §1]. Когда же в России сложилась революционная ситуация и свершилась социалистическая революция, то против

неё выступили солидарно правительства капиталистических государств, организовавших военную интервенцию. И после победы молодой Советской страны в Гражданской войне противодействие капиталистического окружения миру социализма было глубинной подоплёкой международных отношений вплоть до распада СССР, после чего противодействие получило антироссийскую направленность. Последнее обстоятельство весьма симптоматично. Оно свидетельствует, что либо капиталистическое окружение не вполне доверяет надёжности нынешнего антисоциалистического курса России, либо вообще чувствует в России нечто, хоть ещё и не проявившееся, но чуждое капиталистическому образу жизни и опасное для него. Во всяком случае, факт реставрации капитализма в России означает, что сама по себе победа пролетариата над буржуазией ещё не решает той задачи коммунизма, которая «стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом» и «является делом не одних только рабочих, а всего человечества». Опыт СССР убедительно показал, что победа пролетариата над буржуазией решает задачу улучшения условий жизни трудящихся, но не решает сверхзадачу коммунизма, тем более, когда она даже ещё не осознана. Таким образом, дело коммунизма пока сделано в лучшем случае наполовину, а другую половину ещё предстоит делать, и потому потребность в коммунистическом движении не иссякла.

По большому счёту успехи коммунистического движения в первой половине XX века обусловлены тем, что оно шло в русле решения насущной проблемы человечества на том историческом этапе. Эта проблема, способная, как сказано выше в связи с романом Уэллса «Машина времени», преградить путь к развитию культуры и прогрессу производства, заключалась в крайне бедственном положении непосредственных производителей материальных ценностей, которое ухудшилось даже по сравнению с докапиталистическим периодом. Эксплуатация неимущего большинства общества имущим меньшинством всегда имела место при господстве частной собственности на средства производства, и даже на самих тружеников, что вызывало время от времени восстания рабов и крестьянские войны. Но восстания не были успешными, пока они не в силах были изменить способ производства с присущими ему производственными отношениями. Бедственное положение эксплуатируемых было на протяжении тысячелетий неизбежной платой за то, чтобы в кругах эксплуататорского меньшинства могли развиваться науки, искусства, культура, так необходимые для прогресса человечества. Но когда капитализм развил производительные силы настолько, что производимого продукта могло хватать для безбедного существования всех людей при условии более равномерного распределения, в обществе начало созревать обоснованно нетерпимое отношение к избыточному потреблению эксплуататоров. При этом капитализм создал класс пролетариев, способный объединить свои усилия в систематической организованной борьбе за улучшение условий жизни.

В 1843 г., за пять лет до появления «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, Генрих Гейне писал в «Романтической школе»: «Мы делали измерения земель, исследовали силы природы, высчитывали средства промышленности — и вот, наконец, нашли, что эта земля достаточно велика; что она даёт каждому человеку достаточно места для того, чтобы построить себе на нём хижину своего счастья; что эта земля может прилично питать всех нас, если мы все хотим работать и не жить один за счет другого; и что нам нет никакой надобности отсылать более многочисленный и более бедный класс к небу». Более известны строки, написанные годом позже в поэме «Германия»:

«Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем:
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.
При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!

Отныне ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.
А хлеба хватит нам на всех —
Устроим пир на славу!
Есть розы и мирты, любовь, красота
И сладкий горошек в приправу!»

Цель спасения цивилизации не вырисовывалась с такой ясностью на рубеже XIX–XX веков, с какой она становится видной в начале XXI века, а мысль об отмене несправедливого распределения материальных благ в обществе и о желательности повышения благосостояния близка каждому труженику. В связи с этим во главу угла коммунистической идеологии и коммунистического движения конца XIX и начала XX веков легла идея об установлении политического и экономического равенства всех людей и о максимальном удовлетворении растущих потребностей.

Многие деятели культуры и политические организации приложили усилия к тому, чтобы необходимость более справедливого устройства общества утвердилась в осознании широких масс людей. Российские коммунисты во главе с Лениным сумели наиболее эффективно использовать это направление народной мечты и посмели решительно приступить к её воплощению. И в основном та задача была решена не только прямыми акциями социалистического строительства, но и косвенно в передовых капиталистических странах. Опасаясь заразного примера российского социализма, господствующие классы этих стран вынуждены были пойти на ограничение рабочего дня, повышение жизненного уровня трудящихся, доступность для них среднего и высшего образования. Это конечно шло на благо человечеству, но и ослабляло психологически восприятие преимуществ коммунизма в их классическом, недостаточно глубоком понимании. Ведь если при капитализме можно решать задачи улучшения жизни народа, то, казалось бы, зачем нужен коммунизм? Именно эта мысль была положена в основу всей антикоммунистической психологической войны в мировом масштабе и антикоммунистической пропаганды в России.

Но если в России легко было обещать в 1991 г. достижение всеобщего благоденствия через 500 дней после отмены советской власти, то по ис-

течении 18 лет о тех обещаниях новая власть уже не вспоминает, хотя и не потому, что обещанное сбылось, а потому, что неловко властям вспоминать о том, когда материальная обеспеченность подавляющего большинства населения упала в несколько раз. Теперь во время крупнейшего всемирного экономического кризиса и в странах “золотого миллиарда” материальное благополучие пошатнулось, а людей успокаивают тем, что на смену спаду должен прийти, как и прежде бывало, подъём. Но это, пусть даже временное, ухудшение отвлекает внимание от неуклонно надвигающегося шаг за шагом ухудшения экологической и климатической обстановки на планете. Предпринять сколько-нибудь эффективные защитные меры мешает эгоизм капиталистических корпораций и защищающих их интересы государств. Когда опасность неблагоприятных глобальных изменений станет очевидной для всех, то возможно будет поздно заниматься улучшением общественных отношений. Делать это нужно уже сейчас, причём не столько с позиций страха, хотя осознание угроз всё-таки необходимо, сколько с позиций осмысления великих задач, прекрасных перспектив и творческого вдохновения.

Написал я эти слова, и перед мысленным взором возникла насмешливая улыбка трезвого скептицизма, не усматривающего в окружающей реальности или на горизонте ни великих задач, ни прекрасных перспектив. На то он и трезвый скептицизм, не поднимающийся над серой обыденностью. А борцы за свободу и лучшую жизнь народа умели видеть «звезду пленительного счастья» даже из «глубины сибирских рудников» и из казематов Петропавловской крепости. И коммунизм искренним его приверженцам виделся как светлое будущее всего человечества. Коммунистическая идея возбуждала в них на самых трудных этапах борьбы неукротимое стремление строить и защищать новую жизнь наперекор всем препятствиям, с презрением к соблазнам, уводящим от великой цели. Вера в величие цели вдохновляла людей и зажигала их энтузиазмом, а не обывательская тяга к материальному благополучию. Благополучие включалось в понятие великой цели, но не заслоняло и не подменяло её собою, тем более что проецировалось скорее на будущие поколения, чем на ныне живущие. Однако в чём состояло полномасштабное величие цели, было понятно лишь в наиболее общих чертах. Марксистско-ленинская теория подчеркивала, что при коммунизме впервые в истории человечества общество будет разумно управлять своей жизнью и люди смогут строить отношения между собой наилучшим образом, вместо того чтобы слепо покоряться закономерностям стихийного развития. Кончится предыстория человечества и начнётся сознательное сотворение истории. В деталях каждый видел прекрасное будущее по-своему. Маяковский, например, считал, что

«коммуна —

это место,

где исчезнут чиновники,

и где будет

много

стихов и песен».

А в более общем, но менее чётком его представлении

«в коммуноу	огромная высота,
душа	что коммуна,
потому влюблена,	по-моему,
что коммуна,	глубочайшая глубина».
по-моему,	(«Послание пролетарским поэтам»)

В неполной ясности светлой мечты о счастье есть своя зовущая сила как отсвет неисчерпаемости, зорко подмеченный в одной из лучших советских песен — «Марше энтузиастов» (слова Д'Актиля, музыка И. Дунаевского):

«Мечта прекрасная, еще не ясная,
Уже зовет тебя вперед».

В годы Брежневского руководства чья-то усердная чиновничья душа сочла, что мечта о коммунизме не может быть неясной, и в восстановленном старом фильме из песни выкинули это важное слово, грубо заменив гладкой вставкой «мечта крылатая».

Но это об эмоциях. А в основе должна быть всё-таки теория, пользующаяся признанием общественного сознания как научно основательная и в главных чертах правильно отражающая действительность. Что касается общественного признания, то разве сейчас не внушается усиленно почитание христианской религии? Нормой стал показ по телевидению того, как президент и премьер-министр России вместе с другими чиновниками высокого ранга и лидерами политических партий выстаивают в храмах рождественские и пасхальные службы, и не просто в роли гостей или экскурсантов, а как прилежно молящиеся, исполняющие ритуал церковной службы. Очевидно, что это призвано служить примером для широких кругов сограждан. Современные коммунисты, по крайней мере в лице их лидеров, тоже перестали чуждаться религии. Они уже не настаивают на своём атеизме или, по меньшей мере, не афишируют его. В отчётном докладе Г.А. Зюганова X съезду КПРФ сказано, что «до 70 процентов населения Российской Федерации декларирует себя как православные христиане... в электорате КПРФ верующих сегодня в полтора раза больше, чем в избирательном корпусе любой другой политической организации страны. Много верующих и среди членов КПРФ». Если коммунисты и при советской власти проявляли терпимость к религиям, то не потому, что верили в Бога, а потому что сочли в конце концов неразумным и негуманным бороться с религиозной верой насильем. При этом они относились к исповедующим религию людям как к заблуждающимся, плённным суевериями, не просвещённым подлинно научной истиной, и устав КПСС обязывал членов партии «вести решительную борьбу с любыми проявлениями буржуазной идеологии, с остатками частнособственнической психологии, религиозными предрассудками».

Теперь нельзя не задать вопроса: пересмотрели ли коммунисты всерьёз свои мировоззренческие убеждения, или же они всего лишь поступаются ими из-за конъюнктурного опасения лишиться голосов верующих избирателей. Здесь мы имеем дело с проблемой такого рода, что если оставить её без глубокого и ясного решения, то она будет работать против коммунистического движения, а если осветить её с позиций современных естественнонаучных представлений и исследований крупных русских религиозных мыслителей космической направленности, то она будет работать на коммунистическую идею и сможет способствовать подъёму религиозных верований до уровня задач современности, включая пресечение межконфессиональных распрей и эффективное противостояние религиозному фанатизму. Действительно, если коммунисты в подавляющей массе или в своих руководящих инстанциях сохраняют в глубине души атеистические убеждения, то в нынешней их позиции есть неискренность, потворство невежеству масс, что не способствует утверждению уважения и доверия к коммунистам. А если они и вправду пришли к признанию реальности потустороннего мира и Бога, но не дали аргументированной оценки своему прежнему классическому атеизму как заблуждению, преодолеваемому с позиций формирующегося сейчас нового научного мировоззрения, то это позволяет относиться к ним как к нашкодившим школьникам, не способным признать ошибку непонимания ценных истин.

Атеизм не выдумка коммунистов и не ошибка, а мировоззрение выработанное философами и естествоиспытателями на протяжении веков. В связи с тем, что религии были приспособлены господствующими классами к защите своих корыстных интересов, коммунистическое движение, нацеленное на упразднение эксплуататорского общественного строя, изначально связало себя с классическим естественнонаучным мировоззрением, отрицавшим существование Бога и стремившимся освободить сознание людей от власти служителей религий. После того, как сделанное Коперником открытие гелиоцентрической системы мира встретило резкое неприятие церкви, началось развитие противостояния науки и религии. Классическая механика в качестве науки об общих законах движения и взаимодействия земных и небесных тел добилась больших успехов в объяснении природы как саморазвивающегося механизма. Подтверждение того справедливого представления древних атомистов, что все тела могут быть поняты как конструкции, построенные из микроскопических телесных частиц, побуждало принять на веру и более смелое утверждение атомистического учения о мельчайших неделимых телах (атомах) как глубочайшей основе бытия, как самодостаточных абсолютных объектах, которые существуют безначально и бесконечно в качестве безусловной первопричины всех вещей и явлений, а сами не нуждаются в какой-либо причине. Для такой мировоззренческой позиции отрицание Бога и мира иного, отличного от чувственно воспринимаемого мира тел, было обоснованным.

Но в наше время в науке общепризнанна принципиальная недостаточность классического естествознания, и в частности те области знания, которые порицались в СССР в 1950-е годы с классических позиций как буржуазная лженаука (генетика, кибернетика, космология), добились теперь выдающихся успехов. Великие мировоззренческие открытия физики и астрономии XX века привели науку вплотную к выработке нового мировоззрения, главной чертой которого будет понимание эволюции Вселенной как грандиознейшего, происходящего с участием разума процесса космического творчества, и осознание роли и места в нём земного человечества. Это мировоззрение ещё не достигло той степени детальной разработанности и интеграции, всеобщего признания и популяризации, которая необходима для включения его в учебники и хрестоматии. Оно не утверждено официальными постановлениями Академий Наук. Оно находится в процессе формирования, причём в самом начале этого процесса. Но это мировоззрение уже заявило о себе и вовлекает в свою орбиту всё большее число мыслителей и деятелей. Этому мировоззрению посвящены главы 3, 4, 5, 6 настоящей книги и на него опирается взгляд на русскую идею, развиваемый в последней, 7-ой главе. Когорта французских энциклопедистов и их последователей не дожидалась созревания классического научного мировоззрения, а принимала самое деятельное участие в его утверждении и практическом применении в науке, технике и общественной борьбе. Так к лицу ли современным приверженцам коммунистической идеи дожидаться, когда не причисляющие себя к их рядам экологи, футурологи, ноосферщики, последователи Учения Живой Этики, “зелёные” и антиглобалисты сделают большую часть работы по спасению современной цивилизации и переводу её на путь космического развития?

Самым плохим вариантом будет равнодушное отношение коммунистов к проблемам развития естественнонаучного мировоззрения и его социологических следствий, ограничение круга своих интересов узким прагматизмом “технологий” завоевания голосов избирателей. Как раз в такие рамки приличий буржуазного парламентаризма выгодно нынешней власти заключить оппозиционную деятельность компартии. Конечно, не следует пренебрегать успехами на выборах, и для этой деятельности в КПРФ найдётся достаточно сил. Но крупнейшие исторические достижения коммунистического движения состоят в радикальном преобразовании общества, а такая задача не по силам обычной парламентской партии. Для того чтобы современные коммунисты смогли восстановить утраченное лидерство в обществе, им необходимо подняться на передовую высоту осознания актуальнейших задач человечества в наступающем этапе истории и суметь мобилизовать широчайшие культурные силы на решение этих задач, ибо в такой ситуации справедливо предостережение Евангелия — «если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф., 15, 14). Великой привлекательной силой классической теории коммунизма была убедительная

идеологическая вертикаль, в которой понимание задач устройства общества было тесно увязано с научными представлениями того времени об устройстве природы. Уяснение этой идеологической вертикали в единстве диалектического и исторического материализма было главным содержанием партийно-политического просвещения. Если коммунисты не сумеют выстроить идеологическую вертикаль, наполненную современными научными представлениями о природе и новым пониманием жизненно важных задач человечества, то они не овладеют призывной силой новизны и оправдают ярлык “вечно вчерашних”, который стараются навесить на них антикоммунисты.

Следует обратить внимание на то, как сместились за столетие акценты в суждениях о коммунизме. Коммунисты конца XIX и начала XX веков избирали свой путь, ориентируясь прежде всего на содержание идей, их потенциал в дальних перспективах развития человечества. Идейная борьба за коммунизм развертывалась на почве обостренного интереса к глубокому философскому осмыслению закономерностей природы и общества. Этим оружием прекрасно владели крупные теоретики коммунизма, неся духовную пищу вступающим в жизнь поколениям. Теперь же обществу навязан совсем иной трафарет суждений о коммунизме. Антикоммунисты кричат о том, что социализм был плох и плохи коммунисты, а коммунисты доказывают, что жизнь при социализме была во многих отношениях лучше нынешней, и в рядах коммунистической партии, кроме карьеристов, было много по-настоящему самоотверженных людей. В идейной борьбе, загнанной в такое русло, у коммунистов мало шансов на победу. И не только потому, что их противники имеют возможность кричать громко и назойливо, а коммунисты располагают лишь малотиражными изданиями, но главным образом потому, что обвинения и оправдания, обращенные в прошлое, уводят от выяснения глубинной сущности коммунизма и его исторической необходимости для прорыва человечества в будущее. Именно это больше всего и нужно антикоммунистам. Они приложили много сил и средств к тому, чтобы дискредитировать учение классиков коммунизма, угасить интерес к нему как устаревшему, не актуальному в условиях современности. Они бы очень мало преуспели, если бы их аргументация была совершенно безосновательной. Но, к сожалению, последователи марксистско-ленинского учения, заявляя по разным частным поводам о важности творческого развития этого ценного наследия и недопустимости догматизации его, не сумели адекватно осмыслить крупнейшие подвижки в состоянии общества и в научных представлениях о природе, а это не столь безобидное упущение, как может показаться при поверхностном взгляде.

Марксистско-ленинское учение о коммунизме было первой в истории научно аргументированной футурологической теорией. Но футурология, как и всякая наука, не может застыть в неподвижности, не утрачивая своей ценности. На это указывал философам-коммунистам крупнейший

астроном XX века И.С. Шкловский. «Речь идёт об обоснованных прогнозах основных тенденций развития общества, прежде всего бесклассового, на несколько столетий вперёд. Классики марксизма таких далёких прогнозов вообще не делали: тогда у них были более актуальные проблемы. Сейчас, спустя много десятилетий, положение радикально изменилось... уже сейчас было бы правильно наметить хотя бы в самой общей форме основные вехи будущего развития коммунистического общества на Земле. Ибо это общество не может быть чем-то застывшим, неподвижным. Оно **обязано** развиваться, так как в противном случае... его ожидает вырождение и гибель. Создание по возможности конкретной марксистской футурологии — задача большой важности... Между тем эти вопросы у нас серьёзно не разрабатываются. Классики марксизма имели смелость заглядывать на столетие вперёд, видя в этом смысл своей жизни и деятельности. Пусть же они послужат примером для наших философов, которые отважатся заняться этой нелёгкой, и прямо скажем, неблагоприятной проблемой» [67, с. 86-87]. Излишне говорить, что внимание к глубоким теоретическим проблемам должно сочетаться с живейшей активностью коммунистов в конкретных повседневных делах. Если для отдельного человека такая широта устремлений затруднительна, то в партии найдутся силы и способности для всех видов деятельности. Да и сиюминутные задачи будут гораздо более успешно и заинтересованно решаться, когда они освещаются лучами реальности высокой и дальней перспективы.

А перспектива эта диктуется вхождением человечества в космическую эру. Сознание, воспитанное в традициях классического научного мировоззрения, может мыслить о космических перспективах только на путях экстраполяции земного опыта. Даже если допускается населённость планет в обозримых звёздных системах разумными существами, то представление о более развитом и могущественном разуме, чем человеческий, в принципе будет опираться всё-таки на имеющийся у земного человечества опыт познания природы, опыт технического прогресса, опыт совершенствования общественных отношений и нравственности. В каждом из названных направлений можно представить более высокую ступень, чем нынешние достижения человечества. А если согласиться с выводом И.С. Шкловского о нашем практическом одиночестве во Вселенной (см. §33), то ни на какие иные источники сведений о высших ступенях разумной жизни рассчитывать не приходится. Шкловский мужественно видит в этом основание для обострения чувства ответственности «человечества перед исключительностью стоящих перед ним задач. Предельно ясной становится недопустимость атакистических социальных институтов, бессмысленных и варварских войн, самоубийственного разрушения окружающей среды. Твёрдое сознание того, что нам никто не будет давать “ценных указаний”, как овладеть Космосом и какой стратегии должна придерживаться наша уникальная цивилизация, должно воспитать чувство ответственно-

сти за поступки отдельных личностей и всего человечества» [3, с. 93]. Однако пока не воспитывает. И не только в сознании широкой общественности, но даже у государственных лидеров не заметен интерес к проблеме разумной жизни в космосе, сохранению и развитию земной разумной жизни.

Если учесть, что в общественном сознании господствует до сих пор классическое научное мировоззрение, то придётся признать, что оно играет роль главного тормоза на пути развития космического самосознания. Роль эта двоякая. Во-первых, для классического мировоззрения межзвёздные расстояния служили настолько непреодолимым барьером вплоть до начала XX века, что это лишало практического интереса проблему межзвёздных контактов, а в те времена — и межпланетных в пределах Солнечной системы. И прежде чем такая инерция мышления могла быть преодолена овладением космической радиосвязью, стала выясняться бесперспективность надежд встретить разумных существ в Солнечной системе, а затем и в звёздном окружении до расстояний в тысячи световых лет. В результате проблема космических контактов так и не приобрела практического значения в сознании человечества. Во-вторых, именно классическое научное мировоззрение стало мощным препятствием для осмысления преданий о Христе как акции высокого космического разума, направленной на программирование развития земной цивилизации. Классической картине мира противоречило представление о “мире ином”, из которого приходит божественное существо, а для религии было недоступно и неприемлемо научное представление о бесконечной Вселенной, в которой Земля как специфическое божье творение, теряется в виде заурядной пылинки.

Исторически сложившаяся ситуация заставила теперь коммунистов относиться с небывалым прежде большим уважением к религиозным чувствам народа, в особенности к христианской религии. Председатель КПРФ не упускает случая поздравлять сограждан с праздниками Рождества Христова и Пасхи. Но сделав этот шаг, следовало бы сделать и следующий, а именно, задуматься, почему разработанная великими умами человечества коммунистическая идеология после нескольких десятилетий триумфального господства в России потерпела поражение, а христианская вера, подвергавшаяся на протяжении тех же десятилетий утеснениям со стороны социалистического государства, оказалась востребованной, и не только властями, но и широкими слоями населения, привлекая симпатии даже коммунистов. И это притом, что социализм воплотил в себе ряд важных христианских заветов более совершенно, чем буржуазное общество. Н.А. Бердяев дал весьма обстоятельные разъяснения на этот счёт. Но коммунисты его разъяснениями либо не интересуются, либо не воспринимают их. А если бы восприняли, то могли бы прийти к космическому мировоззрению не в теологическом обосновании, к которому вынужден был прибегать Бердяев, а с опорой на естественнонаучную аргументацию, ставшую доступной в наши дни. На этом пути открываются богатейшие космические перспе-

ктивы перед коммунистической идеей, коммунистическое движение обретёт второе дыхание, привлекая к себе симпатии всего разумного и нравственного, что есть на планете, и коммунисты воспрянут к большой исторической деятельности как выразители лучших устремлений человечества. Но работа предстоит большая, требующая углублённого мышления как от пропагандистов идей космического коммунизма, так и от тех, к кому будет обращена пропаганда принципиально нового мировоззрения.

В настоящее время коммунисты под давлением обстоятельств делают первые шаги в подходе к этой задаче стихийно и эклектически — они примирились с религиозными чувствами народа, не выяснив чётко для себя, надо ли относиться к этому всего лишь как к уступке народному невежеству, идя у него на поводу, или следует внести принципиальную поправку в коммунистическую идеологию. И пока этот вопрос остаётся нерешённым, ведущую роль в истолковании и проповедовании христианства сохраняет за собой церковь. Церковное восприятие Христа и Христианского Учения опирается только на веру и страх божий, не стремясь к рациональному объяснению. Но такая основа, как показывает история, недостаточна для того чтобы перевести человечество на путь истинного выполнения требований Учения. Сейчас впервые за тысячелетия писаной истории сложилась уникальная ситуация, позволяющая осознавать и утверждать истинность и космическую глубину великих мировых религий, в особенности христианской, с убедительных позиций научного познания. Но для реализации этой возможности требуются радикальные и непростые шаги, как со стороны науки, так и со стороны церкви.

Наука должна решительно приступить к многостороннему и глубокому осмыслению своих лучших достижений. Необходимость узкой специализации для успешной работы в современной науке затрудняет переход к мировоззренческим обобщениям даже в пределах ведения самой науки. Убедительным примером тому служит молчаливое игнорирование модели мира Минковского и затаявшаяся чрезмерно традиция изложения специальной теории относительности не с позиций её внутренней логики, а с позиций исторического пути к ней, проложенного А. Эйнштейном, при сохранении некоторых его заблуждений. Тем более непроста задача философского осмысления завоеваний науки. А пока эта работа не вступила в стадию более активного и широкого осуществления, у церкви и её паствы не будет достаточных оснований считаться с новым научным мировоззрением. Беда в том, что этот процесс не может быть предоставлен неторопливому развитию хотя бы на протяжении ещё одного века, потому что прогнозы наступления экологических и социальных катастроф требуют от человечества перехода к сознательному целенаправленному управлению своей деятельностью в ближайшие десятилетия.

На первый взгляд, если церковь заинтересована в том, чтобы побуждать большинство людей жить по заветам Христа, она должна приветство-

вать возможность привлечения научной аргументации, подтверждающей существование мира иного, отличного от чувственно воспринимаемого мира плотных тел, и творческую роль могущественного космического разума в зарождении и осуществлении текущего цикла эволюции Вселенной. Однако такая трактовка будет наверняка встречена официальными блюстителями чистоты веры как вольномыслие, противоречащее канонам святых отцов, а церковь весьма дорожит своим консерватизмом. Кроме того, у церкви есть собственная, слагавшаяся веками, приверженность к определённому типу устройства общества и привычная готовность служить интересам имущего класса. А что нынешний имущий класс не заинтересован в развитии глубокомыслия у широких масс народа, доказывать не требуется — достаточно проанализировать содержание телепрограмм, литературных бестселлеров, гламурных журналов и систематическое наступление на качество и общедоступность высшего образования с закамуфлированной целью понизить их уровень. Отношение церковных кругов к рационалистическому космическому осмыслению Учения Христа скорей всего не будет благожелательным или хотя бы нейтральным, а будет активно отрицательным. И если пока церковь спокойно принимает как должное религиозный уклон коммунистов, то самостоятельному осмыслению ими ценности христианства с позиций современного естествознания, социальной справедливости и нравственных принципов служения общему благу воспротивится как ереси, способной лишить церковь значительной части прихожан и монополии на истолкование духовности.

Такая перспектива тем более должна побудить коммунистов заняться с полнейшей серьёзностью проблемой воспитания народа в духе христианства как космического учения, принесённого людям в буквальном смысле из Царства Небесного. Народ нередко бывает пассивен и позволяет манипулировать собою, но решающие этапы истории утверждаются всё же народной поддержкой, когда стихийная хаотичность приоритетов преодолевается осознанным устремлением к общей желанной цели. В наши дни на новом уровне обретают актуальность суждения В.Г. Белинского о народе. «Люди, которые презирают народ, видя в нём только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе. Люди, которые смотрят на народ человечнее, но думают, что по причине его невежества и необразованности он не заслуживает изучения и что вовсе нечему учиться у него, такие люди, конечно, ошибаются, и с ними мы готовы всегда спорить. Но ещё больше их ошибаются те, которые думают, что народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов... Нет господá... нуждается, да ещё как! Народ — вечно ребёнок, всегда несовершеннолетен. Бывают у него минуты великой силы и великой мудрости в действии, но это минуты увлечения, энтузиазма. Но и в эти редкие минуты он добр и жесток, великодушен и

мстителен, человек и зверь. Никакая личность не сравнится с ним в эти минуты ни в способности ясно видеть истину, ни в способности грубо заблуждаться, ни в добре, ни в зле, ни в гениальности, ни в ограниченности. Это сила природная, естественная, непосредственная, великая и ничтожная, благородная и низкая, мудрая и слепая в её торжественных проявлениях. Это — море, величественное и в тишине и в буре, но никогда не зависящее от самого себя, никогда не управляющее само собою: ветер его повелитель... Просвещение и образование никогда не могут лишить народ его силы и очень могут исправить или по крайней мере смягчить его недостатки» [105, с. 373-374, рецензия «Сельское чтение»].

Коммунисты в начале XX века помогли народу осознать необходимость перехода к социализму, и народ, проявив отмеченную Белинским великую силу и великую мудрость в действии, с увлечением и энтузиазмом поднялся на завоевание, защиту и построение социалистического общества с перспективой движения к коммунизму. Однако руководство коммунистической партии не смогло избежать двух серьёзных ошибок. Во-первых, не углубляло достаточно эффективно учение о целях и необходимых условиях коммунистического общества, оставив его в главных чертах на уровне первоначального общедоступного представления как об обществе изобилия материальных благ. Во-вторых, в связи с первым недостатком, не удалось удержать новое общество незапятнанным проявлениями карьеризма, корыстолюбия, бюрократизма, как препятствиями к неискаженному развитию социалистической демократии. Эти родимые пятна капитализма смогли сохраниться в социалистическом обществе потому, что не удалось одержать решающую победу над таким сильнейшим пережитком прошлого, как эгоизм и привязанность к вещественному богатству, а не удалось потому, что исповедуемое и пропагандируемое коммунистами мировоззрение опиралось на более узкое представление о сущности и возможностях жизни, чем раскрытое в Учении Христа.

Народ инстинктивно чувствовал, что нельзя отворачиваться от христианства, но так как одного лишь инстинктивного чувства не достаточно для глубокого осознания духовных ценностей христианства с позиций современных научных представлений о материи, человеке и обществе, то широкое обращение к религии стало не столько устремлением к Христу, сколько к учению церкви о Христе. На разницу же между этими учениями указывал Белинский в «Письме к Н.В. Гоголю». «Что Вы нашли общего между ним (Христом) и какою-нибудь... церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения. И оно только до тех пор и было слащею людей, пока не организовалось в церковь и не приняло за основание принципа ортодоксии. Церковь же явилась... поборницею неравенства, льстецом власти, врагом и гонителем братства между людьми, чем и продолжает быть до сих пор. Но смысл учения Христова открыт фило-

софским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер, орудием насмешки потушивший в Европе костры фанатизма и невежества, конечно, больше сын Христа... нежели все Ваши попы, архиереи, митрополиты и патриархи» [105, с. 305]. Таким образом, диалектический синтез мировоззрений как восхождение на более высокую ступень отрицания отрицания ещё не состоялся в массовом сознании народа. Пока сделан не шаг вперёд, а шаг назад к тем церковным представлениям, обрядам и обычаям, которые веками приспособлялись господствующими классами для совмещения служения Богу и маммоне. Церковные представления и обряды не смогли сделать человечество по настоящему христианским, и впредь не смогут сделать без обращения к истинному служению Общему Благу. В настоящее время коммунисты из опасения оскорбить религиозное чувство народа пристроились в хвост его понятиям, не проявляя решительной склонности ни к устаревшему упрощенному отрицанию религии, ни к назревшему преобразению её в новое научное и действенное мировоззрение. Но те, кто плетётся в хвосте народных инстинктов, не могут быть вожаками народа. Характерный признак и сила вождя в том, что он опережает народное предчувствие, помогает народу прояснить и выразить грядущую ступень эволюции.

Ускорению процесса выработки человечеством космического мировоззрения будет способствовать Учение Живой Этики. Это Учение не нацелено на то, чтобы стать новой религией или законченным сводом знаний, а напротив, с большой осмотрительностью расставляет вехи на пути человечества к новым знаниям, чтобы не подменить собой естественный процесс развития науки, полнокровность которого должна гарантировать надёжность усвоения уроков жизни и безотказность восхождения цивилизации к вершинам творчества. А если Учение Живой Этики порождает в нас доверие к нему как к современному продолжению космического откровения Христа, то Учителя настаивают на том, чтобы доверие опиралось не на их авторитет, а на убедительность собственного опыта людей в указанных направлениях постижения действительности. Как уже отмечалось в конце § 36, навязывание Учения Живой Этики недопустимо: «Опасайтесь навязывания не только в отношении чужих зазываний, но чтоб и самим не сделаться навязчивыми. Невозможно исчислить вред навязывания, и нельзя без презрения увидеть, как на базаре продаётся Учение с уступкой... сознающее своё значение Учение не будет выставлять себя на базаре. Только исключительное невежество последователей может поставить Учение в позорное положение лжи и пресмыкания... тонка черта между утверждением и навязыванием. Часто легко унизить себя не по цели... Поэтому только качество, но не количество» [92, §129].

Представления, затрагиваемые в Учении Живой Этики, рассчитаны на развитое и развивающееся сознание, а лучшим средством развития сознания является познание природы. «Когда же, наконец, наука двинет че-

ловечество к здравому суждению, можно тогда поставить знание на новое основание, — говорят Учителя Живой Этики... — Наши Башни стоят лишь на познании природы» [121, § 469]. «Наука должна укрепить пути к высшему познанию. Наступило время, когда древние символы знания должны претвориться в научные формулы. Не будем унижать такой процесс очищения мышления» [98, § 425]. У Иисуса Христа не было возможности привлекать в союзники своему Учению человеческую науку, поскольку таковая ещё не сформировалась, если не считать математики, изложенной в «Началах» Евклида, да и тою владел лишь очень узкий круг специалистов. Призыв к овладению законами природы и силами природы — важнейшая черта космического откровения для нашей эпохи, отличающая его от древнего откровения Христа. Но в Учении Живой Этики многократно подчёркивается преемственность его по отношению к Учению Христа и глубочайшее почтение к миссии Христа.

«О Христе любовью ревнуя, Христу радость несущу» — говорит Учитель Мория в самом начале первой книги «Зов» (во второй записи, сделанной Рерихами) [89, 1.I.1921]. «Рок может отклонить удар от вас, если вы будете помогать явлениям Христа, который отдал Себя за Истину» [89, 2.I.1921]. «Чистая молитва доходит — У подножия Христа она расцветает серебром» [89, 19.V.1921]. «Молись Христу, умей найти радость обращения к Творцу. Учись и открой Врата познания и утвердись в понимании Плана Божественного» [89, 27.V.1921]. «Ученики должны счастье узнать в Любви Христа» [89, 4.VI.1921]. «Дух Христа веет через пустыни жизни. Подобно руднику стремится через твердыни скал. Сверкает мириадами Млечного Пути и возносится в стебле каждого цветка» [89, 3.IX.1921]. «Светлому Храму ступени строим. Скалы Христу приносим» [89, 4.IX.1921]. Так как Христос не помышлял строить каменный храм, а стремился к возведению храма разумного и нравственного человеческого общества, то ступени к этому храму и скалы для ступеней не следует конечно понимать в буквальном смысле. «По рвению нашему получаем цвет духовной одежды. И Промыслитель Благий, крест Принявший, свидетельствует огонь нашего воскресения у подножия лестницы ко Храму познания Славы Божьей» [89, 23.XI.1921]. «Дойдете до положенного, куда Христос призвал» [89, 27.XI.1921]. «Улыбайтесь. Являю радость существованию Учения Христа являть, радость величию мира, радость труду проявленному, радость чистой усталости» [89, 9.I.1922]. «Разве Христос распятым думал о спасении Своей Души? Даже в малой мере старайтесь уподобиться Ему. Сострадание, сострадание, сострадание, взываем, взываем к вам уже много раз — будьте такими» [89, 25.VII.1922].

Конечно, главное доказательство тождественности Учения Живой Этики с Учением Христа должно быть почерпнуто не из этих цитат, а из внимательного изучения и сопоставления содержания обоих великих космических откровений, разделённых промежутком в 19 столетий. Смотреть

нужно на содержание, а не на форму, ибо на форму Учения Христа наложен такой отпечаток исторической церковью, что многие выдающиеся мыслители и искренние последователи Христа отказывались отождествлять его Учение с учением церкви. О необходимости очищения великих религий говорится в книгах Живой Этики. «Можно знать одно: ни один памятник не дошёл без искалечения... Ушедшие народы оставляли патину на свободе духа. Спросите: “где же преследуемые?” — по этим знакам идите. Увидите преследуемых первых христиан и буддистов, но когда храмы отвратились от Христа и Будды, тогда преследования прекратились» [86, 1.XI.4]. «После Августина церковь начала погружаться во тьму средневековья, и Христос оказался запертым золотой преградой. Чтобы преломить её, Сам Христос сходил даже среди умалённых Обликов, лишь бы опять явить величие общения единства... Конечно, един путь из Единого Источника» [90, 2.III.18]. Запереть Христа золотой преградой — значит не только брать деньги за богослужение, но и приспособить веру к услужению “золотым мешкам” и учить тому же паству. Это нужно государству, охраняющему интересы имущих классов с помощью церкви, но не нужно Христу, Франциску Ассизскому, Сергию Радонежскому и другим святым. «Поймите, нельзя платить за Богослужение. Умерла вера под золотом. Щит золотой не прочен. Я мудрых зову. Новые и нужные соберутся, и древо союза процветёт» [89, 13.VII.1922]. «Одно прошу — не ослабьте силу золотом. Учение Моё не любит золото» [90, 1.VI.11]. Не ясно ли, что церковь найдёт много аргументов в защиту необходимости брать плату (и не малую) за богослужения и владеть большими материальными ценностями? «Не разрушители, но заплесневшая, условная добродетель — враг... румяная добродетель любит сундук сбережений и всегда станет красноречиво защищать его. Скажут священные слова писаний и найдут тонкие доказательства... Условная добродетель являет превосходную корысть и любит приврать. И такие румяные, благообразные учителя добродетели, и ласковы, как масло. И пышные одежды их накрахмалены рабством» [86, 1.XII.4]. Эта критика, разумеется, не должна быть отнесена огульно ко всем церковнослужителям. Несомненно, что среди них есть немало настоящих христиан, способных на подвиг человеческий, и именно на них можно надеяться в деле осуществления предстоящего идейного и социального синтеза христианства и коммунизма как служения Общему Благу человечества.

Но великое очищение необходимо исторически сложившимся организациям и церкви, и коммунистической партии, причём в основу очищения и единения должно быть положено космическое мировоззрение, которого не ведали прежде обе организации. «Именем Христа совершались великие преступления, потому ныне Христос облачается в иные одежды» [90, 2.V.2]. «Можно построить город, можно дать лучшие знания, но труднее всего отмыть истинное изображение Христа. Мыслите, как отереть те-

ло Христа. Собирая крохи народного Спаса и обращая хитон в рабочий плат, можно найти озарение» [90, 2.V.4]. «Если встретите на дороге ценный предмет, покрытый грязью, вы не пройдёте спесиво. Вы возьмёте находку и очистите грязь с неё... Суровая целесообразность обязывает охранить истинные сокровища. В защите ценностей не теряйте времени. Каждый час на счету. И бросьте слова неопределённости. И каждая ценность для вас — как парус для корабля. Явно перед вами брошены в грязь большие ценности. Явно попираются пути к Мировой Общине... Так же как очищаете найденный жалкий алмаз, так же очищайте грязь с лица великих работников» [86, 3.III.12]. «Учитель ценит желание омыть пыль с Великих Ликов. Учитель ценит желание утвердить простое выражение великих слов. Продолжим вглубь и мы легко получим принцип первых Заветов. При этом надо иметь в виду, что это очищение происходит для новой молодёжи, потому карканье критиков не имеет значения» [86, 1.XI.4]. К кому обращены эти слова? Коммунисты не могли воспринять их в третьем десятилетии XX века, ибо они были в то время заняты как раз противоположным — искоренением религии как опиума для народа. Ещё меньше можно было рассчитывать на восприятие их церковью, которую притеснения заставляли лишь больше упорствовать в сохранении свято отеческой веры. Значит только сейчас, когда коммунисты насильственно вынуждены отказаться от противостояния с религией, они могут осознать космичность Учения Христа и свою генетическую заинтересованность в неискажённом понимании и применении этого Учения. И главным образом к коммунистам, способным с наибольшей серьёзностью отнестись к прорыву человечества в космическое будущее, обращён совет не придавать значения ретроградному карканью критиков как из церковных кругов, так и других общественных и государственных структур, которые сочтут выгодным для себя вбивание клина в отношения между коммунистами и церковью.

Но коммунистам вовсе не следует втягиваться в какие-либо споры с церковью, а тем более учить её, как правильно верить во Христа. Им нужно только вырабатывать собственное мировоззрение и собственное понимание Учения Христа, и в этом действительно важном для коммунистов и земного человечества деле, ни в коем случае нельзя робко оглядываться на то, что могут подумать и сказать церковные иерархи и их единомышленники. Это было бы мелким и трусливым политиканством, а единственно правильная политика, как говорил Ленин, — это принципиальная политика. Принципиальная честная позиция коммунистов заключается в приверженности к научному познанию действительности. Если прежде научное познание привело к отрицанию Творца Вселенной и мира иного, отличного от чувственно воспринимаемого, то теперь положение в науке радикально меняется, и новое понимание возникновения великих мировых религий позволяет выделить из них рациональные зёрна космического проис-

хождения. Коммунисты могут сотрудничать с церковью в тех случаях, если она найдёт в себе смелость возвысить голос против растрепанности народа, активно продолжаемого в средствах массовой информации, или даже выступить в защиту наиболее бедных слоёв населения. Но рассчитывать на поддержку церковью избирательной программы коммунистов и их целей бессмысленно. У церкви не будет никаких побудительных мотивов считаться с коммунистами, пристраивающимися в фарватер её идеологии. Если же коммунисты выступают с чёткой научно обоснованной собственной позицией понимания и признания Учения Христа, то с такой позицией придётся считаться и церкви, и политическим партиям. На протяжении минувших веков Учение Христа использовалось церковью для психологического подчинения неимущего большинства народа имущему меньшинству. Коммунистам же это Учение нужно для освобождения неимущих слоёв от психологического и материального угнетения и вообще для упразднения деления общества на имущих и неимущих. Таковую же цель провозглашает Учение Живой Этики. Надо делать выбор между потворствованием церкви и сотрудничеством с Учителями Живой Этики.

Церковь и её роль в политике государства — перед глазами рядовых и руководящих коммунистов, а Шамбала — отнюдь не на виду и пока ещё для многих её существование под вопросом. Но в общественной деятельности успех будет на стороне тех, кто способен быть чутким к будущему. Все, даже противники Ленина, признают его величие как искусного политика и практика, а это обусловлено глубиной анализа потока событий и способностью видеть назревающие задачи развития. В книге «Община» сказано: «в своё время Ленин уже ощутил без малейшего материального основания непреложность нового строения. И невидимые лодочки подвели провиант к его одинокому кораблю. Монолитность мышления бесстрашия создала Ленину ореол слева и справа» [86, 2.I.1]. «Идти по направлению эволюции вовсе не значит тащиться в хвосте большинства. Вся история человечества указывает, что угадывало эволюцию меньшинство. И эти немногие откуда-то черпали силы преодолевать препятствия... Можно ли распознавать течение истинной Эволюции, если слепая очевидность заслоняет действительность и предубеждение является установившимся мнением?» [86, 3.II.9]. «Явление нужно понимать как очевидное не глазом, но сознанием. В этом разница вашего и Нашего понимания. Вы называете фактом следствие его, но Мы можем отличить истинный факт, незримый вам. Слепой судит о молнии по грому, но зрячий уже грома не опасается. Так нужно учиться отличать истинные факты от их следствий. Когда Мы говорим о суждённом событии, Мы видим его истинное начало. Но кто будет судить лишь по видимым следствиям, тот будет запаздывать в суждении. Когда Мы говорим — идите против очевидности, Мы хотим сказать — не поддавайтесь под иллюзии прошедших событий. Надо чётко отличать

прошлое от будущего. Именно, этим безразличием страдает человечество, вращаясь в иллюзиях следствий. Творческая искра заключена в явлении события, но не в следствии. Занятое следствиями, человечество подобно слепому, ощущающему гром... Скажите вашим друзьям, чтоб научились наблюдать сущее по возникновению событий. Иначе останутся читателями газеты, составленной плутом. Напрягайте сознание, [чтобы] уловить возникновение событий, если хотите приобщиться к эволюции мира. Можно назвать без числа примеры жалких, преступных и трагических непониманий, от которых смешивались сроки. Дуб растёт из жёлудя под землёю, но глупец замечает его лишь когда споткнётся о него. Много спотыканий пятает земную кору. Довольно ошибок и непониманий в час мирового напряжения! Нужно понять, как бережно надо расходовать энергию. Надо понять, как только нужные двери приведут в покой Общего Блага» [86, 2.VIII.4]. Именно зарождение событий видел Иисус Христос, когда в конце Тайной Вечери, перед тем как отдать себя в руки воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, сказал ученикам своим: «мужайтесь: Я победил мир» (Иоанн, 16, 33). С узкой же человеческой точки зрения, напротив, полным поражением Христа представлялось взятие его под стражу и последующая казнь. В труднейшие первые дни и месяцы Великой Отечественной войны, когда победа гитлеровских полчищ многим казалась очевидной, крепла выраженная в словах Молотова убеждённости советского народа: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами!» А вот угрозу демонтажа социализма в Советском Союзе коммунисты проглядели, не признали в мелких с виду, но глубоко укореняющихся отрицательных чертах государственной и партийной жизни приближение грозной опасности. Теперь делу поможет не плачь по утраченному и не укоризны воришке – коту, который демократично слушает да ест, а исследование допущенных коренных просчётов и ошибок.

Сейчас убеждённые коммунисты и патриоты России сердцем предчувствуют, что нынешнее поражение русской коммунистической идеи и катастрофическое ослабление страны — явление временное, что наш потенциал развития не исчерпан. Это предчувствие выражают публицисты, ораторы на митингах, поэты. Выдающийся поэт XX века Валентин Митрофанович Сидоров сказал, обращаясь к России [109, с. 216]:

«Нет, ты себя не исчерпала,	И твой удел, и твой обычай –
Не разменяла в суете.	Непроторенные пути.
А мы – звено, мы – лишь начало,	И главное твое величие
Короткий штрих в твоей судьбе.	Не позади, а впереди».

«... Россия только начинается —
Пусть ведают друзья и недруги...
И слово главное не сказано
Её вождями и пророками» [109, с. 250].

Но для реальных исторических свершений одних лишь предчувствий будет недостаточно, потребуется ещё убеждающая сила научных аргументов и предвидений. Тяга к философским и научным обоснованиям космического пути земной цивилизации сейчас нарастает во всём мире, а в России особенно, приводя всё большее число людей к Учению Живой Этики. Преодолев восьмидесятилетнее испытание замалчиванием и пренебрежительным недоверием, разрывая окружающие его завесы таинственности и ореол неприкасаемости, Учение Живой Этики постепенно становится центром кристаллизации для широких построений новой научной парадигмы и выработки нового отношения людей к жизни. За минувшие десятилетия любая попытка мистификации была бы разоблачена как противоречащая научным представлениям о действительности, и уж во всяком случае подверглась бы стирающему воздействию времени, коррозии забывания и выветривания из общественного сознания как неактуальная. Даже марксистско-ленинское учение, ставшее сильнейшим фактором изменения жизни на планете в XX веке, теперь весьма заметно утратило свой революционизирующий потенциал. На этом фоне особенно резко выделяется то обстоятельство, что Учение Живой Этики с годами приобретает всё большую убедительность, весомость, популярность, способность синтезировать лучшие достижения человеческой мысли, в том числе идею коммунизма.

Однако у Учения Живой Этики есть немало противников. Они готовы отвергать Учение стихийно, по причине его непривычности, как это было с наркочадами Луначарским и Чичериным, с которыми беседовал Н.К. Рерих в 1926 году. Так как большинство людей, не вникающих в глубокий смысл открытий физики и астрономии XX века, даже в наши дни продолжают не критично, по традиции, отождествлять научное мировоззрение с классическим материализмом, то Учение Живой Этики представляется им мистическим. А в поверхностной попытке классифицировать его как религию, относят к буддизму по признаку поступления его с Гималайских гор и уважительных высказываний о Будде. Вот и готов незамысловатый шаблон для противопоставления Живой Этики сразу и науке, и христианской религии. Зачем, дескать, образованным людям, да ещё и христианам, подпадать под влияние буддизма? И некоторые борзописцы наклеивают на сторонников Учения Живой Этики ярлык рерихоманов. Но, «как лампада бледнеет пред ясным восходом зари», так подобная ложная мудрость обречена (по слову А.С. Пушкина) на мерцание и тление «пред солнцем бессмертным ума», если вскрывается созвучность Учения Живой Этики с назревшим в современной науке осмыслением глубин материи и тайн происхождения наблюдаемой Вселенной. Если коммунисты будут осваивать, развивать и пропагандировать основные представления современного научного мировоззрения, как 50 – 150 лет назад осваивали и пропагандировали классическое научное мировоззрение и диалектику природы, и от на-

учных позиций идти к Учению Живой Этики как космической подсказке, органически родственной Учению Христа, то такой идеологической платформе не смогут нанести ущерба никакие злобные укусы с позиций вчерашнего дня науки и религии.

Что касается противников, то к ним должно быть совсем другое отношение с позиций Живой Этики, чем то, которое приходилось практиковать в ожесточённой борьбе за выживание социализма во время гражданской и Великой Отечественной войн и в промежутке между ними. Тогда представлялось единственно правильным отношение, сконцентрированное в знаменитых словах М. Горького: «если враг не сдаётся, его уничтожают», резко противоречащее евангельскому завету о любви к врагам. Конечно, надо иметь в виду, что советы Живой Этики, как и завет Христа, приложимы к отношениям на достаточно высоком уровне духовности, и со стороны духовного существа, а для отношений более примитивных остаётся в силе ветхозаветный принцип «око за око и зуб за зуб», который даже христианин Ф.М. Достоевский считал необходимым применительно к войне с нападающим захватчиком и поработителем. «Учение общины очень заботливо имеет в виду поднятие врагов. Для этого не следует отягощать врага прямыми предложениями. Но личное устремление к мировым заданиям может достичь такого напряжения, что неминуемо враг обратится к тому же направлению. Мы не должны забывать, что враг той самой враждой уже связан с нами. В этой связи заключается слабость врага. Ненавидя нас, враг начинает наполнять существо своё нашим представлением. Враг приковывает сознание к нам и часто кончает простым подражателем, в чём никогда не сознается. Подражать враг будет во внешних приёмах именно тогда, когда ненависть доведёт до подражания, и тогда космичность задания может и внутренне увлечь врага. Когда знаем, что враг привязан к нам, мы можем смотреть на него, как на неразумного домочадца. Так вникните в сущность врагов и найдите им место. Они могут прекрасно служить ножками вашего рабочего стола. Из упрямства невежества они напрягут силы, чтоб следить за вами. Но вам нечего скрывать, ибо вы работаете для человечества. И враг должен стать подражателем или погибнуть. Эта гибель, конечно, не от вашей руки, но от искры мирового аппарата. Потому и настаиваю на пламенном устремлении» [86, 2.XI.1]. «Не делайте врагов — завет всем. Знайте врагов, берегитесь от них, пресекайте их действия, но злобу не имейте. И если враг добровольно придёт под крышу вашу, согрейте его, ибо велика крыша ваша и вновь пришедший не займёт ваше место. Если же трудно усилия глубокого чувства заменить, то покройте его улыбкою Света. Чувство старых вымышленных счетов поистине несоизмеримо с Планом Владык. Ибо если положить на весы дела с первоисточником их и вымыслы, придуманные усилиями ненависти, то вымыслы будут тяжелее... Не забудьте похвалить врагов» [90, 2.VIII.4].

Видно, не так уж необычно или неожиданно это рациональное понимание христовой заповеди о любви к врагам (Мф., 5, 44), если полувеком ранее Достоевский, хоть и не с такой же программной ясностью и аргументированностью, но по существу с таких же позиций рассуждал о народностях, к которым Россия не испытывает вражды, но которые будут проявлять подозрительность и враждебность по отношению к России [104, с. 352-356, ноябрь 1877, гл. 2, III]. «Кстати, скажу одно *особое* словцо о славянах и о славянском вопросе (с. 352)... Будут ли, наконец, все эти земли и землицы вполне независимы или будут находиться под покровительством и надзором “европейского концерта держав”, в том числе и России... — я не берусь разрешать. Но, однако, возможно и теперь — наверно знать две вещи: 1) что скоро или опять не скоро, а все славянские племена Балканского полуострова непременно в конце концов освободятся от ига турок и заживут новою, свободною и, может быть, независимою жизнью, и 2)... Вот это-то второе, что наверно, вернейшим образом случится и сбудется, мне и хотелось давно высказать. Именно, это второе состоит в том, что по внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, — не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что все точно так именно и сбудется, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, — у них характер в этом смысле как у всех, а именно потому, что *такие вещи* на свете иначе и происходить не могут. Распространяться не буду, но знаю, что нам отнюдь не надо требовать с славян благодарности, к этому надо приготовиться вперед. Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта... Долго, о, долго ещё они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, неслыханного в мире подвигу ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, — коченеет, калечится и умирает в язвах и бессилии (с. 353-354)... Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на неё и интриговать против неё.

О, я не говорю про отдельные лица: будут такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить Россия для них всегда. Они поймут все величие и всю святость дела России и великой идеи, зная которой поставит она в человечестве. Но люди эти, особенно вначале, явятся в таком жалком меньшинстве, что будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическому гонению. Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации... России надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своём славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества (с. 355)... Разумеется, сейчас же представляется вопрос: в чём же тут выгода России, из-за чего Россия билась за них сто лет, жертвовала кровью своею, силами, деньгами? Неужто из-за того, чтобы пожать столько маленькой, смешной ненависти и неблагодарности? О, конечно, Россия всё же всегда будет сознавать, что центр славянского единства это она, что если живут славяне свободною национальною жизнью, то потому, что этого хотела и хочет она, что совершила и создала всё она. Но какую же выгоду доставит России всё это сознание, кроме трудов, досад и вечной заботы? (с. 356)».

Теперь мы стали свидетелями того, как сбылись, да ещё с лихвой, пророчества Достоевского о малых народностях. Не только народности центральной Европы устремились из сплоченного вокруг России социалистического содружества в объятия НАТО, но даже Украина с Грузией, пришедшие добровольно более трёх столетий тому назад искать защиты под крылом России, и те смотрят в том же западном направлении. Однако естественное в подобных ситуациях чувство обиды может претвориться в сознании русского народа в обостренное ощущение правоты своей исторической миссии. Уж если русские прозорливыцы не ошибаются в таких частных подробностях, то тем более можно положиться на их крупномасштабные предвидения, особенно когда рубежные черты предвидимого воплощаются или просматриваются в близком будущем как необходимые шаги эволюции. Прогрессивные достижения человечества в XX веке вершились под большим влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Сама эта революция явилась свидетельством действенной восприимчивости русского народа к передовым веяниям эпохи и лучшим достижениям человеческой мысли и опыта. Наша революция оказала помощь зарубежным трудящимся в их борьбе уже тем, что заставила капиталистов пойти на существенные уступки перед альтернативой лишиться всего, как в России. Самый большой и решающий вклад в победу над чумой фа-

шизма внес Советский Союз. Прямым следствием этой победы стал переход на социалистический путь развития новых стран и развертывание национально-освободительной борьбы в колониях. Капиталистические государства стали перенимать социалистический опыт государственного регулирования экономики, организации социальной защиты народа. Даже процесс обобществления средств производства, как характернейшая черта социализма, охватил капиталистические страны, и сегодня, при глобальном кризисе, резко усиливается.

Поистине, в середине XX века, особенно в его третьей четверти, можно было считать сбывшимися пророчества светочей русской литературы о великой миссии России. «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе... Но какая же непостижимая тайная сила влечёт к тебе?.. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатью, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?.. Не так ли и ты, Русь, что бойкая неогонимая тройка несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё отстаёт и остаётся позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не даёт ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо всё, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» (Н.В. Гоголь, «Мертвые души», т. I, начало и конец гл. 11).

Неужто эпоха свершения пророчеств закончилась для России разрухой и утратой высокой цели в постсоциалистический период? Неужто ухо утратит чуткость и не “заслышит с вышины знакомую песню”, в которой уже явственно звучит призыв к космическому будущему как цели, о которой ещё не ведал Гоголь и вопрошаемая им Русь – тройка? Нет, не следует терять веру в Русский народ и Россию!

«Да не робей за отчизну любезную...

Вынес достаточно русский народ,

Вынес и эту дорогу железную —

Вынесет всё, что господь ни пошлёт! —

Вынесет всё — и широкую, ясную

Грудью дорогу проложит себе» (А.Н. Некрасов, «Железная дорога»).

А на печаль следующей за этим пары строк: «жаль только — жить в эту пору прекрасную уж не придётся — ни мне, ни тебе» — всякий творческий

и искренне религиозный человек ответит, что счастлив потрудиться и побороться за прекрасное будущее. Да сверх того, в Учении Живой Этики есть более конкретная и реалистичная надежда на жизнь после смерти, чем неопределённая жизнь вечная, обещанная в Евангелии для праведников.

В середине § 35, ещё до изложения сведений об Учении Живой Этики, кратко затронут вопрос об остатке в христианском Евангелии представления о перевоплощениях человека (об Иоанне Крестителе как воплощении древнего пророка Илии сказано в нескольких местах: Мф., 17, 10-13; Мф., 11, 12-15; Лк., 1, 13-17). Учение о перевоплощениях — одно из стержневых в Живой Этике. При отсутствии перевоплощений природа оказывается чудовищно расточительной и эволюция непродуктивной. С этим приходилось мириться классическому научному мировоззрению, но для представлений о различных уровнях материальности и космическом творчестве разума было бы большим противоречием признание безвозвратной утраты самых ценных накоплений опыта жизни в Мире Плотном. В царствах растительном и животном такой опыт может использоваться как ценная основа врождённых способностей нового организма, делающих его восприимчивым к новым программам развития в виде инстинктов. О бессмертии сознания на животном уровне речи быть не может, поскольку само сознание ещё нет. Даже на человеческом уровне «для сохранения сознания нужно при жизни ощутить его» [86, 1.VII.1]. Способность человека и даже животного реагировать адекватно на внешние условия — это ещё не сознание с точки зрения Живой Этики. Было бы даже жестоко и неразумно переносить в следующее воплощение человека память о прежней жизни с необузданностью страстей, горечью утрат, узостью мировосприятия, угасанием активности и унынием преклонного возраста. Большое благо в том, что ребёнок преисполнен жизнерадостности, активности, любознательности, восприимчивости и представляет собой “чистую доску” (tabula rasa), на которой жизнь может писать новые знаки. О бессмысленности сохранения грубых несовершенств резко сказал Саша Чёрный [126]:

«Бессмертье? Вам, двуногие кроты,
Не стоящие дня земного срока?
Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты
Того же захотят, обидевшись глубоко.
Мешане с крылышками! Пряники и рай!
Полвека жрали — и в награду вечность.
Торг не дурён. “Помилуй и подай!”
Подай рабам патент на бесконечность.

Тюремщики своей земной тюрьмы,
Грызущие друг друга в каждой щели,
Украли у пророков их псалмы,
Чтоб бормотать их в храмах раз в неделю.
Нам, зрячим, — бесконечная печаль,
А им, слепым, — бенгальские надежды,
Сусальная сияющая даль,
Гарантированные брачные одежды!»

Сознание в глубоком смысле есть *совместное знание*, общее человеческому и высшему разуму понимание смысла жизни и задач эволюции. На воспитание такого сознания и нацелено Учение Христа и Учение Живой Этики. Обман и подделка в этом деле невозможны, вернее, они не дают желаемого результата. «Справедливо спросить человека, задумавшего

вступить на путь великого Служения, — чем думает он поступиться. Или он надеется лишь получить осуществление своих самых сладких мечтаний? Или удобно ему за крупицу веры присвоить земное богатство и занять не свойственное его сознанию положение? Нельзя перечислить способы расширения сознания, но во всём лежит сознание правды и самоотверженности» [86, 2. VIII.6]. «Ведь не рынок жизнь, где выгодно покупается вход в Царствие Небесное. Ведь не могила жизнь, где дрожат за справедливость Неведомого Судии!» [90, 3.V.13]. «Ведь не за плату, не от страха идёте, но от сознания космической красоты» [90, 3.II.4]. «Учёные предложили, по их мнению, остроумное утешение: “Человек начинает умирать с момента рождения”. — Утешение скудное и траурное. Мы же говорим — человек рождается вечно, в особенности же в момент так называемой смерти... Признак отношения к смерти очень важен для характера Учения, в нём заключается понимание перевоплощения. Прошу отнестись к перевоплощениям строго научно. Если вы можете предложить другую конструкцию мироздания, Мы оставим за вами место профессора семинарии и обещаем похоронить по первому разряду, — ведь вы собрались действительно умереть в глазах просвещённых. Прочитайте внимательно писания вами напечатанных Учителей, и вы удивитесь, как дружно во все века Они Говорят о смене жизни» [90, 3.V.13].

«Вдумайтесь в слово *человек* — оно означает дух, или чело, проходящий веками. Вся смена воплощений, вся ценность сознания выражена в одном слове. Можете ли назвать другой язык, где житель воплощённый назван так же духовно?» [86, 1.XI.5]. Не зная о перевоплощениях, из глубокой убеждённости в том, что «самое дорогое у человека — это жизнь» и она «даётся ему один раз», Николай Островский сделал прекрасный вывод: «прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое» [127]. Однако когда современные рекламщики назойливо приглашают “брать от жизни всё”, имея в виду не более чем рекламируемый товар, то они вбивают попутно в сознание людей желание, ввиду неповторимости жизни, извлекать из неё максимум житейских удобств и удовольствий любой ценой. Не в последнюю очередь именно такая “идеология” подталкивает к азартным играм и наркомании, особенно тех, кому не даётся материальное преуспевание. А вот когда люди будут знать из заслуживающих серьёзного доверия источников, что от того, как проживут они эту жизнь, зависит следующее воплощение, у них будет гораздо меньше оснований относиться к жизни легкомысленно. В мир иной не унесёшь с собою дом, автомобиль, счёт в банке, а неизбежно унесёшь выработанные в земной жизни психические качества и способности как подлинное достояние своё, обрекающее на тягостные переживания сожалений и неутолимых страстей, либо открывающее возможности светлого и радостного творчества на благо космической эволюции.

Каждый человек, взглядевшись внимательно в свой жизненный путь, может увидеть, как из множества мелких событий и шагов формировался жизненный опыт и способность зрелого возраста. Сколько раз, и с какими трудностями приходилось в младших классах средней школы делать с помощью пальцев рук, счётных палочек и записей в тетради сложение и вычитание чисел, чтобы взрослый человек мог свободно выполнять подобные операции в уме без каких-либо вспомогательных приспособлений. Это простейший пример психических накоплений. А способность учёного интуитивно оценивать перспективность тех или иных решений научной или технической проблемы — тоже плод накоплений. Способность умудрённого жизнью человека правильно ориентироваться в сложных жизненных обстоятельствах, которой так мучительно (для воспитателей) не хватает людям в юном возрасте — как правило плод опыта собственных ошибок. И все накопления сознания не пропадают, но отлагаются на более глубоких и тонких уровнях материальности, служа, подобно подводной части айсберга основанием того видимого на поверхности возвышения физической красоты, интеллектуального и нравственного облика каким представляется нашему взору человек.

Мы можем сказать в виде вполне привычного выражения, что усилия учёбы и труда *выкристаллизовались* в искусство мастера. А писатель А.К. Виноградов в романе «Три цвета времени», опубликованном в 1931 г., пишет: «Офицер французской конницы Стендаль переполнен бурей небывалых чувств, окрашивающих все предметы. Он чувствовал, что впечатления кристаллизуются в его воображении и, закристаллизовавшись, получают неожиданную игру под лучами дневного света. Каждая грань кристалла была гранью тонкого и лучистого вещества, и все предметы преломлялись по-новому сквозь эту призму окристаллизованных впечатлений» [128]. О *кристаллах* умения, понимания, чувств и ценных для дальнейшего развития (эволюции) качеств характера говорится в текстах книг Живой Этики. А то, что является накопителем подобных кристаллов опыта многих воплощений формирующейся духовной личности, называется Чашей. И как Христос умел видеть помыслы окружающих людей и уровень их умственного и нравственного развития, так Учителям Живой Этики доступно то, что Они называют излучениями кристаллов Чаши человека. У каждого человека есть в основании его существа такая Чаша психических накоплений, в которой сконцентрировано только всё лучшее, всё наиболее ценное для дальнейшего развития. Способность воспринимать, осознавать содержимое этой чаши и заботиться о приумножении его находится в прямой связи с устремлением человека к пониманию устройства мироздания, смысла бытия Вселенной и своего собственного пути духовного восхождения к космическому созиданию. Христос учил именно такому пути: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанн, 14, 6). Увидеть же высшие ценности жиз-

ни и высшие достижения неразвитое сознание ещё не способно, ему нужно развиваться, идя по дуги, указываемому из высших сфер духовности. «Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь: покажи нам Отца?» (Иоанн, 14, 8-9). Не так ли приехавшие в Москву на заработки крестьяне, с которыми Лев Толстой ходил на Воробьёвы горы пилить дрова, видели его физический облик, но не видели главного в Толстом, книг которого даже не читали. А на тех книгах воспитываются теперь и будут воспитываться миллионы борцов за культуру.

В «Гранях Агни Йоги» находим особенно простое и убедительное разъяснение проблемы воспитания сознания. «Высшие измерения пространства сосредоточены в существе человека. И когда постепенно начинают постигаться ступени вездесущия, расстояния утрачивают своё обычное значение... Это, в свою очередь, связано со способностью... сознательно действовать в разных своих оболочках на планах различных, в соответствии с каждой их них. Но многое можно начать утверждать уже ныне... Хочу обратить особое внимание на сферу мысли, как на область больше и легче доступную. Созвучие в мыслях со Мною (с Учителем, будь то Махатма Мория, Христос, или даже кто-либо из почитаемых светочей науки или искусства человеческого уровня — А.С.) — уже ступень достижения. Созвучие это можно утончать и углублять бесконечно... Предельны и ограничены сроки проявленных форм, но уявляются они в беспредельности и уносятся в беспредельность. Но вне сроков — дух и накапливаемые им сокровища качеств, хранилище Чаши... Не отвлечённость, но явные кристаллы Сокровища Камня. Кристалл мужества, кристалл преданности, кристалл равновесия — какой красотой сияют они, красотой надземных огней в существе человека! Так утверждение и накопление Огненного Сокровища в Чаше и будет Великим Деланием... Истинно, величайшим богатством владеет тогда человек — Камня носитель. Так каждодневность можно обратить в непрерывный процесс наращивания Камня и собирания, хотя бы по крупичам, новых кристаллов в него. Вся беспредельность перед нами на этом пути без конца... Собиратели Огненного Сокровища, о если бы знали, как яро Хочу вам помочь в стремлении вашем умножить Сокровище Камня! Итак, качества духа для вас уже не никчёмная отвлечённость, не добродетели, воспеваемые неизвестно во имя чего, но путь верный к могуществу духа, путь огненный к счастью надземных миров» [91, том I, 02.02.1960].

Этот путь восхождения на вершины можно сокращать, выбирая более крутые маршруты, т.е. отваживаясь на больший труд, большую самоотверженность и смелость устремлённости, но непродуктивно пытаться перескакивать, уклоняясь от усвоения необходимых последовательных этапов подъёма. Одно дело — уверенность в своих силах и решимость идти

вверх, и совсем иное — преувеличенное представление о собственных достижениях. Тогда получают качества известного в русской литературе типа “лишних людей”, о которых А.Н. Некрасов сказал, что они «по свету рыщут, дела себе настоящего ищут, благо, наследье богатых отцов освободило от малых трудов». Трудности пути, которые кажутся унижительными и недостойными достигнутых уже человеком высоких помыслов, должны быть пройдены «ногою человеческою», ибо «для работы в месте, где сошёл дух к материи, нужно иметь условия обоих планов. Нельзя удалиться от земли, и надо пребывать в духе... для Земли всё должно совершиться на земном плане. В этом главная причина бытия Братства (Махатм — А.С.) здесь» [90, 2.1.9]. Не убягая от трудностей обыденности, можно сохранять в сознании устремлённость к высокому пути, которая осветит ценность каждого малого шага в правильном направлении. «Спрашивают, как утвердить радость среди безрадостного существования в низинах. Ответу — правильными действиями, сущность которых теперь нам ясна. Радостью, порождённой правильными действиями, утверждается путь» [91, том I, 02.02.1960].

«... неотъемлемость огненных накоплений и означает непреходящую природу. В океане преходящих явлений, окружающих дух, его зерно будет утёсом, на котором можно опору найти для утверждения в себе непреходящего... Дух с накоплениями — это дух, который в предшествовавших жизнях уже собрал и сосредоточил... это нетленное и непреходящее богатство... есть духи, накопившие... достаточно элементов для сознательного пребывания вне тела, на высших планах, и есть накопившие недостаточно, когда не с чем и нечем себя проявить вне привычных плотных условий мира земного. Глух, слеп и нечувствителен остаётся такой дух к великолепию высших миров. И если человек все дни жизни своей на земле провёл, погружённый в явления чувственно — физические и телесные, подобно свинье с рылом, опущенным книзу, к земле, то умирает тогда с ним, вместе с телом его, и сознание. И, обладая духом бессмертным, он в духе своём жить не может, ибо нечем ему, и идёт на смерть, в бессознательное состояние, уподобляясь каменному, бесчувственному истукану, пока новые и новые земные воплощения в нём не пробудят осознание бессмертного духа в себе. Жизнь вечная осознаётся, утверждается и обретается не где-то там, в небесах после смерти, но именно здесь, на земле, и сейчас, ныне, в условиях преходимости внешних явлений и смерти проявленных форм... Такою же мерою отмеряет себе человек возможности жизни в Надземном, которою мерил он их на земле» [91, том I, 03.02.1960]. «Откуда возмущаются высокие мысли, если на Земле они никогда не посещали сознание? И что будет им созвучать в человеке? И как и чем притянутся они к познающему центру? Если нет маломалейшего, к чему было бы приложить, созвучие состояться не может» [91, том IV, §7, 05.01.1963]. «... явление смерти освобождает к проявлению накопления,

собранные в предшествующих жизнях. Говорю это, чтобы не умаляли значения пребывания в плотных телах и жизни во плоти... Рост огненной мощи есть цель пребывания на земле человека» [91, том I, 29.01.1960]. «Скажу нечто важное: все положительные качества духа являются накопителями огня... Контроль над собою означает постоянный дозор, без него процесс накопления невозможен» [91, том I, 30.01.1960].

Сопоставим эти высказывания с известными местами из Евангелия. «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф., 18, 18). Глагол “разрешить” употребляется в данном случае в смысле “освободить от уз, привязанности”, “развязать”. Совет держать постоянный дозор, контроль над собою, неоднократно встречается в Евангелии: Мф., 24, 42–44; 25, 13; Марк, 13, 33; Лк., 12, 34–36; 21, 36. О необходимости воспитывать положительные качества духа говорит всё учение Христа. И огонь упоминается в Евангелии в связи с важнейшей задачей миссии Христа. Иоанн Креститель говорит: «я крещу вас в воде... но Идущий за мною сильнее меня... Он будет крестить вас Духом Святым и огнём» (Мф., 3, 11). А вот слова Иисуса: «Огонь пришёл Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк., 12, 49). В Учении Живой Этики указаны три основных укрупнённых уровня материального мира: Мир Плотный (сходящий с нашим предстанием о корпускулярном мире), Мир Тонкий и Мир Огненный. Мир Огненный понимается как глубокая основа двух других миров. «Ярое, непреклонное, стойкое утверждение в себе мощи огней и будет путём в беспредельность. Так Наша Этика ведёт в беспредельность, и потому называем её Живою, Живою Этикой, или Учением Жизни, Учением Света, Учением Огня, Огненной Йогой, или Агни Йогой» [91, том I, 31.01.1960].

Много нравственных болезней современного общества, в первую очередь эпидемии корыстолюбия, жестокости, наркомании, половой распущенности и извращённости можно искоренить, открывая перед людьми красоту и могущество достижений, которые станут доступны, если переключить сознание масс на искания смысла жизни и завоевание бессмертия. Именно к этому и призывают первоисточники великих мировых религий. Очевидно, источники были сильно замутнены и искажены человеческим непониманием и низменными наклонностями. А многовековая привычка приспособления космических учений к человеческим слабостям обесценила обещания религий как истинные ценности, к которым нужно всерьёз стремиться или хотя бы считаться с ними, не подменяя ответственное отношение ханжеством. Такое положение становится нетерпимым в век высоких научных прозрений и овладения глубинами материи, но главным препятствием является то, что широкое распространение получило безразличие людей к вопросам мировоззрения, и темы, затронутые на страницах этой книги, способны привлечь внимание лишь довольно уз-

кого круга читателей. Однако это препятствие преодолимо, и современное состояние науки и образования позволит осуществить то, что было непостоянным для религии, если найдется общественная сила, не только заинтересованная в развитии и укоренении космического мировоззрения, но и способная системно и систематично организовывать эту деятельность.

Такой общественной силой являются сторонники коммунистической идеи, или Мировой Общины, по терминологии книг Живой Этики, ощущающие как своё призвание служение Общему Благу. У них за плечами исторический опыт и организаторские способности утверждения коммунистической идеологии и перестройки жизни больших масс народа на началах коллективизма и дружелюбия. В их интересах воспринять обостренные тревоги и надежды экологов, футурологов, защитников природы, энтузиастов ноосферы и противников капиталистического глобализма. Конечно, чтобы выступить в роли объединяющей и направляющей силы воплощения передовых устремлений разума космической эры, коммунистам необходимо преодолеть в себе вековую инерцию мысли, но альтернативы этому нет перед ними. Не следует малодушно смущаться громадностью диапазона и глубиной проблем, подлежащих охвату. «Лучше труднее подходить к большему, нежели легко овладеть малым» [90, 2.VII.14]. «Правильно приложить силу к трудному, ибо всё лёгкое несоизмеримо с грядущим» [90, 3.III.14]. Пусть антикоммунисты довольствуются лёгким, но недолговечным успехом охавания советской эпохи и возбуждения неприязни к личности лидера КПРФ. Их удел — сходить с исторической сцены, а все перспективные и устойчивые построения нуждаются в прочном глубоком фундаменте. Поощрение научного закладывания этого фундамента как диалектики природы для XXI века должно стать первейшей заботой сторонников космической направленности коммунизма. Многих деятелей современного естествознания уже заинтересовала эта работа, а философские обсуждения научных выводов высвечивают близость их с Учением Живой Этики как даром высокого космического разума земному человечеству.

Могут ли эти идеи затронуть сознание широких масс? Истина всегда была способна находить путь к сознанию общества. В своё время весьма далеки от него были идеи Николая Коперника, но теперь они общедоступны, и не потому, что люди стали читать первичный труд Коперника «О вращениях небесных сфер», который не изучают сейчас даже специалисты астрономии. Но давно найдены доступные для общего образования убедительные аргументы в пользу гелиоцентрической системы мира, а практика освоения космического пространства устранила всякую тень сомнений в истинности тех представлений, за которые церковь преследовала Галилео Галилея. Так и ручательство новейшей науки за истинность представлений о тонких уровнях материи и творческом участии космического разума в эволюции Вселенной сделает убедительной для образованной публики возможность достижения бессмертия и привлекательность неподде-

льных усилий в этом направлении. Немалый контингент людей, способных заинтересоваться научным осмыслением миссии и Учения Христа, будет приходиться через церковь. При этом важно для научных и коммунистических кругов не стремиться к обострению противостояния с церковью. «Получается губительная формула — “наша вера лучшая”, или “мы верные, они же все неверные”... Нет вреднее занятия, нежели навязывание веры» [90, 3.V.13]. «Скажу очень важное. Канон выше — “Господом твоим” — Основание нового мира. Прежде читали: “И возрадовался дух мой о Боге Спасе моём” — теперь же скажете: “И возрадовался дух мой о Боге Спасе твоём”. Торжественно Говорю: в этом спасение. “Господь твой живи!” — так скажете каждому и, обменявшись Господом, пойдёте к Единому» [90, 2.VIII.2]. «Не важно, каким путём нарастает сознание, но объём его позволяет вмещать размер великих событий. Какое учение приводит скорее к расширению сознания? Совершенно индивидуально надо пускать людей на этот луг. — Каждому своя трава. Лишь бы внутренний огонь соответствовал человеческому достоинству» [90, 3.VI.16].

Общественности должно быть заявлено с полной ясностью, что коммунисты — искренние и глубокие последователи Учения Христа и с церковью не враждуют. Христианские убеждения коммунистов позволяют им с пониманием относиться к тем, кто идёт к Христу через церковь. Но наряду с этим с такой же ясностью должно быть провозглашено, что коммунисты опираются на научные представления о мироздании и соответствующие современному уровню познаний раскрытия истин космического мировоззрения в Учении Живой Этики. Коммунисты имеют объяснение генетической связи своих современных убеждений с Учением Христа, работают над углублением и расширением этих объяснений и готовы поделиться ими со всеми желающими, но не стремятся к насильственному навязыванию их, вполне признавая правильность отказа Учения Живой Этики от миссионерских зазываний. Если церкви угодно будет настаивать на своём неприятии Учения Живой Этики и “научного препарирования” божественного откровения христианства, то не стоит с нею спорить — пусть проповедует свои убеждения, которые не удержат ищущие души от расширения сознания. Коммунистам же будет близка позиция Учения Живой Этики: «Разумное понимание явится редчайшим качеством, которое оценится Владыками выше многого» [90, 2.VII.14]. «Удумайте, как человечеству быть понятнее» [90, 2.VII.16]. «Луч Христа так же научен, как луч Солнца, но для толп простое нахождение предмета уже чудо. Разве смена рас чудо? Разве приход Учителей чудо? Разве появление Христа чудо? Разве пророчествуют веками ранее о чуде? Чудо нарушает гармонию, между тем как события космические лишь утверждают эволюцию» [90, 2.VIII.1].

Впрочем, вряд ли церковь сможет долго удерживаться в состоянии изоляции от научного космического осмысления Учения Христа. Четыре

века противостояния движению науки и игнорирования её не могут не прояснить для церкви безуспешность и бесславность такой позиции. И подобно тому как коммунисты способны понять, что признание Христа не является для них поражением, но является открытием новых возможностей, так церкви предстоит понять, что построение Мировой Общины на Земле не будет унижением ни христианства, ни других великих мировых религий. Всё истинно ценное в этих религиях пойдёт на пользу людям, а всё, что служило разъединению людей и порабощению неимущих имущими, должно уйти в прошлое вместе с разобщённостью людей по имущественному и конфессиональному признакам. Таковы неизбежные последствия процессов назревшего синтеза в области идеологии и общественного устройства.

Практический вопрос: как сочетать глубокое изучение космического мировоззрения по первоисточникам и развитие его, с тем, что соответствует прежним представлениям о широкой пропаганде учения? Формы такого сочетания были выработаны коммунистами для марксистско-ленинской теории. Был круг учёных специалистов, углублённо изучавших произведения основоположников и разрабатывавших в научных трудах, в диссертациях осмысление и развитие теории применительно к условиям текущего момента, а также практические приложения теории к задачам народного хозяйства, внутренней и внешней политики государства. Наряду с этим существовала широко развитая сеть пропаганды мировоззрения диалектического и исторического материализма, включающая в себя изучение этих философских вопросов наряду с политэкономией капитализма и социализма в высших учебных заведениях, а профессорско-преподавательскому составу было вменено в обязанность повышение идейно-политического уровня в вечерних университетах марксизма-ленинизма. Хотя содержание изучавшихся дисциплин не было лишено интереса и представляло ценный идейный багаж для формирования культурного человека, черты навязчивости, обязаловки, формализма были довольно сильны, отталкивая незаинтересованных людей и понижая качество обучения. Задачи разработки и пропаганды космического мировоззрения гораздо масштабней и сложнее. Прежде всего, в соответствии с требованием Учения Живой Этики, должна быть совершенно исключена миссионерская навязчивость. Она вредна не только тем, что на популяризаторском уровне «продаёт Учение с уступкой» и «ставит Учение в позорное положение лжи и пресмыкания» [86, 2.X.15]. Но ещё важнее то, что навязывание Учения сознанию, не созревшему для его восприятия, может нанести вред развитию сознания. «Каждая капля, мимо упавшая, обращается в жгучую кислоту. Насильственное набухание даёт лишь водянку... лечение её невозможно. Поэтому только качество, но не количество. Каждый постучавшийся отвечает сам, но зазванный ляжет жерновом на шею звоняря. Потому звоните лишь вовремя — так избегнете миссионерства» [86, 2.X.15].

По-видимому, правильно будет коммунистам вообще не заниматься пропагандой Учения Живой Этики как такового. Знакомство с Учением для них необходимо, подкреплять понимание научной аргументацией — важно, и именно пропаганду научных подходов, как всякую пропаганду научных знаний надо признать полем деятельности и обязанностью коммунистов. Но то, что дано в Агни Йоге как сверхнаучное (для человеческой науки) знание, которым можно овладевать на путях духовной интуиции, — лучше оставить в ведении рериховских общественных организаций, вокруг которых собираются только люди заинтересованные и только добровольно. Дублировать деятельность этих обществ не к лицу коммунистам как политической партии, так же как нелепо дублировать деятельность церкви. Существуют канонические тексты, излагающие Учение Христа и Учение Живой Этики, и коммунисты, считаясь с ними как с данностью, заявляют о своём понимании этих Учений как откровений высокого космического разума и своём принципиальном согласии с этими Учениями, из чего вытекает готовность воплощать их требования в жизни. Готовность вполне искренняя, поскольку призыв Учителей Живой Этики к построению Мировой Общины находится в согласии с устремлениями коммунистов. С учётом исторического опыта и принципов космического Учения коммунисты будут добиваться своих целей служения Общему Благу методами убеждения, считая лучшими средствами убеждения аргументы науки и исполнение заветов чтимых Учений.

Для космических Учений Христа и Живой Этики достижение всеобщего материального изобилия не является главной целью, но удовлетворение материальных потребностей рассматривается как попутный результат, который приложится к успехам одухотворения общественной жизни. Именно эту поправку следует внести коммунистам в своё представление о высших перспективах коммунизма, провозгласив главной целью выход земного человечества на уровень космического творчества, освящённого космической этикой. Новая перспектива коммунистической идеологии и коммунистического движения ни в коей мере не отменит борьбы за социальную справедливость в дне сегодняшнем, в условиях недостаточности материальных благ, и коммунисты будут акцентировать внимание мировой общественности на том, что всеобщее материальное изобилие окажется недостижимым, если современная цивилизация не сможет избежать техногенной, экологической, социальной катастроф, к которым ведёт продолжение господства разобщённости, корыстолюбия, властолюбия и бездуховности. Но эта борьба сможет черпать вдохновение не только в сравнении современного положения с прошлыми достижениями социалистического образа жизни, а и в сопоставлении с теми задачами, которые выдвигает довольно определённо предвидимое будущее.

Вопрос о власти. Если понимать власть как право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-либо, то люди вы-

сокой духовности — не властолюбцы. Это прямо вытекает из неодобрения насилия и эгоизма космическими Учениями Христа и Живой Этики. Правда, те, кто посвящает свою жизнь одухотворённому самоотверженному творчеству в литературе, искусстве, науке, философии, религии, становятся властителями дум, облагораживающих общество, и эта их духовная власть на столетия переживает власть богачей, чиновников, монархов. Но властителям дум, за редчайшими исключениями, не дано вкушать плоды своей власти при жизни, а гонениям различной степени тяжести они подвергаются нередко. В особенном положении оказываются духовные лидеры, принимающие на себя труд совершенствования отношений между людьми и форм организации общества. На их долю иногда выпадает обязанность выступать в роли и формальных руководителей некоторых сообществ, но эту нагрузку они несут как личное жертвоприношение. Исполнение властных функций в обществе не ради удовлетворения самолюбия и эгоистических амбиций, а для воплощения идей служения Общему Благу приветствуется в Учении Живой Этики. В книге «Зов» Учитель сказал: «Мне ли говорить о власти? Когда всё глупое и когда всё тщеславное к власти устремляется. Но Я говорю и утверждаю. Но Наша власть иная: Наша Власть — Жертва! Поясню немногими словами... Когда Соломон искал власть красоты, когда символом Суламифи был показан символ нечеловеческой правды, он всё же остался царём и донёс свою жертву. Когда духовный учитель Тибета Аллал-Минг стремился в горы, где впервые предстал ему Бог, он всё-таки остался в долине и принял чашу... Когда Сергей из Радонеги уклонился от престола Митрополита... Он всё же остался строить дом Общежитий, и Он сохранил около себя учеников... Зная, что есть подвиг, зная, что есть власть жертва, если, утверждая завоевание, произнесёте: — Господи, да минет меня чаша сия! — Значит, вы уже имеете право творить и дух ваш уже несокрушим. Запомните эту книгу о жертве, ибо она даёт вам врата к завершению и готовности. А будучи готовыми, вы знаете всё, ибо вам всё будет открыто и принесено и рассказано» [89, 23.09.1922]. В данном контексте слова о чаше, исходящие из глубины души, означают признак полного освобождения от властолюбия.

Ситуация, пояснённая на крупных исторических примерах в последней цитате, оказывается гораздо более сложной в современном течении жизни. Когда общество достигло стадии самоуправления, то подготовка мудрого и бескорыстного властителя, если ею займутся незримо надземные силы, должна осуществляться не в узком кругу лиц правящей династии, а через механизм парламентских выборов в межпартийной борьбе. В Советском Союзе механизм выборов функционировал в условиях однопартийной системы и оказался очень удобным для дельцов и пролаз, не считающих властолюбие грехом. В постсоциалистической России хоть и существует формально многопартийная система, но механизм выборов изощённо используют к своей выгоде нынешние хозяева страны. Одним

из весьма действенных и хорошо закамуфлированных оружий буржуазного парламентаризма является подмена борьбы идей борьбой симпатий, породившей развитую технику имиджмейкерства. В таких условиях коммунисты сильно проигрывают, не выдвигая сильной идеи, обладающей мощным зовом новизны. И доказывать им своё коммунистическое бескорыстие нелегко по той причине, что в Советском Союзе перед его распадом руководящие каналы были переполнены властолюбцами и карьеристами, многие из которых целенаправленно стремились к разрушению СССР (в чём не без гордости признались генсек М.С. Горбачёв и А.Н. Яковлев, член политбюро, ответственный за оргпартполитработу) и остались на плаву при антикоммунистической власти. В сущности коммунисты потому и утратили власть политическую и экономическую, что ещё раньше они утратили власть идейную. И теперь возрождение коммунистов к большой исторической деятельности невозможно без того, чтобы они стали на новом этапе истории, этапе вхождения в космическую эру, властителями дум и надеждой человечества. Задача огромная, но, как говорится в русской пословице, «без Бога — ни до порога, а с Богом — хоть за море». Приведённая выше последняя цитата начинается словами: «Какою силою утвердитесь? Как достигнете исполнения Нашего дела? Властью, Нами данною» [89, 23.09.1922]. Вспомним также просьбу Учителя: «Говорид, Говорю и Скажу — Помогите строить Мою Страну. И помните эту Нашу просьбу не в тепле и в довольстве, но в холоде и в минуту тягости» [90, 2.IX.6]. «Когда Прошу: помогите строить Мою Страну, — не к скелетам обращаюсь, но к живым творческим духам. Каждому назначается своя жертва. Символ открытых глаз — так важен» [90, 3.I.8].

Да, коммунистам нужно идти во власть, но не для собственной выгоды, и не только ради классовых интересов, а для воплощения великой цели человечества, понимание которой теперь углубляется и расширяется по сравнению с классическим представлением о коммунизме. Поэтому нельзя уже довольствоваться участием в нынешних коридорах власти, тем более при современном невысоком уровне народной поддержки, а необходимо осмысливать космическую ценность коммунизма, раскрытую в книге «Община» [86], способную дать второе дыхание коммунистическому движению. Иметь перед собой большие перспективы, за ценность которых ручаются глубокие Учения, чрезвычайно важно для воспитания смены нынешних старшего и среднего поколений коммунистов. Старшее поколение, в руках которого были рычаги экономической и политической власти, не сумело удержать страну на пути социалистического развития. Среднее поколение выступило на арену политической деятельности в обстановке спада коммунистического движения и реставрации капитализма, и по существу не имеет пока иного понимания коммунизма, кроме того, которое передано старшим поколением. С таким кадровым контингентом будет невозможно удержать власть, даже если бы она досталась сейчас коммунистам. Значит новый контингент ещё предстоит создавать из имеющегося в на-

личии человеческого материала и привлечения нового. Высшую степень убеждённости и преданности коммунистической перспективе не удастся воспитать на старом её понимании, потерпевшем поражение в мировой психологической войне. На чём же основать огненный энтузиазм нового призыва, способного убедить Россию пойти по новому и надёжному пути к будущему благу? Ведь без высокого вдохновения и энтузиазма самих коммунистов им не удастся выступить в авангардной роли инициаторов кардинальной переориентации общественного сознания и образа жизни.

В первые века нашей эры Учение Христа порождало и питало мощный энтузиазм его последователей, который не могли сломить страшные пытки и казни. Когда же христианство сделалось признанной религией, охраняющей государственные устои, огонь энтузиазма стал угасать под пеплом показного почитания, облегчавшим не только подмену служения Богу фактическим служением богатству, но притуплявшим устремление к победе над смертью, подменявшим истинный путь завоевания бессмертия покупкой индульгенций в прямом и переносном смысле. На рубеже XIX–XX веков великим энтузиазмом бескорыстного служения проникались заступники народные, испытывавшие весь спектр способов улучшения жизни неимущих классов от царевубийства до “хождения в народ” в качестве учителей, врачей, просветителей – пропагандистов. Как самое действенное и плодотворное направление освобождения труда выкристаллизовалось усвоение и пропаганда марксизма вместе с организацией партии революционеров для подготовки и осуществления социалистической революции. Энтузиазм борцов за социализм с коммунистической перспективой достигал наивысшего накала и массовости на протяжении первой половины XX века, но и он пришёл в упадок к концу XX века. Неужели теперь, когда созрели исторические и научные условия для синтеза Учения Христа с устремлением к коммунизму, не удастся возжечь в людях более яркий и устойчивый огонь вдохновения для перехода от развития техники покорения космического пространства к преобразованию жизни общества на принципах космической этики? Разве для этого не хватает побудительных мотивов? Есть мотивы отрицательные и положительные.

К классу отрицательных мотивов принадлежит угрозы глобальных катастроф, о которых сказано во введении и в первой главе книги 1. Если эти угрозы видны уже земным учёным, то тем более они не скрыты от взора Учителей Живой Этики, не оставивших нас без предупреждения. «Повторяю — преступна беззаботность мира. Неужели не замечают опасности?... люди не хотят понять Наш сигнал» [90, 2.X.8]. «Грохочут события, Стараюсь сдерживать узду безумия. Если бы видели все совершаемые преступления! Но не дадим Барсу прыгнуть. Ищущие духа получают Руку Водящую. Ищущие знания получают Наставление. Пребывающие в страдании получают утешение. Поднявшие меч поражены будут. Глумливые удалены будут. Причинившие зло поражены будут. Так Заповедую. Удиви-

тельно, как разрушается мир! Разрушители и разрушаемые сметены будут» [90, 2.X.9]. «Рад, когда полны значения будущего. Теперь особо важное время. Старые предрассудки являют гору непонимания. Темны людские пути. Воистину, только усилие Наше может изменить бег событий. Звериные привычки наполняют досуг человечества. Христос учил сострадание, и погран закон любви. Гаутама, наречённый Буддою, молил о мужестве и энергии, и предались лени последователи Его. Конфуций учил о стройности государственности, и предались подкупности последователи Его... Лень ужасна и может граничить с преступлением. Трудно увидеть последствия лени, но она превращает человека в животное. Скажу — она является одной из главных преград на пути... Также подкуп лишает человека доверия Братства, ибо предательство таких людей велико. Также отсутствие сострадания делает человека негодным к подвигу, ибо такие души лишены мужества» [90, 2.XI.1]. Так что же, остаётся уповать на мудрость пословицы «гром не грянет — мужик не перекрестится»? Ожидать, когда «явление общей опасности должно вызвать такое же общее напряжение» [90, 2.I.1]? Но когда опасности станут очевидными для всех, то, может быть, поздно будет предпринимать спасительные шаги. Мы со своими человеческими мерками можем даже возвыситься до такой степени самокритичности, чтобы понять, что высший космический разум не заинтересован в искусственном спасении нежизнеспособных цивилизаций, которые были бы подобны заразе на поле космического творчества. С точки зрения закона естественного отбора представляется разумным не препятствовать гибели нежизнеспособной цивилизации. Однако Учителя Живой Этики предостерегают нас: «Наделать бед легко, ты мудро строй» [89, 15.10.1921], и вряд ли откажутся от этого принципа сами, тем более что у них есть очень богатые возможности творчества.

Положительные мотивы несут в себе более сильный и плодотворный стимул действия, чем отрицательные мотивы угроз. Если открываются пути к овладению красотой, могуществом, неистребимостью жизни, то как же не испытать эти пути? Только груз скептицизма, пропитанного старыми предрассудками, привычками, ленью и страхами будет удерживать. Не потому ли все крупные исторические движения привлекали к себе молодёжь и именно её устремлённостью и энергией утверждались в жизни? Конечно, идейную почву для направления энтузиазма и энергии молодёжи в перспективное русло должны подготовить наиболее дальновидные и опытные представители старших поколений. И чем большей глубины и широты сознания требуют новые задачи, а задача усвоения космического мировоззрения именно такова, тем важнее становится воспитание в молодёжи любви к знаниям, плодотворному труду, тяги к культуре. Наша планета вместе с существующей на ней цивилизацией представляет подобие учебного заведения, через которое проходят последовательно сменяющиеся друг друга поколения людей. Четверть века назад в вузах обучалось поко-

ление родителей нынешних студентов. Один – два века назад прошли по земной сцене люди, принимающие новое воплощение в наши дни. На протяжении предшествующих двух – трёх тысячелетий располагаются звенья цепочек перевоплощений почти всех живущих на Земле людей и, заканчивая очередное воплощение, каждый имел возможность принять следующее воплощение на этой же планете в новых, более прогрессивных исторических условиях. Но теперь, по свидетельству Учения Живой Этики, положение резко меняется. В ближайшем будущем уже нельзя, слишком опасно оставлять судьбу цивилизации и планеты в руках человечества нынешнего уровня. Средний уровень обитателей Земли должен быть резко повышен, а сделать это в достаточно короткие сроки путём перевоспитания всех ныне воплощённых уже не удастся. Цивилизация и планета нуждаются во “впрыскивании” через механизм воплощений большого числа обитателей, духовный уровень которых будет соответствовать жизни в условиях космической эры. Происходит процесс смены расы, но признаки новой расы — не биологические, и цвет кожи не имеет здесь никакого значения. Согласно историографии Живой Этики раса, населяющая Землю по меньшей мере последние десять тысяч лет, считается пятой, и сейчас совершается замещение её шестой расой. В начале книги «Озарение» Учитель Мория говорит: «Некогда считалась сотня воинов уже сила, потом тысяча уже была войско. Со временем сто тысяч мир побеждали. Затем поднялись миллионы, но и они не изменили Орбиту Духа. Итак, соберу под знаменем Духа 1 000 000 000 — это будет знак Моего войска» [90, 1.V.1]. Отсутствие у подавляющего большинства нынешних обитателей Земли живого интереса и устремления к космической этике, к воспитанию космического сознания, свидетельствует, что большая часть требуемого духовного миллиарда как противоположности нынешнему так называемому “золотому миллиарду” хорошо обеспеченных потребителей материальных благ, должна прийти из надземных “запасов” достаточно готовых сознаний. Что касается неготовых, то им не грозит уничтожение, но после того как их нынешний земной путь окончится естественным образом, они не будут готовы к напряжённой жизни духа на обновлённой Земле и благом для них станет принятие очередного воплощения на той планете, на которой условия жизни ближе к достигнутому ими уровню. «Уйдут негодные — мудро решается план развития Новой Расы» [89, 12.11.1921]. «В истории человечества явлена великая битва смещения расы... Перед потопом люди и женились, и пировали, и торгашествовали, но Ной уже выбирал лучшие дубы для своего ковчега» [89, 20.11.1921]. «Ничто не остановит Руку Создателя Новой ступени мира» [89, 26.11.1921]. «У Нас не было более сложного времени, как эта смена рас» [89, 29.09.1922].

«Надо уявить против разрушителей силу созидания. Умейте призвать новых на постройку» [89, 3.10.1922]. «Ищите новых — они даны и направлены, но не отриньте их стук» [89, 3.02.1923]. «Потому прекратить

зарождение детей хуже убийства» [89, 19.03.1923]. «Новое знамя требует новых людей» [89, 12.04.1923]. «Чистыми ступенями ведём, и никто не пожалеет, что он приблизился к новой расе. Первое условие расы — Нести дух в жизнь. И осколки, накопленные веками, станут на место. Луч понимания прекрасной жизни сверкнёт просто. Дух новым полётом облетит мир. Хотя и трудное, но ещё не бывалое время. Тучи кругом, но Мой луч с вами» [89, 4.10.1922]. «Да — да — да. Я призвал вас. Я назвал вас своими. И на поясе звенят ключи от дверей доверия. Много людей подошло к этим дверям! И даже пробовали ключ повернуть, но не знали, как дверь отворить. И упущенное не повторяется. Когда подойдёте к затвору, не зовите старых прохожих. Не окликайте вновь оказавших невежество. Вам на каждом перекрёстке приготовлены новые. И каждый камень постройки несёт Мой знак вам» [89, 28.10.1922]. Новыми в Учении Живой Этики считаются не те, кто молод годами, а те, кто готов понимать и применять Учение в повседневной жизни. «Часто Говорим вам о новых и молодых. Навсегда установим, что возраст не понимается под этими представлениями — новость сознания и молодость устремления. Не имеет значения длина бороды. Не ценно утверждение малолетства. Пламя устремления не зависит от тела... Воздействие на людей не по возрасту, а по психической устремлённости» [86, 3.III.2]. «Сверкайте молодостью духа, пусть будете самыми молодыми и подвижными. Подвига парус самый прочный» [90, 1.V.9]. «О, пора помыслить о Новом Мире. Поучение Моё открывает дверь действия. Умалишённо снуют люди, не знающие будущего. Обречённые толпы стремятся к уничтожению. Чутьё их несёт к пропасти. Посмотрите устремления безумцев. Новые преступления открывают пасть. Явления явные не тревожат мозг полуумных. Пустое время для глупых. Тяжкое для различающих свет» [89, 9.01.1923]. «Считайте дни, когда целыми пройдёте среди пожара. Руку Даю вам, Поведу не вредимо, но ум проявите и Руку не отриньте. После Моих указаний сами поймёте размер пожара. Постыдно не чутя грань Нового Мира. Постыдно влачить концы верёвки повешенного. Новое солнце впустите в окно» [89, 29.01.1923].

Можно ли ожидать, что современные коммунисты, и в особенности КПРФ, как наиболее многочисленная коммунистическая организация в России, воспримут представление о космической ценности коммунизма и новое обоснование эволюционной необходимости коммунистического устройства общества в космической эре? Если этого не произойдёт, то идейный арсенал коммунистов не претерпит существенного обогащения, а роль КПРФ в политической жизни страны останется на уровне роли ЛДПР, которая, не нуждаясь в принципиальной идейной платформе, обеспечивает себе протестный электорат просто за счёт эпатажного поведения своего лидера В.В. Жириновского. Между тем, для людей с коммунистическими убеждениями расширение представлений о коммунизме с позиций косми-

ческого мировоззрения не может не быть привлекательным, особенно если мировоззрение подкрепляется научными аргументами. Но вопрос в том, войдёт ли это мировоззрение в коммунистическое движение бесконфликтно по инициативе и с организационной поддержкой партийного руководства, или же новому мировоззрению придётся пробивать себе дорогу снизу, встречая сопротивление руководителей. По-видимому, оптимальным был бы вариант с нейтральной, выжидательной позицией партийного руководства на протяжении нескольких лет, необходимых для адаптации перед принятием ответственных решений программного характера, которые на сегодняшний день явно не созрели.

Нужно коммунистам, наконец, обратить внимание на то, что в России образовался уже широкий пласт приверженцев Учения Живой Этики. Первоначально в этом общественном движении были сильны настроения отрицательного отношения к коммунистам как реакция на совершившиеся в СССР политические и антирелигиозные репрессии, а также на навязывание философии классического материализма. Но это антипатия конъюнктурная, не имеющая глубоких корней в мировоззрении. Она может быть преодолена и уже преодолевается определёнными указаниями на высокую оценку Учителями Живой Этики социалистического пути России, их недвусмысленно высказанным глубоким уважением к Ленину, а главное — призывом строить Общину Мира на принципах Общины Шамбалы. В отношении к будущему, а не к прошлому, рериховские сообщества и организации, исповедующие Учение Живой Этики, могут стать союзниками коммунистов, осваивающих те же позиции. Но у коммунистов благодаря их историческому опыту, навыкам к партийной организованности и традиционному уважению к научному познанию будет больше возможностей избегать кружковой стихийности и сектантской розни, больше склонности к утверждению научной почвы космического мировоззрения как оплота против всеядности незрелого мистицизма, который услужливо подбрасывается широкой публике в виде поверхностной экстрасенсорности, магии, колдовства, шаманства, контактёрства, ужасиков и триллеров на темы потустороннего существования и даже “детей индиго” как извращённого понимания воплощения новой расы. Этой волне загрязнения и отравления сознания не пытаются противодействовать церковь, но «Учение будущей эпохи будет соединение духа с интеллектом» [90, 2.VIII.11], вполне созвучное с коммунистическим менталитетом.

В любом случае коммунистам необходимо осознать, что в условиях кардинального обновления научных представлений, технических завоеваний и международных отношений, уже нельзя довольствоваться малосущественными реформистскими поправками в мировоззрении и программе партии. Такая осторожность в эпоху дерзаний поведёт к отставанию в понимании насущных запросов времени и отбросит непонимающих на обочину эволюционного пути человечества. Один раз коммунисты уже упустили

тили возможность сознательного сотрудничества с разумом космического уровня, предложенным восемь десятилетий назад, и поплатились за это поражением в мировой психологической войне. Сейчас предоставляется возможность исправить старое упущение, и если нынешние коммунисты не воспользуются этой возможностью, то они войдут в историю как эпигоны тех коммунистов, которые прокладывали путь к социализму, строили его и защищали, а на их место придут другие пассионарии, которые, может быть, выступая под другим именем, послужат всё-таки активно прорыву человечества в космическое будущее. В первичном смысле слова “эпигон” нет ничего обидного, так как в переводе с греческого оно означает “рождённый после”. Но в толковых словарях уже отмечено переосмысленное значение этого слова — последователь какого-нибудь деятеля или направления (в политике, науке, искусстве и т. п.), лишённый творческой оригинальности и повторяющий чужие идеи. Идея может утратить свою плодотворность или призывную мощь, и тогда деятельность её приверженцев становится невостребованной, а сами деятели вырождаются, мельчают, обретая сектантские черты эпилонства. Именно такой ярлык “вечно вчерашних” стараются навесить на коммунистов нынешние хозяева России, а коммунисты невольно помогают им в этом, сосредоточив свою идеологическую борьбу на защите социалистического прошлого и критике настоящего с позиций прошлого. Не о том речь, что это не нужно, а о том, что это направление не должно быть ни единственным, ни главным. Призывную мощь имеют только идеи, обращённые к великому и прекрасному будущему, притом глубоко обоснованному.

Но будем оптимистами. Не следует терять веру в разум и энергию русского народа, в его способность осуществить синтез важнейших достижений своей истории — восприятия духа Учения Христа и утверждения в жизни социальной справедливости хотя бы в атеистической форме. А так как синтез должен и может быть осуществлён только в качестве осознанной целенаправленной деятельности, то должен быть у народа руководящий сознательный и вдохновенный авангард. В нынешней ситуации среди политических партий и интеллектуальных направлений не просматривается на роль такого авангарда более заинтересованный и подходящий претендент, чем сообщество коммунистов, как входящих в КПРФ и другие коммунистические организации, так и оставшихся вне партий после распада КПСС. Может быть для формирования такого авангарда придётся пройти через этап философских и партийных дискуссий, охватывающий несколько лет, но дискуссии всколыхнут идейную жизнь общества, поднимут политическую активность и послужат не раздроблению, а консолидации единомышленников, чему порукой широта и глубина космического естественнонаучного мировоззрения и Космической Живой Этики. «... ибо только знание может помочь вместить комплекс кажущихся противоречий» [86, 3.III.6].

Не следует истолковывать в смысле великорусского шовинизма то обстоятельство, что в этой главе книги речь идёт о русской идее. Как неоднократно подчёркивалось крупными мыслителями, анализировавшими историческую миссию России и её государствообразующей нации, главной чертой русской идеи является всемирность, задача служения всему человечеству. Кроме того, исторические корни русского, украинского и белорусского народов общие — Русь. Лучшим образцом многонационального единства стал Советский Союз, позволивший говорить о новой общности людей — советском народе и советском патриотизме. И то, что русский язык сделался языком межнационального общения в СССР, не ущемляло возможностей иных национальностей пользоваться родным языком и развивать национальную культуру. Историческая активность и ответственность русского народа делают естественным расширенное понимание проблематики русского народа как проблематики России до социалистической революции, в период существования СССР и после его распада. Без какой бы то ни было дискриминации народов в составе прошлой и нынешней России, без противопоставления этим народам, а напротив, в братском единстве с ними мыслится задача воздействия этого исторического единства на ход развития человечества Земли как исполнения миссии русского народа.

С позиций идей, развитых в этой книге, её автор считает нужным выработать более содержательный текст государственного гимна России, чем нынешняя его версия, отмеченная признаками последовательной утраты искренности и формализацией по сравнению с первоисточником — гимном Советского Союза, принятым в военном 1944 году. И чтобы это предложение не осталось бездейственным, предлагается в заключение главы о русской идее в качестве возможного варианта проект Гимна России.

Проект Гимна Российской Федерации

(на музыку А. В. Александрова)

К сплочению и искренней дружбе народов
Веками стремилась Великая Русь.
Закон, справедливость, культура, свобода
Надежно скрепят современный союз.

В трудной истории, взлетах, падениях
Опыт богатый страна обрела.
Мудрость и нравственность, знание, умение
Пусть направляют все наши дела.

В трудах и опасностях духом окрепнув,
Отечество предки спасали не раз.
Так будем достойны их славы бессмертной,
Коль подвига время настало для нас!

И в достижениях, и в поражениях
Светлой надеждой Россия жила.
Честность, ответственность, правде служение
Пусть украшают все наши дела.

Творить, созидать мы хотим, без насилья
Стремясь к воплощению гуманных идей.
Умножить величье и славу России
На благо всемирного братства людей.

Нам бескорыстие и трудолюбие
К миру и счастью помогут идти.
Смелость дерзания, радость познания *)
Пусть озаряют все наши пути.

*) Слова из книги «Община» [92], § 198 (конец параграфа):
«Люди Запада заслонили сознание самыми тяжкими мыслями, но радость познания стала почти неприличной. Радость познания должна стать преимуществом Нового Мира». (В «Общине» 1927 [86] это 3.1.10).

ЛИТЕРАТУРА

1. Сазанов А.Н., Сазанов А.А. Следы сходятся в космосе. На суше и на море. М.: Мысль, 1969, с. 521-538.
2. Лесков Л.В. Космическое будущее человечества. М., 1996. Приложение 3-96(5) к вестнику "Аномалия". М.: ИТАР-ТАСС.
3. Шкловский И.С. О возможной уникальности разумной жизни во Вселенной. Вопросы философии, 1976, № 9, с. 80 – 93.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 21).
5. Книга Еноха. Историко-критическое исследование, русский перевод и объяснение апокрифической книги Еноха. Сочинение священника Александра Смирнова. Казань, Типография Императорского университета, 1888.
6. Тендряков В.Ф. Покушение на миражи. М. Художественная литература, 1987.
7. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере. Успехи биологии. М., 1944. Цитировано по книге «Русский космизм». М.: Педагогика-пресс, 1993, с. 304-311.
8. Шарден П.Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
9. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: 1994, с. 36.
10. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 42, с. 266).
11. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 13, с. 7).
12. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 1, с. 422).
13. Лукреций Кар. О природе вещей. Книга 1.
14. Эйнштейн А. К электродинамике движущихся тел. Собрание научных трудов, т. I. М.: Наука, 1965, с. 10.
15. Антология мировой философии, т.1, части 1, 2. М.: Мысль, 1969.
16. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989.
17. Борн М. Эйнштейновская теория относительности. М.: Мир, 1964.
18. Галилей Г. Избранные труды в 2 томах, т. 2. М.: Наука, 1964.
19. Путилов К.А. Курс физики, т. I. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1954.
20. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира птолемеевой и коперниковой. М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1948.
21. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Собрание научных трудов, т. IV. М.: Наука, 1967.
22. Галилей Г. Пробирных дел мастер. М.: Наука, 1987.
23. Лаплас П.С. Опыт философии теории вероятностей. М.: 1908, с. 9.

24. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., изд. 5, том 18.
25. Короленко В.Г. Собр. соч. в 10 томах, том 2, с. 373-388. М.: гос. изд-во Художественной литературы, 1954.
26. Глинка Н.Л. Общая химия. М.–Л.: Госхимиздат, 1954, с. 110.
27. Энгельс Ф. Диалектика природы. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 20).
28. Шоке Г. Геометрия. М.: Мир, 1970.
29. Штекли А.Э. Галилей. («Жизнь замечательных людей», серия биографий). М.: Молодая гвардия, 1972.
30. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба. М.: Чоро, т. 1, 1994.
31. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 22, с. 311).
32. Герцен А.И. Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1948, т. 1, с. 292.
33. Гольбах П.А. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М.: 1940, с. 12, 18.
34. Воронцов-Вельяминов Б.А. Лаплас. М.: Наука, 1985.
35. Лаплас П.С. Изложение системы мира. Л.: Наука, 1982.
36. Boltzmann L. Populäre Schriften. Leipzig, 1905, s. 435.
37. Томилин А.Н. Занимательно о космологии. М.: Молодая гвардия, 1971.
38. Кудрявцев П.С., Конфедератов И.Я. История физики и техники. М.: Просвещение, 1965, с. 403.
39. Кудрявцев П.С. Курс истории физики. М.: Просвещение, 1974.
40. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Теория поля. М.: Физматгиз, 1962.
41. Сазанов А.А. Четырёхмерный мир Минковского. М.: Наука, 1988.
42. Sazánov A.A. El universo tetradimensional de Minkowski. М.:Mir, 1990.
43. Минковский Г. Пространство и время. Принцип относительности. Сборник работ по специальной теории относительности. М.: Атомиздат, 1973.
44. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М.: Наука, 1989.
45. Сойер У.У. Прелюдия к математике. М.: Просвещение, 1972, с. 8, 54.
46. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 20).
47. Барсуков А.Н. Алгебра, ч. 1. М.: Учпедгиз, 1958, с. 50.
48. Вигнер Ю.П. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // УФН (Успехи физических наук). – 1968. – Т. 94, вып. 3.
49. Курош А.Г. Курс высшей алгебры. М.: Наука, 1968.
50. Сазанов А.А. Четырёхмерная модель мира по Минковскому. М.: Издательство ЛКИ/URSS,, 2008.
51. Ландсберг Г.С. Оптика. М.: Наука, 1976.
52. Ходаковский Н.И. Спираль времени. М.: А и Ф – Принт, 2001, с. 288.
53. Грин Б.Р. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2008.

54. Эйнштейн А. О принципе относительности и его следствиях. Собрание научных трудов, т. I. М.: Наука, 1965, с. 74.
55. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Собрание научных трудов, т. 4. М.: Наука, 1967, с. 477.
56. Яворский Б.М., Пинский А.А. Основы Физики. Т. I. М.: Наука, 1981.
57. Фейнман Р.Ф. Фейнмановские лекции по физике. Выпуск I. М.: Мир, 1965, с. 209-210; 6-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.
58. Эйнштейн А. Зависит ли инерция тела от содержащейся в нём энергии? Собрание научных трудов, т. I. М.: Наука, 1965, с. 36-38.
59. Храмов Ю.А. Физики, биографический справочник. М.: Наука, 1983.
60. Долгов А.Д., Зельдович Я.Б., Сажин М.В. Космология ранней Вселенной. М.: МГУ, 1988, с. 8.
61. Космология: теории и наблюдения. М.: Мир, 1978.
62. Зельдович Я.Б., Новиков И.Д. Строение и эволюция Вселенной. М.: Наука, 1975.
63. Новиков И.Д. Как взорвалась Вселенная. М.: Наука, 1988.
64. Гиндилис Л.М. Антропный принцип. // Глобальный эволюционизм. М.: Институт философии РАН, 1994, с. 65-93.
65. Гришук Л.П., Зельдович Я.Б. Обзорная статья «Космология» в Маленькой энциклопедии «Физика Космоса». М.: Советская энциклопедия, 1986.
66. Логунов А.А., Мествиришвили М.А. Релятивистская теория гравитации. М.: Наука, 1989.
67. Шкловский И.С. Проблема внеземных цивилизаций и её философские аспекты. – Вопросы философии, 1973, № 2, с. 76 – 93.
68. Ландау Л.Д., Лифшиц Е.М. Квантовая механика. М.: Наука, 1989.
69. Кардашёв Н.С. Астрономический журнал, 1964, т. 41, с. 282.
70. Маркс Г. Проблема одновременности // Проблема поиска жизни во Вселенной. М., 1986.
71. Арманд А.Д. Эксперимент «Гея». Проблема живой Земли. М.: Сиринь садхана, 2001.
72. Иванова И.К. Геологический возраст ископаемого человека. М.: 1965.
73. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? Собр. соч. в 20 томах, том 16, с. 163, 225. М.: Художественная литература, 1964 г. (Главы I, XV).
74. Рич В., Черненко М. Следы ведут... в космос? // Литературная газета. 1960. 9 февраля.
75. Агрест М.М. Космонавты древности. На суше и на море. М.: Географиз, 1961.
76. Агрест М.М. Воспоминания. (Из книги «И. Шкловский. Разум, жизнь, Вселенная», М.: ТОО Янус, 1996, с 71).
77. Горький А.М. Несвоевременные мысли. М.: Современник, 1991.
78. Богданов А.А. Красная звезда. М.: Правда, 1990.
79. Канонические евангелия (перевод с греческого В.Н. Кузнецовой под редакцией С.В. Лёзова и С.В. Тищенко). М.: Наука, 1993.

80. Журнал «Октябрь», №1 1989, с. 136.
81. Желиховская В.П. Рада-Бай (правда о Блаватской). Новосибирск: Сов. воин, 1993.
82. Письма Махатм. Самара, 1993.
83. Чаша Востока (Избранные письма Махатм). Рига – Москва, 1992.
84. Беликов П.Ф. Рерих (Опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994.
85. Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к родине. Журн. «Международная жизнь», 1965 г., № 1, с. 96 – 107.
86. Община. Угра, 1927. – М.: МЦР (Международный Центр Рерихов), 2004.
87. В.И. Ленин. Соч. изд. 5, том 36, с. 78-79 («Главная задача наших дней», «Правда», № 35, 25 февраля (12 марта) 1918 г.).
88. Агни Йога. М.: МЦР (Международный Центр Рерихов), 2008.
89. Зов (первый том книги «Листы сада Мори»), 1924.
90. Озарение (второй том книги «Листы сада Мори»), 1925.
91. Грани Агни Йоги. Новосибирск: АЛГИМ, тома I – XIII, 1993 – 1998 гг.
92. Община. – Рига, 1936.
93. Криптограммы Востока. М.: МЦР, 1992.
94. Мир Огненный, I часть. 1933.
95. Иерархия. 1931.
96. Сидоров В.М. Индийские сюжеты. М.: Советский писатель, 1985;
97. Сидоров В.М. Свиток. М.: Художественная литература, 1999.
98. Братство, 1937 год.
99. Сидоров В.М. Приказ Учителя. М.: Художественная литература, 2001.
100. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи. Соч., изд. 5, том 41, с. 305.
101. Никитин В.С. Заговор против человечества. Псков, 2002, с. 96-99.
102. Соловьёв В.С. Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Правда, 1989.
103. Герцен А.И. Былое и думы. Тома I–III. М.: Правда, 1983.
104. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 томах, том 14. – С. Петербург: Наука, 1995, «Дневник писателя».
105. Белинский В.Г. Современные заметки. М.: Советская Россия, 1983.
106. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., Наука, 1990.
Репринтное воспроизведение издания YMCA – PRESS, Париж, 1955.
107. Бердяев Н.А. Русская идея. // О России и русской философской культуре. М., Наука, 1990.
108. Трифонов Ю.Н. Нетерпение. М.: Политиздат, 1988, с. 509.
109. Сидоров В.М. Путник. М.: Художественная литература, 1999.
110. Макаренко А.С. Педагогическая поэма (часть 3, конец §10). М.: Художественная литература, 1975, с. 449-450.
111. Маркс К. Критика Готской программы, ч. I. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 19, с. 20).
112. Ленин В.И. Великий почин. Соч., изд. 5, том 39, с. 21.
113. Гроссман В. Жизнь и судьба.

114. Газета «Правда», 6 января 2000 г., № 1 (28113), с. 3, статья «И земля не сорвётся с орбиты...».
115. Газета «Правда», 21-24 ноября 2008 г., № 128 (29326), с. 5, статья «Правда о репрессиях».
116. Добровольский Е.Н. Чужая боль. Повесть о Вере Засулич. М.: Политиздат, 1978.
117. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Прометей, 1991.
118. Фридендер Г.М. Вступительная статья к сборнику публицистики «Ф. Достоевский. Искания и размышления». М.: Советская Россия, 1983.
119. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., Правда, 1989.
120. Русский космизм: Антология философской мысли / составление С.Г. Семёновой, А.Г. Гачевой. – М.: Педагог.-Пресс, 1993.
121. Братство, 2 часть, Надземное, 1937 г.
122. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.: Госполитиздат, 1952.
123. Дрбкина Е.Я. Невозможного нет. Журн. «Новый мир», 1961, № 12, с. 6–10. Газета «Известия», № 301, 22 декабря 1961 г.
124. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., изд. 2, т. 2).
125. Ленин В.И. Фридрих Энгельс. Соч., изд. 5, том 2. М., 1958.
126. Саша Чёрный. Избранное (Бессмертие). СПб.: ТОО «Диамант», 1997.
127. Островский Н.А. Как закалялась сталь. Часть 2, начало главы 3.
128. Виноградов А.К. Три цвета времени. М.: Художественная литература, гл. 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ КНИГИ 1

Предисловие	5
Введение: Какое дело земным людям до неба?	8
Глава 1. Нашей планете срочно нужна ноосфера	14
§ 1. Порождение биосферы стало угрозой для неё.	14
§ 2. Ноосферные врата в космическое будущее	24
Глава 2. Классическая картина мира	34
§ 3. Учение древних атомистов.	35
§ 4. Основные черты классического научного мировоззрения	39
§ 5. Царский путь в геометрию — алгебраические основания геометрии наблюдаемого пространства	63
§ 6. Апофеоз классического научного мировоззрения	83
Глава 3. Четырёхмерная модель мира по Минковскому	95
§ 7. Свойства света не вписываются в классическую картину мира ...	95
§ 8. Пусть не входит не знающий геометрии	98
§ 9. Повесть о числах, которые “в действительности не существуют”	103
§ 10. Комплексная плоскость	116
§ 11. Сравнение длин и отношение ортогональности векторов на псевдоевклидовой плоскости.	120
§ 12. Тригонометрия на псевдоевклидовой плоскости	128
§ 13. Преобразования координат векторов на псевдоевклидовой плоскости при переходах между псевдоортономированными базисами	137
§ 14. Геометрический смысл преобразований Лоренца	140
§ 15. Мировые линии.	144
§ 16. Самое яркое доказательство реальности мировых линий ...	152
§ 17. Явление материальной точки.	156
§ 18. Релятивистский эффект сокращения длины движущегося стержня.	163
§ 19. Релятивистский эффект уменьшения длительности промежутков времени.	166
§ 20. Ускорение материальной точки как проявление кривизны мировой линии	171
§ 21. Обобщение основного закона динамики	180

§ 22. Динамические характеристики фотона.	192
§ 23. Основные черты четырёхмерного пространства Минковского.	195
§ 24. Постулат абсолютного мира.	206
Глава 4. Вечна ли Вселенная?.....	211
§ 25. Классическое представление о Вселенной.	211
§ 26. Обнаружение расширения Вселенной и следствий из него ...	218
§ 27. Абсолютное время Вселенной в модели мира Минковского ..	227
§ 28. Край Вселенной и горизонт видимости во Вселенной.	239
§ 29. Аналог формулы Хаббла.	257
§ 30. Гипотеза об Антивселенной.	267
Литература.	274

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга продолжает серию «Relata Refero» (дословный перевод — рассказываю рассказанное).

Под этим грифом издательство предоставляет трибуну авторам, чтобы высказать публично новые идеи в науке, обосновать новую точку зрения, донести до общества новую интерпретацию известных экспериментальных данных, etc.

В споре разных точек зрения только решение Великого судьи — Времени — может стать решающим и окончательным. Сам же процесс поиска Истины хорошо характеризуется известным высказыванием Аристотеля, вынесенным на обложку настоящей серии: авторитет учителя не должен довлеть над учеником и препятствовать поиску новых путей.

Мы надеемся, что публикуемые в этой серии тексты внесут, несмотря на свое отклонение от установившихся канонов, свой вклад в познание Истины.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Relata Refero»

- Моисеев Б. М. Теория относительности и физическая природа света.
- Калинин Л. А. Кардинальные ошибки Эйнштейна.
- Брусин Л. Д., Брусин С. Д. Иллюзия Эйнштейна и реальность Ньютона.
- Барыкин В. Н. Электродинамика Максвелла без относительности Эйнштейна.
- Барыкин В. Н. Лекции по электродинамике и ТО без ограничения скорости.
- Якимова Н. Н. Фрактальная Вселенная и золотое отношение.
- Сосунов Г. Н. Основы корпускулярно-волновой квантовой механики.
- Седаков А. А. Новые свойства Вселенной и воды.
- Бабанин А. Ф. Введение в общую теорию мироздания. Кн. 1, 2.
- Исаев С. М. Начала теории физики эфира и ее следствия.
- Николаев О. С. К-захват и предельная прочность атомов.
- Николаев О. С. Прочность металлов: Новые методы определения.
- Николаев О. С. Критическое состояние металлов.
- Николаев О. С. Железо и атом железа. Сжимаемость. Справочник физ. параметров.
- Николаев О. С. Водород и атом водорода. Справочник физических параметров.
- Николаев О. С. Механические свойства жидких металлов.
- Калугин В. А. Тайна Великой теоремы.
- Калугин В. А. Решение Великой теоремы Ферма для нечетных степеней.
- Орлов П. М. Великая теорема Ферма: Арифметическое решение.
- Блинов В. Ф. Великая теорема Ферма: Исследование проблемы.
- Блинов В. Ф. Физика материи.
- Блинов В. Ф. Растущая Земля: из планет в звезды.
- Бураго С. Г. Эфиродинамика — ключ к тайнам Вселенной.
- Бураго С. Г. Роль эфиродинамики в познании мира.
- Бураго С. Г. Кружоворот эфира во Вселенной.
- Бирюков С. М. Эфир как структура мироздания.
- Заказчиков А. И. Загадка эфирного ветра: фундаментальные вопросы физики.
- Попов П. А. Разгадка эфирного опыта А. Майкельсона.
- Сайбер А. Н. Основные постулаты (принципы) или начала энергетической теории.
- Паршаков Е. А. Происхождение и развитие Солнечной системы.
- Агафонов К. П. Единство физической картины мира (неоклассическая концепция).
- Сметана А. И., Сметана С. А. Новый взгляд на природу сил взаимодействия.
- Кириллов А. И. Квант-силовой атомизм или Мир как Он есть.
- Пименов Р. И. Основы теории темпорального универсума.
- Штена В. И. Единая теория Поля и Вещества с точки зрения Логики.
- Миркин В. И. Краткий курс идеалистической физики.
- Пилат Б. В. Излучение и поле.
- Аверкин А. Н. Physica & Metaphysica.
- Шеенсон И. С. Единство диалектической и формальной логики.
- Макаров В. И. Философия самоорганизации.
- Ильин В. Н. Термодинамика и социология.
- Ильин В. Н. Негуманитарная социология. Новый взгляд на обществоведение.
- Немировский В. Г., Невирко Д. Д. Социология человека.

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Relata Refero»

- Опарин Е. Г.* Физические основы бестопливной энергетики.
Заев Г. Я. Физика без механики Ньютона.
Андронов Г. Ф. Сложность элементарных частиц.
Бойко С. В. Основы механизма физических процессов.
Плохотников К. Э. и др. Основы психорезонансной электронной технологии.
Федулаев Л. Е. Физическая форма гравитации: Дialeктика природы.
Федулаев Л. Е. Философия гравитации. Глазами Гегеля на проблемы современной физики.
Биллик А. С. Атомная физика, изложенная на языке физики свойств.
Еремин М. А. Уравнения высших степеней.
Еремин М. А. Определитель Еремнина в линейной и нелинейной алгебре.
Низовцев В. В. Время и место физики XX века.
Стельмахович Е. М. Пространственная (топологическая) структура материи.
Аюковский В. А. Физические основы электромагнетизма и электромагнитных явлений.
Долгушин М. Д. Эвристические методы квантовой химии или о смысле научных занятий.
Терлецкий Н. А. О пользе и вреде излучения для жизни.
Харченко К. П., Сухарев В. Н. «Электромагнитная волна», лучистая энергия — поток реальных фотонов.
Бернштейн В. М. Перспективы «возрождения» и развития электродинамики и теории гравитации Вебера.
Шевелев А. К. Структура ядра.
Михайлов В. Н. Закон всемирного тяготения.
Михеев С. В. Темная энергия и темная материя — проявление нулевых колебаний электромагнитного поля.
Галавкин В. В. Дорогой Декарта, или физика глазами системотехника.
Галавкин В. В. Аристотель против Ньютона, или экономика глазами системотехника.
Федосин С. Г. Современные проблемы физики. В поисках новых принципов.
Федосин С. Г. Основы синкретики. Философия носителей.
Демин А. И. Парадигма дуализма: пространство — время, информация — энергия.
Иванов М. Г. Безопорные двигатели космических аппаратов.
Иванов М. Г. Антигравитационные двигатели «летающих тарелок». Теория гравитации.
Хохлов Ю. Н. О нас и нашем мире.
Васильев В. И. Повторяется ли история?

Тел./факс:

(499) 135-42-46,
 (499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
 «Гнозис» (м. Университет, 1 гм. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)
 «У Невтавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)
 «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Наше издательство специализируется на выпуске научной и учебной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

URSS

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Серия «Relata Refero»

- Сазанов А. А.* Преодоление классического мировоззрения: Физика.
Янчилин В. Л. Неопределенность, гравитация, космос.
Янчилин В. Л. Квантовая теория гравитации.
Колесников А. А. Гравитация и самоорганизация.
Бухалов И. П. Физика инерции и гравитации.
Петров Ю. И. Парадоксы фундаментальных представлений физики.
Петров Ю. И. Некоторые фундаментальные представления физики: критика и анализ.
Матосов М. В. Теория относительности Эйнштейна: Реальная и виртуальная физика.
Артеха С. Н. Критика основ теории относительности.
Попов Н. А. Сущность времени и относительности.
Шульман М. Х. Теория шаровой расширяющейся Вселенной.
Шульман М. Х. Вариации на темы квантовой теории.
Левин М. А. От эфира к миру Минковского: К новой методологии СТО.
Левин М. А. Специальная теория относительности. Эфирный подход.
Шадрин А. А. Структура Мироздания Вселенной.
Лесков Л. В. Неизвестная Вселенная.
Цимерманис Л.-Х. Вселенная во Вселенной.
Кирьянов В. И. Описание фазовых состояний Вселенной через фундамент. постоянные.
Зукакишвили Л. М. Физика сплошной среды: Единая теория поля.
Лютко М. Г. Физика материи островной Метагалактики.
Филин В. А. Квантовая теория общественного развития.
Кубышкин Е. И. Нелинейная алгебра пространства-времени.
Абакумов В. А. Пространство-время жизни.
Халезов Ю. В. Планеты и эволюция звезд.
Костицын В. И. Теория многомерных пространств.
Арманд А. Д. Два в одном: Закон дополнительности.
Лучин А. А. О ключевых вопросах физики в электронике (с философским подтекстом).
Соломонов М. С. Новая модель небесной механики.
Чижов Е. Б. Введение в философию математических пространств.
Чижов Е. Б. Геометризация физических величин.
Смольяков Э. Р. Теоретическое обоснование межзвездных полетов.
Томсон Дж., Планк М. и др. Эфир и материя.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в интернет-магазине: <http://URSS.ru>

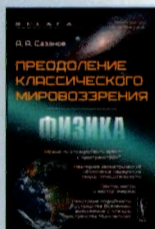
Научная и учебная
литература

Об авторе Анатолий Анатольевич САЗАНОВ

Родился 3 августа 1936 г. в городе Богучар Воронежской области. Сильнейшее воспитательное влияние на него оказал отец, Анатолий Николаевич Сазанов, который, вернувшись с Великой Отечественной войны, увлек сына любовью к астрономии и развивал в нем интерес к устройству мироздания. В школьные годы А. А. Сазанов занимался в астрономических кружках Московского планетария, которые вел Феликс Юрьевич Зигель. После окончания Московского авиационного института с 1959 по 1979 гг. работал в Институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн (ИЗМИРАН), где в лаборатории солнечной активности, руководимой известным астрофизиком Геннадием Михайловичем Никольским, защитил кандидатскую диссертацию по внезатемным наблюдениям солнечной короны. С 1979 г. по настоящее время работает в Московской академии тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова (МИТХТ) на кафедре высшей и прикладной математики в должности доцента. Последние три десятилетия занимается разработкой проблем модели мира Минковского. Книга А. А. Сазанова «Четырехмерный мир Минковского» вышла в 1988 г. в издательстве «Наука» и в 1990 г. в дополненном виде в издательстве «Мир» (на испанском языке). В 2008 г. в издательстве URSS вышла книга под названием «Четырехмерная модель мира по Минковскому».

Представляем другие книги нашего издательства:

А. А. Сазанов

**Преодоление
классического
мировоззрения:
ФИЗИКА**

А. А. Сазанов

**Четырехмерная
модель мира
по Минковскому**

интернет-магазин
OZON.RU

42908552

7458 ID 101983

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

URSS

URSS@URSS.ru

Каталог изданий
в Интернете:

<http://URSS.ru>

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>